

Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Восточно-Сибирский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

МАТЕРИАЛЫ
II ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА
(Часть 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

(4-5 июня 2026 г.)

Иркутск
2026

УДК 343.9
ББК 67.5

Издается по решению редакционно-издательского совета
Восточно-Сибирского института МВД России

Редакционная коллегия:

Председатель – полковник полиции **Шеков Анатолий Александрович**, начальник кафедры судебно-экспертной деятельности;

Заместитель председателя – полковник полиции **Милюс Александр Иозосович**, заместитель начальника кафедры криминалистики.

Члены редакционной коллегии:

полковник полиции **Белых Алексей Владимирович**, помощник начальника института по международному сотрудничеству;

полковник полиции **Рыбников Василий Владимирович**, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности;

полковник полиции **Щербаков Иван Сергеевич**, заместитель начальника кафедры судебно-экспертной деятельности;

подполковник полиции **Лузгин Антон Николаевич**, старший преподаватель кафедры криминалистики;

старший лейтенант полиции **Фидель Екатерина Сергеевна**, старший редактор редакционно-издательской группы;

Капранова Светлана Васильевна, редактор редакционно-издательской группы.

Ответственный секретарь – полковник полиции **Яковлева Любовь Александровна**, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности

II Восточно-Сибирский международный юридический форум (часть 2): материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы». – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026. – 254 с.

В настоящий сборник включены тезисы докладов участников международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы», проходившей в рамках II Восточно-Сибирского юридического форума.

В тезисах сохранено авторское изложение и выполнено лишь необходимое техническое редактирование, в связи с чем редакционная коллегия не несет ответственности за возможные неточности.

УДК 343.9
ББК 67.5

© Восточно-Сибирский институт МВД России, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

СЕКЦИЯ VI.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Арасланова М. А. ПАМЯТКА ОБВИНЯЕМОМУ – СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА С УЧАСТНИКАМИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	7
Бойко И. Н. ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ, ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕМОНТА ОБЪЕКТОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ	12
Валькирия Н.И. ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В БУДУЩЕМ.....	14
Васильев В. А., Пальчикова И. Г., Латышов И. В., Смирнов Е. С. КОМПЬЮТЕРНОЕ ЗРЕНИЕ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКИ.....	16
Дронова О.Б. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В КАЧЕСТВЕ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА	21
Герих А. В. ОСОБЕННОСТИ СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ.135 УК РФ (РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ)	24
Грибунов О. П. НЕЙРОСЕТЕВАЯ ИМИТАЦИЯ ГОЛОСА И ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ДИПФЕЙКИ): ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	28
Залескина А.Н. ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ.....	30
Земляков А. В. ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ЗАВЕДОМОЙ ЛОЖНОСТИ СВЕДЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 207.3 УК РФ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	33
Карпушина Н.С. ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ	38
Кряжев В.С. ВЕРСИОННЫЕ ДОПУЩЕНИЯ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	40
Лавелина В. В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СЛЕДОВЕДЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ	44
Лузгин А.Н. К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНЫХ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ И ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	49

Манжаро В. В. ПРАВОВОЙ СТАТУС ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ.....	54
Мезяк В. Ю. АНОМАЛИИ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ИНДИКАТОРЫ СКРЫТЫХ ПРЕСТУПНЫХ СХЕМ	58
Миллюс А. И. ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ОСОБЕННОСТИ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УСПЕШНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ	61
Назырова Н. А. ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	65
Пикта В. И. ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДОНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ.....	69
Расторопова А.С. ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ	74
Самойлов А.Ю. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОПРОСА В ДЕЛАХ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ.....	78
Ситников М. И., Ветрова П. А., Тишков С. А. О ВОЗМОЖНОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ	81
Спицина Л.А. ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ	84
Старичков М.В. РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА, СОВЕРШАЕМАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ.....	89
Сычева А. В. О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	92
Трубкина О. В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА-МИГРАНТА	94
Унжакова С.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ	100
Усачев С.И. ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ СЕТИ MESH CORE: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	104
Усачева Е.А. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	108
Шаевич А. А. СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОСТИ И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ.....	113
Шаевич А.А., Унжакова С.В. КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЛЖИ: ПЕРЕХОД ОТ ПОЛИГРАФНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К КОНТЕКСТУАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ МАРКЕРОВ	117

Шалягин Д.А. ОТ ОТПЕЧАТКА ПАЛЬЦА ДО ЦИФРОВОГО СЛЕДА: ЭВОЛЮЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О СЛЕДАХ.....	120
Щербаков И. О. МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ АЭРОФОТОСЪЕМКИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ ПРИ ФИКСАЦИИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ, С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ВОЗДУШНОГО СУДНА	124

СЕКЦИЯ VII.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Большаков М.В., Решетов Ю.С. К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	126
Бровко А.А. КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ И ЗАДАЧИ В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	128
Васильченко А.В. ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ОБВИНЯЕМЫХ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	132
Владимиров В. Ю. КОМПЕТЕНЦИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ?	135
Горчаков А.О., Соломенцев Б.И., Камелягин А.О., Кобченко Р.А. ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСКОНТАКТНЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ	139
Диденко О.А., Моногарова И.А. АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ЧАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА, ВИЗУАЛЬНО НАПОМИНАЮЩЕГО РУКОПИСНЫЙ	148
Евстропов Д.А., Кондаков А.В. СОВМЕЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ 3D СКАНИРОВАНИЯ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ В ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	153
Загорьян С.Г. РОЛЬ ЭКСПЕРТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	155
Казьмин В. В. ДОЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТЕЛЬНЫХ ВИДОВ	158
Китаев Е.В. ОТОБРАЖЕНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОЛЮЩЕ-РЕЖУЩЕГО ОРУЖИЯ В ПОВРЕЖДЕНИЯХ НА ОДЕЖДЕ	163
Копылова К. С., Задоров А. Г. ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ФОРМ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ ПО АДДИТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ	166
Котиев А.-М. М., Решняк О. А. ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.....	170
Крисанова В. Ю., Довбня А. В. ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЖАРОВ НА ПАССАЖИРСКОМ И ГРУЗОВОМ АВИАТРАНСПОРТЕ.....	173

Кряжев В.С. ВЕРСИОННЫЕ ДОПУЩЕНИЯ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	179
Курин Г. И. ОСОБЕННОСТИ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	182
Маркова В.В., Трубкина О. В. АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ ВЫБОРЕ МЕТОДИКИ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	186
Молодых М.Е., Хорхордин Г.Е. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКИРОВОЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЕЙ «УРАЛ»	189
Несмеянов А. А., Седов Д. В. ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПОПУТНОМ СТОЛКНОВЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	206
Позняк В. С., Гормаш П. Е. ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ.....	210
Прудникова А.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНК ЖИВОТНЫХ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ	214
Савин Г. Ю., Решняк О. А. ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ	218
Сезонова Т.В. ВОЗМОЖНОСТИ БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ.....	221
Соколова С.В., Шевчук Е.П. РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЛАХ О ВЫЯВЛЕНИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ	224
Шеков А. А., Вавилов А. М. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ РАСЧЕТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЖАРОВ.....	227
Шогенов А.А. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	229
Яковлева Л. А. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА МЫСЛЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ.....	235
Молодых М.Е., Хорхордин Г.Е., Иванова Ю.Ю. ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКИРОВОЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ООО «УАЗ».....	237
СПИСОК АВТОРОВ	249

СЕКЦИЯ VI.
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И МЕТОДОВ
В РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

УДК 343.98

М. А. Арасланова

ПАМЯТКА ОБВИНЯЕМОМУ – СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ
СОТРУДНИЧЕСТВА С УЧАСТНИКАМИ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

Аннотация. В работе рассматриваются актуальные проблемы реализации положений главы 40.1 УПК РФ в условиях цифровой трансформации наркопреступности. Автор обосновывает необходимость внедрения в следственную практику специализированной Памятки для подозреваемых (обвиняемых) как эффективного тактико-криминалистического средства. В статье приводится общая характеристика Памятки и ситуации, в которых ее использование способствовало бы эффективному сотрудничеству со следствием.

Ключевые слова: организованная преступная деятельность, наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, досудебное соглашение о сотрудничестве, цифровые следы, памятка обвиняемому.

М. А. Araslanova

A GUIDE FOR THE ACCUSED IS A MEANS OF OPTIMIZING COOPERATION
WITH PARTICIPANTS IN THE ILLICIT TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS

Abstract. The paper discusses the current problems of implementing the provisions of Chapter 40.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in the context of the digital transformation of drug crime. The author substantiates the need to introduce a specialized Handbook for suspects (obligees) into investigative practice as an effective tactical and forensic tool. The article provides a general description of the Handbook and the situations in which its use would facilitate effective cooperation with the investigation.

Keywords: organized criminal activity, drug crime, drug trafficking, pre-trial cooperation agreement, digital traces, and a memo for the accused.

Современная преступная деятельность, связанная с незаконным оборотом наркотических средств, характеризуется жесткой иерархичностью и высокой степенью конспирации. Наркосети имеют в своем составе подразделения, обеспечивающие безопасность участников на техническом уровне, поэтому характеризуются высокой степенью анонимности. Участники ОПГ (ОПС) зачастую не знакомы лично, идентифицируя друг друга только по никнеймам в защищенных мессенджерах.

В таких условиях следователю важно получить от задержанного не только показания, но и пароли к устройствам сотовой связи, ключи к криптокошелькам, доступ к аккаунтам в мессенджерах. Анализ следственной практики показывает, что при разьяснении прав подозреваемому (обвиняемому) следователи зачастую ограничиваются лишь вручением протокола задержания, допроса для подписания, не убеждаясь в истинном уяснении смысла норм. В условиях стресса, особенно после задержания, фигуранты не способны адекватно оценить преимущества главы 40.1

УПК РФ¹. Хотя именно в четком уяснении обвиняемым компромиссных преимуществ заключаются прямой интерес следователя.

Будучи задержанными, участники «низового звена» (закладчики, курьеры) уверены, что им нечего сообщить следствию, или боятся физической расправы со стороны лидеров ОПГ, ввиду чего часто отказываются от показаний, не говоря о сотрудничестве со следствием. Установлено, что «по делам о НОН 34,1% «досудебщиков», подвергаются реальным угрозам со стороны преступных сообществ» [1, с. 6].

В ходе проведенного анкетирования² следователям предлагалось оценить факторы, влияющие на отказ подозреваемого (обвиняемого) от сотрудничества со стороной обвинения, по степени их важности, где 1 – наименее важный, 7 – наиболее важный. Среди прочих было предложено оценить влияние организатора, других членов организованной преступной группы (преступного сообщества) на позицию подозреваемого (обвиняемого). Ответы распределились следующим образом: 1 – 101 ответ, 2 – 39, 3 – 63, 4 – 80, 5 – 65, 6 – 33, 7 – 110 ответов. То есть наибольшее число респондентов указали на максимальное влияние членов ОПГ (ОПС) на отказ лица сотрудничать. Результаты изучения практики расследования и судебного рассмотрения уголовных дел о групповых и организованных преступлениях с наркотическими средствами демонстрируют, что участникам ОПГ (ОПС), не сотрудничавшим со следствием, назначаются максимальные сроки наказания (15-17 лет и выше), что делает необходимым наглядное разъяснение преимуществ досудебного сотрудничества.

Вышеизложенное приводит к мысли о необходимости совершенствования методической базы для следователя, направленной на упрощение получения новой криминалистически значимой информации. По мнению авторов, таким документом может стать Памятка подозреваемому, обвиняемому об особенностях досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств³.

Памятка представляет собой структурированный документ, включающий следующие положения:

1. Разъяснение положений главы 40.1 УПК РФ – от подачи ходатайства до постановления приговора в особом порядке.

2. Сравнение санкций по ст. 228.1 УК РФ⁴ в общем порядке и при выполнении условий ДСоС. Указание на возможность назначения наказания ниже низшего предела или условного.

3. Разъяснение о том, что даже при отсутствии личного знакомства с организаторами и руководителями ОПГ (ОПС), ценность представляют известные пароли, логины, графические ключи, коды доступа к криптокошелькам, сведения о цифровой инфраструктуре («ботах», «зеркала» сайтов) и местах оптовых тайников.

4. Информация о мерах государственной защиты для сотрудничающего лица и его близких родственников.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

² В ходе исследования в 2024-2025 гг. проведено анкетирование 629 сотрудников следственных подразделений, осуществляющих расследование уголовных дел о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ органов внутренних дел.

³ Далее – Памятка.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

5. Необходимость выдачи электронных носителей в разблокированном состоянии, переведенные в «авиарежим», для фиксации «цифровых следов» до их удаленного уничтожения организаторами.

Тактическое значение использования разработанной Памятки в алгоритме деятельности следователя по делам о НОН заключается в последовательной трансформации позиции подозреваемого из активного противодействия в конструктивное сотрудничество.

Нередко подозреваемые не выходят с инициативой заключения ДСоС из-за стратегических ошибок своих адвокатов, которые либо не разъясняют такую возможность, либо необоснованно считают её бесперспективной. Памятка доступным языком доносит до фигуранта суть положений главы 40.1 УПК РФ и наглядно демонстрирует разницу в сроках и размерах назначенного наказания: от 10 лет в общем порядке до условного срока или наказания «ниже низшего предела» при выполнении условий ДСоС.

Памятка выполняет разъяснительную функцию, указывая, что ценность для следствия представляют не установочные данные лидеров, а 1) имена аккаунтов и никнеймы соучастников, 2) логины, пароли и графические ключи к устройствам и криптокошелькам, 3) сведения о цифровой инфраструктуре ОПГ («ботах», «зеркала» сайтов).

Само наличие у следователя структурированной памятки, детально описывающей специфические роли в наркобизнесе («химика», «варщика», «спортлика» и др.) демонстрирует фигуранту глубокое понимание следствием механизмов работы интернет-магазинов. Допрашиваемый видит бессмысленность молчания и прекращает противодействие.

Поскольку основным сдерживающим фактором является страх физической расправы со стороны ОПГ (ОПС), в Памятке детально разъясняются меры государственной защиты и процессуальные гарантии: обязательное выделения дела в отдельное производство (ч. 4 ст. 154 УПК РФ) и возможность сохранения анонимности (допрос под псевдонимом — ч. 9 ст. 166 УПК РФ). Это минимизирует тактический риск отказа от показаний и стимулирует к изобличению организаторов сети, иных ее участников. Письменная форма Памятки психологически воспринимается задержанным как более весомый и юридически значимый аргумент, чем устные обещания оперативного сотрудника или следователя.

Следует обратить внимание на то, что использование Памятки ни в коем случае не должно подменять процессуальное разъяснение прав, а является именно тактическим приемом, направленным на разъяснение сущности сотрудничества и предоставляемых им возможностей.

Анализ судебной практики позволяет выделить несколько типичных ситуаций, когда отсутствие у подозреваемого четкого понимания механизмов ДСоС привело к отказу в его заключении или отсутствию ожидаемых результатов сотрудничества. Предлагаемая Памятка могла бы снизить влияние негативных факторов в следующих случаях:

1. *Ошибки и бездействие стороны защиты.* Практике известен случай, когда адвокат не разъяснил подзащитному возможность заключения ДСоС, а на прямой вопрос подзащитного о том, можно ли ему заключить ДСОС, ответил, что «перспективы нет». В результате с лицом, реально желавшим помочь следствию, не заключено ДСоС, и назначено наказание 15 лет лишения свободы, в то время как соучастнику, чей защитник своевременно предложил сотрудничество следствию, назначено наказание в

виде 7 лет лишения свободы условно¹.

В данном случае Памятку можно использовать в качестве дополнительного (к протоколу следственного действия) информационного ресурса, который позволил бы фигуранту самостоятельно оценить свои шансы и преимущества, в частности, снижение срока наказания) и принять решение о сотрудничестве.

2. *Ограниченная осведомленность подозреваемого (обвиняемого).* Участники современных ОПГ и ОПС (закладчики, перевозчики и т.д.) часто убеждены, что им «нечего рассказать», так как они не знают лидеров в лицо и общаются только через мессенджеры (Telegram, Signal). Из-за этого они не проявляют инициативы к ДСоС на ранних этапах.

Так, фигуранты Г., К. и Т., выполнявшие роли закладчиков и перевозчиков, в ходе судебного разбирательства активно отрицали свою причастность к преступному сообществу². Они утверждали, что их умыслом не охватывалось участие в организации, так как они не имели непосредственных контактов с другими членами группы и не знали структуру сообщества. Они не проявили инициативу к заключению ДСоС (в отличие от их соучастницы А.), полагая, что отсутствие личного знакомства с «Терезой Мендосой» или «Марселем» позволит им избежать ответственности. Суд признал их доводы несостоятельными, указав, что отсутствие личных контактов и анонимность общения в мессенджерах не только не доказывают невиновность, а, напротив, выступают квалифицирующими признаками преступного сообщества (иерархичность и конспирация). В итоге суд назначил фигурантам Г. и Т. – по 7 лет и 6 месяцев лишения свободы, К. – 9 лет лишения свободы.

В подобных случаях с помощью раздела Памятки «Возможности, предоставляемые соглашением о сотрудничестве» в части предоставления значимой информации можно было разъяснить, что ценность представляют не только персональные данные организаторов, но и их никнеймы («Влад Ремарк», «Виктория Анатольевна»), названия сайтов наркомагазинов («Идеал»), сведения об «операторских кошельках» и «мастер-кладах».

3. *Утрата актуальности из-за длительной проверки информации, сообщенной сотрудничающим лицом.* Если на этапе заявления ходатайства возникают задержки, например, в случае отказа в согласовании постановления следователя и последующей его отмены вышестоящим руководством, по прошествии значительного времени, актуальность информации, которую подозреваемый (обвиняемый) намеревался сообщить, может быть утрачена [2, с. 1-3].

Согласно материалам уголовного дела в отношении Л., подозреваемый выразил желание сотрудничать, обратившись с соответствующим заявлением. Однако, как указал подсудимый Л., «в заключении досудебного соглашения было отказано, поскольку предоставленная им информация была проверена спустя длительное время и установить личность и задержать других участников преступной группы не смогли»³. При этом, допрошенный в качестве свидетеля старший оперуполномоченный ОНК указал, что Л. предоставлял информацию об участниках преступной группы, но данная информация не оказалась полезной, установить личность участников преступной

¹ Из интервью адвоката Краснодарского края С. 13 декабря 2024 года.

² Приговор Заводского районного суда г. Саратова от 6 сентября 2021 года по уголовному делу № 1-1/2021 // Официальный сайт Заводского районного суда г. Саратова. URL: <https://clcl.li/xOGkQ> (дата обращения: 06.05.2026).

³ Уголовное дело № 1-140/2023 по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ; приговор Октябрьского районного суда г. Красноярска от 07.02.2023 // Официальный сайт Октябрьского районного суда г. Красноярска. URL : <https://clcl.li/WfVlk> (дата обращения: 01.05.2026).

группы не удалось¹. В постановленном приговоре оценки данной информации дано не было.

В подобных случаях содержащиеся в Памятке сведения о техническом содействии, ориентировали бы задержанного на необходимость немедленной передачи паролей и разблокированных устройств для фиксации «цифровых следов». Понимание подозреваемым того, что время работает не в его пользу, могло бы ускорить выдачу данных и сделать сотрудничество результативным.

4. *Непонимание или недостаточное ясное понимание обвиняемым сущности и процедуры заключения ДСОС.* Так, подсудимый О. утверждал, что дал признательные показания по одному из совершенных преступлений, так как его «уверили в заключении с ним ДСоС». Фактически соглашение не было оформлено надлежащим образом. Подсудимый заявил о применении в отношении него недозволенных методов расследования². На что, однако, судом внимание обращено не было.

Раздел Памятки «Процедура заключения и исполнения соглашения» четко описывает официальный порядок действий сторон, что способствовало бы правильному и полному пониманию порядка заключения ДСоС.

5. *Субъективное ощущение «ненужности» показаний.* Примером подобной ситуации может послужить пример из практики, когда подсудимый Г. сразу признался в содеянном и стал сотрудничать, рассказав о местах хранения и описав процесс производства наркотического средства. В заключении досудебного соглашения ему было отказано. Считает, что он мог оказать содействие в изобличении иных лиц, но его «не стали слушать»³.

Памятка показывает фигуранту, как можно использовать имеющиеся сведения. Если бы обвиняемый, опираясь на памятку, предложил следствию не просто «общие признания», а конкретные способы легализации доходов через криптобиржи или детали кадровой политики интернет-магазина, интерес следствия к заключению ДСоС был бы значительно выше.

Таким образом, использование Памятки как тактико-криминалистического средства направлено на обеспечение результативности ДСоС по делам о незаконном обороте наркотических средств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мишин, А.В. Частная криминалистическая теория обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства : дис. ...д-ра юрид. наук. – Казань, 2024. – 464 с.

2. Тисен, О.Н. Теоретические и практические проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. – Оренбург, 2018. – 487 с.

¹ Там же.

² Приговор Ленинского районного суда г. Тюмени от 19 мая 2023 по уголовному делу № 1-43/2023 // Официальный сайт Ленинского районного суда г. Тюмени. URL : <https://clcl.li/XBPJL> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Приговор Московского областного суда от 15 марта 2023 года по уголовному делу № 2-65/2023 // Официальный сайт Московского областного суда. URL : <https://clcl.li/QuDFs> (дата обращения: 01.05.2026)

**ЗНАЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ
В РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ,
ПРЕДНАЗНАЧЕННЫХ ДЛЯ СТРОИТЕЛЬСТВА И РЕМОНТА ОБЪЕКТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ**

В статье анализируются основные функции криминалистической характеристики — информационная, служебная и прогностическая. Раскрывается структура данной характеристики применительно к умышленным преступлениям в бюджетной сфере: способ совершения (включая подготовку и сокрытие), механизм, обстановка (место, время, условия), а также свойства личности виновного субъекта и потерпевшего.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; расследование преступлений; хищение бюджетных средств; социальная инфраструктура; механизм преступления.

I. N. Boyko

**THE SIGNIFICANCE OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS
IN THE INVESTIGATION OF THE MISAPPROPRIATION OF BUDGETARY FUNDS
ALLOCATED FOR THE CONSTRUCTION AND REPAIR OF SOCIAL
INFRASTRUCTURE FACILITIES**

The article analyzes the primary functions of the forensic characterization of a crime: informational, operational, and predictive. It outlines the structure of this characterization as it applies to intentional crimes within the budgetary sphere, covering the method of commission (including preparation and concealment), the mechanism, the circumstances (location, time, and conditions), and the personal characteristics of both the perpetrator and the victim.

Keywords: forensic characterization; crime investigation; misappropriation of budget funds; social infrastructure; crime mechanism.

Уголовно-правовые и криминалистические особенности присущи каждому из видов преступлений. Вопросы о том, чтобы целенаправленно объединять в криминалистическую характеристику эти особенности подробно стали рассматриваться в России в начале второй половины XX века в трудах А.Н. Колесниченко и Л.А. Сергеева¹. А. Н. Колесниченко определял криминалистическую характеристику как «комплекс сведений о криминалистически значимых признаках преступлений данного вида, отражающую закономерные связи между ними и служащую построению и проверке следственных версий для решения задач расследования»².

Криминалистическая характеристика преступления направлена на оказание содействия расследованию преступления, что проявляется в ее основных функциях: информационной и служебной. По своей сути криминалистическая характеристика есть совокупность знаний о преступлениях определенного вида, в частности, об объекте, его признаках и свойствах.

Информационная функция сформирована возможностью накопления знаний о преступлении данного вида (например, о хищениях), что может позволить выявить некоторые закономерные связи между отдельными элементами механизма, что эффективно повлияет на формирование рекомендаций и правил по организации процесса расследования.

Служебная функция позволяет следователю формировать следственные версии, определять предмет доказывания, а прогностическая функция дает возможность прогнозировать развитие ситуации по отдельным видам преступлений.

Значение криминалистической характеристики хищений бюджетных средств, предназначенных для строительства объектов социальной инфраструктуры, состоит в формировании методики эффективного расследования данной группы преступлений. Следовательно, опираясь на знание криминалистически значимых признаков преступления,

¹ Архипов М. А. К вопросу о понятии и содержании категории «Криминалистическая характеристика преступлений» // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. С.116.

² Колесниченко А. Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений: Текст лекции / А. Н. Колесниченко; Харьк. юрид. ин-т. - Харьков: Харьк. юрид. ин-т, 1976. С.5.

выдвигает следственные версии и определяет обстоятельства, подлежащие установлению в рамках расследования уголовного дела.

Н. П. Яблоков выделяет несколько уровней криминалистической характеристики: индивидуальную, видовую, характеристику разновидности преступления и групповую.¹ Наиболее типовыми являются видовые и групповые криминалистические характеристики преступлений. Любая криминалистическая характеристика дается через описание элементов ее структуры. Количество таких элементов для разных видов преступлений может отличаться, но чаще всего необходимо анализировать способ, особенности личности преступника и обстановку совершения преступления.

Значимость элементов криминалистической характеристики определяется видом преступления, формой вины и некоторыми иными факторами. Так, например, хищения бюджетных средств, предназначенных для строительства объектов социальной инфраструктуры, являются умышленными преступлениями. В связи с этим, способ его совершения, как правило, имеет полную структуру, что требует рассмотрения присутствующих в нем подготовки к совершению и сокрытие. Кроме того, посткриминальное поведение субъекта преступления так же имеет существенно важное криминалистическое значение, даже, если оно не направлено на сокрытие следов преступной деятельности.

Между отдельными элементами криминалистической характеристики преступления может быть выявлена связь: прямая или опосредованная. Одним из центральных элементов выступает способ совершения преступления, так как именно от отражается в следах на месте происшествия. Также в структуру криминалистической характеристики преступления входят механизм его совершения; обстановка совершения преступления (включает в себя место, время и условия совершения преступления); свойства личности виновного субъекта; свойства личности потерпевшего².

Знание о наличии связей между элементами криминалистической характеристики позволяет более правильно оценивать складывающиеся следственные ситуации и проверять ряд предполагаемых обстоятельств. Так, хищение бюджетных средств сопровождается формированием обязательной отчетности, соответственно, высока вероятность, что к этому может быть причастен не один человек, а группа, например, руководитель предприятия и его бухгалтер, который, используя свои профессиональные знания, помогает скрыть факт хищения денежных средств. Таким образом, чем выше масштабность хищения, тем выше вероятность вовлечение в него нескольких лиц.

Для расследования хищений бюджетных средств необходимо тщательное исследование механизма совершения преступления, что позволяет предположить последовательность совершаемых преступниками действий и разобраться в деталях совершения данного преступления. Анализ механизма совершения преступления помогает выявить наиболее вероятные места нахождения следов преступления. При расследовании хищений бюджетных средств важно установить, где содержится отчетная информация о производимых выплатах, а также различные документы, на основании которых должны были быть освоены бюджетные средства, например, договоры с подрядчиками на строительство объектов социальной инфраструктуры.

Подготовка и совершение преступления, а также сокрытие его следов, происходит в определенной обстановке, знание которой способствует раскрытию преступления. Анализ обстановки совершения преступления позволяет:

1. Выявить условия и факторы, которые предшествовали совершению преступления.
2. Выявить обстоятельства, на формирование которых преступник мог повлиять, повлиял и не мог повлиять. Так, например, сроки и даты распределения бюджетных средств определены и установлены заранее, что дает информацию о том, в пределах какого периода необходимо изымать документацию для проверки деятельности подозреваемого.
3. Определить временные рамки совершения преступления.
4. Понять, кто, когда и каким способом мог использовать сложившуюся ситуацию для совершения хищений бюджетных средств.
5. Определить неспецифичные для данного вида преступлений факторы и оценить их влияние на способ и механизм совершения преступления.

¹ Криминалистика: Учебник / Отв. ред. Н.П. Яблоков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2005. С. 61.

² Ищенко И. П. Криминалистика: Курс лекций / И. П. Ищенко. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. С.40.

ИНТЕГРАЦИЯ НОВЫХ НАУЧНЫХ ОТКРЫТИЙ В КОНТЕКСТЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В БУДУЩЕМ

В статье новым и перспективным научным направлением определено исследование энергоструктуры человека. Рассмотренные в качестве примеров результаты научных исследований по данной тематике свидетельствуют о новых возможностях познания природы человека и в будущем могут быть применимы в криминалистической деятельности в целях решения задач уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: криминалистическое изучение человека, энергетическая структура человека, цифровой след человека, энергетический след человека, расследование преступлений.

N.I. Valkiriya

INTEGRATING NEW SCIENTIFIC FINDINGS IN THE CONTEXT OF FUTURE HUMAN FORENSICS

The article defines the study of the human energy structure as a new and promising scientific direction. The results of scientific research on this topic considered as examples indicate new opportunities for understanding the nature of man and in the future may be applicable in forensic activities in order to solve the problems of criminal proceedings.

Keywords: forensic study of a person, human energy structure, human digital footprint, human energy footprint, crime investigation.

В современных условиях в криминалистике наблюдается общая положительная тенденция в ее развитии, обусловленная, в частности, изучением и внедрением новых научных результатов, достигнутых в иных сферах научного знания, в том числе определением потенциальных направлений их возможного применения для решения криминалистических задач.

В аспекте расширения возможностей изучения человека в криминалистике интерес представляют научные результаты, связанные с новыми аспектами понимания природы человека, которые в ближайшей перспективе могут и, по нашему мнению, должны стать объектом обсуждения среди ученых-криминалистов и сотрудников правоохранительных органов, поскольку их применение будет способствовать развитию криминалистической науки и совершенствованию деятельности правоохранительных органов.

Учитывая последние достижения в науке и технике, полагаем, что в будущем в криминалистике человек будет изучаться не только как телесное существо, индивид в социальной системе, но и как субъект одушевленной деятельности, имеющий определенную энергетическую структуру, о чем свидетельствуют результаты, например, следующих научных исследований.

Так, еще свыше 20 лет назад д.тех.н., профессором К.Г. Коротковым разработан метод газоразрядной визуализации (метод ГРВ), основанный на эффекте Кирлиан («визуальное наблюдение или регистрация на фотоматериале свечения газового разряда, возникающего вблизи поверхности исследуемого объекта при помещении последнего в электрическое поле высокой напряженности» [1]), который успешно применяется в практике различных стран и позволяет достоверно исследовать не только физическое, психоэмоциональное, но и энергетическое состояние человека. То есть, применение данного метода позволяет исследовать биоэнергоструктуру человека, регистрировать ее особенности посредством фиксации на фотографии (кирлианография), обрабатывать с

использованием специальных программ и хранить данную персональную информацию на любых цифровых носителях [2; 3].

Данный метод нашел применение в медицине, экологии, подготовке спортсменов, психологии, биофизике, получив широкое распространение в России, а также за рубежом (Китае, Корее, Японии, США, Индии, Австралии и др.) [4, с. 142]. Многочисленные работы выдающегося ученого получили мировое признание, поскольку появление биоэлектрографии ознаменовало совершенно новый этап в познании природы человека. Это первый в мире прибор, с помощью которого можно осуществить визуализацию распределения энергетических потоков в пространстве, например, наблюдение трансформации энергетического поля под влиянием мысли, эмоции или ментальных упражнений, и др.

Профессор К.Г. Коротков широко известен в мире своими работами по исследованию энергоинформационного состояния, представленного на БЭО-граммах, не только при жизни, но и после смерти человека. «Было экспериментально обнаружено, что между видом и причиной смерти и характером изменения газозарядных характеристик наблюдается однозначная корреляция» [1, с. 186], «основная черта данных изображений – это их поведение во времени в зависимости от типа смерти: естественная, случайная или мучительная» [3, с. 274].

Результаты данных исследований нашли свое подтверждение и по итогу проведенных экспериментальных опытов другими учеными, например в муниципальном патологоанатомическом отделении и в бюро судебно-медицинской экспертизы Новокузнецка, заметим, с применением иных методов работы при исследовании посмертных процессов активности человеческого тела. Так, О. Кузнецова и Ю. Кузнецов отметили: «Уже после проведенных нами опытов мы узнали о результатах исследований проф. К.Г. Короткова, который изучал газозарядное свечение (кирлиановские фотографии) умерших людей. <...> Примечательно признание автора (К.Г. Короткова – *выделено нами*), что полученные данные не совпали с ожиданиями экспериментаторов, а даже существенно их превзошли. О себе мы можем сказать теми же словами» [5, с. 37–38].

Данные вопросы не остались без научного внимания и со стороны криминалистов. В частности, интерес к данным вопросам проявил видный ученый-криминалист Е.П. Ищенко в своей работе, посвященной новым научным открытиям, которые могут быть применимы в криминалистике на современном этапе ее развития [6, с. 141–146].

Представляется важным более детально исследовать новые научные достижения, касаемые изучения именно природы человека. В современных условиях цифровизации общества весьма заметным является смещение акцентов научного познания именно на вопросы, связанные с применением информационно-коммуникационных технологий, в частности применительно к практике расследования преступлений. Ключевым объектом криминалистического познания в настоящее время являются цифровые следы и разработка методов и средств работы с ними.

Учитывая современные тенденции развития цифровых технологий вопросы изучения человека в криминалистике также разрабатываются преимущественно с позиции, к примеру, создания его цифрового профиля и применения последнего для решения задач расследования преступлений [7; 8]. В целях совершенствования криминалистического учения о навыках и привычках человека исследуются навыки и привычки, проявляющиеся в цифровой среде [9].

Однако следует учитывать, исследовать и иные достижения в области науки и техники. Указанные в работе результаты экспериментальных научных исследований, доказывающие наличие у человека энергоструктуры, можно рассматривать как основание того, что в будущем объектом криминалистического исследования может стать новый вид следов человека, а именно его энергетический след, который будет

использоваться в качестве дополнительного источника криминалистически значимой информации. Данный след в аспекте установления индивидуальных личностных особенностей является таким же информативным, как материальный, идеальный и цифровой следы. Применяя ситуационный подход, разработка вопросов изучения данных следов с целью получения информации о человеке может проводиться применительно к различным ситуациям, например, в отношении живых участников криминального события, а также трупов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коротков К.Г. Эффект Кирлиан. – Санкт-Петербург: Ольга, 1995. – 215 с.
2. Коротков К.Г., Яковлева Е.Г. Применение метода ГРВ-биоэлектрографии в медицине (обзор литературы) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2014. – № 2. – С. 175–188.
3. Коротков К.Г. Основы ГРВ биоэлектрографии. – Санкт-Петербург: СПбГИТМО (ТУ), 2001. – 360 с.
4. Коротков К.Г., Шустов М.А. Эффект Кирлиан – прошлое и современность. – Санкт-Петербург-Томск, 2017. – 144 с.
5. Кузнецова О., Кузнецов Ю. Использование методов прикладной кинезиологии для исследования посмертных процессов активности человеческого тела // Сознание и физическая реальность. – 2005. – Т. 10. – № 4. – С. 35–38.
6. Ищенко Е.П. Новый век криминалистики. Часть 1. – М.: Проспект, 2017. – 397 с.
7. Холопова Е.Н., Мулдашев Р.Н. Использование цифровых профилей личности и нейронных сетей при выявлении и расследовании преступлений // Эксперт-криминалист. – 2023. – № 4. – С. 26–28.
8. Олиндер Н.В. Криминалистическое значение цифрового профиля субъекта // Эксперт-криминалист. – 2025. – № 2. – С. 19–22.
9. Цветкова А.Д. Цифровые привычки и навыки: система признаков и их криминалистическое значение // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – S9 (121). – С. 83–90.

**В. А. Васильев, И. Г. Пальчикова,
И. В. Латышов, Е. С. Смирнов**

КОМПЬЮТЕРНОЕ ЗРЕНИЕ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ БАЛЛИСТИКИ

Авторами показаны возможности компьютерного зрения в решении задач судебно-баллистической экспертизы по определению дистанции выстрела. Методом колориметрического анализа проведена оценка количественных характеристик отложения копоти выстрела на цифровых изображениях тестовых мишеней. Отмечается, что приложение ImgOpinion позволяет сформировать «паспорт огнестрельного повреждения» путем описания качественных и качественно-количественных характеристик основных и дополнительных следов выстрела, что позволяет оптимизировать решение вышеназванной диагностической задачи.

Ключевые слова: следы близкого выстрела, компьютерное зрение, судебная баллистика.

**V. A. Vasiliev, I. G. Palchikova,
I. V. Latyshov, E. S. Smirnov**

COMPUTER VISION IN SOLVING FORENSIC BALLISTICS PROBLEMS

The authors demonstrate the potential of computer vision in solving forensic ballistics problems related to gunshot distance determination. Using colorimetric analysis, they assessed the quantitative characteristics of gunshot residue deposits on digital images of test targets. It is noted

that the ImgOpinion application enables the creation of a "gunshot damage passport" by describing the qualitative and quantitative characteristics of the primary and secondary gunshot marks, thereby optimizing the solution to the aforementioned diagnostic problem.

Keywords: close-range gunshot marks, computer vision, forensic ballistics

В рамках расследования преступлений, связанных с решением диагностических задач судебно-баллистической экспертизы по установлению дистанции выстрела экспертом изучается вся следовая картина, отобразившаяся в результате применения стрелкового огнестрельного оружия. При исследовании основных и дополнительных следов выстрела используется весь доступный арсенал неразрушающих и разрушающих методов [1]. Среди неразрушающих методов для визуализации дополнительных следов выстрела на сложных, либо загрязненных поверхностях широко применяется ИК-зона спектра, что позволяет локализовать зону отложения копоти выстрела, а использование рентгенографического метода - определить частицы металлов. Для определения отложений группы основных металлов в области огнестрельного повреждения, используя характерные цветные реакции, применяется такой разрушающий метод, как диффузно-контактный. Определение качественно-количественных характеристик продуктов выстрела проводят при помощи высокочувствительных методов, в частности хроматографией определяют концентрацию дифениламина, а эмиссионным спектральным анализом – сурьму и барий [2, 3].

В продолжение работ по дифференциации следов близкого выстрела неразрушающими методами, разработан аппаратно-программный комплекс компьютерного зрения Ms-Unit позволяющий визуализировать топографию отложения копоти выстрела на различных по цветовым характеристикам поверхностях. В состав комплекса входит программно-технический продукт ImgOpinion_1.0.0. и колориметрический анализатор «Фотобокс 3138» [4]. Прибор оснащен семью группами узкополосных осветителей (в диапазоне 365–870 нм), а также осветителем белого света, расположенных на рамках, которые позволяют получить цифровую фотографию мишени, со следами близкого выстрела.

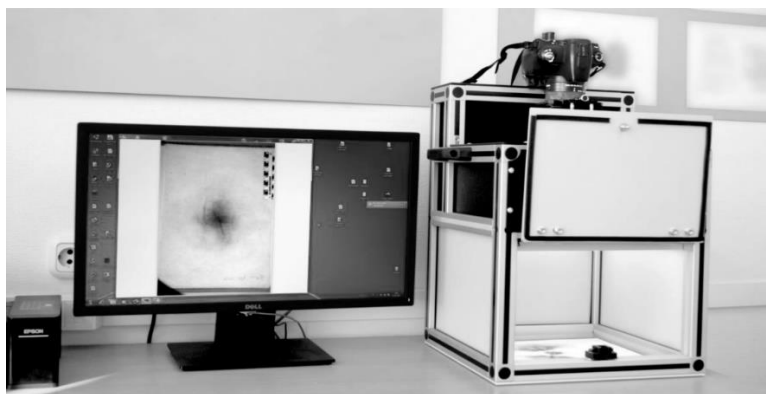

Рис. 1 Аппаратно-программный комплекс MS-Unit.
Фотофиксация следов близкого выстрела на мишени

Для расчета количественных характеристик, зафиксированных на цифровой фотографии, используя ряд допущений [5] получена математическая модель, позволяющая определить массу m вещества копоти в единичной области изображения:

$$m = ND_{\Sigma} \frac{\sigma}{\beta},$$

где σ – площадь одного пикселя, β – коэффициент пропорциональности, характеризующий свойства пороха и адгезию продуктов выстрела к материалу мишени, D_{Σ} – интегральная оптическая плотность, которая характеризует массу вещества копоти

на выделенном участке изображения:

$$D_{\Sigma} = \ln \frac{N \cdot I_0}{\sum_i I_i},$$

где I_0 – яркость (среднее значение) на фотографии в местах отсутствия копоти.

Программный продукт ImgOpinion_1.0.0 также позволяет сформировать «паспорт огнестрельного повреждения», т.е. описать качественные и количественные характеристики морфологических особенностей основного повреждения и дополнительных следов выстрела, отложения копоти выстрела, пороха и иных дополнительных следов выстрела [6].

Для получения мишеней использовались различные виды образцов ткани с разной плотностью (таблица 1).

Таблица 1

Характеристики тканей, используемых для производства мишеней

№ образца ткани	Вид ткани	Производитель	плотность ткани, г/м ²
1	хлопчатобумажная ткань	«Камышинский текстиль»	220
2	хлопчатобумажная ткань	«Камышинский текстиль»	150
3	хлопчатобумажная ткань	«Ивановский Текстиль»	120
4	хлопчатобумажная ткань «Ситец»	«Навтекс»	70

Экспериментальная стрельба велась из одного экземпляра 9-мм пистолета Макарова ПМ патронами 9x18мм (ППО). В рамках эксперимента получены мишени с дистанций: 5, 10, 15, 20 см. от дульного среза канала ствола. На рисунке 2 приведены мишени, со следами близкого выстрела, на различных видах ткани, полученные на дистанции 5 см.

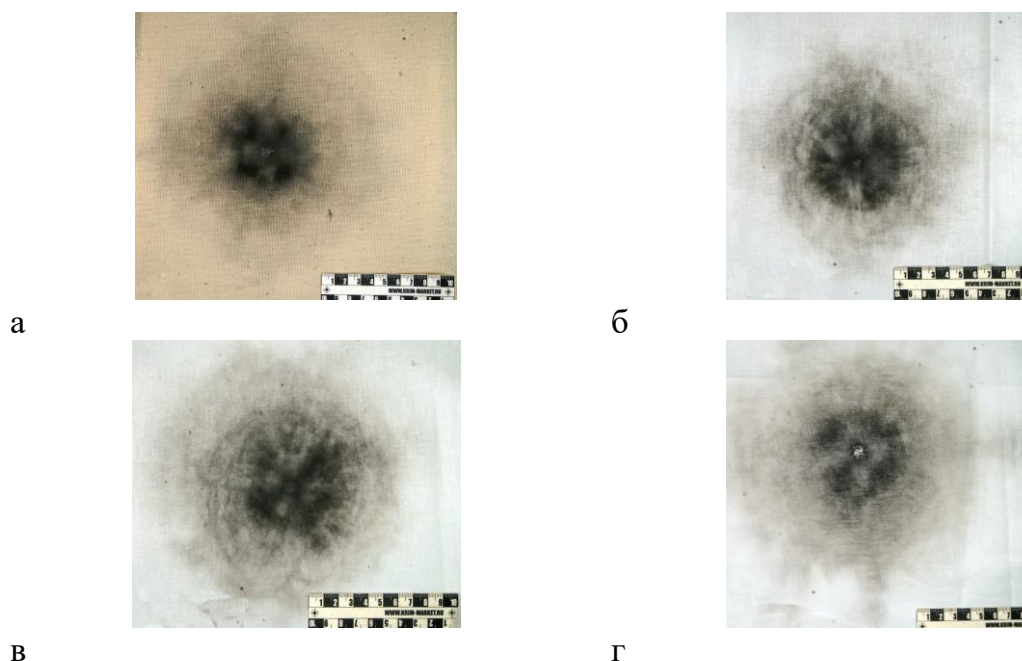

Рис. 2. Мишени, со следами близкого выстрела, на различных видах ткани, полученные для дистанции 5 см (9-мм пистолет Макарова ПМ, патрон 9x18мм (ППО)).

а) тип 1, б) тип 2, в) тип 3, г) тип 4

Для количественного описания отложения копоти выстрела при помощи

программного продукта ImgOpinion_1.0.0., на полученных в ходе эксперимента цифровых фотографиях мишеней, рассчитаны и построены зависимости:

- интегрального распределения отложения копоти (m) выстрела от радиуса (рис. 3 а -3 г),
- дифференциального распределения отложения копоти (m) выстрела от радиуса (рис.4 а - 4г).

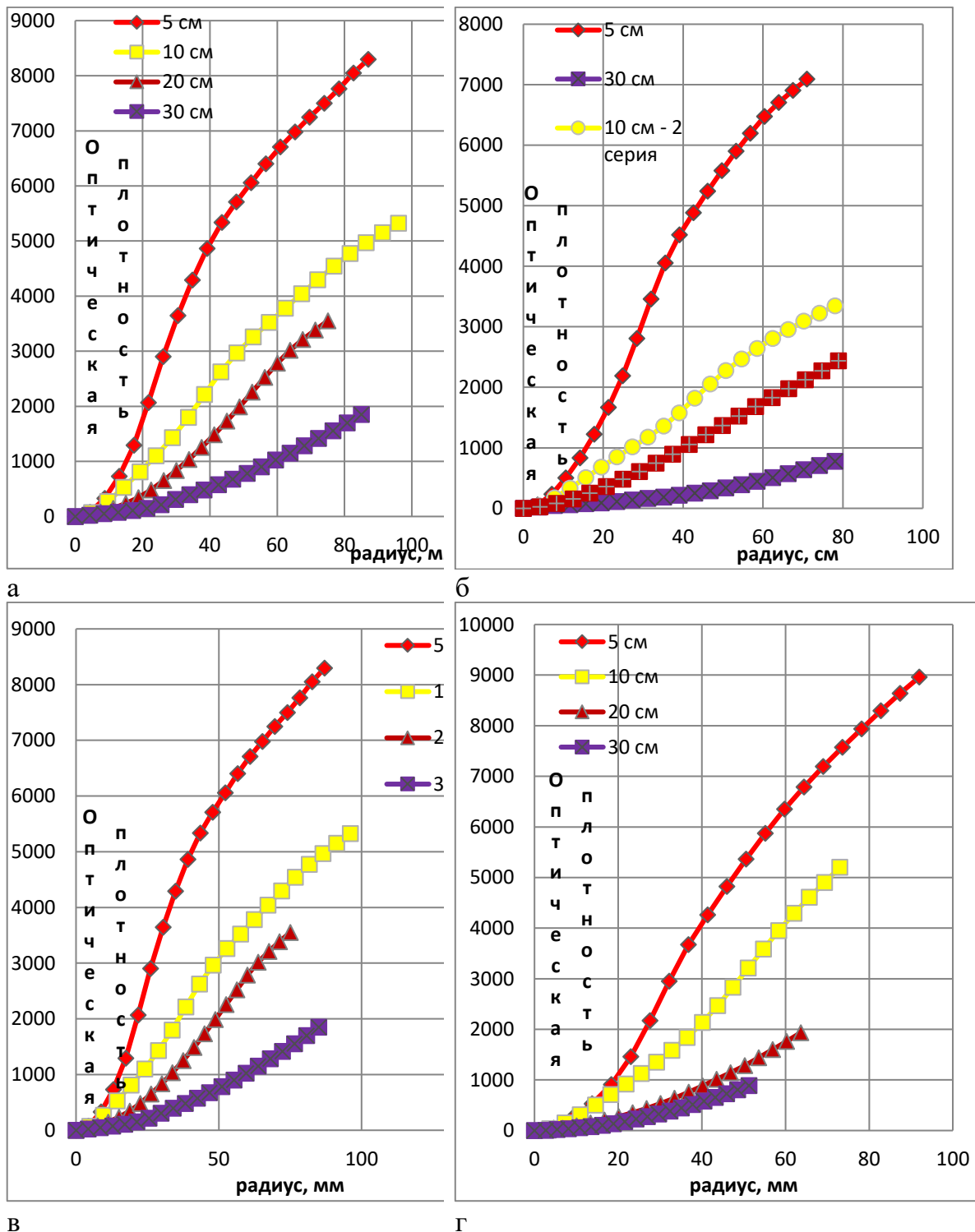
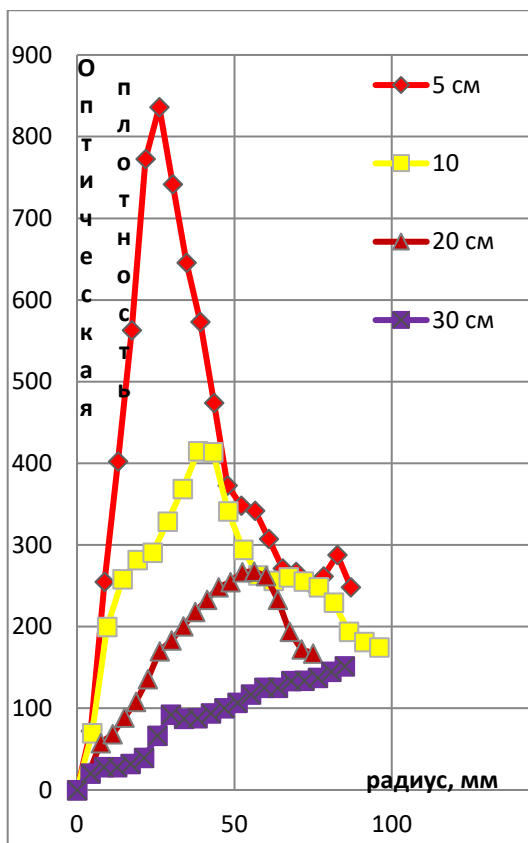
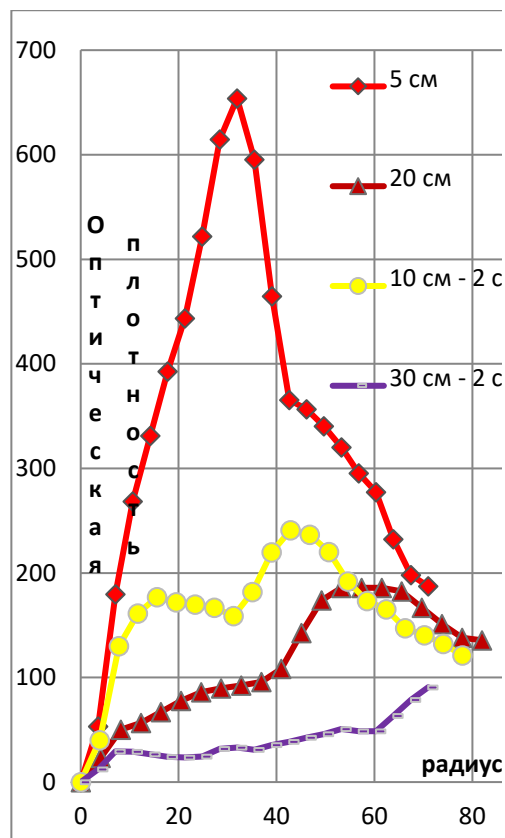

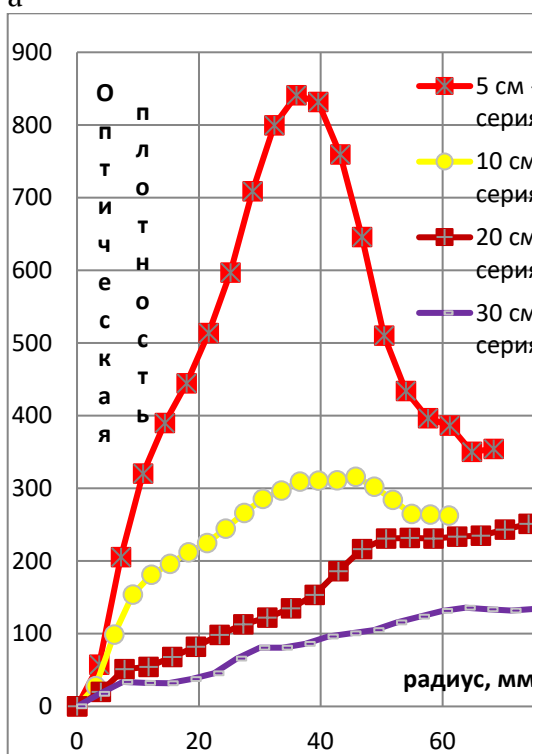
Рис. 3. Графические зависимости интегрального распределения отложения копоти (m) выстрела от радиуса для мишеней, со следами близкого выстрела, на различных видах ткани (для дистанций 5, 10, 15, 20 см).
а) тип 1, б) тип 2, в) тип 3, г) тип 4

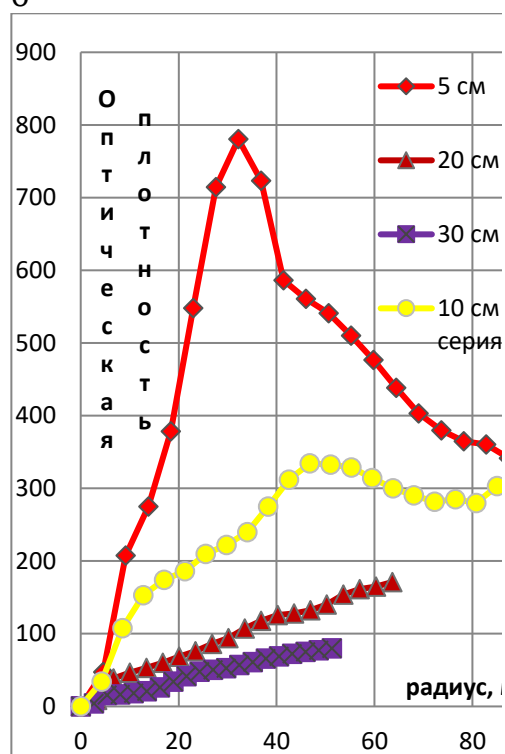
а

б

в

г

Рис. 4. Графические зависимости дифференциального распределения отложения копоти (m) выстрела от радиуса для мишеней, со следами близкого выстрела, на различных видах ткани (для дистанций 5, 10, 15, 20 см).

а) тип 1, б) тип 2, в) тип 3, г) тип 4

Характер полученных зависимостей интегрального и дифференциального распределения копоти выстрела, для мишеней, полученных с одной дистанции, от радиуса носит подобный характер независимо от вида и плотности ткани. Таким образом, использование аппаратно-программного комплекса компьютерного зрения Ms-Unit позволит решать одну из актуальных диагностических задач в судебной баллистике – определение дистанции близкого выстрела по следам отложения копоти на мишенях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Попов, В.Л. Судебно-медицинская баллистика / В.Л. Попов, В.Б. Шигеев, Л.Е. Кузнецов. – СПб.: Гиппократ, 2002. – 656 с.
2. Казимиров В.И. Обнаружение компонентов продуктов выстрела на объектах-носителях комплексом инструментальных методов: дис. ... канд. хим. наук. Н. Новгород, 2008.
3. Стальмахов А. В. Судебная баллистика и судебно-баллистическая экспертиза: Учебное пособие / А. В. Стальмахов, А. М. Сумарока, А. Г. Егоров, А. Г. Сухарев - Саратов.: СЮИ, 1998. – 86 с.
4. Пальчикова И.Г. Колориметрический метод в решении задач по установлению обстоятельств выстрела / И. Г. Пальчикова, И. В. Латышов, Е.С. Смирнов, А.В. Кондаков, В.А. Васильев // Судебная экспертиза. – № 2(58). – 2019. – С. 28-37.
5. Латышов И.В. Возможности использования аппаратно-программного комплекса компьютерного зрения MS-Unit в исследовании объектов судебных экспертиз / И.В. Латышов, В.А. Васильев, И.Г. Пальчикова, Е.С. Смирнов // Теория и практика судебной экспертизы. – №1. Т. 19. – 2024. – С. 57–66. <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2024-1-57-66>.
6. Латышов И.В. Паспорт огнестрельного повреждения как интегративная часть инновационных аппаратно-программных комплексов / И. В. Латышов, И.Г. Пальчикова, А.В. Кондаков, В.А. Васильев, Е.С. Смирнов // Судебная экспертиза. – №2(62) . – 2020. – С. 58–66. <https://doi.org/10.25724/VAMVD.NMNO>

УДК 343.98

О.Б. Дронова

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ВОЗДУШНЫХ СУДОВ В КАЧЕСТВЕ ТЕХНИКО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО СРЕДСТВА

В статье представлены структурированные проблемные вопросы криминалистического, технического, организационного и методического характера, негативно влияющих на практику эффективного применения беспилотных воздушных судов при решении задач, возложенных на правоохранительные органы.

Ключевые слова: беспилотные воздушные суда, фиксация обстановки, технико-криминалистические средства, информационное обеспечение.

О.В. Dronova

MODERN PROBLEMS OF USING UNMANNED AERIAL VEHICLES AS A TECHNICAL AND FORENSIC TOOL

The article presents structured problematic issues of forensic, technical, organizational, and methodological nature that negatively affect the practice of effective use of unmanned aerial vehicles in solving tasks assigned to law enforcement agencies.

Keywords: unmanned aerial vehicles, recording of the situation, technical and forensic means, and information support.

Несмотря на существующие ограничения использования беспилотной техники в условиях современной террористической уязвимости значимых объектов инфраструктуры, данные технические средства стоят на вооружении различных государственных структур и активно используются для решения функциональных задач.

В процессе применения беспилотных воздушных судов (далее – БВС) разрешаются организационно-административные, оперативно-аналитические, поисково-познавательные, поисково-удостоверительные, профилактические и иные вопросы. Однако высокая востребованность результатов аэрофотосъемки не стала основанием для стандартизации методического обеспечения эксплуатации БВС, в частности при решении задач правоохранительной деятельности.

Многочисленные исследовательские работы, посвященные использованию мультикоптеров в процессе фиксации обстановки проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий [1, 2, 3] в своем большинстве носят неупорядоченный характер. Преимущественно они содержат правовые основы применения и технические описания видового разнообразия БВС, возможностей встроенных и сменных элементов оснащения полезной нагрузкой, варианты получаемых результатов (иллюстрационных таблиц, ортофотопланов, фотограмметрические модели и т.д.).

При этом сами тактические приемы осуществления аэрофотосъемки либо заимствованы из арсенала судебной фотографии и видеозаписи (ориентирующая, обзорная, узловая, панорамная виды съемок) либо представлены авторской терминологией (маршрутная съемка, рекогносцировочный облет, змейка и т.д.) предлагаемых технологий использования БВС.

Следует указать, что в условиях существенной ведомственной разобщенности, экспериментальные разработки в которых отражены технологии целевого применения БВС, не становятся объектами валидации. В результате рассматриваемое технико-криминалистическое средство применяется операторами в условиях информационного вакуума, порождающего исключительно эмпирический характер используемых приемов фиксации необходимой территории.

В условиях современной геополитической обстановки сравнительно небольшой процент обеспечения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) и следственных действий рассматриваемым видом беспилотной техники еще только формируют предпосылки для целого ряда проблемных вопросов, которые в будущем могут крайне негативно отразиться на результатах деятельности правоохранительных органов. Изучения практики применения БВС сотрудниками СК России и МВД России и последующего оформления полученных результатов показало, что в ближайшее время особую значимость приобретут проблемы:

криминалистического характера, связанные с насущной потребностью интеграции БВС в качестве специального инструментария отраслевого направления криминалистической техники – судебной фотографии и видеозаписи, что обусловлено

- разобщенностью применяемых операторами приемов, связанных с тем, что операторы БВС владеют навыками их эксплуатации, однако не всегда знают организационно-тактические особенности ОРМ или следственного действия, в котором принимают участие;

- отсутствием дифференцированных подходов к применению БВС с учетом конкретной цели мероприятия, предусматривающего целесообразность использования функциональных возможностей беспилотника, а также вида конкретного

противоправного деяния и его характеристик. В настоящее время в научных исследованиях представлены «алгоритмы» применения БВС, сущность которых состоит в облете объекта оперативного интереса для фиксации фактографической информации, при этом нет никаких указаний относительно целесообразной марки и модели квадрокоптера, чьи функциональные характеристики наиболее соответствует решению конкретной задачи. Также не даются рекомендации целесообразной удаленности от объекта, оптимальных высот, скоростных параметров;

- насущной потребностью практических подразделений в методическом обеспечении использования результатов аэрофотосъемки следственных действий и ОРМ, содержащих их организационно-тактический алгоритм;

технического характера, связанные с дифференцированным оснащением разных подразделений (правомочных применять в практической деятельности БВС) беспилотными технико-криминалистическими средствами. Нормирование технического обеспечения предусматривает возможность каждого подразделения определять характеристики закупаемой техники с учетом решаемых задач и выделенных финансовых ресурсов. В результате констатируется:

- существенная вариативность характеристик БВС и элементов их оснащения, стоящих на вооружении разных подразделений, используемых для решения типовых функциональных задач правоохранительных органов;

- отсутствие четкой градации «нижнего» и «верхнего» пределов [4, С.2] оснащения подразделений беспилотной техникой для выполнения необходимых действий по выявлению и фиксации оперативных и криминалистически значимых данных;

организационного характера, имеющие постоянные и временные ограничения, связанные с

- невозможностью безопасной эксплуатации БВС без угрозы потери управления в ряде регионов в связи с функционированием средств радиоэлектронной борьбы. Косвенно данный факт сказывается на отсутствии у пилотов и операторов летной натренированности, что приводит к аннулированию допуска к полетам и необходимости проходить повторное обучение;

- недостатками процедур предварительного согласования полетов, что нередко исключает возможность экстренного применения БВС;

- недостатками авиационно-технического обеспечения, выражающимися в проблемах подготовки БВС и его систем к полету; ненадлежащем метеорологическом, штурманском и аэронавигационном обеспечении подготовки и непосредственного выполнения полетов;

методического характера, связанных с проблемами использования результатов аэрофотосъемки как достоверных и объективных данных, приобщаемых к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств и, в том числе, выступающих объектами экспертного исследования. Во многом они обусловлены

- отсутствием тестовых испытаний метрологического характера, подтверждающих (опровергающих) возможность получения достоверных измерений угловых и линейных величин больших и малых объектов с использованием съемочной аппаратуры конкретных моделей БВС;

- высокими требованиями, предъявляемыми к качеству цифровых объектов, зафиксированных фотоаппаратурой, в условиях отсутствия обязательной угловой линейки, делают невозможным получение результативных выводов судебных экспертиз;

– отсутствием в методиках производства диагностических, и, тем более, идентификационных экспертных исследований, таких видов изучаемых объектов как аэрофотосъемка, ортофотоплан и т.д.

Данный перечень проблемных вопросов является далеко не исчерпывающим и предусматривает необходимость разработки информационно-методических основ использования беспилотной техники в деятельности правоохранительных органов.

В настоящее время рассматривается вопрос о целесообразности расширения одного из отраслевых разделов криминалистической техники – судебной фотографии и видеозаписи, которое необходимо расширить за счет интеграции в него нового специфического технического средства, предусматривающего необходимость разработки специализированных приемов эксплуатации для реализации целевых задач отрасли. Однако встречаются и иные суждения, обосновывающие необходимость включения в криминалистическую технику нового отраслевого направления – криминалистического дроневедения в целевое предназначение которого будут входить как вопросы эксплуатации данной разновидности технических средств, так и технологии их исследования, как средств совершения преступлений. Однако вне зависимости от того, по какому пути пойдет дальнейшее развитие криминалистической техники, перечисленные проблемные вопросы практической эксплуатации беспилотной техники требуют комплексного текущего разрешения, которые должны найти отражение в ведомственных методических рекомендациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. К вопросу о практических аспектах применения беспилотных воздушных судов при проведении осмотра места происшествия / П.В. Севастьянов, В.И. Полов, А.В. Ивашкова, С.В. Томчик. // Судебная экспертиза и исследования. – 2022. – № 1. – С. 132–137.
2. Щербаков И. О. Использование беспилотных воздушных судов (дронов) в деятельности органов внутренних дел: учебное пособие / И. О. Щербаков. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2025. – 59 с.
3. Дронова О.Б., Рыжков И.В. Использование беспилотных воздушных судов в качестве технико-криминалистических средств: учебное пособие / О. Б. Дронова, И.В. Рыжков. – Волгоград : ВА МВД России, 2026. – 61 с.
4. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., 2001. – Т. 3. – 837 с.

УДК 343.542

А. В. Герих

ОСОБЕННОСТИ СБОРА ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО СТ.135 УК РФ (РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА БЕЗ ПРИМЕНЕНИЯ НАСИЛИЯ)

В настоящей статье рассмотрены основные рекомендаций по сбору доказательной базы по сообщениям о совершении преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего (развратных действиях сексуального характера без применения насилия) и их расследованию.

Ключевые слова: несовершеннолетний, половая неприкосновенность, расследование.

FEATURES OF THE COLLECTION OF EVIDENCE BASE IN THE DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ART. 135 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (DEPRAVED ACTIONS OF A SEXUAL NATURE WITHOUT THE USE OF VIOLENCE)

This article discusses the main recommendations for the collection of evidence base on the reports of crimes against the sexual integrity of a minor (depraved actions of a sexual nature without the use of violence) and their investigation.

Keywords: minor, sexual integrity, investigation.

Обеспечение половой неприкосновенности детей в интернете - сложная задача для государства, причина которой является бесконтрольное его использование несовершеннолетними, а следствием - нарушения половой неприкосновенности детей путем онлайн-общения. Особое беспокойство вызывает то, что нарушается половая неприкосновенность даже малолетних в возрасте 7-10 лет, поскольку они не в состоянии понимать угроз преступных по отношению к ним действий, которыми являются¹.

По-прежнему крайне тревожит ситуация с преступлениями, совершенными против несовершеннолетних. Следователи признали потерпевшими почти 17 тысяч несовершеннолетних, из них 23 % стали жертвами насильственных действий сексуального характера. Число пострадавших младше 10 лет по уголовным делам увеличилось в 2025 году на 117 человек, составив 3 548 детей. Число половых преступлений в отношении детей увеличилось на 13%. Кроме того, расследовано более двух тысяч фактов развратных действий в отношении малолетних. На 10% возросло количество детей, пострадавших от действий педагогов и иных лиц, допущенных к работе с ними. В 1,5 раза увеличилось число учеников, преступления в отношении которых совершены в образовательных организациях. Все это требует разработки специальных и глубоких мер профилактики. Необходимо обратить особое внимание на роль школьных психологов и социальных педагогов в выявлении кризисных ситуаций в коллективе и у конкретного ученика", - сообщил Председатель Следственного комитета РФ Александр Бастрыкин на расширенном заседании коллегии ведомства².

Особое беспокойство в массиве преступлений, совершенных против половой неприкосновенности несовершеннолетних вызывают развратные действия сексуального характера без применения насилия, ответственность за которые предусмотрена ст.135 УК РФ. Статистика показывает, что преступления против половой неприкосновенности ежегодно составляют до 20% от общего количества преступлений в отношении несовершеннолетних, в структуре половых преступлений, из которых 19 % — развратные действия.

В силу специфики способа совершения таких преступлений (обвиняемые с помощью Интернета знакомятся с малолетними и несовершеннолетними детьми, через переписку отправляют фото и видео порнографического характера, а в дальнейшем путем уговоров и предложений за денежное вознаграждение склоняют потерпевших к совершению действий сексуального характера) возникла необходимость разработки соответствующих рекомендаций по рассмотрению сообщений о совершении

¹ Шуняева В. А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет //Актуальные проблемы государства и права. - 2022 - Т. 6, № 4 - С. 611-618; <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>

² <https://tass.ru/obschestvo/26628943>(дата обращения: 03.05.2026/

преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетнего и их расследованию.

Содержание таких рекомендаций определяется существованием совокупности следующих устойчивых факторов: сложность установления места совершения преступления и лица, его совершившего, в связи с широким распространением поддельных и динамических IP-адресов, средств анонимизации и шифрования; длительность исполнения запросов интернет-провайдерами, администрациями социальных сетей и других интернет-ресурсов; ограниченные сроки хранения информации после удаления переписки и аккаунтов; уникальность экспертиз, назначаемых по уголовным делам этой категории; длительность проведения судебных экспертиз, отсутствие или недостаточное количество экспертов, специалистов в конкретном регионе.

При доказывании виновности лица в совершении преступления орган дознания совместно со следователем обязательно должны принять меры к фиксации цифровых следов: IP-адресов, восстановлению удаленных файлов и СМС, проверке содержимого всех гаджетов (компьютеров, смартфонов, планшетов, смарт-часов) с целью проверки связей и установления путей коммуникации злоумышленника, с учетом того факта, что одно лицо совершает преступления в отношении нескольких несовершеннолетних.

Ярким примером таких коммуникаций является мужчина из Костромы осужденный в июле 2023 года на 14 лет колонии строго режима за развратные действия в отношении 67 девочек в возрасте от 10 до 15 лет, проживающих в различных субъектах Российской Федерации. Переписку в социальных сетях он не удалял, накопив в течение пяти лет огромное количество фото- и видеоматериалов порнографического характера несовершеннолетних. Мужчина был зарегистрирован в социальной сети как несовершеннолетняя девочка¹.

Органу дознания и следователю при сборе доказательств необходимо обладать знаниями не только законодательства и норм, защищающих права детей, но уметь грамотно осмотреть место происшествия, осуществить выемку и осмотр цифровых носителей, назначать сложные компьютерно-технические экспертизы, учитывая, что сбор доказательственной базы проводится в условиях неочевидности или отсутствия прямых свидетелей. Ставить четкие задачи экспертам для восстановления удаленных файлов, установления адресов и геолокации подозреваемого, выстраивать логические цепочки, выявлять мотивы преступника.

Важной составляющей доказывания является тактика проведения допросов несовершеннолетнего, очных ставок с его участием с минимизацией создания психотравмирующей ситуации, с обязательной фиксацией хода следственных действий посредством видеозаписи, а также внедрения современных технологий, таких как дистанционный допрос, депонирование показаний, в случае если действиями преступника несовершеннолетнему причинены моральные и психические страдания, на восстановление после которых потерпевшему необходимо длительное лечение в условиях стационара.

Обязательным условием при работе с несовершеннолетними является участие педагога (психолога) в следственных и судебных действиях и рассматривается, как дополнительная гарантия прав несовершеннолетних свидетелей, потерпевших,

¹ Интернет-педофил из Костромы отправится в колонию за развращение 67 девочек-подростков // Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Кострома»: сетевое издание. - URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/internet-pedofil-iz-kostromy-otpravitsya-v-koloniya-za-sovrashchenie-67-devochek-podrostkov/> (дата обращения: 03.05.2026)

подозреваемых, обвиняемых, подсудимых в уголовном процессе, определенная необходимостью учета их возрастных особенностей и обеспечения защиты психического здоровья ребенка. Дети в отличие от взрослых не всегда понимают суть и значение своего участия в уголовном процессе. Родители же зачастую не могут обеспечить им надлежащую защиту в силу неопытности, недостатка знаний. Родители могут умалчивать об известных им фактах нарушения половой неприкосновенности детей, что часто провоцирует дальнейшие нарушения. Оказание несовершеннолетнему, вовлеченному в уголовный процесс, в любом процессуальном статусе, психологической помощи способствует установлению контакта со следователем и поддержанию оптимальной психологической обстановки в ходе следственного действия, обеспечивая тем самым и его эффективность. С целью исключения практики недопонимания смысла и значения участия педагога и психолога в следственных действиях органу дознания и следователю необходимо исключить формальный подход использования указанных специалистов, для реализации ими в полном объеме своей цели - участия в производстве по уголовному делу, стоящих в связи с этим перед ним задач, предусмотренных как статьей 191 УПК РФ, так и положениями статьи 58 УПК РФ.

Следователю при изучении личности потерпевшего необходимо также принять меры к его социальной реабилитации. Неоднократно регистрировались факты, когда девочки в возрасте от 8 до 13 знакомятся через Интернет с «молодыми людьми», общаются с ними, после чего за денежное вознаграждение или на почве внезапно вспыхнувших чувствах любви, направляют фото интимного характера партеру по переписке, либо встречаются и вступают в половую связь, что свидетельствует о низком уровне половой культуры у подрастающего поколения и отсутствии родительского контроля.

Исходя из сказанного, кроме сбора доказательств следователь обязан принять меры к устранению причин и условий совершения преступления совместно со всеми субъектами профилактики, направленные на выявление лиц, склоняющих несовершеннолетних к противоправному поведению, в том числе граждан, состоящих под административным надзором, ранее совершившими половые преступления в отношении детей. Инициировать в организациях образования правовые мероприятия с учащимися и их родителями, направленные на половое просвещение несовершеннолетних, разъяснение родителям и иным законным представителям о необходимости контроля за несовершеннолетними.

Только проведение комплексной работы во взаимодействии всех правоохранительных органов позволит снизить количество совершаемых развратных действий сексуального характера без применения насилия в отношении несовершеннолетних и уберечь будущее поколение от психотравмирующих ситуаций.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баймаханова У. М. Причины возникновения стрессовых ситуации на фоне развития цифровых и коммуникационных технологий / Журавлевские чтения. Трансформационные процессы в педагогической науке и образовании: материалы VI Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Журавлева Василия Ивановича, Москва, 11-16 февраля 2022 г. / отв. ред. Н. А. Горлова. - Москва: Московский государственный областной университет, 2022.
2. Басова А. В. Охрана половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети «Интернет»: поиск решения проблем // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2024 - № 4 (104). - С. 51-64; <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2024-4-51-64>.
3. Калашник В. А. Половые преступления в отношении несовершеннолетних в сети интернет: факторы динамики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. - 2022 - Вып. 4 (845). - С. 106-111; https://doi.org/10.52070/2500-3488_2022_4_845_106.

4. Колбасин В. В. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на динамик насильственных действий сексуальной преступности в отношении малолетних и несовершеннолетних // Общество и право. - 2022 - №2
5. Тарабрина К. С. Международные основы предупреждения насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-цифровых технологий // Право и государство: теория и практика. - 2023 - № 4 (220). - С. 327-329; https://doi.org/10.47643/1815-1337_2023_4_327.
6. Шумский В. В., Ткаченко В. В., Колениченко В. В. Воспитание несовершеннолетних в современной среде как фактор профилактики правонарушений // Право и управление. - 2023 - № 7.
7. Шуняева В.А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в сети Интернет // Актуальные проблемы государства и права. - 2022 - Т. 6, № 4 - С. 611-618; <https://doi.org/10.20310/2587-9340-2022-6-4-611-618>.

УДК 343.98

О. П. Грибунов

НЕЙРОСЕТЕВАЯ ИМИТАЦИЯ ГОЛОСА И ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (ДИПФЕЙКИ): ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ФОНОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье рассматривается проблема исследования синтезированных фонограмм (дипфейков) в рамках судебной фоноскопической экспертизы. Анализируются возможности современных методик спектрального, статистического и лингвистического анализа для выявления признаков искусственного синтеза речи.

Ключевые слова: судебная фоноскопическая экспертиза, нейросетевая имитация голоса, дипфейк, синтезированная фонограмма, идентификация личности по голосу.

O. P. Gribunov

NEURAL NETWORK-BASED VOICE AND SPEECH SIMULATION (DEEPFAKES): CAPABILITIES OF FORENSIC PHONOSCOPIC EXAMINATION

The article examines the issue of analyzing synthesized audio recordings (deepfakes) within the framework of forensic phonoscopic examination. It analyzes the capabilities of modern spectral, statistical, and linguistic analysis methods for detecting signs of artificial speech synthesis.

Keywords: forensic phonoscopic analysis, neural network voice imitation, deepfake, synthesized audio recording, voice-based speaker identification.

В настоящее время судебные фоноскопические экспертизы становятся все более востребованы в судебно-следственной практики. Это обусловлено высоким ростом преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, ввиду широкого распространения в общественной жизнедеятельности различных цифровых устройств. Данный вид экспертизы представляет собой комплексное исследование голоса и звучащей речи, направленное на установление фактических обстоятельств, имеющих доказательственное значение.

Функционально фоноскопия выступает инструментом верификации аудиальных источников, позволяя трансформировать нефиксируемые непосредственно параметры устной речи и звуковой среды в систему формализованных экспертных данных. В этой связи в рамках подобных исследований становится возможным решение следующих задач: идентификация личности по совокупности параметров голоса и речи; диагностика признаков технического монтажа или иных целенаправленных модификаций исходного сигнала; интерпретация вербального содержания, а также установление акустических характеристик среды фиксации и типа применявшегося записывающего устройства.

Особым образом следует отметить, что применение современных методик спектрального, статистического и лингвистического анализа позволяет разрешать экспертные

ситуации высокой степени сложности, связанные в том числе с изучением синтезированных фонограмм, созданных при помощи нейросетевой имитации голоса и звучащей речи.

При подозрении на наличие в фонограммах признаков искусственного синтеза голоса и звучащей речи в первую очередь встает вопрос получения подтверждения данного факта. Так, основную проблему такие фонограммы представляют ввиду того, что синтезированная речь не является результатом артикуляции конкретного человека, но имитирует его голосовые характеристики, кроме того, отсутствует нормативное закрепление понятия «синтезированная фонограмма» как объекта экспертного исследования.

Даже при наличии технических возможностей исследования подобных фонограмм, в настоящее время эксперты сталкиваются с дефицитом апробированных методик, позволяющих достоверно выявлять следы модификации речевого сигнала, осуществленной с применением специализированного программного обеспечения и цифровых технологий. Обнаружение в фонограммах артефактов, указывающих на использование алгоритмов искусственного изменения тембра или частотных характеристик голоса, представляет собой крайне сложную задачу.

Изучение судебно-следственной практики показало, что в реалиях сегодняшнего дня фактически единственным исследованием подобного плана можно признать работу, проделанную рядом ученых и практиков, результаты которых были рассмотрены на заседании расширенного состава Научно-практической секции ЭКЦ МВД России [1, с. 27]. Результатами исследования фонограммы, с записанной на ней голоса и звучащей речи стал вывод о том, что в рамках перцептивного анализа, отмечается «роботизированность» и «металлизированный призыв» на фонограммах, содержащих измененный голос и речь.

Проведенные анкетирования и интервьюирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений показали, что синтезированная фонограмма сохраняет статические спектральные характеристики голоса «донора», но утрачивает динамические особенности, те, что связаны с работой голосовых связок в реальном времени, кроме того, в таких записях, как правило, можно обнаружить отсутствие шумов фонации (микропаузы между слогами, шум смыкания связок), а также отсутствие естественной вариативности.

В этой связи на сегодняшний день остро стоит вопрос о формировании методики проведения судебных фоноскопических экспертиз с учетом развития искусственного синтеза голоса и звучащей речи. Так, ввиду отсутствия должным образом накопленного опыта, все чаще в практике эксперты вынуждены давать вероятностные или отрицательные выводы по экспертизе. Так, например, «... заключением фоноскопической судебной экспертизы № 2021/04-32 от 06.07.2021, согласно выводам которой: ответить на вопросы "имеются ли на представленной на исследование аудиофонограммах, зафиксированных на копии оптического диска формата CD-R N по ж. 4 с логотипом "UMNIK" в аудиофайле "7A617569", "817B5F7C", "83DD6F34" "A3F32842", голос и речь гр. А., ФИО10, образцы голоса и речи которых представлены на исследование?" не представилось возможным ввиду непригодности речевых сигналов для проведения идентификационных исследований ввиду их малой длительности...»¹.

Подводя определенный итог, можно констатировать, что все чаще правоохранные органы сталкиваются с необходимостью исследования синтезированных фонограмм. При этом судебная фоноскопическая экспертиза продолжает руководствоваться методиками, разработанными для естественной речи и не учитывающими принципиально иную природу синтезированного сигнала. В этой связи практика нуждается в формировании комплекса мер, алгоритма действий для качественной дифференциации звукозаписей естественного и искусственного происхождения.

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Краснодар Краснодарского края от 13 января 2023 г. по делу № 1-42/2023.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громова А.В., Ошкуков С.С., Серебряков И.А., Ремизова Н.В., Рысев И.А., Шипулин Р.Л. Выявление признаков применения специальных программных средств для изменения голоса: Научный доклад. – М.: ЭКЦ МВД России, 2023. – 48 с.

УДК. 393.98

А.Н. Залескина

ОЦЕНКА ЗАКЛЮЧЕНИЯ СУДЕБНО-ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящей статье проанализированы ряд проблемных вопросов, возникающих при оценке заключения портретной экспертизы. Сделаны выводы относительно правильной оценки заключения эксперта, а именно необходимости определения компетенции эксперта, и проведения исследовательской части в соответствии с утвержденной методикой проводимого исследования.

Ключевые слова: портретная экспертиза; заключение эксперта; достоверность; допустимость.

A.N. Zaleskina

EVALUATION OF THE CONCLUSION OF THE FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION

A number of problematic issues that arise when evaluating the conclusion of a portrait examination are analyzed. Conclusions are drawn regarding the correct assessment of the expert's opinion, namely the need to determine the competence of the expert, and to conduct the research part in accordance with the approved methodology of the conducted research.

Keywords: portrait examination; expert opinion; reliability; admissibility.

Результаты получаемые в рамках проведения любых видов судебных экспертиз (в том числе и портретных) выступают как одно из ключевых доказательств в процессе установления истины по уголовному делу. В ходе проводимого исследования происходит идентификация конкретного человека по следам или другим проявлениям в объективной реальности, таким образом устанавливается его причастность и виновность к совершенному преступлению. Портретная экспертиза позволяет идентифицировать человека по признакам внешнего облика, запечатленным на фото и видео изображениях.

В этой связи на лиц, осуществляющих предварительное расследование (следователей, дознавателей) возлагается обязанность по надлежащей оценке заключения, подготовленного экспертом. Указанная оценка должна проводиться в строгом соответствии с требованиями, изложенными в статье 204 УПК РФ «Заключение эксперта». При этом важно отметить, что положения названной статьи регулируют лишь общие сведения формального характера, касающиеся условий производства экспертизы и правил составления заключения. Содержание же исследовательской части, то есть детали самого процесса анализа и выводов, в рамках данной нормы не конкретизируется.

Однако представляется, что одна из ведущих проблем оценки заключения эксперта состоит именно в сложности изучения и понимания исследовательской части.

В случаях портретной экспертизы, у следователей, судей и адвокатов (чаще всего в процессе рассмотрения дела в суде) возникает вопрос о достоверности проведенного исследования, полученных выводов и устранения «субъективного» мнения эксперта.

Согласно уголовно-процессуального законодательства заключение эксперта, является самостоятельным доказательством, однако преимуществами перед другими доказательствами не обладает. [1]

Оценка заключения эксперта, как и других доказательств осуществляется по критериям относимости, допустимости, достаточности и достоверности и основывается на внутреннем убеждении следователя (дознателя), судьи сформированному на основе всей совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств. [2; с. 308].

Идентификация лица в рамках портретной экспертизы, а также оценка данного заключения эксперта предполагают наличие базовых знаний о габитоскопии и ее методах, компетенциях эксперта- портретиста, у лица производящего оценку. Также оценка заключения портретной экспертизы обусловлена рядом сложностей, касающихся цифровой трансформации следов и качества предоставляемых на экспертизу материалов. Наиболее эффективными будут результаты, если фотографии представленные на экспертизу высокого качества (условия запечатления лица на снимках должны быть сопоставимы) и без элементов маскировки внешности. [3; с. 117].

Как справедливо отмечается в работах профессора А.М. Зинина, сложность оценки заключений портретной экспертизы объясняется тем, что субъекты доказывания, не обладают специальными знаниями в рассматриваемой области, поэтому не могут критически проанализировать применение конкретной методики проведения экспертизы, и вынуждены доверяют лишь формальным признакам квалификации эксперта. [4; с. 53].

Таким образом речь идет о процессуальной оценке заключения портретной экспертизы, складывающейся из двух важных критериев: допустимости и достоверности. Допустимость предполагает соблюдение формально-юридических требований предъявляемых УПК РФ к доказательствам, а вот оценка достоверности как раз и вызывает сложность.

Например, в исследовании Л.Ю. Захаровой и В.П. Лютова рассмотрены и классифицированы ошибки встречающиеся в заключениях портретных экспертиз. Так, представляется интересным случай выхода эксперта за пределы своей компетенции, а именно: судебно-портретная экспертиза произведена врачом Бюро судебно-медицинской экспертизы, имеющим соответствующее медицинское образование, в связи с чем изученное заключение эксперта не может обладать признаком «достоверности», так как у эксперта отсутствует соответствующая компетенция, что собственно и отражено в вводной части экспертизы. [5; с. 98]

По мнению профессора А.М. Зинина, наиболее значимые сведения для оценки заключения эксперта это представление о его компетенции и компетентности, которые основываться на базовой подготовке к производству определенного рода экспертизы. [4; с. 52].

Согласно ведомственному нормативному регулированию¹ портретная экспертиза является традиционной криминалистической экспертизой, обучение производству которой чаще всего проводится образовательными организациями системы МВД России и ЭКЦ МВД России.

Отметим, что портретная экспертиза в системе МВД Росси проводится

¹ Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»(вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»)

исключительно на основе типовых экспертных методик исследования вещественных доказательств¹, утверждённых ЭКЦ МВД России, что отражается в заключении и соответственно позволяет оценить его с точки зрения «достоверности».

Представленные на экспертизу изображения, осматриваются экспертом на предмет пригодности для сопоставления и дальнейшей идентификации, далее доводятся до одного масштаба, замеряется расстояние между одноименными анатомо-топографическими точками, после проводится описание совпадающих признаков внешности, изучаются размерные соотношения и др. вывод эксперта основывается на детальной характеристике всех выявленных признаков внешности и объективной оценке их достаточности для отождествления. [6; с. 360].

Таким образом приходим к выводу, что для правильной оценки заключения эксперта следователю необходимо убедиться в наличии соответствующего образования у эксперта (т.е. наличие профиля классических криминалистических экспертиз), а также ссылки на использование конкретной методики проводимого исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Залескина А. Н. Методика расследования разбойных нападений, совершаемых на кредитно-финансовые организации : Учебное пособие // А.Н. Залескина, С.М. Сергеев, Н.С. Карпушина. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России. 2025. 64 с.

2. Залескина А.Н. Использование биометрической идентификации лиц в раскрытии и расследовании преступлений // В сборнике: ПРЕСТУПНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ. Сборник статей международной научно-практической конференции, в рамках международного форума «Преступность. Общество. Безопасность». Москва. 2025. С. 304-309.

3. Карпушина Н.С. Актуальные вопросы идентификации личности по фото- и видеозаписям лица, скрытого под медицинской маской // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4 (32). С. 115-124.

4. Зинин А.М. Некоторые особенности оценки заключения эксперта по результатам проведения судебной портретной экспертизы // Вестник Московского университета МВД России. 2019. №1. С.52-53.

5. Захарова Л.Ю., Лютов В.П. Критический анализ и оценка заключений по судебной портретной экспертизе // Энциклопедия Судебной Экспертизы. № 4 (19) 2018. С. 96-103.

6. Белкин Р.С. Криминалистика. Учебник для вузов // Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская, под ред. Р.С. Белкина. М.: НОРМА. 2000. 990с.

¹ Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I /Под редакцией к.т.н. Ю.М. Дильдина. Общая редакция к.т.н. В.В. Мартынова. М.: ЭКЦ МВД России. 2010 г. 568с.

**ПРОБЛЕМЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ЗАВЕДОМОЙ ЛОЖНОСТИ СВЕДЕНИЙ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ
207.3 УК РФ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Аннотация. Статья посвящена криминалистическим проблемам доказывания заведомой ложности сведений при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ. Анализируются типичные способы маскировки ложной информации под достоверную. Рассматриваются возможности судебной лингвистической, психологической и компьютерно-технической экспертиз в установлении заведомой ложности. Предлагается авторский алгоритм собирания и проверки доказательств, подтверждающих осведомленность лица о недостоверности распространяемых сведений.

Ключевые слова: *заведомая ложность, статья 207.3 УК РФ, доказывание, криминалистика, судебная экспертиза, цифровые следы, субъективная сторона.*

A. V. Zemlyakov

**PROBLEMS OF PROVING THE KNOWING FALSITY OF INFORMATION
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 207.3 OF THE
CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION (FORENSIC ASPECT)**

Abstract. The article is devoted to the forensic problems of proving the knowing falsity of information in the investigation of crimes under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. Typical methods of disguising false information as reliable are analyzed. The possibilities of forensic linguistic, psychological and computer-technical examinations in establishing knowing falsity are considered. The author proposes an algorithm for collecting and verifying evidence confirming the person's awareness of the unreliability of the information disseminated.

Keywords: *knowing falsity, article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, proving, criminology, forensic examination, digital traces, subjective side.*

Установление заведомой ложности распространяемых сведений выступает ключевым элементом доказывания по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 207.3 Уголовного кодекса Российской Федерации¹. Как справедливо отмечают исследователи, именно осведомленность лица о недостоверности информации и его умысел на ее публичное распространение образуют тот необходимый элемент субъективной стороны, который позволяет отграничить преступное деяние от добросовестного заблуждения или некритического отношения к источникам информации [1]. Вместе с тем практика расследования рассматриваемой категории преступлений сталкивается с серьезными криминалистическими проблемами при доказывании указанного обстоятельства.

Первая группа проблем связана со способами маскировки ложной информации под достоверную. Анализ следственной практики показывает, что лица, распространяющие заведомо ложные сведения, все чаще прибегают к использованию

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

псевдоэкспертных заключений, ссылок на несуществующие официальные источники, а также к имитации журналистских расследований [2]. Указанные приемы существенно затрудняют процесс доказывания, поскольку создают видимость обоснованности распространяемых утверждений. В криминалистическом аспекте это требует от следователя применения специальных тактических приемов, направленных на выявление источника ложной информации и установление осведомленности лица о ее недостоверности.

Вторая группа проблем обусловлена спецификой цифровой среды распространения информации. Большинство преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, совершается с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», социальных сетей и мессенджеров. В таких условиях доказывание заведомой ложности предполагает необходимость фиксации не только самого факта публикации, но и контекста, в котором она осуществлялась [3]. Особое значение приобретает установление того, имел ли пользователь доступ к достоверным источникам информации, изучал ли опровержения распространяемых им сведений, предпринимал ли попытки проверить их достоверность. Решение данных задач требует комплексного использования криминалистических средств и методов.

Важнейшим инструментом доказывания заведомой ложности выступает судебная экспертиза. Прежде всего речь идет о лингвистической судебной экспертизе, в рамках которой могут быть выявлены речевые маркеры, свидетельствующие об осведомленности автора о недостоверности сообщаемых сведений [4]. К числу таких маркеров относятся использование конструкций, выражающих сомнение в собственных утверждениях, наличие внутренних противоречий в тексте, а также стилистические особенности, характерные для заведомо ложных сообщений. Вместе с тем практика показывает, что возможности лингвистической экспертизы в данном направлении используются далеко не в полной мере.

Дополнительную информацию может предоставить психологическая судебная экспертиза, позволяющая оценить когнитивные процессы, связанные с формированием умысла на распространение ложных сведений. Однако выводы психологической экспертизы в данной сфере носят вероятностный характер и требуют подтверждения иными доказательствами. Поэтому наиболее перспективным представляется комплексное использование судебно-экспертных исследований различных видов.

Значительный доказательственный потенциал заложен в компьютерно-технической экспертизе. Исследование цифровых устройств лица, подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 207.3 УК РФ, позволяет установить историю его обращений к информационным ресурсам, факты ознакомления с опровержениями распространяемых сведений, а также наличие переписки, свидетельствующей об осведомленности о недостоверности информации [5, с. 122]. В ряде случаев важное доказательственное значение приобретают данные об удалении пользователем предупреждений о недостоверности публикаций или о блокировке источников, содержащих опровержение.

Существенная роль в доказывании заведомой ложности отводится допросу подозреваемого. Как обоснованно отмечают процессуалисты, тактически грамотная беседа с лицом, привлекаемым к ответственности, должна строиться вокруг выяснения происхождения информации, которую он транслировал [6]. В ходе допроса следователю рекомендуется применять приемы, стимулирующие подозреваемого к максимальной конкретизации: указывать точные наименования сайтов, аккаунтов, даты публикаций, фамилии авторов первоисточников. Если опрашиваемый апеллирует к конкретным

каналам связи или сетевым изданиям, орган предварительного следствия обязан незамедлительно проверить факт наличия в них соответствующих утверждений. В случае, когда допрашиваемый не способен воспроизвести ни одного достоверного источника, отделяется общими фразами либо указывает на анонимные телеграм-каналы, это объективно указывает на вероятную осведомленность о недостоверности транслируемых тезисов. Помимо этого, важным доказательственным ресурсом выступает фиксация смысловых расхождений в позиции подозреваемого, возникающих при повторных и дополнительных допросах, что нередко свидетельствует о попытке реконструировать ложную версию.

Параллельно со следственными действиями законодательство об оперативно-розыскной деятельности предоставляет широкий инструментарий для собирания косвенных доказательств. Сведения, добытые оперативным путем, — в частности о временном интервале размещения противоправного контента, о типе использованного для этого гаджета или программного продукта, о поведенческих реакциях лица непосредственно после публикации (удаление сообщения, редактирование поста, смена IP-адреса), — образуют фактические основания для выдвижения версии о том, что распространитель осознавал несоответствие информации действительности [7]. Более того, такие данные позволяют построить логическую цепочку, доказывающую, что умыслом лица охватывалась именно ложность сообщения, а не добросовестное заблуждение.

Особое внимание следует уделять установлению мотивов распространения ложных сведений, поскольку именно они зачастую выступают косвенным доказательством заведомой ложности.

Ключевым ориентиром при доказывании заведомой ложности выступает сравнение распространенных сведений с официальной позицией компетентных государственных структур. В рамках криминалистической методики под достоверной информацией предлагается понимать совокупность данных, исходящих от уполномоченных органов (Минобороны России, Генерального штаба, официальных представителей Правительства Российской Федерации), опубликованных в установленном порядке либо доведенных до всеобщего сведения через ведомственные средства массовой информации и интернет-порталы. Именно эти источники обладают признаком нормативной обеспеченности и процедурной подтверждаемости, что позволяет противопоставить их произвольным утверждениям, циркулирующим в неverified каналах коммуникации. Следовательно в ходе расследования обязан не только констатировать расхождение между публичным высказыванием подозреваемого и официальными данными, но и документально зафиксировать сам факт существования последних на момент совершения деяния. Для этого целесообразно приобщать к материалам уголовного дела скриншоты страниц официальных сайтов, копии пресс-релизов, выписки из сводок и отчетов, опубликованных на серверах государственных органов. Если в распоряжении лица, привлекаемого к ответственности, имелась реальная возможность ознакомиться с такими опровергающими сведениями (например, через новостные ленты, соцсети ведомств или телевизионные брифинги), однако он проигнорировал их и продолжил тиражировать противоположные утверждения, это становится одним из наиболее убедительных косвенных доказательств умысла на распространение ложной информации. При этом важно учитывать временной фактор: чем больше интервал между публикацией официального опровержения и действиями подозреваемого, тем выше вероятность вывода о его осведомленности о недостоверности собственных высказываний. В случаях, когда подозреваемый ссылается на

альтернативные «независимые расследования» или анонимные источники, следователю надлежит запрашивать у соответствующих ведомств официальные подтверждения либо опровержения таких данных, тем самым формируя доказательственную базу, не оставляющую сомнений в ложности распространенного тезиса.

Обобщение изложенных положений позволяет сформулировать авторский алгоритм доказывания заведомой ложности сведений при производстве по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ. На начальном (ориентирующем) этапе следователь обязан зафиксировать как содержание распространенного сообщения, так и весь сопутствующий контекст его публикации (платформа, аудитория, наличие предупреждений от администрации ресурса). Следующим шагом выступает идентификация источников, которыми, по утверждению подозреваемого, он руководствовался, с последующей их верификацией через официальные запросы в компетентные органы. Особое значение здесь имеет сопоставление высказываний лица с данными, опубликованными на серверах Минобороны России, Генерального штаба и иных уполномоченных структур, а также установление факта ознакомления подозреваемого с официальными опровержениями при наличии технической возможности такого ознакомления. После этого инициируется назначение комплекса судебных экспертиз — лингвистической, психологической и компьютерно-технической, результаты которых позволяют выявить как речевые маркеры осведомленности о ложности, так и цифровые следы, подтверждающие обращение лица к достоверным источникам. Параллельно со следственными действиями (допросы свидетелей и подозреваемого) применяются тактические приемы, стимулирующие максимальную конкретизацию происхождения информации и фиксирующие смысловые расхождения в позиции допрашиваемого. На заключительном, аналитическом этапе вся совокупность собранных доказательств — от скриншотов официальных сайтов до заключений экспертов — подвергается системному анализу, в ходе которого устанавливаются причинно-следственные связи между осведомленностью лица о недостоверности сведений и его действиями по их публичному распространению.

Вместе с тем предложенный алгоритм не свободен от недостатков. Наиболее уязвимым звеном остается отсутствие легализованных унифицированных критериев, позволяющих однозначно квалифицировать те или иные косвенные доказательства как достаточные для вывода о заведомой ложности. Разрозненность следственной практики, отсутствие единых подходов к оценке «технической возможности» ознакомления с официальной информацией создают риски как необоснованного привлечения к ответственности, так и оправдания виновных лиц по формальным основаниям. В связи с изложенным видится настоятельная необходимость разработки и внедрения ведомственных методических рекомендаций по доказыванию заведомой ложности сведений при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ. В структуру таких рекомендаций целесообразно включить: 1) типовой перечень косвенных доказательств, наиболее часто встречающихся в данной категории дел; 2) унифицированную методику работы с цифровыми следами, включая порядок фиксации фактов посещения официальных интернет-ресурсов; 3) алгоритмы межведомственного взаимодействия с экспертно-криминалистическими подразделениями при назначении и производстве лингвистических, психологических и компьютерно-технических экспертиз; 4) примерный перечень официальных источников, сведения из которых признаются достоверными в рамках уголовно-процессуального доказывания.

Завершая рассмотрение заявленной проблематики, следует подчеркнуть: результативное доказывание заведомой ложности сведений по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3 УК РФ, достижимо исключительно при условии комплексного применения всего арсенала криминалистических средств и методов – от тактически грамотного допроса до высокотехнологичных судебных экспертиз. Ключевым фактором успеха выступает тесное процессуальное и организационное взаимодействие следователя со специалистами в области лингвистики, психологии, компьютерной техники, а также с оперативными подразделениями, обеспечивающими сбор данных о поведении лица в цифровой среде. Перспективные научные изыскания в данном направлении должны быть ориентированы на разработку частных криминалистических методик, дифференцированных в зависимости от способа распространения ложной информации (социальные сети, мессенджеры, видеохостинги, СМИ), а также от субъектного состава (физические лица, должностные лица, организаторы групп в сети Интернет). Только такой дифференцированный подход позволит создать эффективный инструментарий противодействия распространению заведомо ложных сведений, обеспечив неотвратимость ответственности при строгом соблюдении процессуальных гарантий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе [Текст] : [монография] / Е. Р. Россинская ; Российский федеральный центр судебной экспертизы при М-ве юстиции Российской Федерации. 3-е изд., доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. 735 с. ISBN 978-5-91768-458-1.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня [Текст] : злободневные вопросы российской криминалистики / Р. С. Белкин. Москва : НОРМА : ИНФРА-М, 2001. 237 с. ISBN 5-89123-493-9
3. Вехов В. Б. Основы криминалистического учения об исследовании и использовании компьютерной информации и средств ее обработки : монография / В. Б. Вехов ; Федеральное гос. образовательное учреждение высш. проф. образования "Волгоградская акад. М-ва внутренних дел Российской Федерации". Волгоград : Волгоградская акад. МВД России, 2008. 401 с. ISBN 978-5-7899-0550-0
4. Лингвистическая экспертиза конфликтных текстов СМИ [Электронный ресурс] : электронное учебно-методическое пособие / Голев Н. Д., Дударева Я. А., Ким Л. Г., Кишина Е. В.; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Кемеровский государственный университет". Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2017. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM) : цв.; 12 см.; ISBN 978-5-8353-2150-6
5. Мещеряков В. А. Основы методики расследования преступлений в сфере компьютерной информации : автореферат дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2001. 39 с.
6. Закатов А. А. Тактика допроса потерпевшего на предварительном следствии [Текст] : автореф. дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. / Одес. гос. ун-т им. И. И. Мечникова. Одесса, 1971. 31 с.
7. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность [Текст] : учебник для вузов : для студентов высших учебных заведений, обучающихся по юридическим направлениям и специальностям / Е. С. Дубоносов. 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2012. 415 с. ISBN 978-5-9916-1624-9

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ ПО ИЗОБРАЖЕНИЯМ ЧАСТЕЙ ТЕЛА В СУДЕБНОЙ ПОРТРЕТНОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ

В настоящей статье рассматривается проблема идентификации личности при производстве портретной экспертизы в случаях, когда на исследование поступают не полноценные изображения внешнего облика человека, а лишь фрагменты изображений отдельных частей тела человека (кисти рук, ушные раковины и т.д.), полученные с камер видеонаблюдения. Отмечается, что существующая методика производства портретной экспертизы, направлена лишь на изучение внешнего облика человека (анатомических пропорций лица), а не на отдельные элементы. Также говорится об необходимости комплексного подхода с привлечением специалистов-медиков для оценки изменчивости и диагностической значимости анатомических признаков кистей, ушных раковин и венозного рисунка.

Ключевые слова: портретная экспертиза, идентификация личности, части тела человека, габитоскопия, криминалистика, судебная экспертиза, распознавание лиц, изображения, фотоизображения, камеры видеонаблюдения, вариабельность анатомических признаков.

N.S. Karpushina

IDENTIFICATION OF PERSONS BY IMAGES OF BODY PARTS IN FORENSIC PORTRAIT EXAMINATION

The article deals with the problem of identification during portrait examination in cases where the study does not include full-fledged images of a person's appearance, but only fragments of images of individual parts of the human body (hands, ears, etc.) obtained from surveillance cameras. It is noted that the existing method of portrait examination is aimed at studying the appearance of a person (anatomical proportions of the face). There is also a need for an integrated approach involving medical specialists to assess the variability and diagnostic significance of anatomical features of the hands, auricles and venous pattern.

Keywords: portrait examination, identification, human body parts, habitoscopy, forensics, forensic examination, face recognition, images, photographic images, surveillance cameras, variability of anatomical features.

Современный этап раскрытия и расследования преступлений все чаще сталкивается с ситуациями, когда на портретную экспертизу поступают не полноценные фотоизображения лица человека, а фотоизображения, на которых зафиксированы лишь отдельные части тела человека, кисть руки, ухо, пальцы и т.п., И.И. Черкашина и Р.С. Юмозапов в своих трудах отмечают, что «Инициация портретных исследований по частям тела происходит в редких случаях» [1; с.2].

Такие объекты чаще всего фиксируют камеры, установленные в общественных местах, банкоматах, домофонах, видеоглазками входной двери, а также недорогими системами видеонаблюдения. Разрешение таких камер, как правило, невысокое, а качество получаемых изображений оставляет желать лучшего, изображения часто имеют низкую яркость, контрастность, резкость (наблюдается пикселизация), а также искажения из-за ракурса съемки. Это усложняет процесс идентификации личности.

В связи с этим, согласно методике по производству портретной экспертизы [2, с. 293], ее объектами выступают различные носители информации о внешности

человека, например, фотоснимки, видеозаписи, документы и т.д., которая направлена на выявление и сравнение признаков внешнего облика человека (голова в целом, пропорции лица, строение носа, губ, глаз и т.д.), оказывается малоприспособленной для работы с такими объектами. Так, Г.В. Парамонова отмечает «Если преступник находился в маске, то могут быть видны, в зависимости от вида маски, лишь глаза, брови, возможно рот. Если верхняя часть лица была закрыта очками, головным убором, капюшоном или чем-либо другим, то на объекте, представленном на экспертизу, может быть виден рот, борода» [3, с.97]. Эксперт не имеет возможности произвести точные замеры анатомических пропорций и изучить лицо человека в целом, так как эти детали (части) попросту могут отсутствовать. Вместо целостного портрета (лицо человека) он получает лишь отдельные фрагменты тела, причем зачастую не самые информативные с точки зрения традиционной портретной идентификации. Поэтому приходится «работать» с тем, что реально попало в кадр: кистям рук, пальцами, ушными раковинами, а некоторых случаях участки шеи и предплечьями.

При этом важно отметить, что вопрос о возможности идентификации лица по фото- и видеоизображениям зависит от их качества, ракурса, освещения и других факторов» [4, с. 117], которые еще больше снижают информативность таких изображений, как следствие форма вывода по таким экспертизам звучит как: не представляется возможным дать заключение (НПВ). Эксперт вынужден анализировать и исследовать мелкие признаки, например, форма ногтей, особенности строения межфаланговых складок или вовсе рисунок вен, а также индивидуальность ушной раковины, и т.д. Однако из-за низкого качества предоставленных изображений и такие признаки могут быть недостоверно различимы или вовсе утрачены. Так перед экспертом встает сложная задача по идентификации, которая требует совершенствования методики.

Стоит отметить и качество образцов представляемых следователем для сравнения. Так, в ряде случаев отсутствует возможность фотографирования подозреваемого, в связи с чем на экспертизу предоставляются фото из личного фотоархива подозреваемого, сделанные аналоговой фотосъемкой, качество которых не соответствует качеству современных возможностей.

Преступник, скрывая лицо от камер, пренебрегает сокрытием других частей тела (руки, ушные раковины, шея), которые в совокупности с другими материалами имеют большую доказательственную базу. Многие преступники принимают меры к маскировке своей внешности, соответственно, при совершении хищений они запечатлеваются в медицинских масках, кепках, очках, капюшоне, следовательно, лицо в большей степени скрыто. [5; с. 307] Кроме этого такие элементы лица реже подвергаются косметологическим или пластическим манипуляциям, чем лицо, что сохраняет большую информативность.

Считаем, что для всесторонне полного и точного исследования по таким объектам, необходим комплексный подход, а значит привлечение специалистов – медиков, которые могут дать квалифицированную оценку анатомическим особенностям, например, таких элементов, как кисти рук, ушные раковины, венозному рисунку с точки зрения их вариативности и диагностической значимости. Что позволит эксперту обоснованно выделить частные признаки, пригодные для идентификации личности, возможно, даже на изображениях с низким разрешением, и избежать как переоценки случайных совпадений, так и неоправданных выводов «не представляется возможным дать заключение».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черкашина И. И. Возможности исследования изображений частей тела живых лиц при производстве судебных портретных экспертиз и исследований / И. И. Черкашина, Р. С. Юмжапов // Судебная экспертиза. – 2021. – № 4(68). – С. 42-52.

2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. I / под ред. канд. техн. наук Ю.М. Дильдина. Общая редакция канд. техн. наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с.

3. Парамонова Г. В. Фрагмент тела человека как объект исследования в судебно-портретной экспертизе / Г. В. Парамонова // Судебная экспертиза: прошлое, настоящее и взгляд в будущее : Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16–17 мая 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. – С. 97-100.

4. Карпушина Н. С. Актуальные вопросы идентификации личности по фото- и видеозаписям лица, скрытого под медицинской маской / Н. С. Карпушина // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 4(32). – С. 115-124.

5. Залескина А. Н. Использование биометрической идентификации лиц в раскрытии и расследовании преступлений / А. Н. Залескина // Преступность. Общество. Безопасность : Сборник статей международной научно-практической конференции, в рамках международного форума «Преступность. Общество. Безопасность», Москва, 30–31 октября 2025 года. – Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2025. – С. 304-309.

УДК 343.9

В.С. Кряжев

ВЕРСИОННЫЕ ДОПУЩЕНИЯ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящей статье в формате версионных допущений рассматриваются типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования преступлений террористической и экстремистской направленности, включенные в структуру частной криминалистической методики.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, расследование преступлений, типичные следственные ситуации, версионные допущения.

V.S. KRYAZHEV

VERSIONING ASSUMPTIONS IN THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING TERRORIST AND EXTREMIST CRIMES

In this article, typical investigative situations and versions of the initial stage of the investigation of terrorist and extremist crimes included in the structure of a private forensic methodology are considered in the format of versioned assumptions.

Keywords: terrorism, extremism, crime investigation, typical investigative situations, versioning assumptions.

В последнее время очевидность распространения деструктивного влияния экстремистской идеологии в нашем обществе не вызывает сомнений. Как следствие – это сказывается на динамике экстремистской и террористической преступности, что формирует актуальность в вопросах расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

В криминалистике методика расследования терроризма и экстремизма формируется в качестве видовой разновидности и охватывает широкий диапазон

преступлений из разных видов преступлений согласно уголовно-правовой классификации по главам особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Методика расследования этих преступлений, как и многих других является динамичной категорией, которая находится в конъюнктуре отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и технической вооруженности правоохранительных органов. Тем не менее, научный вклад в разработку криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности формирует определенную концепцию частной криминалистической методики для ее потребителя, которым является прежде всего следователь.

Именно на следователя ориентированы типичные следственные ситуации и работа с криминалистическими версиями, которые в своем генезисе соотносятся с началом расследования и исследуются в рамках первоначального этапа расследования. Именно эта стадия уголовного судопроизводства с момента доследственной проверки и далее – вызывает наибольший интерес у правоприменителей в силу наличия минимальных сведений о преступлении и лице, его совершившем. Отражением потребности раскрытия преступлений является научная концепция получения информации, ее проверка и оценка в рамках логико-версионной работы.

Преступления террористической и экстремистской направленности имеют определенные особенности обстановки, способа, механики слеодообразования и других элементов их криминалистической характеристики. Именно это определяет особенности их раскрытия и расследования, в том числе диалектическое понимание процесса преступной деятельности, формируемой стадиями подготовки, совершения и сокрытия деликта. Криминалистические версии, основанные на законах логического познания преступного события в прошлом, позволяют субъекту поисково-познавательной деятельности не идти по «ложному пути догадок и раздумий», а методично устанавливать достоверность сведений, используемых в доказывании по уголовным делам. Версионная работа следователя в рамках криминалистической методики соотносится с типичными следственными ситуациями.

Для первоначального этапа расследования преступлений террористической и экстремистской направленности выделяются следующие типичные следственные ситуации:

Совершен террористический акт. Лица и организации, причастные к его совершению не установлены;

Совершен террористический акт. Ответственность за его совершение взяла на себя террористическая организация, либо конкретные лица;

Освобождены заложники, лица их захватившие установлены и обезврежены;

Обнаружены материалы, содержащие призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, лица причастные к их созданию и распространению не установлены;

Задержаны лица, в действиях которых содержатся признаки экстремистской деятельности;

Выявлена и пресечена деятельность террористической или экстремистской организации, заподозренные установлены [1, с. 111–113].

Шести вышеуказанным следственным ситуациям первоначального этапа расследования преступлений террористической или экстремистской направленности будут соответствовать умозаключения версионного свойства. Причем версии относительно типичных следственных ситуаций отражают типичные обстоятельства и

признаки совершенного преступления и являются результатом обобщения опыта предварительного расследования [2, с. 115]. Данной закономерностью обуславливается необходимость определения следственных версий с учетом особенностей преступлений террористической и экстремистской направленности, а также особенностей их раскрытия и расследования.

Допущение 1. Для типичной следственной ситуации когда совершен террористический акт и лица, организации, причастные к его совершению не установлены, криминалистические версии должны формироваться от установления умысла на совершение преступления. Террористический акт имеет цель, которую преследуют определенные субъекты. Формирование версий в общем плане должно быть ориентировано на установление организатора теракта. Из числа лиц террористических, экстремистских организаций путем анализа, необходимо выделить заинтересованных лиц в производстве теракта. Террористический акт в большей части носит демонстративный характер и оставляет характерные материальные следы. Например, исламские террористы чаще всего используют при совершении террористического акта взрывные устройства дистанционного действия, запрограммированные на определенные действия, определенное время срабатывания, либо используют террористов-смертников; украинские террористы для совершения преступления используют беспилотные летательные аппараты, либо завербованных соучастников, не обладающих сведениями о характере террористического акта; террористы-одиночки приводят в действие самодельно изготовленные взрывные устройства примитивной конструкции. Выдвижению версий будет способствовать осмотр места совершения террористического акта и предварительные сведения специалистов об особенностях орудия преступления.

Допущение 2. Для типичной следственной ситуации когда совершен террористический акт и ответственность за его совершение взяла на себя террористическая организация, либо конкретные лица, криминалистические версии будут направлены на установление причастности конкретных лиц, либо террористических, экстремистских организаций к совершению теракта. Основанием для выдвижения версий должна быть проверка достоверности сведений от источника информации, а также анализ целей совершения преступления. Нельзя исключать из содержания следственной ситуации обстоятельств умышленного искажения сведений о террористическом акте со стороны заявителей о нем, когда эти лица берут на себя ответственность за деяния, которые не совершали. Причины тому могут быть разные, например: создание мнимого устрашения; ложное воздействие на общественное мнение; конкурирование радикально настроенного криминала и др.

Допущение 3. Освобождены заложники, лица их захватившие установлены и обезврежены. Как и во всех остальных ситуациях, логическим основанием выдвижения версий выступают те обстоятельства, по поводу которых строятся предположения [3, с. 148]. В рассматриваемой типичной следственной ситуации версии должны формироваться в закономерности «от личности – к преступлению». В зависимости от вида соучастия в совершении преступления возникает посыл к формированию версии. Мотивы и цели совершения преступления у исполнителя зачастую иные, чем у организатора, посредника или подстрекателя. Вместе с тем нельзя исключать единства мотивации в деянии соучастников при совершении преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Допущение 4. Обнаружены материалы, содержащие призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, лица причастные к их созданию и

распространению не установлены. Гипотетическое познание в раскрытии преступления должно быть направлено на установление причастных к совершению преступления лиц, через содержание обнаруженных экстремистских материалов. На первоначальном этапе расследования, даже с учетом минимального объема сведений о преступлении, содержание призывов к осуществлению террористической или экстремистской деятельности очевидно. Конечно, такая субъективная очевидность не исключает в дальнейшем назначения судебной лингвистической и иных видов экспертиз обнаруженных материалов [4, с. 82]. Тем не менее, экстремистский след выявляется в ходе расследования и требует проверки оперативно-розыскным, следственным и экспертным путем, через разные виды криминалистических версий [5, с. 57].

Допущение 5. Типичная следственная ситуация, когда задержаны лица, в действиях которых содержатся признаки экстремистской деятельности, возникает при очевидности совершенного преступления. Подозреваемые задерживаются в момент совершения преступления, либо сразу после его совершения. Зачастую происходит задержание с поличным, когда следовая картина полная и свидетельская база обширная. Преступная деятельность в некоторых случаях носит демонстративный характер и сокрытие преступления в его способе отсутствует. Такое допущение из следственной ситуации позволяет формировать следственные версии о принадлежности задержанных к какой-либо террористической или экстремистской организации.

Допущение 6. Выявлена и пресечена деятельность террористической или экстремистской организации, заподозренные установлены. В такой следственной ситуации выбор той или иной версии будет обусловлен особенностями гипотетического познания преступления в корреляции с личностью установленного преступника. В процессе выдвижения версии важно ориентироваться на установление террористических или экстремистских мотивов совершения преступления, определение количества участников преступления и вид соучастия, а также предположений о последствиях преступлений.

Можно заключить, что версионная деятельность следователя должна быть включена в единую концепцию криминалистического познания преступления. Для целей криминалистической методики версии выдвигаются с учетом сформировавшейся к определенному моменту времени типичной следственной ситуации. Умозаключения связанные с процессом выдвижения следственных версий очень тесно должны коррелировать с исходной информацией по делу, имеющейся в распоряжении следователя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц : монография / науч. ред. д-ра юрид. наук И.Г. Смирнова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
2. Подольная Н.Н. Типовые следственные версии и особенности планирования расследования должностных преступлений коррупционной направленности / Н.Н. Подольная // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2020. – Т. 8, № 2(30). – С. 113–121.
3. Эксархопуло А.А. Криминалистическая систематика версий как основа поисково-познавательной деятельности / А.А. Эксархопуло // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1(43). – С. 145–149.
4. Карагодин В.Н. Криминалистическая характеристика киберэкстремистских преступлений / В.Н. Карагодин // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 76–83.

5. Дубровин С.В. Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий / С.В. Дубровин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 4(22). – С. 56–61.

УДК 44.14

В. В. Лавелина

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ СЛЕДОВЕДЕНИЕ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

Аннотация: в статье автор, на основе анализа исторических фактов и литературных данных, освещает основные направления криминалистического следоведения, как отрасли криминалистической техники, изучающей закономерности и механизмы возникновения различных видов следов, с учетом его градации на научное и практическое, анализируя его истоки от практики народных следопытов, останавливается на различных научных взглядах на понятие «след», как основного объекта данной криминалистической отрасли, рассматривая их в сравнительном контексте, оценивается роль следов преступления в раскрытии и расследовании преступлений.

Ключевые слова: криминалистическое следоведение, трасология, след, следопыт, следы преступления.

V. V. Lavelina

FORENSIC SCIENCE: SOME HISTORICAL FACTS

Abstract: In the article, the author, based on the analysis of historical facts and literary data, highlights the main directions of forensic traceology, as a branch of forensic science, which studies the patterns and mechanisms of the emergence of various types of traces, taking into account its classification into scientific and practical, analyzing its origins from the practice of folk trackers, and focusing on various scientific views on the concept of "trace" as the main object of this forensic branch, considering them in a comparative context.

Keywords: forensic traceology, tracology, trace, tracker, crime traces.

Говоря о криминалистическом следоведении в первую очередь необходимо остановиться на самом понятии «следа». Оно является основополагающим корнем в таких общеизвестных юридических терминах как следователь, следствие, расследование, преследование, обследование, исследование. Такой подход базируется на особом значении следов в криминалистике. Ведь следы – это в первую очередь то, что оставляют преступники на месте происшествия, что изучают заинтересованные лица в ходе расследования уголовных дел и экспертных исследований, что позволяет установить виновных лиц и способствует скорейшему раскрытию преступлений.

Следы при поиске преступников используются с давних времен. Свидетельством чего являются дошедшие до нас литературные источники. Так, в статье 44 главы 8 брахманских древнеиндийских законов Ману, написанных во втором веке до новой эры, отмечается: «Как охотник ищет след животного по каплям крови, так царю надо обнаружить след дхармы посредством расследования» [1, С. 50]. Об этом же говорится в ст. 37 Салической Правды (V–VI вв.), ст. 8 Польской Правды (XIII в.), ст. 767 Законника Лека Дукагыни (XV в.) [2, С. 10].

А как же изучали улики в Древнем Китае? Об этом можно узнать, например, из первого известного труда по судебно-медицинской экспертизе – «Собрания случаев исправления несправедливости» или «Собрания отчетов о снятии несправедливых обвинений». Книгу написал еще в XIII веке китайский судья Сун Цы. Данная работа фундаментальна с точки зрения криминалистики: в ней говорится, в частности, как следует проводить вскрытие, как отличить утопление от удушения и как выявить еще пять десятков причин смерти. В данном источнике приводится один из первых случаев раскрытия преступления с помощью «анализа» биологических следов. Сун Цы расследовал убийство сельского жителя, изучал характер резаных ран на его теле. Судья наносил аналогичные травмы разными предметами на туши животных и определил, что орудием убийства был серп. Затем он потребовал всех сельчан предъявить свои серпы: дело было летом, в воздухе роились мухи, однако особое их внимание привлекал лишь один из выложенных на площади инструментов. Именно на нем могли остаться следы крови, на которую и полетели мухи. Таким образом Сун Цы вычислил убийцу – владельца «особого» серпа, который вскоре сознался¹.

В сборнике правовых норм Киевской Руси «Русской Правде суда Ярослава Владимировича», также упоминая о следах: «Если вора не будет (сразу обнаружено), то искать (его) по следу» [3, С. 131].

Выдающийся отечественный криминалист И.Ф. Крылов отмечает, что «свою родословную» криминалистическое следоведение ведет от практики народных следопытов [4, С. 4]. Принцип работы которых основывался на наблюдениях за явлениями окружающей природной среды. Она формировалась на базе житейских потребностей древних людей, направленных на основополагающие житейские потребности: добывание пищи, одежды и т.п. Довольно подробно такие удивительные способности народных следопытов описаны в книге русского путешественника В.К. Арсеньева.

В ходе путешествия в горную область Сихотэ-Алинь в 1902-1906 годах он описывает особый талант проводника Дерсу Узала, который по незначительным приметам мог определить то, что не под силу было другим участникам экспедиции. В одном из эпизодов своего путешествия автор описывает, как Дерсу Узала по следам ног на снегу «читает как по книге» информацию о человеке, оставившем их: «Маленькая нога. Такой у русских нету, у китайцев нету, у корейцев тоже нету... Это унта, носок кверху... Этот человек был удэгеец, он занимался соболеванием, имел в руках палку, топор, сетку для ловли соболей и, судя по походке, был молодой человек... Удэгеец возвращался с охоты и, вероятно, направлялся к своему биваку» [5, С. 155].

Аналогичные «житейские» знания народных следопытов в дальнейшем легли в основу криминалистического следоведения, активно используемого для розыска преступников

В свою очередь существует градация следоведения на научное и практическое. Первое носит подчиненный характер по отношению к последнему, поскольку криминалистика состоит на службе органов, ведущих борьбу с преступностью, питая их своими идеями, рекомендациями и достижениями. Сегодня без следоведения вообще невозможно представить деятельность правоохранительных органов.

Объектом следоведения являются следы. Понятие «след» в криминалистике имеет широкое и узкое значение. «След» в широком смысле обозначает остаток или признак какого-либо явления, события. Это как материальные, так и идеальные

¹ О мухах, серпах и Китае // <https://dzen.ru/a/Z8fwsrAUeXBzn8l3?ysclid=mhc0hfl86b395135458> (дата обращения 22.01.2026).

изменения окружающей действительности, возникающие в связи с подготовкой, совершением и сокрытием преступления (например, следы поджога, взрыва, крови, исчезновение имевшихся ранее в квартире предметов, осколки автомобильной фары, расчлененные части тела человека, запечатление события в сознании свидетеля и т.д.). В узком смысле, под следом понимается отображение какого-либо объекта на другом, возникающее в результате контакта между ними. Примером таких следов может служить след подошвы обуви, протектора колеса машины на земле, отпечатки пальцев на поверхности. Такие следы в криминалистической науке еще принято называть следами-отображениями. Их изучением занимается отрасль криминалистической техники трасология.

В истории развития криминалистики понятие следа и объем вопросов, подлежащих разрешению с помощью приемов и средств трасологии, существенно изменялись. Например, один из пионеров отечественной криминалистики И.Н. Якимов определял трасологию, как учение «... о вещественных доказательствах и следах» [6, С. 124] и рассматривал в ней следы крови, спермы наряду со следами-отпечатками. Автор указывал на то, что «следом называется отпечаток на чем-нибудь предмета, позволяющий судить об его форме или об его назначении» [7, С. 47].

Позднее С.М. Потаповым был предложен критерий, позволивший отграничить понятие следа трасологического от следа в широком значении. Ученый считал, что следами являются «отображения на материальных предметах признаков явлений, причинно связанных с расследуемым событием» [8, С. 229]. Впоследствии данную идею развивал Б.И. Шевченко. Он ограничил значение рассматриваемой дефиниции следами-отображениями [9, С. 13]. Великий криминалист Г.Л. Грановский отмечал, что «под следами в трасологии подразумевают явившиеся результатом действий и контактов, связанных с событиями преступления, материальные отображения признаков внешнего строения и иных свойств объектов, имеющих устойчивые пространственные границы» [10, С. 8].

Однако не все ученые-криминалисты разделяли данную точку зрения. Крылов И.Ф. считал, что «расширение понятия следов до границ того, что может быть воспринято органами чувств, неправильно. Но не менее опасна и другая крайность, заключающаяся в игнорировании тех изменений, которые происходят в окружающей обстановке под воздействием преступника. Ограничение содержания учения о следах лишь следами-отпечатками может повредить практике. Для раскрытия преступления и изобличения преступника пятна крови, образовавшиеся от пореза преступником пальца, или отслоение пыли, принесенной на подошве обуви, имеют порой не меньшее значение, чем отпечатки пальцев и прочие следы, в узком смысле слова» [11, С. 7]. Позднее, в конце 70-х годов ученый также отмечал, что «учение о следах должно включать в себя два самостоятельных раздела: 1) учение о следах-отображениях (отпечатках, оттисках) и 2) учение о следах - остаточных явлениях» [4, С. 51]. Однако, отмечает в своем диссертационном исследовании О.Н. Надоненко, к сожалению, данная точка зрения реально не нашла поддержки и развития в криминалистике [12, С. 12].

В свою очередь Т.Н. Шамонова, анализируя существенные изменения, которые претерпевала интерпретация понятия «след» в зависимости от развития и совершенствования процессуального (доказательственного) права, резюмирует, что изначально оно соответствовало своему эмпирическому происхождению, с учетом того, что в русском языке под словом «след» понимают множество значений: отпечаток чего-нибудь на поверхности, полоса, оставшаяся от движения чего-нибудь; остаток или сохраняющийся признак чего-нибудь; следы преступления, болезни и т.д., позже данный термин трансформировался в понятие улики, включавшее в себя всякое

изменение в материальной обстановке преступления (предмет или обстоятельство, уличающее кого-нибудь в чем-нибудь), и не одни следы-отображения (отпечатки), но и иные обстоятельства преступного деяния [13].

Таким образом, в процессе исторических научных коллабораций на сегодняшний день сформировалась следующая позиция, определяющая криминалистическое учение о следах, как раздела криминалистической техники, предметом изучения которого является природа, механизм образования, свойства и признаки следов, а также, способы их обнаружения, фиксации и исследования в целях установления фактических обстоятельств расследуемого события.

Особое внимание обращает на себя то, что технологический процесс криминалистического следоведения, отмечает А.Н. Зорькина, характеризует себя как, динамически развивающаяся система, которая работает по принципу от исходного минимума источника сведений к промежуточному, а от него к целостной системе следов событий преступления [14, С. 177].

Являясь источником информации о произошедшем событии, следы позволяют установить отдельные обстоятельства, степень вины и ответственности каждого причастного к нему лица. Любое событие преступления всегда оставляет вовеки самые разнообразные следы-последствия материального и нематериального характера. Последние называются еще идеальными или психофизиологическими следами¹.

Если совсем недавно в криминалистике выделяли идеальные и материальные следы, то сегодня активно изучается новая большая группа цифровых или виртуальных следов. К последним относят любую информацию, представленную в электронном виде [15]. В криминалистике следы — это не застывшие во времени улики, а динамическая система, развивающаяся и трансформирующая. Можно выделить три уровня изменчивости следов: естественная (старение), технологическая эволюция (появление новых групп) и преднамеренное изменение (сокрытие, оставление «ложных» следов, «запутывающих» следствие). То есть криминалист фактически работает не со статичным снимком прошлого, а с «исчезающим процессом». Поэтому в современной науке в ходе исследования любой группы следов акцент смещается с простого обнаружения на прогнозирование того, как след изменился (мог измениться) с момента совершения преступления.

Итак, следы преступления – это ценные источники доказательственной информации о расследуемых событиях, отражающие как обстановку до совершения преступления, а также в момент его совершения и после этого. В зависимости от качественно-количественных характеристик, видовой принадлежности искомой следовой информации вырабатывается некий алгоритм поисково-познавательной деятельности заинтересованных лиц как в ходе следственных действий, так и в ходе экспертного анализа изучаемых следов. Для решения классификационных, диагностических и идентификационных задач, стоящих перед правоохранительными органами, целесообразно проводить исследование систем (комплекса) следов; в криминалистической тактике – при работе с идеальными следами; в криминалистической методике расследования – для конструирования алгоритмов расследования преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Законы Ману / Пер. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. Ф. Ильиным ; [Предисл. Г. Ф. Ильиной]. — Москва : Изд-во вост. лит., 1960. — 361 с.

¹ Криминалистическое исследование следов // https://studopedia.net/3_51256_tema--kriminalisticheskoe-issledovanie-sledov.html (дата обращения 20.01.2026)

2. Возгрин, И. А. Введение в криминалистику: История, основы теории, библиография / И. А. Возгрин; Ассоц. «Юрид. центр», СПб. юрид. акад. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 473 с.
3. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства X–XII вв. / составитель А. А. Зимин ; под редакцией и с предисловием С. В. Юшкова. — Москва : Госюриздат, 1952. — 287 с.
4. Крылов, И. Ф. Криминалистическое учение о следах [Текст] / И. Ф. Крылов. — Ленинград : Издательство Ленинградского государственного университета, 1976. — 197 с.
5. Арсеньев В.К. Дерсу Узала. Сквозь тайгу. XX век: путешествия, открытия, исследования. - М., Издательство «Мысль». - 1972. — 350 с.
6. Якимов И.Н. Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений М., Юридическое издательство. 1938, — 540 с.
7. Якимов, И. Н. Осмотр : научно-популярная литература / И. Н. Якимов. — Москва : Управление РК милиции г. Москвы УНКВД МО, 1935. — 118 с.
8. Краткий юридический словарь под общ. ред. К. П. Горшенина, М. С. Строговича, М. Л. Шифмана. – Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1945. – 383 с.
9. Научные основы современной трасеологии / Б. И. Шевченко ; под ред. Е. У. Зицера ; Моск. юрид. ин-т. - Москва : тип. ТАСС, 1947. — 54 с.
10. Якимов, И. Н. Осмотр : научно-популярная литература / И. Н. Якимов. — Москва : Управление РК милиции г. Москвы УНКВД МО, 1935. — 118 с.
11. Крылов И.Ф. Следы на месте преступления / Ленингр. ордена Ленина гос. ун-т им. А. А. Жданова. – Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1961. — 132 с.
12. Криминалистическое значение следов биологического происхождения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Надоненко О.Н. — 22 с.
13. Стегнова Т.В., Лозинский Т.Ф., Шамонова Т.Н. Работа со следами биологического происхождения на месте происшествия / ЭКЦ МВД РФ. – М. 1992. — 221 с.
14. Зорькина А.Н. Криминалистическое значение следов преступления на месте преступления: способы обнаружения, фиксации и изъятия / Молодой ученый – 2023. — № 8 (455). С. 174-177.
15. Арсланова А.Р. Понятие электронно-цифровых следов и их классификация / Материалы международной научно-практической конференции. Пред. Редколлегии М.М. Горшков. Омск, 2022. С. 86-89.

**К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНЫХ, ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ
И ЭТИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ
ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

В представленной статье анализируются современное состояние и перспективы интеграции технологий искусственного интеллекта в сферу судебно-экспертной деятельности Российской Федерации.

Автор показывает, что цифровая трансформация общественных отношений, начавшаяся на рубеже XX–XXI веков с повсеместного внедрения персональных компьютеров и глобальных сетей связи, в последние годы обрела новые качественные характеристики. На смену простой автоматизации повторяющихся операций приходят системы, способные к самообучению, обнаружению скрытых закономерностей и их углублённому анализу.

Судебная экспертиза, традиционно базирующаяся на фундаментальных естественно-научных и технических знаниях, а также на богатом криминалистическом опыте, оказалась органично восприимчивой к преимуществам, которые несут в себе интеллектуальные алгоритмы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, судебно-экспертная деятельность, судебная экспертиза, правовое регулирование, криминалистика.

A.N. Luzgin

**ON THE ISSUE OF REGULATORY, TECHNOLOGICAL AND ETHICAL
ASPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE CAPABILITIES IN
FORENSIC EXPERTISE**

This article analyzes the current state and prospects of integrating artificial intelligence technologies into the field of forensic expertise in the Russian Federation. The author shows that the digital transformation of public relations, which began at the turn of the XX–XXI centuries with the widespread introduction of personal computers and global communication networks, has acquired new qualitative characteristics in recent years. Simple automation of repetitive operations is being replaced by systems capable of self-learning, detecting hidden patterns and analyzing them in depth. Forensic examination, traditionally based on fundamental scientific and technical knowledge, as well as rich forensic experience, has proved to be organically receptive to the advantages of intelligent algorithms.

Keywords: artificial intelligence, forensic expertise, forensic examination, legal regulation, criminalistics.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы общественной жизни, началась ещё в последние десятилетия прошлого века, когда персональные компьютеры и глобальные телекоммуникационные сети стали постепенно проникать в повседневную практику правоохранительных органов и экспертных учреждений. Интернет-технологии стали являться неотъемлемой частью жизни человека в результате общественного прогресса, а также активного развития информационной сферы [1, с. 195]. Нельзя не отметить и тот факт, что в современных условиях все чаще находят свое отражение применяемые информационные технологии [2, с. 163].

Однако в течение последних десяти лет данный процесс приобрёл принципиально иные очертания. Если ранее речь шла главным образом об автоматизации рутинных операций — оцифровке учётов, ведении баз данных, использовании простейших поисковых систем, — то сегодня на передний план выходят технологии, которые принято объединять понятием «искусственный интеллект» (далее — ИИ). Их отличительная особенность заключается в способности не просто выполнять заранее заданные последовательности команд, но и самостоятельно обучаться на массивах данных, выявлять скрытые, неочевидные для человека закономерности, подвергать эти закономерности систематизации и интерпретации.

Судебно-экспертная деятельность, в силу своей природы ориентированная на максимальную объективность и достоверность полученных результатов, не смогла остаться в стороне от таких технологических решений.

Более того, сама природа доказывания, требующая от эксперта строгой научной обоснованности выводов, делает экспертную сферу едва ли не идеальным местом для внедрения количественных и формализованных методов, которые предлагает современное машинное обучение.

Однако, как нередко случается на стыке права и высоких технологий, темпы развития инструментария заметно опережают разработку и внедрение в практическую деятельность своевременных правовых норм, валидированных методик и — что, возможно, важнее всего — системы этических ограничений, без которых применение алгоритмов в сфере, затрагивающей права и свободы граждан, становится рискованным.

Именно поэтому вопрос о границах, условиях и потенциальных угрозах использования систем ИИ в Российской судебно-экспертной деятельности приобретает в настоящее время не только теоретическую, но и весьма острую практическую значимость.

Прежде чем перейти к анализу современных проблем, уместно кратко обратиться к генезису идей, связанных с применением количественных и формализованных методов в криминалистике. Наиболее показательной в этом отношении является область судебного почерковедения, традиционно считающаяся одной из самых сложных экспертных специальностей, поскольку объект исследования — рукописный текст — отражает уникальную психофизиологическую структуру личности пишущего.

Ещё в середине XX столетия учёные-криминалисты активно искали способы снижения доли субъективизма в экспертном заключении. Как справедливо отмечал основоположник отечественной теории криминалистической идентификации профессор Рафаил Самуилович Белкин, сам процесс идентификации: «не может быть сведен к простому сличению признаков, он всегда есть акт мыслительной деятельности эксперта» [3, с. 214].

Стремление минимизировать эту мыслительную, а значит, в определённой степени субъективную составляющую и привело к развитию математических, а затем и кибернетических подходов в почерковедении.

Среди наиболее значимых работ данного направления следует назвать труды П.В. Бондаренко, посвящённые вероятностно-статистическим методам установления исполнителя рукописи. Разработанные им методики позволяли с определённой долей вероятности определять такие социально-демографические характеристики писавшего, как пол и возраст.

В основе этих разработок лежала гипотеза о наличии статистически значимых различий в проявлении отдельных графических признаков в текстах, выполненных мужчинами и женщинами. Исследования проводились на репрезентативных эмпирических

выборках — например, методика дифференциации пола по высоковыработанному почерку создавалась на основе анализа 480 рукописей [4, с. 101-112].

Эти работы стали важной вехой на пути формализации экспертного знания. Параллельно развивались и иные математические подходы: методы графического усреднения письменных знаков, графический дисперсионный анализ, оптическое интегрирование признаков почерка, базировавшиеся на достижениях начертательной статистики.

Как подчёркивали сами авторы этих исследований, использование математического аппарата позволяет объективизировать процесс исследования, повысить научную обоснованность и надёжность выводов.

Сходные идеи высказывал и А. В. Смольяков, который разрабатывал формализованные приёмы судебно-почерковедческого анализа, в том числе метод оценки степени совершенства системы движений пишущего.

Тем не менее, несмотря на то что внедрение кибернетических моделей в почерковедении началось раньше, чем во многих других родах судебной экспертизы, в дальнейшем это направление значительно отстало от первоначальных ожиданий. Причины такого отставания носят комплексный характер.

Во-первых, вычислительные мощности того времени были недостаточны для обработки многомерных массивов признаков.

Во-вторых, и это главное, полная формализация всего многообразия почерковых характеристик, отражающих сложнейшую психофизиологическую организацию человека, оказалась чрезвычайно трудной задачей.

Сегодня, однако, ситуация кардинально изменилась.

Появление глубоких нейронных сетей (deep learning), обладающих способностью самостоятельно выстраивать многоуровневые иерархии абстрактных признаков, а также небывалый рост вычислительных ресурсов и накопление огромных массивов цифровых данных создали принципиально новые возможности для судебно-экспертной деятельности.

Цифровая трансформация общественной жизни привела к возникновению новых объектов исследования, среди которых данные с мобильных устройств, метаданные цифровых изображений, файлы из облачных хранилищ, а в самое последнее время — контент, полностью сгенерированный нейросетями (так называемые дипфейки). С развитием технологий искусственного интеллекта задачи по распознаванию продолжают усложняться, что требует постоянного обновления методов анализа и распознавания [5, с. 184].

В этом контексте Е.Р. Россинская, развивая теоретические основы цифровизации судебно-экспертной деятельности, обоснованно указывает на необходимость пересмотра методологии и технологий разработки экспертных методик [6, с. 26-30].

На уровне государственной политики также происходит осознание масштаба происходящих изменений. Создание в середине 2019 года Технического комитета по стандартизации № 164 «Искусственный интеллект», активное обсуждение проектов федеральных законов, направленных на урегулирование применения ИИ в судопроизводстве, а также общая логика цифровизации государственных услуг — все это формирует определённый институциональный фон для интеграции интеллектуальных алгоритмов в экспертную деятельность.

Однако, главное препятствие лежит не в плоскости технических трудностей создания эффективных алгоритмов. Оно носит фундаментальный, онтологический характер и касается несовместимости самой природы современных систем ИИ —

особенно нейронных сетей глубокого обучения — с базовыми принципами судопроизводства, такими как законность, обоснованность и аргументированность судебных решений и экспертных заключений. Речь идёт о хорошо известной в компьютерных науках проблеме «чёрного ящика».

Системы машинного обучения, и в особенности глубокие нейронные сети, достигают высокой точности прогнозирования и классификации благодаря тому, что они самостоятельно выявляют в данных сложнейшие, многоуровневые и зачастую нелинейные зависимости.

В процессе обучения на больших массивах размеченных примеров сеть настраивает миллионы, а иногда и миллиарды своих внутренних параметров — весов связей между искусственными нейронами. В результате формируется математическая модель, которая «знает», как решить поставленную задачу (распознать подпись, идентифицировать голос, отнести объект к определённому классу), но не способна объяснить суду, следователю или даже самому разработчику, почему она пришла именно к такому выводу. Именно эта непрозрачность внутренних механизмов принятия решений и получила метафорическое наименование «проблемы чёрного ящика».

При решении задач судебно-экспертной деятельности описанная выше проблема приобретает критический характер. Любое заключение эксперта, это не просто краткий ответ на идентификационный или диагностический вопрос, а процессуальный документ, который в строгом соответствии с нормами уголовно процессуального законодательства Российской Федерации должен содержать подробное описание проведенных исследований, указание на примененные методики, количественные и качественные характеристики выявленных признаков, а также порядок и последовательность их оценки.

Основной опасностью использования технологий ИИ в судебно-экспертной деятельности представляет так называемый феномен «галлюцинации», который заключается в том, что большие языковые модели и нейросетевые архитектуры генерируют достаточно правдоподобный, но при этом абсолютно ложный результат, либо весьма уверенно описывают несуществующие факты или закономерности.

Как подчёркивает Е.Р. Россинская в работе, посвящённой применению нейросетей в судебной экспертологии, использование нейронных сетей без надёжных методов верификации их выходов может приводить к ошибочным заключениям [6, С. 28-32].

В экспертной практике, где цена ошибки чрезвычайно высока, этот риск приобретает характер прямой угрозы достоверности и обоснованности выводов эксперта и, конечно же, достижения целей правосудия в целом.

Кроме основной проблемы «чёрного ящика», при интеграции ИИ в судебно-экспертную деятельность необходимо учитывать ещё целый ряд значимых рисков, которые требуют самого пристального и всестороннего изучения.

Во-первых, это методологическая необоснованность. Отсутствие научно выверенных, прошедших апробацию методик использования ИИ в конкретных родах и видах экспертиз может привести к тому, что эксперт будет вынужден полагаться на «сырые» выходные данные алгоритма, не подтверждённые надлежащей валидацией

В зарубежной литературе также указывается на то, что главным препятствием для практического внедрения искусственных нейронных сетей в судебную экспертизу является именно недостаток научно-методического обоснования. Методика, не прошедшая испытаний на репрезентативных выборках, не может считаться надёжной, а её применение — допустимым.

Во-вторых, это качество обучающих данных. Алгоритм машинного обучения принципиально не может быть объективнее тех данных, на которых он обучался. Если в обучающей выборке присутствуют систематические перекосы — например, преобладание образцов почерка лиц определённого возраста, пола или социальной группы, — то модель будет не только воспроизводить, но и усиливать эти искажения. Это создаст риск систематических ошибок, которые крайне сложно выявить в рутинной работе эксперта.

Например, система распознавания лиц, обученная преимущественно на изображениях людей с европеоидными чертами, будет демонстрировать значительно более низкую точность при анализе фотографий представителей других рас. Аналогичным образом почерковедческая модель, обученная на образцах, выполненных взрослыми людьми со сформированным почерком, может давать сбои при анализе рукописей подростков или пожилых лиц.

В-третьих, это вопрос ответственности за ошибочный вывод. Кто должен нести юридическую ответственность за заключение, полученное с помощью ИИ, если оно оказалось ложным и привело к судебной ошибке? Разработчик алгоритма, эксперт, применивший его, руководитель экспертного учреждения, или же никто? Попытки «размыть» ответственность между несколькими участниками процесса недопустимы в уголовном судопроизводстве, где каждое процессуальное действие и каждый документ должны иметь конкретного исполнителя, который несет персональную ответственность за их достоверность и обоснованность. Отсутствие четких правовых норм на этот счёт создаёт зону безответственности, что является неприемлемым для достижения целей правосудия.

В-четвертых, это сугубо этические дилеммы. Передача функций по анализу доказательств алгоритмам, пусть даже в качестве вспомогательного инструмента, ставит под сомнение сохранение «человеческого измерения» правосудия.

Судья или эксперт, чрезмерно доверяющий ИИ, рискует утратить критическое мышление, превратившись, по сути, в пассивное передаточное звено между выводом нейросети и процессуальным документом.

Кроме того, возникает вопрос о допустимости использования ИИ в тех случаях, когда объяснение решения невозможно, — не нарушает ли это право обвиняемого на справедливое судебное разбирательство, включающее возможность оспорить доказательства?

Осознание перечисленных проблем ни в коей мере не должно вести к полному отрицанию потенциала использования ИИ в судебно-экспертной деятельности.

Напротив, конструктивная критика позволяет выработать практикоориентированные и взвешенные направления развития этой области.

Цифровая трансформация судебно-экспертной деятельности представляет собой объективный и, по всей видимости, необратимый процесс. Он сулит неоспоримые выгоды: повышение точности и воспроизводимости исследований, увеличение производительности труда экспертов, возможность обработки огромных массивов данных и выявления в них неочевидных закономерностей.

Искусственный интеллект способен стать мощным вспомогательным инструментом в руках эксперта, помогая ему формализовать те аспекты исследования, которые ранее были доступны лишь интуиции и накопленному опыту.

Дальнейшее развитие должно идти по пути создания объяснимых, валидированных и законодательно закреплённых методов. Только при соблюдении этих

условий можно будет реализовать огромный потенциал ИИ без ущерба для фундаментальных прав и свобод человека.

Важно подчеркнуть, что введение любых алгоритмических систем должно сопровождаться механизмами независимой оценки, возможностью обжалования решений, принятых при их участии, а также обязательным раскрытием информации об обучающих выборках и показателях точности на тестовых формах.

Без этих мер использование ИИ в столь чувствительной сфере, как судебно-экспертная деятельность, так и останется экспериментальным и потенциально опасным методом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усачев, С. И. Фиксация следов незаконного сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, совершенного с использованием интернет-технологий / С. И. Усачев // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : Материалы Международной научно-практической конференции, Иркутск, 12 марта 2021 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 195-197.

2. Милюс, А. И. Особенности познания алгоритмизации сети «Даркнет» как источника криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / А. И. Милюс // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 4(36). – С. 162-173.

3. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 2 : Частные криминалистические теории. — М. : Юристъ, 1997. — 480 с.

4. Бондаренко П.В. Вероятностно-статистические методы идентификации исполнителя рукописи : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1974. — 189 с.

5. Карпушина, Н. С. Портретная экспертиза, реалии нашего времени / Н. С. Карпушина // I Восточно-Сибирский юридический форум : Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции, Иркутск, 05–06 июня 2025 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2025. – С. 182-184.

6. Россинская Е.Р. Нейросетевые технологии в судебной экспертологии: проблемы и перспективы // Теория и практика судебной экспертизы. — 2020. — Т. 15, № 4. — С. 24–33.

УДК 343.985

В. В. Манжаро

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ПОЛУЧЕННЫХ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ И ДОСТОВЕРНОСТИ

В статье исследуются актуальные проблемы определения правового статуса доказательств, полученных с использованием систем искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве. Анализируются процессуальные требования к допустимости и достоверности таких доказательств, рассматривается проблема сертификации алгоритмов ИИ и вопросы доверия к решениям систем типа "черного ящика". Особое внимание уделяется роли эксперта-человека при использовании технологий искусственного интеллекта в производстве судебных экспертиз. На основе анализа современных вызовов предлагаются возможные пути решения рассматриваемых проблем, включая разработку специализированных стандартов, внедрение методологий объяснимого искусственного интеллекта (XAI) и совершенствование нормативной базы. Исследование носит междисциплинарный характер, находясь на стыке юриспруденции, криминалистики и компьютерных наук.

Ключевые слова: искусственный интеллект, доказательства, допустимость доказательств, достоверность доказательств, уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, алгоритмы искусственного интеллекта, черный ящик, объяснимый искусственный интеллект (XAI), процессуальный статус, сертификация алгоритмов.

V. V. Manzharo

LEGAL STATUS OF EVIDENCE OBTAINED USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE: ISSUES OF ADMISSIBILITY AND RELIABILITY

This article examines current issues regarding the legal status of evidence obtained through artificial intelligence systems in criminal proceedings. It analyzes procedural requirements for the admissibility and reliability of such evidence, addresses the challenge of certifying AI algorithms, and considers questions of trust regarding decisions made by "black box" systems. Particular attention is paid to the role of the human expert when AI technologies are employed in forensic examinations. Based on an analysis of contemporary challenges, the article proposes potential solutions, including the development of specialized standards, the implementation of Explainable AI (XAI) methodologies, and the refinement of the regulatory framework. The study is interdisciplinary in nature, situated at the intersection of law, forensic science, and computer science.

Keywords: artificial intelligence, evidence, admissibility of evidence, reliability of evidence, criminal proceedings, forensic science, forensic examination, AI algorithms, black box, Explainable AI (XAI), procedural status, algorithm certification.

Введение искусственного интеллекта в криминалистическую практику порождает комплекс процессуальных проблем, связанных с определением правового статуса доказательств, полученных с использованием данной технологии [1, с. 45]. Актуальность вопроса обусловлена стремительным развитием алгоритмов машинного обучения и их активным внедрением в судебно-экспертную деятельность, тогда как правовое регулирование значительно отстает от технологических изменений [2, с. 48]. В частности, возникают вопросы о критериях допустимости таких доказательств, условиях их достоверности и процессуальном статусе заключения, сформированного с помощью искусственного интеллекта (далее по тексту ИИ). Данная проблематика находится на стыке права, компьютерных наук и криминалистики, что требует междисциплинарного подхода к ее решению [3, с. 112].

Проблема допустимости доказательств, полученных с применением ИИ, тесно связана с вопросом сертификации используемых алгоритмов [4, с. 25]. В настоящее время в Российской Федерации отсутствует единая система доступа и верификации алгоритмов искусственного интеллекта, предназначенных для применения в уголовном судопроизводстве [5, с. 36]. Как следствие, сохраняется правовая неопределенность относительно того, каким требованиям должны соответствовать такие системы, чтобы их выводы могли рассматриваться в качестве доказательств [6, с. 48]. В качестве возможного решения данной проблемы может выступать разработка специализированных стандартов, адаптированных к потребностям судебно-экспертной деятельности [7, с. 68]. Такие стандарты могли бы установить требования к прозрачности алгоритмов, качеству обучающих выборок и воспроизводимости результатов [8, с. 18]. Особое внимание следует уделить методологии тестирования алгоритмов на различных наборах данных для выявления потенциальных смещений и ошибок [9, с. 384].

Особую сложность представляет проблема «черного ящика», характерная для многих систем ИИ, основанных на глубоком обучении [10, с. 171]. Суть проблемы заключается в том, что процесс принятия решений такими системами часто остается непрозрачным даже для их разработчиков, что затрудняет проверку и оценку полученных результатов [11, с. 80]. В уголовном процессе это создает риски нарушения принципа состязательности и права на защиту, поскольку сторонам может быть отказано в возможности оспаривать выводы, полученные с помощью ИИ. Для уменьшения этих рисков предлагается внедрение методологий объяснимого искусственного интеллекта (XAI), которые позволяют интерпретировать и объяснять решения алгоритмов в понятной для человека форме. Кроме того, важным условием допустимости доказательств, полученных с помощью ИИ, должно быть раскрытие метаданных,

включая информацию об обучающих данных, ограничениях алгоритма и возможных погрешностях. Необходима разработка специальных протоколов документирования процесса принятия решений ИИ, которые бы позволяли реконструировать логику системы при последующей экспертной проверке.

В контексте достоверности доказательств, полученных с помощью ИИ, ключевое значение приобретает вопрос о роли эксперта-человека. Как показывают исследования, в некоторых областях, например, в трасологической экспертизе, ИИ может демонстрировать точность, сопоставимую с действиями экспертов-людей, а в отдельных случаях — даже превосходить ее. Однако это не означает, что системы ИИ могут полностью заменить человека-эксперта. Напротив, их следует рассматривать в качестве инструментов, расширяющих возможности эксперта, но не заменяющих его профессиональное суждение. Именно эксперт-человек должен нести ответственность за заключение, подготовленное с использованием ИИ, и именно он должен оценивать соответствие выводов алгоритма конкретным обстоятельствам дела. Это особенно важно в ситуациях, когда выводы ИИ носят вероятностный характер или основаны на данных, не до конца релевантных рассматриваемому делу. Профессиональная подготовка эксперта должна включать не только традиционные криминалистические дисциплины, но и основы работы с системами ИИ, понимание их возможностей и ограничений.

Серьезную проблему представляет возможность систематических ошибок и смещений в алгоритмах ИИ, которые могут быть унаследованы от *biased* обучающих данных. Например, если система тренировалась на данных, не репрезентативных для определенных социальных групп, это может привести к дискриминационным результатам. В уголовном процессе такие ошибки могут иметь крайне серьезные последствия, влияя на судьбы людей. Поэтому необходима разработка специальных методик аудита алгоритмов на предмет выявления дискриминационных смещений, а также создание механизмов регулярного обновления обучающих выборок с учетом принципов репрезентативности и справедливости.

В качестве перспективного направления совершенствования практики использования ИИ в уголовном процессе может рассматриваться разработка процессуальных норм, регламентирующих статус доказательств, полученных с помощью ИИ. Такие нормы могли бы устанавливать требования к сертификации алгоритмов, порядку проведения исследований с их использованием и порядку оценки полученных результатов. Кроме того, целесообразно предусмотреть обязательное участие эксперта-человека в интерпретации выводов ИИ и подготовке заключения для суда. Это позволило бы обеспечить соблюдение принципов состязательности и права на защиту, а также повысить доверие к доказательствам, полученным с использованием технологий искусственного интеллекта. Особое внимание следует уделить разработке критериев оценки достоверности выводов ИИ, которые могли бы включать проверку соответствия алгоритма заявленным характеристикам, анализ использованных данных и методов, а также оценку непротиворечивости результатов.

Важным аспектом является международный опыт регулирования использования ИИ в судопроизводстве. В различных странах подходы к этой проблеме значительно варьируются: от полного запрета использования алгоритмов ИИ в уголовном процессе до разработки детальных регламентов их применения. Анализ зарубежной практики показывает тенденцию к созданию специализированных органов, ответственных за сертификацию и аудит судебных систем ИИ, а также к развитию стандартов объяснимости и подотчетности алгоритмов. Этот опыт может быть полезен при формировании российского подхода к регулированию использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве.

В заключении следует отметить, что в настоящее время достаточно широкое распространение получили преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, однако компетенции, которыми должен обладать субъект расследования подобных преступлений, выходят далеко за рамки юриспруденции и охватывают техническую сторону противоправных действий [12, с. 171], именно по этой причине интеграция искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство предлагает значительные возможности для повышения эффективности и объективности судебно-экспертной деятельности. Однако реализация этих возможностей требует разработки адекватного правового регулирования, которое бы обеспечивало баланс между инновациями и защитой прав участников процесса. Ключевыми элементами такого регулирования должны стать стандарты

валидации алгоритмов ИИ, методологии обеспечения прозрачности их работы и четкое определение роли эксперта-человека в подготовке заключений с использованием данных технологий. Это позволит обеспечить допустимость и достоверность доказательств, полученных с помощью ИИ, и их соответствие требованиям уголовно-процессуального закона. Дальнейшие исследования в этой области должны быть направлены на разработку конкретных методик проверки систем ИИ, применяемых в судопроизводстве, и формирование критериев оценки их надежности и достоверности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т.В. Криминалистика: учебник / Т.В. Аверьянова, Е.Р. Россинская, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 928 с.
2. Петров А.И. Искусственный интеллект в уголовном процессе: проблемы достоверности и допустимости доказательств // Законодательство. — 2024. — № 5. — С. 45–52.
3. Горшков М.М. Криминалистика (общие положения, техника, тактика, технология) : учебник / М.М. Горшков, О.П. Грибунов, А.А. Кузнецов [и др.] . — Москва : Высшее образование, 2023. — 600 с.
4. Семенов В.К. Цифровая криминалистика: алгоритмы и этика / В.К. Семенов. — Москва : Норма, 2025. — 198 с.
5. Судебная практика по использованию ИИ-доказательств: Обзор дел № 45-КГ24-8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 12. — С. 34–39.
6. Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник / Е.Р. Россинская. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2017. — 464 с.
7. Бураканова Э.Р. Цифровые следы в криминалистике // Тенденции развития науки и образования. — 2023. — № 93-4. — С. 66–68.
8. Адамова А.А. Нейросетевая обработка ДНК-матриц в криминалистике / А.А. Адамова, А.В. Бецков, Д.И. Денисова, И.С. Галишников // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. — 2023. — Т. 25. — № 3. — С. 5–19.
9. Далелов М.Л. Цифровая трансформация криминалистики // Евразийский юридический журнал. — 2023. — № 5 (180). — С. 383–385.
10. Герасимова Е.В. Цифровая криминалистика как фактор защиты цифровой экономики / Е.В. Герасимова, А.М. Хавдок // Государственная служба и кадры. — 2022. — № 1. — С. 171–173.
11. Калинин А.Ю. Эксперт-человек в эпоху искусственного интеллекта: процессуальный статус и ответственность // Вестник криминалистики. — 2023. — № 4 (48). — С. 78–85.
12. Милюс А. И. Особенности познания алгоритмизации сети «Даркнет» как источника криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий / А. И. Милюс // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — № 4(36). — С. 162–173.

АНОМАЛИИ ТЕХНИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ КАК ИНДИКАТОРЫ СКРЫТЫХ ПРЕСТУПНЫХ СХЕМ

В статье исследуются аномалии технико-экономических показателей как индикаторы скрытых преступных схем в хозяйственной деятельности. Обосновывается криминалистическое значение структурных, динамических, корреляционных и логико-функциональных отклонений. Рассматриваются методы их выявления и разграничения экономических и криминогенных аномалий. Подчеркивается необходимость интеграции экономического анализа и криминалистической диагностики в условиях цифровизации хозяйственной деятельности.

Ключевые слова: экономические преступления, технико-экономические показатели, экономико-криминалистический анализ, экономическая информация, криминалистическая диагностика

V.Yu. Mezyak

ANOMALIES OF TECHNICAL AND ECONOMIC INDICATORS AS INDICATORS OF HIDDEN CRIMINAL SCHEMES

The article examines anomalies in technical and economic indicators as indicators of hidden criminal schemes in economic activity. The forensic significance of structural, dynamic, correlation, and logical-functional deviations is substantiated. Methods for identifying such anomalies and distinguishing economic anomalies from criminogenic ones are considered. The article emphasizes the need to integrate economic analysis and forensic diagnostics in the context of the digitalization of economic activity.

Keywords: economic crimes, technical and economic indicators, economic and forensic analysis, economic information, forensic diagnostics

Экономические преступления, совершаемые в рамках либо под видом законной хозяйственной деятельности, отличаются высокой степенью латентности и сложностью выявления. Противоправные действия интегрируются в производственно-хозяйственные процессы и отражаются в экономической информации субъекта хозяйствования. Экономическая информация представляет собой совокупность сведений о процессах производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, преимущественно выраженных в количественных показателях, характеризующих деятельность предприятий и организаций [1, с. 59]. В этой связи она выступает не только инструментом управления и анализа, но и носителем криминалистически значимых следов. Как отмечает А. А. Юдинцев, преступная деятельность закономерно фиксируется в данных бухгалтерского и налогового учета и отчетности [2, с. 14–17].

Системный подход к исследованию экономической информации позволяет рассматривать предприятие как целостную совокупность взаимосвязанных технико-экономических показателей, отражающих производственные, ресурсные и финансовые процессы [8, с. 45–52; 9, с. 3–7]. Внутри данной системы существуют устойчивые причинно-следственные связи, обеспечивающие ее функциональную согласованность. С. П. Голубятников обоснованно указывал, что преступная

деятельность, воздействуя на хозяйственный механизм предприятия, нарушает указанную согласованность и тем самым оставляет следы в системе экономических показателей [6, с. 31–34; 7, с. 49–52].

Преступная схема, внедряясь в хозяйственную деятельность (хищение материальных ценностей, фиктивные операции, завышение затрат и т.п.), не ограничивается искажением отдельных учетных записей. Она трансформирует экономические потоки, перераспределяет ресурсы и влияет на структуру финансовых результатов. В результате нарушаются устойчивые пропорции между показателями, что отражается в общей системе технико-экономических данных. А. Н. Мамкин подчеркивает, что преступная деятельность интегрируется в экономическую систему предприятия, изменяя не только отдельные показатели, но и состояние системы в целом [5, с. 31–32].

В этой связи представляется целесообразным использовать категорию аномалии технико-экономических показателей. Под аномалией предлагается понимать статистически, структурно либо логически необъяснимое отклонение взаимосвязанных показателей хозяйственной деятельности, нарушающее устойчивые причинно-следственные связи экономической системы предприятия. Следует подчеркнуть, что хозяйственная деятельность объективно подвержена влиянию рыночной конъюнктуры, сезонных факторов и иных внешних воздействий. Однако преступное вмешательство, как правило, сопровождается деформацией внутренних пропорций системы показателей, что придает выявленным отклонениям криминалистическое значение.

Аномалии могут проявляться в различных формах. Структурные аномалии выражаются в нарушении соотношений между взаимосвязанными показателями: например, рост выручки при снижении производительности труда или существенное изменение структуры затрат без объективных экономических причин. Подобные отклонения свидетельствуют о возможном искусственном перераспределении ресурсов.

Динамические аномалии характеризуются нехарактерной динамикой показателей, включая резкие скачки рентабельности либо аномальную стабильность при наличии объективных предпосылок к колебаниям. Анализ временных рядов в данном случае приобретает криминалистическое значение, поскольку позволяет выявить расхождения с устойчивыми тенденциями развития предприятия или отрасли [9, с. 112–118].

Корреляционные аномалии проявляются в нарушении устойчивых зависимостей между показателями. Метод сопряженных сопоставлений, разработанный в рамках экономико-криминалистического анализа [10, с. 21–27], позволяет выявлять для примера несоответствия между объемами закупок сырья и выпуском продукции, затратами и финансовыми результатами, фондоотдачей и производственными показателями. Разрыв подобных зависимостей может свидетельствовать о сокрытии хищений либо иных противоправных действий.

Логико-функциональные аномалии связаны с противоречием технологической или экономической логике хозяйственного процесса: например, объем производства, превышающий расчетные производственные мощности, либо списание материальных ценностей без отражения соответствующего результата. Такие отклонения свидетельствуют о возможной деформации хозяйственного механизма предприятия под влиянием криминальных факторов.

При этом принципиально важным остается разграничение экономических и криминогенных аномалий. Экономические отклонения обусловлены объективными

факторами и подтверждаются внешними данными (изменениями цен, спроса, технологическими преобразованиями). Криминогенные аномалии, напротив, носят локальный характер, противоречат технологической логике и сопровождаются несогласованностью учетных данных. Как отмечается в работах по экономико-криминалистическому анализу, выявление подобных несоответствий требует интеграции экономических и криминалистических методов исследования [3, с. 7–11; 4, с. 8–12].

Для обнаружения аномалий применяются методы факторного анализа, сравнительного исследования динамики показателей, анализа предельных расчетных величин и корреляционных зависимостей [9, с. 145–152; 10, с. 34–41]. Экономико-криминалистический анализ ориентирован на установление причин изменений показателей под влиянием криминальных действий и выступает средством диагностики преступлений в сфере экономики [11, с. 11–13].

В условиях цифровизации хозяйственной деятельности анализ аномалий приобретает дополнительную актуальность. Автоматизированные системы учета позволяют выявлять статистические отклонения в больших массивах данных, однако их криминалистическая интерпретация требует учета контекста хозяйственной деятельности и особенностей способа совершения преступления. Чрезмерная формализация без качественной оценки может привести к ошибочным выводам.

Таким образом, аномалии технико-экономических показателей следует рассматривать как один из важных индикатор скрытых преступных схем. Их выявление и оценка требуют системного подхода и интеграции методов экономического анализа и криминалистической диагностики. Разработка критериев разграничения экономических и криминогенных аномалий, а также адаптация методов анализа к цифровым условиям хозяйствования представляются перспективными направлениями развития экономической криминалистики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Экономическая энциклопедия: Полит. экономия: в 4 т. – М.: Сов. энциклопедия, 1972. – С. 59.
2. Юдинцев А. А. Использование экономической информации при выявлении и расследовании преступлений в сфере налоговых правоотношений. – Н. Новгород, 2005. – С. 14–17.
3. Мамкин А. Н. Экономико-криминалистический анализ. – Н. Новгород, 2023. – С. 7–11.
4. Экономико-криминалистический анализ / С. П. Голубятников и др. – Н. Новгород, 2014. – С. 8–12.
5. Мамкин А. Н. Применение судебно-бухгалтерских знаний в практике выявления экономических преступлений. – Н. Новгород, 1999. – С. 31–32.
6. Голубятников С. П. Системный подход к проблеме выявления хищений средствами экономического анализа // Труды ГВШ МВД СССР. – 1977. – № 9. – С. 31–34.
7. Голубятников С. П. Методологические основы выявления скрытых хищений по системе экономических показателей. – 1977. – С. 49–52.
8. Каменицер С. Е. Основы управления промышленным производством. – М., 1971. – С. 45–52.
9. Деркач Д. И. Анализ производственно-хозяйственной деятельности промышленных предприятий. – М., 1975. – С. 3–7, 112–118, 145–152.
10. Голубятников С. П., Дашкова Г. В., Танасевич В. Г. Выявление хищений экономико-криминалистическими средствами. – 1983. – С. 21–27, 34–41.
11. Тимченко В. А., Юдинцев А. А. Экономико-криминалистический анализ как средство диагностики преступлений в сфере налоговых правонарушений // Бизнес в законе. – 2007. – № 2. – С. 11–13.

ДОПРОС НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОДОЗРЕВАЕМОГО: ОСОБЕННОСТИ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УСПЕШНОЕ ПОЛУЧЕНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ

В статье рассматривается специфика проведения такого вербального следственного действия, как допрос несовершеннолетнего подозреваемого в условиях конфликтной ситуации. Автором предлагается перечень тактических приемов, которые направлены на минимизацию либо исключение складывающихся в ходе расследования преступлений конфликтных ситуаций с несовершеннолетними подозреваемыми.

Ключевые слова: несовершеннолетний подозреваемый, конфликтная ситуация, тактический прием, допрос

A. I. Milyus

INTERROGATION OF A JUVENILE SUSPECT: SPECIFICS OF FACTORS INFLUENCING THE SUCCESSFUL OBTAINING OF FORENSICALLY SIGNIFICANT INFORMATION

The article examines the specifics of conducting a verbal investigative action — specifically, the interrogation of a juvenile suspect — in a conflict situation. The author proposes a set of tactical techniques aimed at minimizing or eliminating conflict situations involving juvenile suspects that arise during the course of a criminal investigation.

Keywords: juvenile suspect, conflict situation, tactical technique, interrogation.

Для успешного и результативного проведения любого следственного действия от субъекта расследования требуется качественная подготовка для его успешной реализации. Особенно ярко специфика подготовки и осуществления намеченной работы проявляется в тех случаях, когда в следственных действиях принимают участие несовершеннолетние подозреваемые.

Допросу несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) уделяется значительное внимание, что обусловлено особым правовым статусом этой категории лиц, их психологическими особенностями и жесткими процессуальными требованиями, несоблюдение которых приводит к тому, что полученные доказательства могут быть признаны недопустимыми. Отметим группы факторов, которые оказывают непосредственное влияние на тактику допроса:

1. Процессуальные гарантии и обязательное участие в следственном действии иных лиц (защитник, законный представитель, педагог, психолог);

2. Психологические и возрастные особенности личности несовершеннолетнего подозреваемого;

3. Тактические особенности подготовки и проведения допроса несовершеннолетнего подозреваемого;

4. Правовые последствия нарушений уголовно-процессуального законодательства.

Рассматриваемое следственное действие – допрос несовершеннолетнего подозреваемого относится к категории вербальных, то есть к таким, основным содержанием и инструментом которых является **речевое (словесное) общение** между следователем и иными участниками уголовного судопроизводства с целью получения и фиксации информации, имеющей значение для уголовного дела. При этом результатом вербального следственного действия является **получение показаний**, которые впоследствии становятся одним из видов доказательств по уголовному делу, что регламентировано действующим законодательством – п. 1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ.

В аспекте изучаемого вопроса нельзя не отметить справедливое мнение С.И. Усачева

о том, что «допрос является одной из разновидностей профессионального общения, и успех его проведения напрямую зависит от уровня коммуникативных навыков допрашивающего, включая умение понимать людей, их интересы, особенности социализации и прогнозировать поведение участников процесса» [1, с. 142].

Учитывая особый правовой статус, возраст и развитие несовершеннолетнего лица, а также особенности его восприятия объективной реальности, субъекту расследования следует понимать, что проведение допроса в условиях конфликтной ситуации требует тщательной подготовки к реализации коммуникативного общения как с формальной, так и неформальной точек зрения. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением О.В. Трубкиной о том, что «наибольшей сложностью отличается производство всех вербальных следственных действий с участием несовершеннолетних лиц» [2, с. 143]. Действительно, найти подход к негативно настроенному и не всегда верно воспринимающему объективную реальность несовершеннолетнему лицу, представляется весьма сложной задачей, которая требует безусловного разрешения субъектом расследования.

Мнение А. В. Варданяна о том, что «показания являются наиболее распространенным источником доказательственной информации, а допрос как процессуальное средство их получения выступает одним из наиболее актуальных и востребованных следственных действий, залогом высокой результативности которого является его тщательная подготовка» [3, с. 130; 4, с. 132], находит свое отражение в том, что подготовка к допросу несовершеннолетнего лица помимо общих рекомендаций, должна охватывать и специфику свойств личности подозреваемого с учетом возможности развития конфликтной ситуации при проведении следственного действия.

Отметим, что существуют различные виды конфликтных ситуаций, которые классифицируются по разным критериям:

По объекту спора:

- конфликт по поводу факта совершения преступления (подозреваемый отрицает причастность);
- конфликт по поводу квалификации деяния (подозреваемый признаёт факт, но оспаривает правовую оценку);
- конфликт по поводу объёма и достоверности доказательств (подозреваемый даёт показания, противоречащие материалам дела).

По степени интенсивности:

- слабый (незначительные расхождения в деталях, эпизодическое несогласие);
- средний (систематическое расхождение показаний с доказательствами, демонстративное поведение);
- острый (полный отказ от дачи показаний, агрессия, попытки оказания давления на участников допроса).

По инициатору:

- конфликт, инициированный подозреваемым;
- конфликт, спровоцированный защитником или законным представителем;
- конфликт, возникший вследствие тактических ошибок следователя.

Указанная классификация имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку позволяет следователю выбрать адекватные тактические приёмы разрешения конфликта с учётом его природы и интенсивности.

Обращаясь к возрасту несовершеннолетнего лица, нельзя не упомянуть и о том, что в зависимости от возраста будет изменяться и тактика поведения следователя. Так, в 14–15 лет подростку свойственны внушаемость, зависимость от взрослых, эмоциональная нестабильность, возможное непонимание правовых последствий, а в **16–17 лет** – повышенная критичность, стремление к самостоятельности, возможное демонстративное поведение, лучшее понимание правовых аспектов. Несмотря на незначительную разницу в возрасте, критичным является восприятие объективной реальности несовершеннолетним лицом, которое за не продолжительное время

активным образом развивается в себе разнообразные навыки, аналитические способности, развивается физически и т.д. Именно поэтому тактические приёмы требуют возрастной адаптации.

В целом, назначая время и место проведения допроса, субъект расследования должен подойти к данному вопросу весьма ответственно. Отметим, что конфликтными ситуации становятся не только из-за позиции допрашиваемого относительно его отношения к совершенному преступлению, но также и в связи с межличностными взаимоотношениями со следователем или дознавателем. Именно поэтому для минимизации возможного возникновения и развития подобных конфликтных ситуаций, в ряде случаев следует ответственно подходить к вопросу определения времени и места проведения допроса. Так, не всегда целесообразным является проведение допроса несовершеннолетнего подозреваемого во время его учебы, что может вызвать негативную реакцию с его стороны в связи с невозможностью реализации своих прав на образование. Несомненно, субъект расследования вправе самостоятельно определять время и место проведения следственных действий, однако необходимо учитывать не только служебную необходимость в проведении процессуальных действий, но и иные обстоятельства, принятие компромиссных решений по которым позволит в значительной степени повысить эффективность расследования и снизить риск возникновения коммуникативного диссонанса (состояния рассогласования или противоречия в процессе общения, приводящее к непониманию, напряжению или конфликту между субъектом расследования и допрашиваемым лицом).

Обращаясь к месту проведения допроса, зачастую целесообразным является его проведение по месту жительства несовершеннолетнего подозреваемого, который находясь в комфортных для него условиях может быть более расположен к минимизации конфликтной ситуации. Но не следует идти на поводу у подозреваемых, которые вынуждая субъекта расследования провести допрос в удобном для себя месте занимают более выгодное с тактической точки зрения положение по отношению к следователю. Необходимо понимать тактические риски проведения допроса в подобных условиях. Наличие достаточного опыта у субъекта расследования зачастую позволяет избежать подобных ситуаций.

Допрос подозреваемого – следственное действие, результаты которого могут предоставить в распоряжение субъекта расследования значительный объем как доказательственной, так и ориентирующей информации. Во многих случаях допрос несовершеннолетнего подозреваемого в конфликтных условиях проявляется как нежелание давать правдивые показания либо же дача показаний характеризуется их краткостью, неточностью, без подробностей. Это связано, как правило, с психофизиологическим состоянием несовершеннолетнего подозреваемого, который в силу своего возраста, а также в связи с тем, что совершил преступление, весьма сдержанно и осторожно относится к субъекту расследования, либо же считает, что, не прояснив своими показаниями обстоятельства совершенного преступления сможет избежать уголовной ответственности. Также следует отметить схожую ситуацию, когда несовершеннолетний подозреваемый отказывается от дачи показаний, либо дает показания, которые не согласуются с уже имеющимися по делу. В подобных случаях исходя из складывающейся следственной ситуации следует обращать внимание на возможность установления контакта с несовершеннолетним подозреваемым через связующее звено – его защитника или законного представителя. Педагог в данном случае выполняет прежде всего контрольную функцию, обеспечивая корректность донесения информации до несовершеннолетнего. Однако в отличие от защитника и законного представителя он, как правило, не обладает доверительными отношениями с подозреваемым, что ограничивает его роль в разрешении конфликтной ситуации. В свою очередь защитник заинтересован в положительном исходе дела, что понимает и его подзащитный, в силу чего между ними в абсолютном большинстве случаев складываются доверительные отношения, в которых подозреваемый из-за неосведомленности в уголовно-правовом законодательстве полностью доверяет линию

защиты защитнику, поэтому он может направить свои усилия на:

- разъяснение подзащитному правовых последствий дачи ложных показаний;
- убеждение его в целесообразности сотрудничества со следствием при наличии смягчающих обстоятельств;

- формирование у подозреваемого адекватной оценки доказательственной базы.

Примерно таким же образом обстоят дела и с законным представителем, который знает поведенческие особенности личности своего подопечного и благодаря чему может оказать содействие субъекту расследования в правильном и понятном донесении информации до несовершеннолетнего подозреваемого, а именно:

- объяснить несовершеннолетнему последствия заперательства и лжи в понятной для него форме;

- создать комфортную психологическую обстановку, снижающую конфликтность;

- предоставить следователю информацию о поведенческих особенностях подростка.

Однако следует правильным образом донести информацию до защитника или законного представителя, подтверждая наличием тех или иных доказательств, которые подтверждают несостоятельность показаний подозреваемого. Не маловажным аспектом является и отстранение законного представителя, который в силу причастности к совершенному вместе с несовершеннолетним лицом преступлению, может оказывать негативное влияние на допрашиваемого, тем самым провоцируя конфликтную ситуацию.

Следует отметить, что не только тактические приемы помогают положительным образом разрешить конфликтную ситуацию, но и уровень профессионализма субъекта расследования, на основе которого и строятся тактические приемы.

Подводя итог, отметим, что конфликтная ситуация при допросе несовершеннолетнего подозреваемого имеет ярко выраженную возрастную и психологическую обусловленность, что требует от следователя дифференцированного подхода к выбору тактических приёмов. Роль защитника и законного представителя в разрешении конфликта не сводится к формальному участию — они могут выступать эффективным связующим звеном между следователем и несовершеннолетним подозреваемым. Игнорирование возрастных и психологических особенностей несовершеннолетнего, равно как и непродуманное применение тактических приёмов, способно не только не разрешить конфликт, но и усугубить его, привести к полному отказу от дачи показаний либо к самооговору.

Таким образом, успешное разрешение конфликтных ситуаций при допросе несовершеннолетнего подозреваемого достигается комплексным применением тактических приёмов, учётом возрастных особенностей, активным использованием процессуальных возможностей защитника и законного представителя, а также безусловным соблюдением требований уголовно-процессуального закона.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усачев, С. И. Некоторые тактические особенности проведения допроса представителя потерпевшего при расследовании мошенничества в сфере автострахования / С. И. Усачев // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2021. – № 1(17). – С. 140-146.

2. Трубкина, О. В. Тактические и психологические особенности истребования информации у несовершеннолетних, находящихся в состоянии фрустрации / О. В. Трубкина // Право и управление. – 2026. – № 1. – С. 142-145.

3. Варданян, А. В. Общие положения допроса свидетелей и потерпевших по делам о злоупотреблениях полномочиями лицами, выполняющими управленческие функции в

коммерческих и иных организациях / А. В. Варданян, К. В. Гончаров // Общество и право. – 2017. – № 3(61). – С. 130–134.

4. Варданян, А. В. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов / А. В. Варданян, А. А. Говоров // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. – 2019. – № 1(88). – С. 127–136.

УДК 343

Н. А. Назырова

**ПОКАЗАНИЯ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО ФАКТАМ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Эмпирические исследования следственно-судебной практики свидетельствуют о том, что первичные показания подозреваемого наиболее часто отвечают признакам достоверности. Достоверные признательные показания подозреваемого оказывают влияние на вариативность правовых последствий для данного участника в вопросах привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания. Такая взаимосвязь характерна для расследования и судебного разбирательства всех видов преступлений, включая незаконное образование юридического лица. Получение достоверных признательных показаний подозреваемого, которые в дальнейшем могут быть использованы как источник доказательств, возможно только при соблюдении уголовно-процессуальных норм и криминалистических рекомендаций при производстве допроса.

Ключевые слова: показания, предмет доказывания, методика расследования, незаконное образование юридического лица, подозреваемый, правовые последствия.

N. A. Nazyrova

**TESTIMONY OF THE SUSPECT IN THE COMMISSION CRIMES ON THE FACTS
OF ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY: CRIMINAL PROCEDURAL
AND CRIMINALISTIC ASPECTS**

Empirical studies of investigative and judicial practice indicate that the primary testimony of a suspect most often meets the criteria of reliability. Reliable confessions of the suspect have an impact on the variability of the legal consequences for this participant in matters of criminal prosecution and sentencing. This relationship is typical for the investigation and trial of all types of crimes, including the illegal formation of a legal entity. Obtaining reliable confessions of a suspect, which can later be used as a source of evidence, is possible only if the criminal procedure rules and criminalistic recommendations are followed during the interrogation.

Keywords: testimony, subject of evidence, investigation methodology, illegal formation of a legal entity, suspect, legal consequences.

Показания подозреваемого являются одним из предусмотренных доказательств для установления обстоятельств, имеющих значение для принятия правового решения в уголовном судопроизводстве. В науке и действующих нормах Уголовно-

процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) показания данного участника уголовного процесса не отнесены к числу приоритетных и подлежат оценке для установления их достоверности по общим правилам с учетом совокупности других собранных доказательств по делу. Более того, подозреваемый как участник стороны защиты не несет уголовно-правовой ответственности за отказ от дачи показаний либо сообщение заведомо ложных сведений. Доказывание по уголовному делу может быть осуществлено и при отсутствии показаний подозреваемого, как и показаний такого лица в его последующих правовых статусах. Вместе с тем достоверные показания подозреваемого представляют важность и для самого рассматриваемого участника, и для уголовного судопроизводства в целом. Представляется правильным выделить несколько взаимообусловленных аспектов ценности достоверных показаний подозреваемого: 1) минимизация сроков для реконструкции обстоятельств расследуемого преступного события в случае причастности заподозренного лица к его совершению (вина, мотивы, способ, время, орудия и другие) либо получение сведений, свидетельствующих о неправомерности выдвинутой следственной версии о причастности данного лица; 2) выявление иных фактов преступной деятельности; 3) возможность своевременного принятия мер по возмещению причиненного вреда (к примеру, изъятие похищенного имущества в местах его сбыта либо в местах, используемых для его сокрытия (при достоверных признательных показаниях)); 4) возможность реализации подозреваемым права на активное содействие посредством дачи признательных показаний в раскрытии и расследовании преступления, которое впоследствии будет учтено как смягчающее обстоятельство в соответствии с пунктом «и» части 1 статьи 61 Уголовного кодекса Российской Федерации² (далее – УК РФ), а равно установление иных смягчающих обстоятельств, выявление которых было бы затруднительно без признательных показаний подозреваемого; 5) возможность подачи ходатайства о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям на стадии предварительного расследования или в судебном разбирательстве (при выполнении иных предусмотренных дополнительных условий, касающихся категории совершенного преступления, личности привлекаемого к уголовной ответственности и некоторых других); 6) возможность подачи ходатайства о производстве дознания в сокращенной форме при соблюдении иных обязательных условий к данной форме проведения дознания; 7) возможность подачи ходатайства о проведении судебного разбирательства в особом порядке, предусмотренном главами 40 и 40.1 УПК РФ; 8) возможность применения к лицу соответствующего примечания (при его наличии для используемой уголовно-правовой нормы), предусматривающего освобождение от уголовной ответственности. Изложенные выводы позволяют осмыслить уголовно-процессуальный аспект значимости достоверных показаний подозреваемого. В то же время необходимо помнить, что приведенные правовые последствия, возникающие в связи с дачей признательных достоверных показаний подозреваемым, в большинстве случаев нивелируются при дальнейшем отказе от таких показаний. Часть 2 статьи 75 УПК РФ предусматривает положение об исключении показаний подозреваемого из доказательственной базы в связи с признанием их в качестве недопустимых доказательств, если лицо в статусе подсудимого отказалось от них, а показания были получены без участия защитника. Показания подозреваемого могут быть признаны как

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : в ред. от 09 апреля 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : в ред. от 09 апреля 2024 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

недопустимые доказательства и при установлении фактов нарушения прав подозреваемого в процессе получения от него показаний органом предварительного расследования. Таким образом, при получении показаний у подозреваемого следователю, дознавателю необходимо не только обеспечить соблюдение уголовно-процессуальных требований производства допроса, но и пролонгировать волеизъявление лица давать достоверные показания на весь срок разбирательства по делу, оказать ему содействие в припоминании (активизации памяти) отдельных забытых обстоятельств, убедить его в целесообразности дачи достоверных показаний, в случаях занятия им позиции отказа от дачи показаний или при их ложности. Кроме того, при намерении подозреваемого дать достоверные показания требуется получить исчерпывающие сведения об обстоятельствах, входящих в предмет доказывания применительно к расследуемому виду преступления, используя разработанные методики расследования отдельных видов преступлений. Речь идет о ценности применения криминалистических знаний в деятельности органа предварительного расследования при производстве допроса с целью получения такого доказательства как показания подозреваемого.

Глубокая связь науки уголовного процесса и криминалистики во всей многогранности ее проявлений отмечается в научных исследованиях [1, с. 44], а также находит свое подтверждение в правоохранительной и судебной практике.

Рассмотрим на примере допроса лица, который подозревается в совершении незаконного образования юридического лица, как теоретические утверждения согласуются с практической деятельностью и судебной практикой. Показания должны отражать полноценно-исчерпывающую когницию всех аспектов и нюансов случившегося [2, с. 122]. Получение показаний подозреваемого представляет собой целенаправленную беседу с последующей фиксацией полученных сведений в протоколе, которая должна затронуть все обстоятельства, входящие в специфичный предмет доказывания при расследовании и рассмотрении уголовного дела о совершенном незаконном образовании юридического лица. «Структура криминалистической характеристики исследуемого преступления включает в себя: способ совершения преступления; механизм следообразования; обстановку совершения преступления; типичные личностные особенности преступника и подставного лица; цель совершения преступления» [3, с. 13]. С учетом данной структуры при допросе подозреваемого необходимо выделить несколько блоков вопросов: обстоятельства предоставления документов в регистрирующий орган и иные предшествующие и последующие действия подставного лица, приведшие к незаконному образованию юридического лица; сведения о соучастниках преступления; сведения о целях образования фиктивного юридического лица и осуществляемой им деятельности. Включение в обстоятельства, подлежащие выяснению у подозреваемого, вопросов, связанных с деятельностью фиктивного юридического лица обусловлены ее возможным преступным характером, причиненным вредом в результате такой деятельности, необходимостью установления его размера [4, с. 319]. Выявление рассматриваемого вида преступлений имеет определенную давность к преступным событиям, которые вызывают необходимость использования при допросе тактических приемов, направленных на активизацию памяти допрашиваемого. Признательные достоверные показания подозреваемого – подставного лица в совершении незаконного образования юридического лица при активном способствовании в раскрытии и расследовании преступления могут служить основанием применения к лицу примечания 2 к статье 173.1 УК РФ и прекращению уголовного дела. Примером может служить постановление суда, прекратившего уголовное дело в отношении ФИО, признавшего, что до момента ее допроса ни налоговой службой, ни правоохранительными органами не были

получены достоверные сведения, дающие основания подозревать ФИО в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ¹. ФИО сообщила о своей номинальности в качестве директора, об обстоятельствах представления в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекшее внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах, о совершении преступления в группе с иным лицом, с указанием роли каждого, дала правдивые и полные показания, способствовавшие раскрытию и расследованию преступления и положенные в основу обвинения и постановления, повлиявшие на квалификацию ее действий. В свою очередь лицо, организовавшее незаконное образование юридического лица, давая достоверные признательные показания может ходатайствовать о применении к нему одного из правовых оснований, позволяющего прекратить в отношении него уголовное преследование, освободить от наказания либо снизить его.

Безусловно, что вопросы о прекращении уголовного дела, прекращении уголовного преследования, выбора вида наказания, снижения его размеров, освобождения от наказания разрешаются индивидуально с учетом ряда предусмотренных факторов. Не исключением являются лица, чья причастность установлена за совершение незаконного образования юридического лица, то есть преступления, которое в зависимости от наличия или отсутствия квалифицирующих признаков относится к преступлениям небольшой или средней тяжести. Однако достоверные признательные показания подозреваемого учитываются при принятии итогового решения, что обуславливает необходимость таких разъяснений лицу при первом его допросе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов О. П. «Противодействие расследованию преступлений» как криминалистическая категория в трудах профессора В. П. Лаврова // Вестник Московского университета МВД России. 2024. № 1. С. 41-49.

2. Россинский С. Б. Формы предварительного расследования по уголовному делу: есть ли основания для дифференциации? // Искусство правоведения. 2025. № 1. С. 117–124.

3. Назырова Н. А. О методике расследования незаконного образования юридического лица. Москва : Издательство «Юрлитинформ», 2023. 176 с.

4. Назырова Н. А. Обеспечение законности в досудебном производстве при расследовании незаконного образования юридического лица // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2023. № 16. С.313–321.

¹ Постановление Ленинского районного суда г. Уфы Республики Башкортостан № 1-217/2025 от 20 октября 2025 г. по делу № 1-217/2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Ag5vWcalBarQ/> (дата обращения: 10.05.2026)

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ ЛИЦ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ВРЕДНОСНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРОГРАММ

Рассматриваются теоретические и прикладные аспекты формирования цифрового профиля лиц, совершающих преступления с использованием вредоносных компьютерных программ. Обосновывается необходимость использования совокупности цифровых следов, цифровых отпечатков, поведенческих и коммуникационных признаков для выявления и идентификации преступников в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровой профиль, цифровой след, цифровой отпечаток, вредоносные компьютерные программы, киберпреступность, оперативно-разыскная деятельность, цифровое профилирование

V. I. Pikta

ON THE QUESTION OF FORMING A DIGITAL PROFILE OF PERSONS COMMITTING CRIMES USING MALICIOUS COMPUTER PROGRAMS

The article examines theoretical and practical aspects of forming a digital profile of persons committing crimes using malicious software. The author substantiates the need to use a combination of digital traces, digital fingerprints, behavioral and communication features to identify offenders in the digital environment.

Keywords: digital profile, digital trace, digital fingerprint, malicious software, cybercrime, operational-search activity, digital profiling

Распространение преступлений, совершаемых с использованием вредоносных компьютерных программ (далее – ВКП), изменяет содержание деятельности оперативных подразделений по выявлению лиц, причастных к их совершению. В отличие от общеуголовных преступлений, где личность виновного устанавливается через материальные следы, очевидцев, физическое присутствие на месте происшествия, в сфере информационно-коммуникационных технологий основное значение приобретают оставляемые последними цифровые следы: сведения о сетевых соединениях, используемых устройствах, учетных записях, программной среде, способах и средствах анонимизации, коммуникации и иных элементах цифровой активности.

В научной литературе отмечается, что цифровая среда требует пересмотра подходов не только к выявлению и раскрытия преступлений, но и к изучению личности преступника. В современных условиях существенное значение приобретают не только традиционные социально-демографические характеристики, но и сведения, отражающие особенности поведения субъекта в цифровой среде, используемую им инфраструктуру, технические решения и способы сокрытия противоправной деятельности.

А. В. Серебrenникова указывает на необходимость развития цифровой криминологии как самостоятельного направления, ориентированного не только на статистическое изучение преступности, но и на анализ новых форм поведения лица в цифровой среде [1, с. 423-424]. А. А. Хараев и А. А. Кулик связывают изучение личности цифрового преступника с его цифровой компетентностью, используемыми

технологиями и характером цифровых криминальных шаблонов поведения [2, с. 480-483]. А. А. Шапошников, рассматривая личность киберпреступника, обращает внимание на необходимость выделения групп таких лиц с учетом их мотивации, уровня подготовки и связи с хакерскими сообществами [3, с. 58-59].

Зарубежные исследования также подтверждают, что для установления лица, совершающего преступление в цифровой среде, недостаточно анализа отдельных технических следов. С. Colombini и А. Colella рассматривают цифровое профилирование как инструмент расследования киберпреступлений, позволяющий на основе цифровых следов реконструировать особенности поведения пользователя и характер совершаемой им преступной деятельности [4, с. 330-331]. С. М. Steel предлагает концепцию индивидуального цифрового профилирования, ориентированную на исследование цифровых следов конкретного лица в рамках расследования, в том числе в целях планирования дальнейших действий, идентификации субъекта и определения новых направлений поиска [5, с. 7-8]. М. Bada и J. R. C. Nurse, обобщая исследования в сфере изучения личности киберпреступников, отмечают отсутствие единого подхода и необходимость дальнейшего изучения поведения лиц, совершающих преступления в цифровой среде [6, с. 1].

В теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) изучение личности преступника традиционно осуществляется через призму оперативно-разыскной характеристики преступлений. Анализ отечественных публикаций показывает, что категория цифрового профиля личности преступника не получила самостоятельного теоретического осмысления. Отдельные особенности рассматривались в контексте изучения личности, однако основной упор делался на половые, возрастные, социальные показатели и уровень специальных знаний [7, с. 3-4; 8, с. 123; 9, с. 95-96], которые, хотя и важны для комплексного исследования оперативно-разыскной характеристики, в современных условиях требуют дополнения с учетом цифровой среды.

Переход к рассмотрению цифрового профиля личности преступника требует разграничения данной категории с категориями цифрового следа, цифрового отпечатка и цифрового профилирования. В научной литературе термин «цифровой профиль» используется в различных значениях. Так, Е. В. Виноградова, Т. А. Полякова и А. В. Минбалева отмечают, что цифровое профилирование представляет собой «процесс сбора и анализа информации о человеке или организации» [10, с. 6]. Авторы указывают, что цифровой профиль может включать информацию о личных характеристиках, поведении, совершаемых действиях, связях и взаимодействиях субъекта в цифровой среде [10, с. 14]. При этом подчеркивается отсутствие единого понимания цифрового профиля как в юридической науке, так и в правоприменительной практике [10, с. 7]. Авторами резюмируется, что цифровой профиль рассматривается как совокупность актуальных достоверных данных и иных сведений о физических или юридических лицах [10, с. 8].

А. К. Жарова, определяет «цифровой профиль» как многоуровневую сложную систему, формирование которой обеспечивается анализом данных, содержащихся в информационных системах и информационно-телекоммуникационных сетях [11, с. 61]. А. В. Минбалева определяет цифровой профиль, как совокупность актуальных, достоверных данных и иных сведений о гражданах и юридических лицах, формируемых в единой системе идентификации и аутентификации или других информационных систем органов государственной власти и местного самоуправления, а также подведомственных им организаций, взаимодействующих с ней посредством единой системы межведомственного электронного взаимодействия, в целях их предоставления

с согласия соответствующих граждан или юридических лиц субъектам, запросившим доступ к этим сведениям посредством инфраструктуры цифрового профиля [12, с. 113]. Указанные положения позволяют рассматривать цифровой профиль не как отдельный информационный объект, а как систему взаимосвязанных сведений, формируемых на основе анализа цифровой активности лица.

В зарубежных исследованиях цифровое профилирование рассматривается преимущественно в качестве инструмента для анализа поведения пользователя информационной системы. Некоторые авторы указывают, что цифровое профилирование позволяет на основе цифровых следов реконструировать особенности поведения пользователя и его способ действий [4, с. 330]. С. М. Steel определяет индивидуальное цифровое профилирование как применение поведенческого анализа в цифровой криминалистике для исследования цифровых следов конкретного лица [5, с. 7]. По мнению автора, такой подход может использоваться в целях идентификации субъекта, формирования новых направлений поиска и установления взаимосвязи между отдельными эпизодами преступной деятельности [5, с. 8].

Вместе с тем цифровой профиль не может рассматриваться исключительно как совокупность отдельных цифровых следов. Цифровой след представляет собой отдельный информационный идентификатор, возникающий в результате действий пользователя в информационной системе: запись в журнале авторизации к определенному информационному ресурсу, сетевое соединение, сведения об использовании устройства, данные о транзакции и иные цифровые сведения. Цифровой профиль, в свою очередь, формируется на основе анализа, сопоставления и интерпретации совокупности таких данных и отражает устойчивые особенности поведения лица в цифровой среде.

Определенное значение для понимания содержания цифрового профиля имеют исследования цифровых отпечатков компьютерных устройств. В. Б. Вехов, А. Б. Смушкин указывают, что цифровой отпечаток представляет собой производное значение параметров и конфигурации программного и аппаратного обеспечения устройства, обладающее высоким идентификационным потенциалом при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации [13, с. 390]. Вместе с тем цифровой отпечаток выступает лишь одним из элементов более широкой системы сведений, характеризующих деятельность субъекта в цифровой среде.

С учетом изложенного цифровой профиль лица, совершающего преступления с использованием ВКП, может быть определен как совокупность взаимосвязанных цифровых, поведенческих и коммуникационных признаков, отражающих особенности подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в информационно-коммуникационной среде.

В содержание цифрового профиля могут входить цифровые следы, цифровые отпечатки, поведенческие признаки, особенности коммуникации (Рис. 1). К числу таких сведений могут относиться данные о сетевой активности, используемой цифровой инфраструктуре, способах анонимизации, особенностях применения ВКП, временных интервалах активности, используемых учетных записях, характере коммуникации, повторяющихся поведенческих паттернах и иных признаках, имеющих значение для выявления лица, причастного к совершению преступления.

Рис. 1 Примерная схема цифрового профиля

Особенности содержания цифрового профиля во многом зависят от характера используемых ВКП, способов их распространения и целей преступной деятельности. Анализ оперативно-розыскной практики и научных публикаций показывает, что различные виды ВКП формируют устойчивые цифровые, технические и поведенческие признаки, имеющие значение для выявления лица, использующего данный вид компьютерных программ.

Так, при использовании программ-вымогателей значение могут иметь сведения о публичных IP-адресах, используемых для передачи сведений на оконечные устройства о скомпрометированных устройствах, адресах, используемых в сети TOR, идентификаторах криптовалютных кошельков, а также параметрах VPN- и прокси-соединений. Вместе с тем использование технологии NAT, VPN-сервисов, TOR-сетей и иных средств анонимизации не всегда позволяет однозначно идентифицировать конкретного пользователя исключительно по IP-адресу в связи с чем существенное значение приобретает анализ совокупности иных цифровых идентификаторов и поведенческих признаков, которые в своей совокупности образуют цифровой отпечаток.

К числу таких признаков могут относиться сведения о наименовании и конфигурации операционной системы, **User-Agent** (информация о версии браузера, операционной системы, используемых плагинах и типе устройства), **браузерный fingerprint** (сочетание параметров браузера, включая расширения, шрифты, разрешение экрана, настройки языка, часовой пояс и системные цвета), **fingerprint** устройства (модель процессора, объем оперативной памяти, идентификаторы графического адаптера, MAC-адреса, уникальные аппаратные параметры), часовых поясах, языковых настройках, идентификаторах устройств, особенностях генерации ВКП, используемых крипторах, алгоритмах шифрования, структуре сообщений с требованиями о выплате выкупа, механизмах закрепления ВКП в системе, способах взаимодействия с командно-контрольными серверами, а также повторяющиеся временные интервалы сетевой активности (Табл. 1). Совокупность указанных технических и программных параметров может формировать цифровой отпечаток, обладающий идентификационным потенциалом при выявлении и раскрытии преступлений в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Таблица 1

Основные элементы цифрового профиля лица, совершающего преступления с использованием ВКП

Элемент цифрового профиля	Примеры сведений	Прикладное значение
Цифровые следы	IP-адреса, DNS, cookie, логи, session ID	фиксация цифровой активности
Цифровые отпечатки	browser fingerprint, device fingerprint, конфигурация ОС	идентификация устройства/пользователя
Поведенческие признаки	способы распространения ВКП, временные интервалы активности	выявление повторяющихся моделей поведения
Коммуникационные признаки	никнеймы, каналы связи, стиль сообщений	установление связей между субъектами

Вместе с тем отдельные цифровые идентификаторы либо технические параметры не всегда позволяют достоверно установить лицо, причастное к совершению преступления, особенно при использовании средств анонимизации, виртуальных машин, эмуляторов и распределенной сетевой инфраструктуры. В подобных условиях значение приобретает сопоставление различных цифровых данных, возникающих в процессе функционирования ВКП. Так, при определении функционала программ-вымогателей могут учитываться совпадения в способах первоначального доступа к системе, особенностях формирования исполняемых файлов, механизмах закрепления ВКП, структуре сообщений о выплате выкупа, используемых криптовалютных адресах и характере взаимодействия с потерпевшими.

Указанные сведения в отдельности могут не обладать достаточным идентификационным значением, однако их совокупность может способствовать выявлению повторяющихся особенностей преступной деятельности, определению взаимосвязи между отдельными эпизодами, а также фиксированию использования определенных технических решений и общей инфраструктуры. В этой связи цифровой профиль следует рассматривать как результат систематизации и интерпретации взаимосвязанных цифровых данных, отражающих устойчивые особенности деятельности лица в информационно-коммуникационной среде.

Таким образом, подводя итог изложенному представляется сделать ряд выводов:

1. цифровой профиль следует рассматривать как совокупность взаимосвязанных цифровых следов, цифровых отпечатков, поведенческих и коммуникационных признаков, отражающих устойчивые особенности подготовки, совершения и сокрытия преступной деятельности в информационно-коммуникационной среде. Отдельные цифровые идентификаторы не всегда обладают достаточным идентификационным значением, однако их анализ в совокупности позволяет выявлять взаимосвязь между отдельными эпизодами преступной деятельности, устанавливать использование единых технических решений и общей инфраструктуры, а также формировать оперативно-разыскные версии о причастности конкретных лиц к совершению преступлений.

2. использование цифрового профиля в деятельности оперативных подразделений может способствовать повышению эффективности выявления и раскрытия преступлений, совершаемых с использованием ВКП, а также совершенствованию механизмов анализа цифровой информации в целях установления лиц, осуществляющих противоправную деятельность в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серебренникова, А. В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) / А. В. Серебренникова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 3. – С. 423-430.
2. Хараев, А. А. Личность преступника в цифровой криминологии / А. А. Хараев, А. А. Кулик // Право и управление. – 2023. – № 10. – С. 480-484.
3. Шапошников, А. А. Криминологическая характеристика личности киберпреступника / А. А. Шапошников // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2018. – № 2. – С. 58-63.
4. Colombini, C. Digital Profiling: A Computer Forensics Approach / C. Colombini, A. Colella // Availability, Reliability and Security for Business, Enterprise and Health Information Systems. – Berlin : Springer, 2011. – P. 330-343.
5. Steel, C. M. Idiographic Digital Profiling: Behavioral Analysis Based on Digital Forensics / C. M. Steel // Journal of Digital Forensics, Security and Law. – 2014. – Vol. 9, № 1. – P. 7-26.
6. Bada, M. Profiling the Cybercriminal: A Systematic Review of Research / M. Bada, J. R. C. Nurse // 2021 IEEE European Symposium on Security and Privacy Workshops (EuroS&PW). – IEEE, 2021. – P. 1-8.
7. Пучнин, А. В. Основные элементы оперативно-розыскной характеристики мошенничеств, совершенных с использованием подложных сайтов / А. В. Пучнин, С. А. Самороковский, П. В. Миненко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2021. – № 4. – С. 247-252.
8. Искалиев, Р. Г. Оперативно-розыскная характеристика преступлений экономической и коррупционной направленности и ее цифровая модель / Р. Г. Искалиев // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2(66). – С. 117-126.
9. Батоев, В. Б. Оперативно-розыскная характеристика киберэкстремизма / В. Б. Батоев // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 2(66). – С. 90-98.
10. Виноградова, Е. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации / Е. В. Виноградова, Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 4. – С. 5-19
11. Жарова, А. К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А. К. Жарова // Юрист. – 2020. – № 3. – С. 55-61
12. Минбалеев, А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека / А. В. Минбалеев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2022. – Т. 22, № 1. – С. 110-116.
13. Вехов, В. Б. Криминалистическое исследование цифровых отпечатков компьютерных устройств / В. Б. Вехов, А. Б. Смушкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 4. – С. 390-397.

УДК 343.98

А.С. Расторопова

ОСМОТР МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

В статье рассмотрены ограничения традиционных методов фиксации обстановки при осмотре места происшествия в условиях больших площадей, а также труднодоступных местах и местах повышенного риска для следователя (дознателя), в том числе на территориях, которые граничат с зоной проведения специальной военной операции. Рассмотрена необходимость внедрения беспилотных летательных аппаратов в следственную практику, как средство оперативной, безопасной и высокоточной

фиксации. Особое внимание уделено проблеме отсутствия навыков работы с такими аппаратами у сотрудников органов предварительного следствия и дознания.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, беспилотные летательные аппараты (БПЛА), криминалистическая техника, фиксация обстановки, аэрофотосъемка.

A. S. Rastoropova

INSPECTION OF THE ACCIDENT SITE USING UNMANNED FLYING APPLIANTS

This article examines the limitations of traditional methods of recording the situation when examining a scene in large areas, as well as in hard-to-reach and high-risk areas for the investigator (inquirer), including in territories bordering the area of a special military operation. There is also talk about the need to introduce unmanned aerial vehicles into investigative practice as a means of rapid, safe and high-precision recording. Special attention is paid to the problem of investigators' (interrogators') lack of skills in working with such devices.

Keywords: inspection of the scene, unmanned aerial vehicles (UAVs), investigator, forensics, forensic technology, situation recording, aerial photography.

Осмотр места происшествия остается одним из ключевых следственных действий от качества и полноты проведения которого зависит объективность принятия процессуального решения, в порядке, установленном Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Полученные в ходе проведения данного следственного действия результаты считаются одним из основных источников сведений по совершенному деянию [1; с.149]. То, насколько грамотно и профессионально следователь или дознаватель подойдет к выбору тактики проведения и фиксации обстановки, изъятию следов и выдвижению первоначальных версий, определяет, будет ли преступление раскрыто «по горячим следам». Так «проблема качественного осмотра места происшествия независимо от вида преступления является актуальной в контексте производства следственных действий. Место происшествия - один из важнейших источников получения криминалистической значимой информации» [2, с. 42].

В настоящее время, в эпоху стремительного развития технологий традиционные методы фиксации обстановки такие как, фотосъемка, видеозапись, составление планов и схем имеют ограничения, особенно когда речь идет о больших площадях, осмотр которых требует значительных временных и физических затрат, либо о территории, где присутствует прямая угроза жизни следователя (дознавателя). В таких условиях традиционная фиксация становится не только малоэффективной, но и небезопасной для всей следственно-оперативной группы. Особенно остро эта проблема проявляется на территориях, граничащих с зоной проведения специальной военной операции, где процесс производства осмотра места происшествия сопряжен с повышенным риском для участников следственного действия. Ряд ученых отмечают, что «за последние годы в отрасли криминалистической техники наблюдается тенденция, связанная с усовершенствованием имеющихся технических средств и внедрением новых. Создаются средства и устройства, применение которых способствует повышению эффективности работы экспертов и следователей» [3; с. 50].

Так в практику криминалистики всё активнее внедряются беспилотные летательные аппараты (БПЛА). Их применение позволяет решить несколько важных задач, которые значимы для следователя (дознавателя) при раскрытии и расследовании преступления.

Во-первых, это оперативная фиксация обстановки на больших территориях за короткий промежуток времени. Беспилотный летательный аппарат способен за несколько минут выполнить то, что при ручной съемке затратило бы гораздо больше времени. Проводя аэрофотосъемку большого участка БПЛА способен сделать привязку к географическим координатам и минимизировать ошибки масштабирования и привязки, которые неизбежны при составлении схем традиционными методами. Применение БПЛА необходимо, например, при осмотре мест незаконной рубки лесных насаждений, катастроф на крупных промышленных предприятиях, авиакатастроф, масштабных бедствий, связанных с крушением судов. В частности, можно привести пример применения БПЛА при осмотре места происшествия – территории исправительной колонии, где были организованы массовые беспорядки, сопровождавшиеся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества с целью дезорганизации деятельности учреждения, совершённые организованной группой. Так, согласно протоколу осмотра места происшествия от 11 апреля 2020 года с фототаблицей к нему, с помощью беспилотного летательного аппарата «DJI Phantom 4 Pro» была осмотрена территория ФКУ ИК-№ ГУФСИН России <...>. По результатам проведенного осмотра, полученная информация перекопирована на три оптических DVD - диска, которые приобщены к протоколу осмотра места происшествия (т. 105 л.д. 204-209)¹.

Во-вторых, одна из ключевых задач, безопасность следователя и лиц, участвующих в ходе осмотра места происшествия, так как использование беспилотных летательных аппаратов позволяет дистанционно фиксировать обстановку на участках, которые представляют опасность, например, разрушенные здания, лесные завалы, а также территории, которые подвержены риску обстрела или минирования, в том числе вблизи линии проведения боевых действий. Так следователь получает возможность полноценного осмотра места происшествия с фиксацией обстановки с воздуха с последующей возможностью воспроизведения 3D модели.

В-третьих, это получение информации, которая может быть недоступна при традиционном осмотре. Современный беспилотный летательный аппарат может быть оснащен различными датчиками и системами, включая камеры, радары, GPS и другое [4, с. 405], которые позволяют выявить следы нахождения человека на исследуемой территории, очаги тления под завалами, определять расстояние до объектов, координаты местоположения. Стоит отметить положительные качества беспилотных летательных аппаратов – «минимальный вес и размер БПЛА; минимальная шумность и заметность БПЛА при его работе; отсутствие необходимости обладать специальными знаниями в области авиации; взлет и посадка могут осуществляться с любой твердой поверхности, с минимальной площадью» [5, с. 2].

Одной из наиболее значимых проблем является отсутствие у следователей (дознавателей) соответствующих навыков в использовании беспилотных летательных аппаратов. Сотрудники органов предварительного следствия, дознания не умеют самостоятельно запускать, управлять, настраивать и вести съемку при помощи такого оборудования, в результате чего такая технология остается невостребованной и редко применяемой, а осмотр места происшествия проводится традиционным методом, даже когда это связано с повышенным риском для жизни и здоровья участников следственно-оперативной, следственной группы.

Применение БПЛА при осмотре места происшествия позволяет обнаружить следы совершенного преступления, зафиксировать их месторасположение, а в случае

¹ Приговор Иркутского областного суда от 26 февраля 2025 г. по делу № 2-4/2025 (2-9/2024, 2-53/2023) // Иркутский областной суд. – URL: https://oblsud-irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=75201773&delo_id=1540006&new=&text_number=1&srv_num=1

необходимости изъятия, значительно сокращает время, затраченное на их поиски как было бы при осмотре места происшествия традиционным методом.

В следственной практике проводя осмотр места происшествия с использованием БПЛА фиксируется участок местности, координаты, общие сведения. Далее при возможном обнаружении и возникшей необходимости изъятия каких-либо следов, предметов, имеющих доказательственное значение, проводится следующий осмотр места происшествия, в ходе которого производится изъятие.

Считаем, что приоритетным направлением развития криминалистической техники на современном этапе является создание системы профессиональной подготовки сотрудников органов предварительного следствия и дознания, позволяющей эффективно применять беспилотные летательные аппараты как криминалистическое средство фиксации. Такое обучение должно включать не только практические навыки управления аппаратами, но и правовые основы и этические нормы применения данной технологии [6; с. 46], а также процессуальное оформление результатов применения беспилотных летательных аппаратов в протоколе осмотра места происшествия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Залескина, А. Н. Тактические особенности расследования разбойных нападений на первоначальном этапе / А. Н. Залескина // 95 лет Академии управления МВД России: продолжая и приумножая славные традиции : Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции, Москва, 05 июля 2024 года. – Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2024. – С. 148-152.

2. Костюченко, О. Г. К вопросу о криминалистическом понятии места происшествия / О. Г. Костюченко, Л. В. Бертовский // Вестник военного права. – 2023. – № 1. – С. 42-47.

3. Прокофьева, Е. В. Методологические основы применения беспилотных летательных аппаратов для обследования открытых участков местности / Е. В. Прокофьева, Т. К. Агаркова, А. И. Семиноженко // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 1(71). – С. 50-55.

4. Янченко, И. П. Применение дронов при производстве осмотра места происшествия / И. П. Янченко // XVII Королёвские чтения : Материалы Всероссийской молодёжной научной конференции с международным участием, посвящённой 35-летию со дня первого полёта МТКС "Энергия-Буран". В 2-х томах, Самара, 03–05 октября 2023 года. – Самара: Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 2023. – С. 405-406.

5. Костюченко, О. Г. Криминалистические аспекты применения беспилотного летательного аппарата (БПЛА) / О. Г. Костюченко // Российский следователь. – 2023. – № 10. – С. 2-5.

6. Грачева, М. П. Проблемы использования в криминалистике беспилотных летательных аппаратов / М. П. Грачева // Диалог. – 2025. – № 22(52). – С. 45-46.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДОПРОСА В ДЕЛАХ О ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

Аннотация В статье рассматриваются актуальные вопросы повышения эффективности тактики допроса при расследовании преступлений, связанных с легализацией преступных доходов. Анализируется современная практика расследования экономических преступлений, выявляются основные проблемы применения тактических приемов допроса. Особое внимание уделяется внедрению новейших достижений когнитивной психологии и нейробиологии в следственную практику. Исследуются особенности проведения допроса подозреваемых, обвиняемых и свидетелей, определяются ключевые направления получения доказательственной информации. Автор предлагает комплекс тактических приемов, направленных на активизацию памяти допрашиваемых лиц и снижение их сопротивления.

Ключевые слова: легализация преступных доходов; тактика допроса; следственные действия; экономические преступления; тактические приемы; расследование преступлений; противодействие легализации; допрос подозреваемых; допрос свидетелей; следственная практика.

A.Yu. Samoylov

FORENSIC ASPECTS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF INTERROGATION IN CASES INVOLVING THE LAUNDERING OF PROCEEDS OF CRIME

Abstract: The article discusses topical issues of improving the effectiveness of interrogation tactics in the investigation of crimes related to money laundering. The modern practice of investigating economic crimes is analyzed, and the main problems of using tactical interrogation techniques are identified. Special attention is paid to the implementation of the latest achievements of cognitive psychology and neurobiology in investigative practice. The article examines the specifics of the interrogation of suspects, accused and witnesses, and identifies key areas for obtaining evidentiary information. The author suggests a set of tactics aimed at activating the memory of the interrogated persons and reducing their resistance.

Keywords: money laundering; interrogation tactics; investigative actions; economic crimes; tactics; crime investigation; countering legalization; interrogation of suspects; interrogation of witnesses; investigative practice.

Проблематика легализации доходов, полученных преступным путём, представляет собой серьёзную угрозу национальной безопасности и экономическому благополучию многих стран мира. По оценкам экспертов Федеральной службы по финансовому мониторингу Российской Федерации, ежегодно через российские банковские структуры проходит около \$1 трлн нелегально заработанных средств. Эта цифра свидетельствует о масштабах явления и подчеркивает острую необходимость эффективных мер противодействия. Согласно статистике, опубликованной Банком России, в первом полугодии 2025 года регулятор выявил 4183 субъекта с признаками нелегальной деятельности, в том числе 2328 субъектов с признаками финансовой пирамиды и 467 субъектов с признаками нелегального кредитора. Эти данные свидетельствуют о значительном объеме нелегальной активности на российском финансовом рынке, значительная часть которой связана именно с легализацией преступных доходов. Кроме того, исследователи из Астраханского ГТУ отмечают, что в 2023 году в России было легализовано 2,09 трлн рублей преступных доходов, что составляет примерно 1,2% ВВП [7].

Актуальность данной темы обусловлена рядом факторов. Во-первых, легализация преступных доходов способствует росту коррупции, снижению доверия населения к государственным институтам и дестабилизации экономики страны. Во-вторых, она создаёт благоприятные условия для развития организованной преступности и финансирования террористических организаций. Наконец, отсутствие действенных инструментов противодействия приводит к тому, что значительная доля ресурсов уходит из-под налогообложения, лишая бюджет необходимых поступлений.

Эффективность расследования преступлений в сфере легализации напрямую зависит от качества проводимых следственных действий, среди которых особое место занимают допрос. Именно поэтому получения достоверных показаний приобретает особую важность в контексте современной практики раскрытия экономических преступлений. Несмотря на очевидную значимость вопроса, научная разработка проблем использования тактических приёмов допроса при расследовании преступлений в сфере легализации остаётся недостаточно глубокой. Среди отечественных учёных, внесших вклад в эту область, стоит отметить Аверьянову Т.В. которая рассматривает специфику ведения допроса подозреваемых и обвиняемых в делах о легализации преступных доходов [1, с. 15]; Васильева Ю.Г. изучающего влияние личностных особенностей обвиняемого на выбор тактических приёмов допроса [3, с. 15]; Горшенёва В.Н. предложившего классификацию тактических приёмов, применимых при расследовании дел о легализации [4, с. 45]; Давлетшина Р.Ф., который выделяет факторы, влияющие на эффективность применения тактических приёмов при допросе лиц, совершивших преступление в сфере легализации [5, с. 15]. Однако большинство работ сосредоточено либо на общей теории тактических приёмов, либо на конкретных аспектах их применения в определённых видах преступлений. Вопросы, касающиеся специфики использования тактических приёмов при расследовании преступлений в сфере легализации, остаются малоизученными.

Основной проблемой исследования является недостаточная разработанность методики применения тактических приёмов допроса при расследовании преступлений в сфере легализации доходов, полученных преступным путём. На современном этапе наблюдается активное внедрение тактических приемов, базирующихся на последних достижениях когнитивной психологии и нейробиологии. Возникает потребность применять методики, направленные на активизацию памяти и снижение сопротивления опрашиваемых лиц. К таким методикам относятся восстановление последовательности событий посредством ассоциаций, постановка детализирующих вопросов и дозированное повышение интенсивности воздействия в зависимости от получаемой информации. Значительное внимание уделяется подготовке сотрудников правоохранительных органов, включая развитие навыков выявления признаков дезинформации и манипуляций. При реализации указанных методологических подходов возможно применение ряда тактических приемов, направленных на формирование доверительных взаимоотношений с лицом, проходящим допрос, снижение эмоционального напряжения и стимулирование добровольного сотрудничества. К таким приемам относятся прием позитивного взаимодействия, который предполагает использование конструктивного диалога, активного выслушивания и подчеркивания позитивных характеристик личности допрашиваемого лица. Также могут быть использованы аналитические приемы, базирующиеся на логически выстроенной последовательности вопросов, ориентированных на обнаружение противоречивых моментов в сообщениях и побуждение допрашиваемого указать на собственные ошибки либо недостоверность показаний. Использование различных коммуникативных техник повышает эффективность построения диалога,

постановку корректных вопросов и интерпретацию вербальных и невербальных реакций допрашиваемого.

При проведении допроса важно детально фиксировать все действия подозреваемого образующие способ совершения преступления, роль и обязанности соучастников, источники поступления и дальнейшее движение денежных средств. Следует получить точные анкетные данные, сведения о родственниках, коллегах, знакомых, контактах, счетах, вкладах, активах, сделках и финансовых операциях, используемых устройствах и ресурсах сети Интернет, деталях документов и схемах легализации, возможных соучастников, местах хранения активов, вознаграждения исполнителей. Таким образом следователь будет располагать значительной информацией о легализации, дополненные показаниями свидетелей, результатами обысков и экспертиз [2, с. 45-49].

Свидетелями по делам о легализации преступных доходов выступают работники бухгалтерии, юристы, секретари, водители. Источником сведений служат бухгалтерские документы, договоры, материалы оперативно-розыскных мероприятий, показания участников процесса. Предмет их допроса включает факты, указывающие на легализацию, необходимость и выгодность действий. Допрос проводится по четырем основным направлениям: источники информации о первоначальном преступлении, обстоятельства легализации, личность подозреваемого, деятельность банка, через который осуществлялась легализация. Наиболее информативны лица, непосредственно оформляющие финансовые операции и контактирующие с преступниками. Сотрудники разных подразделений банка могут дополнить картину происходящего. Стоит отметить, что довольно часто упускается важная информация, связанная с ролью сотрудников операционных, валютных, кредитных отделов, служб безопасности. При проведении допросов необходимо детально уточнять процедуру документирования финансовых операций и детали проведения сделок. Рекомендуются использовать технические средства фиксации хода допроса, чтобы исключить отказ от показаний. Результатом должно стать выявление источников происхождения незаконных средств, размеров и видов имущества, круга виновных лиц, а также профилактическое предупреждение аналогичных преступлений.

Современный этап развития тактических приемов допроса отличается существенным воздействием достижений психологической науки. Применение многообразия подходов, принимающих во внимание индивидуальные характеристики лиц, подлежащих допросу, способствует повышению результативности расследования правонарушений, сопряженных с легализацией денежных средств. Одновременно возникает необходимость дальнейшего совершенствования образовательных стандартов подготовки сотрудников правоохранительных органов и формирования единой методики объективной оценки действенности используемых техник. Перспективные научные изыскания требуют сосредоточенности на комплексном межотраслевом подходе и адаптивном характере методологических решений, соответствующих особенностям правовой системы Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова Т.В. Использование специальных познаний в доказывании по уголовным делам о легализации преступных доходов // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 15-19.
2. Афзалетдинова, Г. Х. К вопросу о тактике, используемой при допросах свидетелей и подозреваемых при расследовании легализации (отмывания) денежных

средств или иного имущества, приобретенных преступным путем / Г. Х. Афзалетдинова // Право: ретроспектива и перспектива. – 2022. – № 1(9). – С. 45-49.

3. Васильева Ю.Г. Применение тактических приёмов при расследовании преступлений в сфере легализации доходов // Следователь. Федеральное издание. 2003. № 1. С. 15-18.

4. Горшенёв В.Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ // Государство и право. 2018. № 1. С. 15-22.

5. Давлетшин Р.Ф. Некоторые вопросы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 174 и 174.1 УК РФ // Законность. 2018. № 1. С. 45-50.

6. Официальный сайт Банка России // https://www.cbr.ru/analytics/inside/2025_1

УДК 343.98

М.И. Ситников, П.А. Ветрова, С.А. Тишков

О ВОЗМОЖНОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ С ПРИМЕНЕНИЕМ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ

Аннотация. В данной статье рассматриваются возможности применения беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА) при осмотре места дорожно-транспортного происшествия. Сделан вывод о том, что применение БПЛА может значительно повысить эффективность данного следственного действия за счет оперативности, повышения точности фиксации данных и минимизации вмешательства в обстановку.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие, осмотр места происшествия, беспилотные летательные аппараты, дрон, криминалистическое обеспечение.

M. I. Sitnikov, P. A. Vetrova, S. A. Tishkov

ABOUT THE POSSIBILITY OF EXAMINING THE SCENE OF A ROAD TRAFFIC ACCIDENT USING UNMANNED AERIAL VEHICLES

Annotation. This article discusses the possibilities of using unmanned aerial vehicles (UAV) for examining the scene of a road traffic accident. It is concluded that the use of UAVs can significantly improve the effectiveness of this investigative action by increasing the efficiency, accuracy of data recording and minimizing interference in the situation.

Keywords: road traffic accident, inspection of the accident scene, unmanned aerial vehicles, drone, forensic support.

Согласно статистике, представленной МВД России, за 2025 год в России произошло 128 тыс. дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП), что на 3,1% меньше, чем за 2024 год¹. Однако, несмотря на положительную динамику, вопрос о повышении эффективности производства расследования преступлений в сфере безопасности дорожного движения, по-прежнему, является актуальным.

Механизм ДТП чаще всего носит неоднозначный и неочевидный характер, что

¹ По официальным данным МВД России, опубликованным в Единой межведомственной информационно-статистической системе [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/organizations/> (дата обращения 07.05.2026).

затрудняет фиксацию обстановки места происшествия и изъятие следов.

Мы полностью поддерживаем мнение видных российских ученых о том, что «нельзя недооценивать роль технических средств в обеспечении истины по делу» [1, с. 159]. Это высказывание актуально и сегодня, в связи с чем, применение новых технологий и решений, к числу которых возможно отнести БПЛА и фотограмметрию, становится гарантом объективности документирования обстоятельств совершения преступлений и исследования места происшествия.

Каждое событие оставляет след, и задача криминалиста – этот след зафиксировать и интерпретировать. Применение современных технологий, таких как БПЛА позволяет реализовать эту задачу на новом технологическом уровне. Сегодня именно комплексное использование БПЛА и фотограмметрии воплощает это будущее, формируя новую культуру доказательной деятельности в отечественной практике.

Фотограмметрия – это научно-технический метод, позволяющий определить форму, размеры, положение и иные характеристики объектов по их фотоизображениям.

Несомненно, что «криминалистика, вооружённая новейшими средствами измерений, получает возможность не только наблюдать, но и воссоздавать реальность» [1, с. 175]. Именно это делает фотограмметрия – она реконструирует место происшествия в формате трёхмерной модели, позволяя измерять расстояния, углы и объёмы, не покидая рабочего кабинета.

Специалисты и исследователи убеждаются в перспективности и эффективности проведения осмотра места ДТП с помощью БПЛА с последующей обработкой данных в фотограмметрическом программном обеспечении (далее – ПО). Использование компьютерных программ позволяет получить цифровые модели участков местности, места ДТП и текстурированные модели транспортных средств с максимально точной фиксацией всех повреждений. Это позволяет проводить не только автотехнические, но и транспортно-трасологические экспертизы, а также определить возможные причины аварий.

При применении БПЛА для осмотра места ДТП можно выделить ряд преимуществ, включая:

- высокое качество изображений и точность проведения измерений за счет оснащения БПЛА цифровыми камерами;
- возможность наблюдать общую картину ДТП (ориентирующий план), включая расположение автомобилей, следов торможения, возможных повреждений дорожной инфраструктуры [2, с. 24].

Алгоритм применения БПЛА при осмотре места ДТП предусматривает совершение ряда последовательных действий. После прибытия на место происшествия необходимо произвести первичный осмотр территории и определить границы осмотра и зону для запуска дрона. Для привязки цифровой модели (схемы ДТП) к координатной системе и местности целесообразно установить контрольные точки. Затем необходимо спланировать маршрут (например, в ПО DJI Pilot 2 формируется полетная миссия с перекрытием кадров не менее 75-80%). После совершения указанных выше действий БПЛА выполняет автоматический полет, выполняя сотни снимков. В ходе полета обязательно ведется наблюдение и сопровождение объекта (запись видеоизображения объекта в пределах заданного времени, если необходимо). Полученные снимки загружаются в ПО Agisoft Metashape, где формируется облако точек, цифровая модель поверхности и ортофотоплан. В результате создается документально подтвержденная цифровая модель ДТП, которая может быть представлена в суде [3, с. 105].

В России использование БПЛА для осмотра мест ДТП активно внедряется в ряде регионов. Например, в Москве и Московской области дроны используются для оперативного реагирования на крупные аварии, помогая быстрее восстанавливать движение и снижая нагрузку на дороги.

В настоящее время возможно говорить о формировании практики использования БПЛА при расследовании ДТП, авиакатастрофах, незаконных вырубках лесных насаждений и некоторых других преступлениях.

Использование БПЛА полицией зарубежных стран при расследовании преступлений имеет больший опыт, чем в нашей стране. Так, в США еще в 2010 г. беспилотник Draganflyer X6 был применен для сбора доказательств при расследовании крупного ДТП, произошедшего недалеко от Международного аэропорта им. Дж. Г. Дифенбэйкера г. Саскатун. БПЛА применялся для аэрофото- и видеосъемки места этого ДТП. Полученные аэрофотоснимки использовались городской полицией в качестве прямых доказательств при расследовании обстоятельств происшествия [4].

Однако наряду с очевидными преимуществами и выполнением важнейшей поисковой функции БПЛА по обнаружению, фиксации криминалистически значимой информации и формированию доказательственной базы, возникает комплекс проблем правового, организационного и тактического характера, требующих практического разрешения.

В соответствии со ст. 164 УПК РФ, при производстве неотложных следственных действий могут применяться технические средства и способы обнаружения, фиксации и изъятия следов преступления. Фото- и видеосъемка с использованием БПЛА, является одним из таких способов¹.

На сегодняшний день, законодательство отстает от возможностей технического прогресса, оставляя неурегулированным вопрос о границах общедоступного пространства фиксации криминалистически значимой информации посредством съемки с воздуха. Отсутствие процессуальных правил получения разрешения на использование БПЛА в рамках осмотра места происшествия может поставить под сомнение легитимность собранных доказательств, не отвечающим требованиям, установленным ч. 1 ст. 88 УПК РФ. При всем этом осмотр должен проводиться с соблюдением принципов законности, уважения чести и достоинства личности, а также охраны прав и свобод человека и гражданина, что требует четкой правовой регламентации границ применения БПЛА при фото- и видеофиксации.

Иными словами, возможности применения БПЛА при фиксации хода и результатов осмотра места происшествия позволяют решить комплексную задачу по накоплению информационного материала для дальнейшего расследования и сбора доказательственной базы. Однако для эффективного использования БПЛА целесообразно разработать унифицированную методику их применения.

Таким образом, использование БПЛА и фотограмметрии для осмотра мест ДТП является эффективным инструментом, позволяющим повысить точность фиксации информации о местах происшествий и качество фотоснимков, получаемых при расследовании автоаварий, и, следовательно, опосредованно помочь в обеспечении безопасности участников дорожного движения. В настоящее время формируется практика применения БПЛА при расследовании ДТП, которая может стать основой для формирования унифицированной межведомственной методики применения данных технических средств для осмотра мест происшествий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р. Российская ; под ред. Р. С. Белкина. – М., 2000. – 990 с.
2. Бульбачева, А.А. Криминалистическое обеспечение осмотра места

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019). [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения 07.05.2026).

происшествия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – 27 с.

3. Леоненко, Р.М. О целесообразности использования беспилотных летательных аппаратов в практике осмотров мест происшествий по делам, связанным с авиакатастрофами / Р.М. Леоненко // Вестник Московского университета МВД России. – № 9. – 2015. – С. 105–107.

4. Митюшин, Д.А. Опыт применения беспилотных комплексов и систем в деятельности полиции зарубежных стран / Д.А. Митюшин // Специальная техника. – 2012. – №2. – С. 9–19.

УДК 343.98

Л.А. Спицина

ПРЕДМЕТ НЕЗАКОННОГО КУЛЬТИВИРОВАНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ И ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВАХ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ

В статье акцентируется внимание на отсутствии единого подхода к понятию предмета преступления в доктрине уголовного права и криминалистике. Отмечается необходимость его уточнения по фактам незаконного культивирования наркосодержащих растений и выделении самостоятельного предмета: грибов, содержащих псилоцин и/или псилоцибин, поскольку последние относятся к самостоятельному царству. Отмечается в этом вопросе прогрессивный подход законодательства Республики Беларусь. Кроме того, возможность его дополнения: **животными** (жабами (лягушками), колорадской жабой (*Incilius alvarius*, *Bufo alvarius* Girard)), так как это представлено в нормативно-правовых актах Республики Кыргызстан.

Ключевые слова: незаконное культивирование, предмет преступления, наркосодержащие растения, грибы, живые организмы.

L.A. Spicina

OBJECT OF ILLEGAL CULTIVATION IN DOMESTIC LEGISLATION AND SELECT NEAR ABROAD STATES

The article emphasizes the absence of a unified approach to the concept of the object of crime in criminal law doctrine and criminalistics. It highlights the need to clarify it specifically for cases of illegal cultivation of narcotic-containing plants and to identify a separate object: mushrooms containing psilocin and/or psilocybin, as these belong to an independent kingdom. The progressive approach of the Republic of Belarus legislation is noted in this regard. Additionally, the possibility of expanding it to include animals (frogs, Colorado River toad (*Incilius alvarius*, *Bufo alvarius* Girard)), as reflected in the normative acts of the Kyrgyz Republic.

Keywords: illegal cultivation, object of crime, narcotic-containing plants, mushrooms, living organisms.

Расследование преступлений по фактам незаконного культивирования наркосодержащих растений предполагает однозначное понимание правоприменителем какие же именно предметы (растения) возможно к ним отнести. Нуждается ли в

дополнении и уточнении имеющийся Перечень¹. Целесообразно ли при этом использовать зарубежный опыт?

Для того, чтобы ответить на эти и другие вопросы, следует проанализировать сущность предмета преступления в уголовно-правовых науках в целом.

В уголовном праве по существу указанного вопроса имеются несколько схожих по смыслу точек зрения.

Например, Н.И. Коржанский, более полувека назад справедливо отмечал, что «предмет преступления – это конкретная материальная вещь, в которой проявляются определённые свойства общественных отношений (объекта преступления), путём физического или психического воздействия на который причиняется социально-опасный вред в сфере общественных отношений» [1, с. 17].

С.Ф. Кравцовым, в этот же период времени было отмечено: «предмет преступления – это материальный (вещественный) элемент общественного отношения, прямо указанный или подразумеваемый в уголовном законе, путём противоправного воздействия на который нарушается общественное отношение» [2, с. 9].

Современные исследователи, также акцентируют внимание на аналогичных признаках предмета преступления: материальной сущности и прямом указании в уголовном законе [3, с. 41].

Обращаем внимание, что в науке криминалистики наряду с понятием предмет преступления, отдельными учеными используется и категория предмет преступного посягательства.

Так, Л.Е. Чистова, в диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук отмечает, что предмет преступного посягательства – «это предмет материального мира, на который непосредственно воздействует преступник в целях достижения своего преступного результата и содержащий наибольшее количество доказательственной информации, отражая как на себе, так и на преступнике изменения, связанные с конкретным событием преступления, используемой для выдвижения версий о местах его возможного нахождения, способах распоряжения им или совершении с ним иных противоправных действий, а также для определения направления расследования» [4, с. 96].

Раскрывая сущность предмета преступления следует обратить внимания на его признаки.

Так, А.В. Федоров считает, что признаками предмета преступного посягательства являются: 1) «чтобы они содержали наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры; 2) были включены в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации» [5, с. 103].

А.Х. Ибрагимова, также выделяет два признака предмета незаконного культивирования: физический и юридический. Суть первого признака состоит «в способности соответствующих растений оказывать специфическое влияние на

¹ Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. N 934 "Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. - <https://base.garant.ru/12180870/> (дата обращения 08.05.2026).

психические функции человека: вызывать состояние наркотического опьянения, эйфории и т.д., привыкание к получаемым из этих растений средствам и веществам в дальнейшем, при злоупотреблении – наркоманию; юридический признак состоит в закреплённом в законе или ином нормативно-правовом акте включении указанных растений в соответствующие списки наркотических средств» [6, с. 12].

В свою очередь, В. С. Комиссаров и И. Е. Пожидаев в своем исследовании подробно рассматривают признаки преступления, и, считают, что предмет преступления в своей совокупности обладает четырьмя признаками: медицинским, физическим, юридическим и социальным [7, с. 15].

На наш взгляд признаки предмета преступления незаконного культивирования наркосодержащих растений можно разделить на две группы: 1) основные – медицинский и юридический признаки; 2) дополнительные – физический и социальный. В Российской Федерации наркосодержащие растения закреплёны в Перечне, который регламентирован Постановлением Правительства РФ от 27 ноября 2010 года № 934 "Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров..."¹.

Указанный Перечень список не является исчерпывающим и постоянно пополняется новыми видами растений. Так, 7 января 2024 года был в него была включена ипомея трехцветная². В настоящее время на территории Российской Федерации запрещено культивировать девятнадцать видов растений.

Внимательное изучение указанного Перечня, который включает девятнадцать наркосодержащих растений, позволяет предположить о необходимости выделения в качестве самостоятельного предмета, грибов, содержащих псилоцибин и (или) псилоцин с растений. Об это неоднократно отмечалось и в научной литературе [8, с. 25; 9, с. 130], поскольку грибы по своим морфологическим признакам, не относятся к царству растений, а выделены в самостоятельное отдельное (царство)³.

В этом контексте более прогрессивным представляются нормативно-правовые акты Республики Беларусь. В частности, в законе Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-З «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах»⁴ в главе второй статья одиннадцать трактуется следующим образом:

¹ Постановление Правительства РФ от 27 ноября 2010 г. N 934 "Об утверждении перечня растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры и подлежащих контролю в Российской Федерации, крупного и особо крупного размеров культивирования растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, для целей статьи 231 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации по вопросу оборота растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры" (с изменениями и дополнениями). [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/12180870/> (дата обращения 08.05.2026).

² Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2024 г. N 135 "О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации". [Электронный ресурс]. – <https://base.garant.ru/408521293/> (дата обращения 08.05.2026).

³ Интернет энциклопедия [Электронный ресурс]. – <https://ru.ruwiki.ru/wiki/Грибы> (дата обращения 10.05.2026).

⁴[Электронный ресурс]. – <https://etalonline.by/document/?regnum=h11200408&ysclid=mor1082kfk705651468> (дата обращения 10.05.2026).

«Культивирование растений и грибов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества».

В Республике Таджикистан отсутствует отдельно принятый нормативно-правовой акт, закрепляющий список наркосодержащих растений. Эти сведения содержатся в Приложении 1 к Уголовному кодексу Республики Таджикистан¹ Перечня 4 и называются: «Растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, не входящие в Перечень 1». В список включены двенадцать запрещенных растений: для каждого растения определены мелкий, небольшой, крупный и особо крупный размеры.

При этом также, как Российской Федерации, грибы содержащие псилоцин и (или) псилоцибин не выделяются в отдельную категорию.

Уникальным образом сформулированы нормы уголовного законодательства Кыргызской Республики². В частности, ст. 288 предусматривает ответственность за незаконный оборот живых организмов, содержащих наркотические средства, психотропные вещества, их аналоги и прекурсоры. В примечании статьи законодатель отсылает к Постановлению кабинета министров Кыргызской Республики от 26 марта 2025 года № 152 «О наркотических средствах, психотропных веществах, их аналогах и прекурсорах, подлежащих контролю в Кыргызской Республике»³, в котором утверждены списки и размеры живых организмов.

В содержании таблицы включены наименование живого организма и состав. В примечании к таблице указано, что под живыми организмами обозначаются многоклеточные биологические организмы, обладающие всеми показателями жизненно важных функций.

Законодатель выделяет три группы живых организмов: 1) **грибы** (плодовое тело (любая часть), мицелий, споры) и относит в эту категорию *семейство строфариевые, род псилоцибе (лат. Psilocybe) и семейство паутинниковые, род гимнопил*; 2) **растения** – в данной категории закреплены 12 видов: *кат, любое растение вида кат (Catha edulis), кокаиновый куст, любое растение вида кокаиновый куст (Erythroxylum coca), крathom, растение любого вида крathom (Mitragyna speciosa), опиный мак, любое растение вида мак снотворный (Papaver somniferum L), роза гавайская (аргирея жилистая), любое растение вида роза гавайская (Argyreia nervosa), шалфей предсказателей, (шалфей наркотический) растение любого вида шалфей предсказателей (Salvia divinorum), эфедра, любое растение вида эфедра (Ephedra), кроме вида эфедра средняя (эфедра Регеля)*; 3) **животные** – *жабы (лягушки), колорадская жаба (Incilius alvarius, Bufo alvarius Girard, Phrynosoma alvarius, Cranopsis alvaria, Ollotis alvaria).*

Таким образом, Республике Кыргызстан предмет преступления дополняется еще одной категорией – животные.

Также, указанное выше Постановление кабинета министров Кыргызской Республики имеет приложение 3, в котором установлены критерии определения размеров наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов: небольшой,

¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – https://prg.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 10.05.2026).

² Уголовный кодекс Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – https://prg.kz/document/?doc_id=36675065 (дата обращения 10.05.2026).

³ [Электронный ресурс]. – <https://cbd.minjust.gov.kg/7-39874/edition/29553/ru> (дата обращения 10.05.2026).

крупный и особо крупный. При этом для растений и грибов размеры определены в граммах, а для животных – по их количеству. А в законодательстве нашего государства размеры исчисляются количеством запрещённых растений.

Проведенный сравнительный анализ по вопросу о предмете незаконного культивирования в отечественном законодательстве и отдельных государств ближнего зарубежья, позволяет утверждать:

- уголовное законодательство Республики Беларусь представляется более прогрессивным, поскольку выделяет в качестве самостоятельного предмета грибы, содержащие псилоцин и/или псилоцибин;
- максимальное количество наркосодержащих растений, запрещенных к культивированию включено в отечественное законодательство (девятнадцать); Республике Таджикистан: двенадцать, Республике Кыргызстан – двенадцать растений;
- в нормативно-правовых актах Республики Кыргызстан, предметом преступного преступления, помимо растений и грибов, являются и животные.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Коржанский Н.И. Предмет преступления. – Волгоград, 1976. – 56 с.
2. Кравцов С.Ф. Предмет преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Л., 1976. – 19 с. 9.
3. Динека В.И. Предмет преступления в уголовном праве / В.И. Динека, В.А. Жабский М.В. Денисенко // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 1(64). – С. 40-47
4. Чистова Л.Е. Теория и практика расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ: автореферат дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2023. – 499 с.
5. Федоров А.В. Противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: уголовно-политические, уголовно-правовые, криминологические, историко-правовые и международно-правовые аспекты: сборник статей. – М.: Издательство «Юрист», 2013. — 596 с.
6. Ибрагимова А.Х. Незаконное культивирование запрещенных к возделыванию растений, содержащих наркотические вещества (по материалам Республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2003. – 26 с.
7. Комиссаров В. С. Проблемы определения признаков предмета преступления, предусмотренного ст. 231 УК РФ / В. С. Комиссаров, И. Е. Пожидаев // Наркоконтроль. – 2014. – № 1. – С. 15-19.
8. Куликов А.В. Проблемы квалификации незаконного оборота растений и их частей, содержащих психоактивные вещества, а также грибы, содержащих псилоцин и (или) псилоцибин / А.В. Куликов, И.Ю. Железняк // Наркоконтроль. – 2024. – № 1. – С. 23-26.
9. Земцова С.И. Грибы, содержащие псилоцин и (или) псилоцибин как объекты ограниченной оборотоспособности // Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений: матер. Междунар. науч. практич. конф в рамках деловой программы Международной выставки «Интерполитех-2024». – М., 2024. – С. 130-134.

**РЕАБИЛИТАЦИЯ НАЦИЗМА, СОВЕРШАЕМАЯ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ**

Попытки реабилитации нацизма, все настойчивее предпринимаемые в последние годы, представляют реальную угрозу безопасности России. Использование в этих целях информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», позволяющей быстро и широко распространять подобные идеи среди населения, в первую очередь молодежи, повышает общественную опасность преступления. В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие при возбуждении уголовного дела о реабилитации нацизма, связанные с квалификацией деяния, а также с установлением лица, распространяющего такие сведения в сети «Интернет».

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, историческая экспертиза, информационно-телекоммуникационные преступления, квалификация преступлений, расследование преступлений, реабилитация нацизма, специальные знания.

M.V. Starichkov

**REHABILITATION OF NAZISM THROUGH THE INTERNET: SOME
QUALIFICATION AND INVESTIGATION ISSUES**

Attempts to rehabilitate Nazism, which have become increasingly prevalent in recent years, pose a real threat to Russia's security. The use of the Internet for this purpose, which allows for the rapid and widespread dissemination of such ideas among the population, particularly among young people, increases the public danger of the crime. This article explores some of the challenges that arise when initiating a criminal case related to the rehabilitation of Nazism, including the classification of the act and the identification of the individual responsible for spreading such information on the Internet.

Keywords: initiation of a criminal case, historical expertise, information and telecommunications crimes, qualification of crimes, investigation of crimes, rehabilitation of Nazism, special knowledge.

Сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне требует бескомпромиссной борьбы со всеми проявлениями нацизма. Любые попытки фальсификации истории, направленные на его реабилитацию, должны немедленно пресекаться.

Российское законодательство предусматривает уголовную ответственность за реабилитацию нацизма, выражающуюся в отрицании фактов, установленных приговором Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси, одобрении преступлений, установленных указанным приговором, распространении заведомо ложных сведений о деятельности СССР в годы Второй мировой войны, о ветеранах Великой Отечественной войны, совершенными публично (ч. 1 ст. 354.1 УК РФ). Реабилитацией нацизма признается также распространение выражающих явное неуважение к обществу

сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны, совершенные публично (ч. 3 ст. 354.1 УК РФ).

Повышенную общественную опасность представляет совершение указанных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», поскольку направлено на широкую аудиторию и преимущественно на молодое поколение, а потому признается квалифицирующим признаком (п. «в» ч. 3 и ч. 4 ст. 354.1 УК РФ соответственно).

Среди проблем, возникающих в ходе расследования подобных преступлений, необходимо отметить следующие.

Распространение информации, направленной на реабилитацию нацизма, происходит публично, поэтому выявление такой информации в сети «Интернет» обычно не представляет сложности. Поводом для проверки могут служить результаты контрольно-надзорных мероприятий, проводимых правоохранительными и другими органами исполнительной власти, запросы со стороны общественно-политических организаций, средств массовой информации, отдельных граждан. Вместе с тем, квалификация сведений как реабилитирующих нацизм должна производиться не на основании мнения сотрудника правоохранительных органов, даже в очевидных случаях. Такое заключение может дать эксперт либо специалист. Поэтому доследственная проверка начинается с осмотра размещенной с сети «Интернет» информации, ее изъятия (копирования на электронный носитель информации) в соответствии с частями 2, 3 ст. 164.1 УПК РФ с участием специалиста и не менее двух понятых и назначения судебной экспертизы, вид которой зависит от формы размещенной с сети информации (текстовое сообщение, в т. ч. оценочного характера, рисунок, фотография, видеофильм, ссылка на ресурсы «Интернет» и др.). Так, исследования судебной практики, проведенные Е.М. Тереховой и И.В. Тишутиной, показывают, что в 97,3 % уголовных дел проводилась историческая экспертиза [1, с. 14]. Кроме того, могут назначаться лингвистическая, искусствоведческая, психологическая, а при необходимости – компьютерно-техническая (компьютерная) судебные экспертизы.

В большинстве случаев размещенная информация носит неоднозначный, оценочный характер. Исторические (псевдоисторические) сведения разными историческими школами, особенно зарубежными, могут трактоваться по-разному. Высказывания, направленные на реабилитацию нацизма, следует отличать от научного анализа документов, изложения позиций различных историков, политологов, социологов, в том числе с целью их критики. Ссылки на источники также нуждаются в проверке и оценке. Кроме того, иногда требуется перевод информации на русский язык (язык уголовного судопроизводства). Поэтому экспертизы часто носят комплексный, комиссионный (особенно – историческая экспертиза) характер, а их производство длится значительный период времени.

Другая проблема, возникающая сразу же после возбуждения уголовного дела, связана с установлением лица, подлежащего привлечению к ответственности. Учитывая, что еще на этапе подготовки к совершению преступления злоумышленник осуществляет поиск информации и использует компьютерную технику для ее хранения, а для коммуникации применяет информационные технологии, позволяющие скрывать или видоизменять цифровые следы [2, с. 165], следует проводить мероприятия,

направленные на установление местонахождения злоумышленника. Общий порядок таких действий состоит из двух этапов: запроса у хостинг-провайдера сведений об IP-адресе и времени подключения разместившего информацию пользователя и на основании этих сведений установления у интернет-провайдера данных об абоненте – пользователе. Если с одного IP-адреса могло заходить несколько лиц (проживающие, работающие или учащиеся вместе и совместно использующие одно устройство для подключения к сети «Интернет»), возникает дополнительная задача определения конкретного пользователя из ограниченного круга. В этой связи актуальными становятся вопросы, поднимаемые в современных криминалистических исследованиях о природе цифровых следов и их процессуальном закреплении [3, с. 219–221].

Когда информация размещена на сайте, принадлежащем отечественному хостинг-провайдеру, такие запросы выполняются достаточно быстро, и виновные привлекаются к ответственности. Направление запроса зарубежному хостинг-провайдеру требует выполнения дополнительных процедур, обусловленных правилами международных отношений. Если хостинг-провайдер зарегистрирован в стране, проводящей недружественную по отношению к России политику, направление запроса, если оно вообще возможно, теряет смысл, поскольку все равно будет проигнорировано. В этом случае следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно, и, если не удастся другими способами установить лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, приостанавливает предварительное следствие в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ. Одновременно направляется представление в Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) о блокировании на территории Российской Федерации указанного интернет-ресурса как нарушающего отечественное законодательство.

Приведённые сложности частично компенсируются тем обстоятельством, что технологическая эволюция существенно расширяет инструментарий следствия. Объективно развитие науки и техники, а как следствие и современных возможностей технических средств, позволяет получить больший объем доказательственной информации и самих доказательств, чем ранее. Различные современные технические средства и технологии достаточно прочно интегрируются в деятельность правоохранительных органов [4, с. 111]. Данный потенциал особенно востребован при формировании доказательственной базы по преступлениям с цифровым контентом, позволяя компенсировать отдельные проблемы, возникающие из-за территориальных ограничений отечественной юрисдикции.

В заключение отметим, что без пресечения всех попыток реабилитации нацизма невозможно обеспечить международный мир и безопасность человечества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Терехова Е.М., Тишутина И.В. К вопросу о применении специальных знаний из области исторической науки при расследовании реабилитации нацизма // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2026. – № 1. – С. 12-21.
2. Милюс А.И. Особенности познания алгоритмизации сети «Даркнет» как источника криминалистически значимой информации при расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 4 (36). – С. 162-173.

3. Родивилина В.А. Электронно-цифровые следы как доказательства при расследовании интернет-мошенничеств: криминалистические и процессуальные аспекты // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2026. – № 1 (116). – С. 214-227.

4. Усачев С.И., Усачева Е.А. Информационно-коммуникационные технологии в механизме преступной деятельности // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 3 (106). – С. 110-117.

УДК 343.985

А. В. Сычева

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье рассмотрены некоторые способы совершения дистанционного мошенничества в современных условиях, приведены статистические данные рассматриваемой категории преступлений. Актуальность темы продемонстрирована примерами из судебной-следственной практики. Проанализировано значение способа совершения дистанционного мошенничества в системе криминалистической характеристики дистанционных мошенничеств.

Ключевые слова: дистанционное мошенничество, жертва, социальная инженерия, психологические свойства личности жертвы, способ совершения преступления.

A. V. Sycheva

ON SOME METHODS OF COMMITTING FRAUD IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A CRIMINALISTIC ASPECT ON SOME METHODS OF COMMITTING FRAUD IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: A CRIMINALISTIC ASPECT

Abstract: The article discusses some methods of committing remote fraud in modern conditions and provides statistical data on this category of crimes. The relevance of the topic is demonstrated by examples from forensic and investigative practice. The article analyzes the significance of the method of committing remote fraud in the system of forensic characteristics of remote frauds.

Keywords: remote fraud, victim, social engineering, psychological characteristics of the victim, method of committing a crime.

В теории криминалистики принято считать способ совершения мошенничеств, в т.ч. и совершенных дистанционно одним из главных элементов криминалистической характеристики преступлений [1, с. 103; 2, с. 75-76; 3, с. 194; 4, с. 46 и др.].

Согласно статистическим данным МВД России за январь 2026 года было зарегистрировано 27399 фактов совершения мошенничества, но, несмотря на небольшое снижение их числа – на 20,9% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, раскрыто всего 7374 таких преступления¹. Таким образом, в ходе раскрытия и расследования дистанционных мошенничеств сотрудники правоохранительных органов

¹ Состояние преступности в России за январь 2026 года. URL: file:///C:/Users/user/Downloads/SbornikUOS_1_2026.pdf (дата обращения 12.03.2026).

сталкиваются с многочисленными трудностями, в том числе и с постоянным появлением новых и совершенствованием уже существующих способов совершения дистанционного мошенничества.

Статистика МВД России свидетельствует, что в 2025 году самым массовым видом дистанционного мошенничества были попытки преступников убедить доверчивых граждан перевести свои денежные средства на якобы особо безопасный счет¹.

Известно, что мошенники не стоят на месте, постоянно изобретая новые способы обмана граждан в целях получения незаконной выгоды. Преступники используют любые новостные поводы для совершения такого рода преступлений. Примером может стать такой современный способ обмана как просьба «поделиться своей геолокацией». Совершение преступления начинается с безобидной беседы в боте знакомств, обменом фотографиями между потенциальной жертвой мошенничества и преступником. После этого мошенник предлагает перенести дальнейшее общение в какой-либо мессенджер, чтобы запланировать встречу. После непродолжительной переписки преступник просит жертву, чтобы та «скинула геолокацию» какого-нибудь известного места в районе нахождения жертвы, под предлогом того, что собеседнику (преступнику) проще было понять, где им назначить встречу. При этом мошенник использует вежливые, доброжелательные, мягкие формулировки, рассчитывая на то, что жертва не захочет выглядеть скучным, неинтересным собеседником и скинет координаты. Кроме того, в целях вхождения в доверие к жертве, преступник просит «скинуть» какое-либо известное всем место, а не адрес места жительства жертвы. Как только геометка отправлена преступнику, мошенник переходит к следующему этапу преступной деятельности. Он отправляет жертве на телефон видеофайл, в котором человек сообщает, что по указанным жертвой координатам могут совершаться незаконные действия. При этом видеоролик снят так, чтобы создать ощущение реальности происходящего в сознании жертвы мошенничества. Далее на телефон жертвы поступает звонок от преступника под видом сотрудника спецслужб. Он сообщает, что передача геолокации важного городского объекта может быть квалифицирована как помощь в организации теракта и начинает угрожать жертве привлечением к уголовной ответственности за отправку третьему лицу геопозиции. После этого жертве предлагают «избежать проблем», «помощь сотрудникам правоохранительных органов», совершив определенные действия: показать на видеокамеру свою квартиру, открыть приложения банков (свои и родителей) и перевести денежные средства на «специальный» счет», найти у себя дома ювелирные украшения и подготовить их для «оперативного изъятия», передав курьеру и др.

Судебно-следственная практика показывает, что в большинстве случаев жертвами такого способа мошенничества становятся несовершеннолетние, либо молодые люди до 25 лет.

Так, С., желая познакомиться с девушкой, начал общение в боте знакомств «...». Далее незнакомка попросила С. назначить встречу в каком-либо ресторане в Центральном районе г. Волгограда и направить ей координаты его места нахождения. С. отправил собеседнице на телефон координаты ресторана «Маруся», после чего на его телефон сразу поступил звонок от сотрудника спецслужб, который начал пугать С. привлечением к уголовной ответственности за помощь в организации теракта и предложил «решить вопрос», переведя все денежные средства С. на специальный счет

¹ В МВД назвали наиболее популярные в 2025 году мошеннические схемы. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69213d7b9a794790ca21ea70> (дата обращения 13.03.2026).

для проверки специальными службами. Таким образом, С. перевел мошенникам 2,6 млн. рублей¹.

Такой способ совершения мошенничества не заставляет мошенников выполнять лишнюю работу: им не нужно совершать действия, направленные на взлом аккаунта на портале Госуслуг, они не просят коды из банковских приложений, т.е., данная схема обмана основана на психологических особенностях личности – жертва верит, что уже совершила противоправное деяние и прикладывает все усилия, чтобы исправить эту ситуацию, содействуя фиктивным сотрудникам органам внутренних дел. Преступники не дают жертве возможности обдумать сложившуюся ситуацию, чтобы принять взвешенное решение, они указывают на то, что действовать последней нужно срочно, иначе могут наступить необратимые негативные последствия.

Таким образом, следователю необходимо знать современные способы совершения дистанционных мошенничеств, так как эти сведения могут помочь в выдвижении следственных версий, проведении необходимых действий по их отработке, в установлении личности преступника и его местонахождения в целях полного, всестороннего, своевременного раскрытия и расследования дистанционного мошенничества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Белкин Р.С. Криминалистическая энциклопедия. М. 2000. С.103.
2. Образцов В.А. Некоторые вопросы криминалистической характеристики преступлений, совершаемых в народном хозяйстве// Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Вып. 4. Вопросы техники, тактики и методики расследования. Саратов. 1982. С.75-76.
3. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск. 2001. С. 194.
4. Зуйков Г.Г. Поиск по признакам способа совершения преступления. М., 1970. С. 46.
5. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / М. В. Субботина. – Волгоград, 2004. – 410 с.
6. Машлякевич В.А. Расследование мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. / В.А. Машлякевич. – Барнаул. – 240 с.
7. Сычева А.В. Методика расследования мошенничеств, совершенных в отношении социально незащищенных категорий граждан : учебное пособие / А.В. Сычева. – Волгоград : ВА МВД России, 2024. – 96 с.

УДК 343.98

О. В. Трубкина

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПРЕСТУПНИКА-МИГРАНТА

Аннотация. В статье на основе анализа материалов правоприменительной практики, официальных статистических данных и научной литературы, представляются некоторые особенности личности несовершеннолетних преступников-мигрантов, имеющие значимость в качестве центрального элемента криминалистической

¹ Материалы следственной практики ГСУ ГУ МВД России по Волгоградской области.

характеристики. Определяются этнические и социально-психологические свойства исследуемых лиц, их влияние на механизм преступления.

Ключевые слова: мигранты, несовершеннолетние, группа лиц, личность, темперамент, криминалистическая характеристика, конфликты.

O. V. Trubkina

FORENSICALLY SIGNIFICANT PERSONALITY TRAITS OF A JUVENILE MIGRANT OFFENDER

Abstract. The article, based on the analysis of law enforcement practice materials, official statistical data, and scientific literature, presents some characteristics of the personalities of juvenile migrant offenders, which are significant as a central element of the forensic profile. The ethnic and socio-psychological traits of the subjects under study and their influence on the mechanism of the crime are determined.

Keywords: migrants, minors, group of people, personality, temperament, criminalistic characteristics, conflicts.

Исторически сложилось, что Россия, в силу различных причин, всегда была довольно популярной страной для мигрантов. Так, в XVIII веке, обусловленный кардинальными позитивными политическими и экономическими изменениями, массовый приток иностранцев определил не только их активную деятельность в качестве гувернанток и воспитателей, но и занятие государственных и академических должностей. Согласно исследованию К.В. Харченко, «...управляемая ценностная миграция способна принести пользу как непосредственно мигрантам, так и региональной и национальной экономике в части обеспечения ее инновационного развития [1, с.480]». На сегодняшний день значительный приток мигрантов также обуславливается социально-политическими процессами: этническим расслоением населения, «прозрачностью границ» внутри государств, ранее являвшихся бывшими республиками СССР, межнациональными конфликтами, неустроенностью граждан. С одной стороны, в условиях сегодняшнего развития России, при неуклонно снижающейся численности населения, миграция является некоторым залогом реализации задач демографической политики и распределения трудовых ресурсов. С другой стороны, масштабность законного и значительность незаконного въезда иностранцев на территорию страны, предопределяют ряд насущных проблем, важное место среди которых занимает их антиобщественное поведение. В последние годы, при безусловной латентности преступлений мигрантов, регистрируется их планомерный рост. Так, в 2025 году иностранными гражданами и лицами без гражданства на территории Российской Федерации совершено 41,1 тыс. преступлений, что на 6,5 % больше, чем за период прошлого года (в 2020 году — 34400 преступлений), причем, удельный вес деяний граждан государств-участников СНГ составляет в их числе 84,3 %¹. Одним из обеспечивающих данное положение обстоятельств является преступная деятельность российских граждан, заинтересованных по различным причинам в их прибывании и нахождении на территории страны. Так, согласно судебной статистике, в 2024 году на территории России число осужденных за организацию незаконной

¹ Статистика и аналитика // Министерство внутренних дел Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://мвд.пф/деятельност/statistics> (дата обращения: 25.04.2026).

миграции составило 1207 человек, за фиктивную регистрацию мигрантов — 9250¹.

Неконтролируемая миграция крайне негативно влияет на криминогенную обстановку, вызывая вполне оправданное беспокойство общественности. При всей неоднозначности отношения россиян к многочисленным иностранцам, по сути, становящимися нашими «согражданами», действительно «заполонившими» рынки, сферу обслуживания населения, строительство и т.д., ситуация усугубляется часто их пренебрежительным отношением к местным жителям, демонстративным национализмом.

Преступления мигрантов обладают уникальными чертами. Традиционно расцениваемые как положительные и заслуживающие уважения, характеристики поведения представителей их народностей накладывают серьезный отпечаток на механизм преступной деятельности. Например, тесное общение с соотечественниками и «землячество», определяют своеобразие формирования и степень сплоченности преступных групп; узкоэгоистические интересы при часто негативной общественной направленности и агрессивном отношении к представителям других национальностей, при национальных особенностях поведения и темперамента детерминируют высокомерие и агрессию.

Существенная часть мигрантов в нашей стране представлена в виде лиц, чья преступная направленность уже была сформирована в стране выезда, часто ранее судимыми и, соответственно, стремящимися к аналогичной привычному образу жизни адаптации в принимающем государстве, в том числе и незаконной деятельности [2, с. 198]. Особое место в структуре внешней миграции в Иркутской области и соседних регионах занимают страны СНГ, основной приток обеспечивается за счет государств Средней Азии (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан) и Закавказья (Азербайджан, Армения, Грузия), отличающихся социально-экономической нестабильностью, обуславливающей поиск работы [3, с. 49].

Семейные ценности лиц таких национальностей, безусловно вызывающие уважение, в данной связи являются своеобразным негативным криминогенным фактором. Приезжая в Россию целыми семьями, мигранты не ограничиваются рождением одного или двух детей, а национальные традиции, отношения, нормы поведения, зачастую при неприятии и отрицании чувств представителей иных национальностей, соответственно, являются важнейшим инструментом формирования личности несовершеннолетних. Таким образом, продолжающийся около двадцати лет и усиливающийся в плане интенсивности поток мигрантов в Россию, предопределил значительное количество несовершеннолетних-иностранцев, проживающих на территории страны уже постоянно, временно, либо находясь незаконно. В этой связи можно рассуждать о том, несовершеннолетние мигранты какой «волны» наиболее подвержены девиантному поведению: рожденные от иностранцев в России или прибывшие в сознательном возрасте. Однако, при безусловно неутешительном прогнозе роста их преступности, нам представляется, что обе группы являются существенным фактором риска.

Согласно сведениям Правительства Иркутской области, в 2024 году в школах на территории региона обучалось 2225 детей мигрантов, это число увеличилось на четверть по сравнению с предыдущим годом. Среди них преобладают выходцы из Таджикистана,

¹ Данные о назначении наказания по статьям УК. Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 25.04.2026).

Узбекистана, Кыргызстана, Азербайджана, Армении и Казахстана¹. Безусловно, сегодняшние данные выше.

При отсутствии отлаженной системы статистического мониторинга преступности несовершеннолетних-мигрантов, сотрудниками правоохранительных органов отмечается ее рост. Так, пресс-служба Следственного комитета РФ сообщила об увеличении данной противоправной активности за четыре месяца 2025 года на 13 %; при этом в 2024 г. на 82 % возросло число особо тяжких преступлений подростков-мигрантов².

Националистическая сплоченность преступных групп несовершеннолетних-мигрантов при своеобразии их мотивации, легкости формирования состава и умысла, повсеместном на территории страны распространении незаконной деятельности, при их уверенности в своей правоте и отсутствии толерантности, жестокости и невозможности объективной оценки их количества и деятельности, обуславливают серьезность и значимость назревающей государственной проблемы. Преступность детей и подростков-мигрантов пока еще находится в тени незаконной миграции в целом, но фактор продолжительности времени их нахождения на территории страны, соответственного взросления, обретения самостоятельности и формирования групп, обуславливают серьезность и необходимость как оценки их противоправной деятельности, так и разработки рекомендаций борьбы с ее проявлениями.

Относительно криминологических причин таких проявлений выделяют традиционные для несовершеннолетних, в виде недостаточно налаженной системы проведения досуга подростков-мигрантов, чьи родители не способны его оплатить в виде кружков и секций, неблагополучия семей и отрицательной характеристики микросреды, педагогической неграмотности родителей, безнадзорности, вызванной занятостью родителей, юридической неграмотности самих подростков, отрицательного влияния сверстников или старших по возрасту лиц, сети «Интернет», психологических характеристик периода взросления [4].

Однако, по нашему мнению, причины и мотивация девиантного поведения несовершеннолетних-мигрантов несколько глубже, в виде своеобразного «микса» из обиды и страха, ощущения безнаказанности, неумелого внедрения в чужеродную и враждебную им среду с целью реализации неуместной адаптации в условиях сложности достижения соответствия условиям жизни. Пытаясь, с одной стороны, добиться личного соответствия нормам и правилам существования в принимающей стране при невозможности реализации данного стремления, несовершеннолетние испытывают недовольство, патологическую, вполне оправданную и объяснимую фрустрацию. Причем, при безусловной психологической напряженности всех детей и подростков-мигрантов, находящихся на территории России, наиболее опасной разновидностью типажа личности девиантного подростка является «идейный» его представитель, протестующий, агрессивен настроенный и активно критикующий как страну приема его в качестве мигранта, так и ее коренных жителей. В этой связи возможны две основные типичные формы протеста:

1) пассивная, «подпольная» субкультура, сопровождаемая страхом, опасением огласки идеи при кулуарном обсуждении недостатков россиян и превознесении

¹ За год количество детей мигрантов в Приангарье выросло на четверть // Интернет-газета. URL: <https://newslab.ru/news/1332656> (дата обращения: 25.04.2026).

² СК: среди детей мигрантов в 2025 году выросла преступность // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/03/1114769-sredi-detei-migrantov-viroslo-prestupnost> (дата обращения: 25.04.2026).

достоинств граждан своей национальности;

2) активно-демонстративно-агрессивная, в силу возраста, не наделенная признаками самосохранения. Данной форме, что определяет ее своеобразие, присуще совершение действий, абсолютно неприемлемых на его родине и, соответственно, расцениваемых его родственниками и близкими лицами, как недопустимыми. Подростковая незрелость таких лиц предопределяет неадекватность их приспособления к условиям среды принимающего государства, а отсутствие должного родительского контроля — крайность и неумелость адаптации и самоутверждения, культивируемого в качестве неотъемлемой национальной характеристики.

Отличительной характеристикой обеих групп несовершеннолетних-мигрантов является чувство их безнаказанности, «стадный инстинкт», в принципе, типичный для преступности несовершеннолетних, но в данном контексте, крайне гипертрофированный. Особое опасение и озабоченность вызывает их надменное и высокомерное отношение к русским девушкам и женщинам. «Они воспринимают нас как неверных, а с кафирами можно делать что угодно. Исламский радикализм ничем не отличается от нацизма. Это идеология превосходства¹». И, если взрослые мигранты типично проявляют осторожность в своих высказываниях аналогичного характера, дети и подростки не стесняются в демонстрации мировоззрения как словесно, так и реализуя радикальные взгляды посредством совершения насильственных преступлений. В этой связи мы согласны с Н. Л. Рябенкой, определяющей, что степень адаптации мигрантов к новой для них социокультурной среде в качестве разделительной линии с местным населением преобладает над их генным уровнем [5, с. 53], что, в силу слабой сформированности моральных и волевых качеств детей и подростков, проблематично.

Безусловно, степень преступной направленности несовершеннолетних-мигрантов обуславливается рядом факторов, одним из основных, по верному утверждению Ф.Г Серого и Н.В. Козырева, является законность их пребывания в России. То есть, дети нелегальных мигрантов либо прибывшие самостоятельно, без сопровождения взрослых, наиболее девиантны, чем находящиеся в стране на законных основаниях с родителями, либо проходящие обучение [6, с. 68].

В решении задач криминалистики данные сведения о личности виновных необходимы для установления тождества или групповой принадлежности, их распознавания и диагностирования, в том числе, при использовании информации криминалистических учетов, определения эффективной линии поведения в процессе расследования, выдвижения версий, определения тактических особенностей проведения следственных действий. Преобладая при осуществлении борьбы с преступностью несовершеннолетних задачи перевоспитания над наказанием, изучение свойств личности активно используется при разработке профилактических мероприятий.

Таким образом, типичные черты личности несовершеннолетних-мигрантов обладают специфическими особенностями, формируемыми степенью законности миграционного статуса, сроком нахождения в стране и степенью адаптации, возрастом, наличием родителей, их правосознанием, толерантностью к гражданам иных национальностей, этнокультурной мимикрией в новой среде, наличием фрустрации, определенной как психологической возрастной уязвимостью, так и сложностью гражданского положения и эмоционального переживания нахождения в чужой стране. Типичными являются эмоциональная неустойчивость, низкий самоконтроль и

¹ Эксперт: почему преступность среди подростков-мигрантов выросла на 82% // URL: <https://vfokuse.mail.ru/articles/65585114-ekspert-pochemu-prestupnost-sredi-podrostkov-migrantov-vyroslo-na-84-procenta/> (дата обращения: 25.04.2026).

самокритичность, агрессивность, импульсивность, склонность к конфликтам, нежелание и неумение подчиняться, потеря ценностных ориентиров, лежащих в основе построения сценариев жизни, выбора стратегий личностной самореализации. Кроме того, существующие этнические стереотипы поведения, представляющие собой схематизированную программу поведения, типичную для представителей определенного этноса, программируют их поведение и реализуются в конкретных традициях, обрядах, обычаях, моде, воспитании. Данные знания способствуют получению криминалистически значимой информации о личности, возможно индивидуальных этнопсихологических закономерностях, основанных на особенностях этнического темперамента, характера, стереотипа поведения, определяющих впоследствии поведение виновных как в процессе совершения, сокрытия преступления, так и на предварительном следствии [7, с. 132].

Безусловно, что несовершеннолетние-мигранты типично пополняют собой уже существующую национальную диаспору, несомненно, оказывающую существенное влияние на их поведение, в том числе, криминальное. Сегодня стали реальностью преступные формирования несовершеннолетних-мигрантов, включающие в себя лиц одной национальности разных возрастов от школьников младших классов до подростков.

В школьном дворе села Новолуговое Новосибирской области 14-летнему русскому мальчику были нанесены множественные телесные повреждения группой детей мигрантов из стран СНГ, в результате которых был сломан нос с проникновением его осколков в череп, травмированы зубы, щеки зашиты изнутри, диагностировано сотрясение мозга, проблемы со зрением. Избиение произошло после отказа русского мальчика платить «дань». По свидетельству жителей села, «в пригороде Новосибирска действует банда, терроризирующая местных детей: их избивают, у них вымогают деньги; став нашими согражданами, они установили свои порядки и плюют на законы страны, в которой теперь живут»¹. К сожалению, данный пример не является исключительным. Противоправная деятельность несовершеннолетних-мигрантов растет, требуя тщательного исследования их этнических и социально-психологических свойств, глубокого изучения коммуникативных и поведенческих характеристик личности, являющейся основным элементом криминалистической характеристики, определяющим преступное поведение, разработки актуальных рекомендаций по реализации задач правосудия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Харченко К.В. Ценностная миграция как драйвер инновационного развития экономики // Вестник Академии знаний. 2025. № 3 (68). С. 480-483.
2. Трубкина О.В., Харченко Д.А. К вопросу о личности преступника как центральном элементе криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных мигрантами в Россию из стран СНГ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 24. № 4. С. 197—207.
3. Суходолов А.П., Озерникова Т.Г., Кузнецова Н.В. Международная миграция в Иркутской области: направленность, причины и тенденции // Известия Байкальского государственного университета. 2019. Т. 29. № 1. С. 48—63.
4. Швецова Н.А. Причины и условия, способствующие совершению

¹ Под Новосибирском подростки жестоко избили 14-летнего одноклассника. Об этом сообщает URL:
https://news.rambler.ru/education/49618579/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 25.04.2026).

правонарушений несовершеннолетними мигрантами // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2025. № 1. С. 69-73; Емелькина Н.Л., Жураев З.А. Причины и последствия прибытия трудовых мигрантов из Узбекистана в Российскую Федерацию с несовершеннолетними детьми. В сб.: Наука и практика: актуальные вопросы, достижения и инновации. сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Пенза, 2024. С. 203-205.

5. Рябенская Н.Л. Расследование корыстно - насильственных преступлений, совершенных мигрантами : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2021. — 333 с.

6. Серый Ф.Г., Козырев Н.В. О необходимости криминологического мониторинга преступности несовершеннолетних мигрантов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. 1 (31). С. 66—72.

7. Рябенская Н.Л. Особенности криминалистического изучения личности преступника-мигранта в целях установления с ним психологического контакта // Известия Тульского государственного университета. 2021. № 2. С. 131—138.

УДК 343.98

С.В. Унжакова

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ФАКТОРЫ,
ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РАССЛЕДОВАНИЮ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННОЙ РУБКОЙ
ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ**

В статье на основе анализа научной литературы и следственной практики исследуется совокупность криминалистически значимых факторов, детерминирующих противодействие расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений. Обосновывается вывод о том, что комплексное изучение указанных факторов является необходимой предпосылкой для разработки эффективных мер по преодолению противодействия расследованию и совершенствованию методики расследования данной категории преступлений.

Ключевые слова: незаконная рубка лесных насаждений, противодействие расследованию, сокрытие следов преступления.

S.V. Unzhakova

**CRIMINALISTICALLY SIGNIFICANT FACTORS DETERMINING THE
OBSTRUCTION TO INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL
FORESTRY FELLING**

Based on an analysis of scientific literature and investigative practice, this article examines a set of forensically significant factors contributing to the obstruction of investigations into crimes related to illegal logging. It argues that a comprehensive study of these factors is a necessary prerequisite for developing effective measures to overcome obstruction and improve investigative methods for this category of crime.

Keywords: illegal forest logging, obstruction of investigations, concealment of traces of the crime.

Основу криминалистического анализа противодействия расследованию составляет понимание совокупности факторов, обуславливающих его формирование. Знание указанных факторов обеспечивает следователю возможность не только

своевременно выявлять признаки и способы противодействия, но и применять эффективные средства и методы его преодоления. Анализ научной литературы и следственной практики позволяет выделить систему факторов, влияющих на выбор способов противодействия при расследовании незаконных рубок.

Выбор конкретного приема противодействия напрямую обусловлен видом и способом совершения преступления. Лицо, осуществляющее противодействие, избирая способ сокрытия, ориентируется на специфику преступной деятельности. Например, при незаконной рубке, маскируемой под легальную заготовку древесины, наиболее вероятны способы противодействия, связанные прежде всего с фальсификацией разрешительной документации.

Существенное влияние на формирование противодействия оказывают специфика предмета преступного посягательства и особенности обстановки совершения преступления. Такие факторы, как удаленность лесного участка, время года, транспортная доступность и иные условия местности, влияют не только на выбор орудий и способа совершения преступления, но и на способы сокрытия следов и организацию противодействия в целом.

Ключевым фактором, детерминирующим структуру противодействия, выступает количественно-качественный состав преступной группы. Организованный характер деятельности предполагает не только распределение ролей при совершении незаконной рубки, но и распределение функций при организации противодействия расследованию. В отличие от действий лиц, совершающих преступление в одиночку, противодействие со стороны организованных групп носит системный и многоуровневый характер. Его методы часто выходят за рамки пассивного сокрытия следов и включают в себя совершение самостоятельных преступлений, направленных на воспрепятствование раскрытию и расследованию преступлений.

Эмпирические данные свидетельствуют о преобладании совершения незаконных рубок в составе группы лиц по предварительному сговору либо организованной группы. Так, граждане П., К., Л., С. осуществляли незаконную рубку лесных насаждений. П. выступал организатором, который взаимодействовал с покупателями древесины, представителями правоохранительных органов и местного самоуправления, заключал договоры аренды лесных участков, распределял прибыль и осуществлял общее руководство группой. Л. осуществлял валку, сортировку и трелевку, К. и С. помогали ему. Согласно заранее разработанной схеме лица, имея разрешительные документы на заготовку древесины, осуществляли рубку за пределами отведенных участков. Высокая оперативность и мобильность, а также предварительная договоренность о сбыте позволяли им минимизировать риск обнаружения и получать постоянную высокую прибыль¹.

Существенное влияние на выбор способов противодействия оказывают наличие коррумпированных связей в органах государственной власти, лесного надзора и правоохранительных органах, то также является одним из факторов, детерминирующих противодействие расследованию. В этой связи нельзя не согласиться с О. В. Середой, что коррупционные преступления в сфере лесопромышленного комплекса являются частью преступной деятельности и в настоящее время недостаточно выявляются и эффективно расследуются [1, с. 251].

¹ Приговор Усть-Удинского районного суда Иркутской области № 1-64/2019 от 3 сент. 2019 г. по делу № 1-64/2019 – Уголовное. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5S7baV8JtLLj/> (дата обращения: 07.12.2024).

Так, гр. Н., являясь сотрудником территориального отдела Министерства лесного комплекса, оповещал соучастников о рейдовых мероприятиях, а при необходимости занижал размер причиненного ущерба за денежное вознаграждение от участников организованной группы¹.

Кроме того, анализ деятельности органов предварительного расследования при регистрации, рассмотрении сообщений о преступлениях и расследовании уголовных дел в сфере лесопользования, регулярно осуществляемый органами прокуратуры, свидетельствует о низкой ее эффективности [2, с. 311], что становится дополнительным фактором, облегчающим реализацию противодействия со стороны заинтересованных лиц.

Характер и содержание противодействия расследованию находятся в прямой зависимости от следственной ситуации, складывающейся в ходе расследования. Поскольку противодействие реализуется на разных этапах, его избираемые способы детерминированы комплексом факторов, формирующих следственную ситуацию: наличием и характером информации о событии преступления, объемом собранных доказательств, наличием в распоряжении следователя необходимых сил, средств и времени, эффективностью оперативно-розыскных мероприятий, а также профессиональными и личностными качествами самого следователя. Именно поэтому учет и анализ данных факторов позволит субъекту расследования в дальнейшем получить в свое распоряжение весьма значимые, а нередко и ключевые доказательства по расследуемому преступлению [3, с. 98].

Изменение любого элемента следственной ситуации, например установление обстоятельства, имеющего значение для уголовного дела, или задержание организатора, приводит к изменению избираемых способов противодействия расследованию. Это требует от следователя непрерывного анализа ситуации и прогнозирования возможных способов противодействия.

К факторам, детерминирующим формирование противодействия, также относятся цели и мотивы субъектов, а также их личностные характеристики: уровень интеллекта, волевые качества, навыки, определяющие выбор конкретных приемов противодействия.

Цель как фактор противодействия расследованию влияет на выбор и содержание действий, направленных на ее достижение. Субъект противодействия при этом учитывает объективные условия и свои возможности. Лица, совершающие преступление, используют противодействие для уклонения от ответственности или смягчения наказания. В первом случае могут применяться ложное алиби и уничтожение следов на месте происшествия. Во втором — дача ложных показаний, направленных на искажение фактических обстоятельств дела и, как следствие, на возможную переквалификацию деяния на менее тяжкий состав.

Иные заинтересованные лица могут иметь цели, не связанные напрямую с уклонением от ответственности, а некоторые могут даже не осознавать, что своим бездействием препятствуют производству предварительного расследования.

При выборе способа противодействия важное значение имеет наличие у лица определенных навыков: способность к скрытной деятельности, включая ориентирование на местности, выбор удаленных участков леса и маскировку следов; квалифицированное использование специализированного оборудования (бензопилы, лесозаготовительная техника) и способов блокировки GPS-трекеров; умение налаживать

¹ Приговор Ангарского городского суда Иркутской области № 1-708/2017 1-8/2018 от 24 июля 2018 г. по делу № 1-409/2017 – Уголовное. – Текст : электронный // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. – URL: [https:// sudact.ru/regular/doc/tHNDqb5GF9Ql/](https://sudact.ru/regular/doc/tHNDqb5GF9Ql/) (дата обращения: 07.12.2024).

коррупционные связи с представителями лесничеств и перерабатывающих предприятий; навыки подделки лесных деклараций и договоров аренды и использования пробелов системы лесного контроля и законодательства.

Особого внимания заслуживают организаторские способности, включающие координацию действий всех участников группы (рубщиков, водителей, охранников), отлаженную систему быстрой транспортировки и сбыта незаконно заготовленной древесины, а также использование схем легализации лесоматериалов через подставные фирмы.

Таким образом, среди факторов, влияющих на противодействие расследованию, можно выделить свойства личности субъекта этой деятельности. Как верно отмечают авторы, лица используют свои навыки и умения, криминальный опыт, служебное положение или финансовое положение, чтобы воспрепятствовать расследованию преступления и скрыть свою заинтересованность в негативном исходе расследования [4].

Рассматривая закономерности, влияющие на выбор способа противодействия, Б. Я. Гаврилов и В. П. Лавров, наряду с прочим, выделили такие факторы, как регион совершения преступления, а также степень эффективности изначально избранных приемов противодействия, например усиление или прекращение воздействия на свидетеля в зависимости от его реакции [5, с. 19], что в полной мере характерно и для сферы незаконных лесозаготовок.

Как указывают А.Л. Гребенюк и М.А. Гребенюк, в научной литературе выделяется ряд проблем лесного комплекса России, среди которых особое место занимает незаконная рубка лесных насаждений. К числу причин ее распространения авторы относят отсутствие контроля за процессами заготовки, переработки и отгрузки древесины, неэффективность уголовного и лесного законодательства, непринятие мер по проведению государственной инвентаризации лесов и лесоустройства, постановке земель лесного фонда на кадастровый учет, а также нехватку кадров. Каждая из названных причин в той или иной степени способствует совершению преступлений, а в совокупности обуславливает их устойчивый характер [6, с. 143]. Рассматривая указанные обстоятельства в контексте противодействия расследованию, следует отметить, что они также создают предпосылки для сокрытия следов преступления, искажения доказательственной информации и затруднения установления лиц, причастных к незаконной рубке лесных насаждений.

Таким образом, противодействие расследованию преступлений, связанных с незаконной рубкой лесных насаждений, представляет собой системное явление, детерминированное совокупностью различными факторами. Комплексное исследование детерминирующих факторов является необходимым условием для разработки эффективных мер по его преодолению и оптимизации методики расследования данной категории преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Середа О. В. Некоторые особенности расследования коррупционных преступлений в сфере лесопромышленного комплекса // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 2 (113). – С. 248–258.
2. Дицевич Я. Б., Белых О. А., Русецкая Г. Д. Противодействие преступности в сфере лесопользования: проблемы и перспективы // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11. – № 2. – С. 308–317.
3. Милюс А. И. Тактические особенности производства осмотра места происшествия при выявлении незаконной рубки лесных насаждений с участием задержанных лиц: вопросы теории и практики / А. И. Милюс, С. И. Усачев,

А. Н. Лузгин // I Восточно-Сибирский юридический форум : Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции, Иркутск, 05–06 июня 2025 года. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ, 2025. – С. 94–98.

4. Мылус О. В., Салкуцан О. А. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления // Столыпинский вестник. – 2023. – № 4. – С. 2013–2025.

5. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебник для вузов / под общ. ред. Б. Я. Гаврилова, В. П. Лаврова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2018. – 205 с.

6. Гребенюк А. Л., Гребенюк М. А. Лесная биржа как способ решения проблем лесного комплекса Российской Федерации // Системы. Методы. Технологии. – 2015. № 4 (28). – С. 142–149.

УДК 343

С.И. Усачев

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ СЕТИ MESH CORE: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В настоящей статье на основе ранее проведённого анализа децентрализованных mesh-сетей (Meshtastic) рассмотрены архитектурные особенности проекта MeshCore, включая гибридную маршрутизацию, разделение узлов на клиентские устройства, ретрансляторы и серверы комнат, а также повышенное по сравнению с Meshtastic количество ретрансляционных сегментов. Выявлены потенциальные векторы использования MeshCore в противоправных целях, предложены криминалистические приёмы обнаружения и исследования соответствующих устройств, а также сформулированы рекомендации по подготовке правоохранительных органов к противодействию данным угрозам.

Ключевые слова: MeshCore, Meshtastic, LoRa, беспроводные сети, децентрализованный обмен информацией, децентрализованные mesh-сети, криминалистика, расследование преступлений, цифровые следы, ретрансляционные сегменты, анонимная коммуникация.

S. I. Usachev

MESH CORE DECENTRALIZED NETWORKS: FORENSIC ASPECT

This article, based on a previous analysis of decentralized mesh networks (Meshtastic), examines the architectural features of the MeshCore project, including hybrid routing, the division of nodes into client devices, repeaters, and room servers, as well as the increased number of relay segments compared to Meshtastic. The authors identify potential vectors for MeshCore exploitation for illegal purposes, propose forensic techniques for detecting and examining relevant devices, and formulate recommendations for preparing law enforcement agencies to counter these threats.

Keywords: MeshCore, Meshtastic, LoRa, wireless networks, decentralized information exchange, decentralized mesh networks, forensics, crime investigation, digital footprints, relay segments, anonymous communication.

Ранее в совместной работе с Е.А. Усачевой нами был проведён криминалистический анализ децентрализованных mesh-сетей на примере проекта Meshtastic [1, с. 92]. Было установлено, что технология LoRa, лежащая в основе подобных систем, создаёт принципиально новые вызовы для правоохранительных

органов ввиду децентрализованной архитектуры, отсутствия привязки к традиционным телекоммуникационным идентификаторам и устойчивости к методам оперативного обнаружения. В рамках более детального исследования представляется необходимым рассмотреть ещё один активно развивающийся проект в данной сфере – MeshCore, архитектурные особенности которого не только усугубляют обозначенные проблемы, но и порождают новые криминалистические вызовы.

MeshCore представляет собой легковесную переносимую библиотеку, созданную на языке программирования C++, реализующую маршрутизацию пакетов с передачей через смежные узлы для устройств на базе радиомодулей LoRa и иных пакетных радиостанций. Как и Meshtastic, система ориентирована на создание устойчивых децентрализованных коммуникационных сетей, функционирующих вне зависимости от наличия сети Интернет или сотовой инфраструктуры. Однако архитектурная философия MeshCore существенно отличается от рассмотренного ранее подхода.

В отличие от проекта Meshtastic, использующего широковещательную рассылку пакетов во все узлы сети (full flood), MeshCore сочетает в себе элементы лавинной рассылки (для первоначального обнаружения пути) и направленной передачи (для последующих сообщений). При первом установлении связи между двумя узлами применяется ограниченная лавинная рассылка для обнаружения оптимального пути, после чего маршрут сохраняется и последующие сообщения передаются строго по нему, что минимизирует загруженность эфира и энергопотребление узлов.

В MeshCore чётко выделяются три типа узлов:

- клиентские устройства (Companion), которые лишь отправляют и принимают сообщения, но не участвуют в ретрансляции;
- ретрансляторы (Repeater), обеспечивающие распространение сигнала в сети;
- серверы комнат (Room Server), являющиеся специальными узлами сети, которые накапливают и хранят сообщения, позволяя участникам обмениваться информацией, подобно тому, как работает общий почтовый ящик или доска объявлений, доступная только внутри самой децентрализованной сети.

Роль устройства задаётся при загрузке встроенного программного обеспечения, что исключает возможность её самовольного изменения программным путём. Подобная дисциплина сети, как отмечается в технической документации, критически важна для сохранения стабильности доставки сообщений в плотных сетях с большим количеством узлов, где постоянная ретрансляция приводит к коллизиям и потере пакетов.

В таблице 1 представлено сравнение ключевых параметров MeshCore и ранее рассмотренного Meshtastic.

Таблица 1. Сравнительная характеристика MeshCore и Meshtastic

Параметр	MeshCore	Meshtastic
Тип маршрутизации	Гибридная (флуд + прямой путь)	Полное наводнение (pure flood)
Ретрансляция	Только специализированными узлами-ретрансляторами	Всеми узлами сети по умолчанию
Максимальное количество ретрансляционных сегментов (hops)	64	7
Лицензирование	Часть функций – по платной лицензии (ок. 8 GBP)	Полностью открытое программное обеспечение
Начало проекта	Молодой проект (первые упоминания в 2024 г.), активно развивается	Развитый проект (первые упоминания в 2020 г.), редкие обновления

В техническом сообществе отмечается, что ряд mesh-сетей в западных странах, изначально построенных на Meshtastic, в настоящее время конвертируются в MeshCore именно из-за повышенной стабильности и оптимизации эфирного трафика.

Проведённый анализ позволяет заключить, что архитектурные особенности MeshCore создают предпосылки для его использования в противоправных целях, причём некоторые из этих предпосылок носят более выраженный характер по сравнению с Meshtastic.

MeshCore поддерживает до 64 ретрансляционных сегментов, что позволяет создавать распределённые анонимные сети, пригодные для удалённой координации преступных групп, использования геолокационных тайников и обмена зашифрованными инструкциями на значительном расстоянии. Ролевая дифференциация узлов (клиентские терминалы, ретрансляторы, серверы комнат) снижает эффективность традиционной радиопеленгации, однако формирует специфическую следовую картину: каждый тип устройства оставляет уникальные цифровые артефакты и требует особых тактических приёмов при осмотре и изъятии, что делает необходимой разработку частных методик расследования с учётом архитектуры конкретной mesh-сети. Применяемое сквозное шифрование AES-256 допускает ручное управление криптографическими ключами, создавая при определённых условиях уязвимости, которые могут быть использованы в оперативно-розыскной деятельности. Фиксируемые в открытых источниках вредоносные программы, имитирующие под клиенты MeshCore и компрометирующие учётные данные граждан, свидетельствуют о расширении пользовательской базы технологии и закономерном росте криминальных рисков её применения¹.

Практическая деятельность по выявлению, фиксации и исследованию устройств, использующих протокол MeshCore, должна строиться с учётом архитектурных особенностей данной технологии. На основании проведённого анализа могут быть сформулированы следующие практические рекомендации:

При осмотре места происшествия или проведении обыска подлежат изъятию любые LoRa-радиомодули, микроконтроллерные платы (ESP32, nRF52840) в комплектации с экраном либо без такового, а также устройства, маркированные производителями Heltec, Lilygo, RAK Wireless и др. Признаком принадлежности устройства к сети MeshCore может служить наличие на экране специального интерфейса. О наличии LoRa-радиомодуля у лица, может свидетельствовать наличие установленного мобильного приложения «MeshCore» на смартфоне. При этом следует принимать во внимание, что в MeshCore клиентские устройства не ретранслируют сообщения, а лишь отправляют и принимают их, что может влиять на тактику осмотра и фиксации следов. Назначение и технические характеристики изъятых устройств позволяет установить радиотехническая экспертиза [2, с. 196].

В ходе осмотра содержимого смартфона, сопряжённого с устройством MeshCore, подлежат исследованию установленные приложения, журналы Bluetooth-сопряжений, история сообщений, контакт-листы с сохранёнными путями маршрутизации и данные телеметрии. В отличие от Meshtastic, в MeshCore клиентские устройства не транслируют информацию о себе в сеть автоматически, а отправляют её только вручную, что может ограничивать объём получаемой в ходе осмотра информации. Однако протокол MeshCore ведёт логи принятых пакетов, включая показатели качества сигнала

¹ Официальный сайт г. Камешково, Владимирской области [Электронный ресурс]. URL: https://admkam.gosuslugi.ru/dlya-zhiteley/novosti-i-reportazhi/novosti_288.html (дата обращения: 04.05.2026).

(SNR/RSSI), путь прохождения пакета через узлы и хэш канала, что может иметь существенное доказательственное значение.

При осмотре ретранслятора или сервера комнат предметом исследования становятся не только сами сообщения, но и таблицы маршрутизации, журналы переданных пакетов и сведения о смежных узлах, с которыми установлено сетевое взаимодействие. В случае обнаружения на месте происшествия стационарно установленного ретранслятора его географические координаты и зона покрытия могут быть использованы для последующей пеленгации клиентских устройств, находившихся в зоне действия данной инфраструктуры.

Картографические сервисы, аналогичные рассмотренному в предыдущей статье «OneMesh» для Meshtastic[1, с. 93], могут быть использованы и в отношении MeshCore. Данные с узлов, настроенных на использование стандартных ключей шифрования или работающих в открытом режиме, агрегируются через MQTT-серверы и становятся доступными для мониторинга. Географические координаты узлов, их высота над уровнем моря, временные метки активности, модель аппаратного обеспечения, версия прошивки — весь этот массив метаданных обладает высокой криминалистической ценностью и может быть использован для построения графов связей, установления алиби или проверки следственных версий.

Анализ технологии MeshCore позволяет сделать вывод о необходимости выработки комплекса мер правового, организационного и тактического характера, направленных на нейтрализацию угроз, связанных с использованием децентрализованных mesh-сетей в противоправных целях.

В правовой плоскости целесообразно рассмотрение вопроса о внесении изменений в действующее законодательство, регламентирующее порядок использования радиочастотного спектра в нелицензируемых диапазонах (433 МГц, 868 МГц). В частности, представляется обоснованной постановка вопроса об усилении ответственности за преднамеренное создание децентрализованных сетей связи, используемых для совершения преступлений. Кроме того, требует законодательного урегулирования вопрос о проведении оперативно-розыскных мероприятий в децентрализованных mesh-сетях, учитывая отсутствие в них традиционных точек перехвата трафика.

В организационной деятельности первостепенное значение имеет повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов в части выявления и исследования устройств, работающих по протоколам LoRa. Как справедливо отмечает профессор Е.Р. Россинская, для работы с цифровыми следами следователь должен освоить расширенный курс информатики, дополненный IT-технологиями и основами информационной безопасности [3, с. 172]. Применительно к рассматриваемой проблематике указанное положение приобретает особую актуальность, поскольку отсутствие знаний о технологии MeshCore может повлечь за собой утрату доказательств на этапе осмотра места происшествия, обыска или выемки.

В тактической плоскости целесообразна разработка и внедрение в практическую деятельность алгоритмов действий в типичных следственных ситуациях, связанных с использованием децентрализованных mesh-сетей. Указанные алгоритмы должны учитывать архитектурные различия между Meshtastic и MeshCore, в частности, разный порядок ретрансляции сообщений, различные механизмы маршрутизации и разный объем хранимых на устройствах логов. Кроме того, требует дальнейшей проработки вопрос о тактике допроса лиц, использовавших MeshCore для противоправной коммуникации, включая перечень обстоятельств, подлежащих выяснению (роль в сети,

наличие ретрансляторов, использованные каналы шифрования и т.д.).

Таким образом, проведённый анализ технологии MeshCore позволяет заключить, что данная система представляет собой новый этап эволюции децентрализованных mesh-сетей на базе LoRa, характеризующийся более сложной архитектурой, повышенной надёжностью и оптимизированным использованием эфирного ресурса по сравнению с ранее рассмотренным Meshtastic. Указанные особенности, наряду с невысокой стоимостью оборудования (порядка 2–5 тыс. руб. за узел), низким энергопотреблением и возможностью функционирования вне традиционной телекоммуникационной инфраструктуры, создают предпосылки для использования MeshCore в противоправных целях.

Активное использование IT-технологий в противоправных целях последние годы вызывает серьёзную озабоченность правоохранительных органов [4, с. 249]. Рассмотренные технологии позволяют преступникам осуществлять свою деятельность еще более скрытно, а учитывая относительную новизну MeshCore, представляется необходимым продолжение системного криминалистического мониторинга технологических инноваций в сфере децентрализованных mesh-сетей, а также своевременная разработка частных методик расследования преступлений, совершённых с их использованием. Реализация указанных мер будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и предупреждению преступлений в условиях цифровой трансформации современной преступности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Усачев, С. И. Децентрализованные mesh-сети в контексте криминальной телекоммуникационной инфраструктуры / С. И. Усачев, Е. А. Усачева // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2026. – № 1. – С. 92-101.
2. Старичков, М. В. Радиотехническая экспертиза: новые возможности экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации / М. В. Старичков, Г. В. Бондарева, Л. В. Готчина // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. – № 4(95). – С. 191-198
3. Россинская, Е. Р. Тренды развития криминалистики в условиях цифровой трансформации современной преступности / Е. Р. Россинская // Союз криминалистов и кримиологов. – 2025. – № 1. – С. 162-173.
4. Усачева, Е. А. Влияние информационно-телекоммуникационных технологий на незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ: криминалистический анализ / Е. А. Усачева // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 3(106). – С. 244-253.

УДК 343.98

Е.А. Усачева

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ И ЭКСПЛУАТАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена актуализации криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств. На основе статистики ДТП за 2025–2026 гг. обоснована необходимость совершенствования методики расследования. Проанализированы

традиционные элементы характеристики (способ, обстановка, личность преступника, механизм следообразования), а также в структуру механизма следообразования включена категория цифровых следов. Автором предложено определение цифровых следов и их классификация по источникам.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, обстановка совершения преступления, цифровые следы, следы транспортных средств, дорожно-транспортные происшествия

E.A. Usacheva

FORENSIC CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO VIOLATION OF TRAFFIC RULES AND OPERATION OF VEHICLES

This article is devoted to updating the forensic characteristics of crimes related to traffic violations and vehicle operation. Based on traffic accident statistics for 2025–2026, the need to improve investigative methodology is substantiated. Traditional characterization elements (method, setting, identity of the offender, and trace generation mechanism) are analyzed, and the category of digital traces is incorporated into the structure of the trace generation mechanism. The author proposes a definition of digital traces and their classification by source.

Key words: forensic characteristics, method of committing a crime, crime scene, digital traces, vehicle traces, road traffic accidents.

Преступления, связанные с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, ежегодно представляют серьезную угрозу для общества и государства в целом, ввиду высокого процента их совершения от общего числа противоправных деяний. Так, за период 2025 года в стране совершено 128793 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибло 13943 человек, а ранено было 159889¹.

Кроме того, анализ статистических данных ГИАЦ МВД России показал, что за период 2025 года совершено 15751 преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, при этом за период январь-февраль 2026 года уже совершено 2127 преступлений, рассматриваемой направленности².

Таким образом, можно констатировать, что ввиду достаточно существенных статистических показателей, анализ причинно-следственных связей, а также формирование мер по снижению этих преступлений и выработка алгоритма по раскрытию, расследованию и предупреждению этих противоправных деяний в настоящее время крайне актуально.

Любое расследование преступлений сопряжено со сбором информации на первоначальном этапе, в частности тех сведений, которые могут быть получены при производстве осмотра места происшествия, опросов очевидцев и потерпевших, изучении окружающей обстановки и т.д. Эти данные связаны с таким понятием как

¹ Сведения о показателях состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс] : официальный статистический портал Госавтоинспекции МВД России. – Режим доступа: <http://stat.gibdd.ru> (дата обращения: 13.04.2026).

² Обзор дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации за 6 месяцев 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство внутренних дел Российской Федерации : официальный сайт. – URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/77848182/> (дата обращения: 13.04.2026).

«криминалистическая характеристика». Существует типовая криминалистическая характеристика, однако различные категории преступлений неизбежно будут иметь особенности, обусловленные субъективными и объективными факторами [1, с. 56]. Эти специфические элементы выделяют при разработке новой или актуализации существующей методики расследования.

Еще в 1978 году ученые отмечали, что принципиальное значение для раскрытия, расследования и предупреждения преступлений имеют уголовно-правовое понятие состава преступления, а также сведения о криминалистической характеристике [2, 48].

С нашей точки зрения в структуру криминалистической характеристики преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств следует включать такие структурные элементы как способ совершения и способ сокрытия преступления, обстановка совершения, личность преступника и потерпевшего, механизм следообразования, следы преступной деятельности.

Практически единогласным в науке криминалистике является мнение о том, что центральным элементом криминалистической характеристики следует считать данные о способе совершения (в ряде случаев и сокрытия) преступления.

Здесь следует акцентировать внимание на том, что для рассматриваемой категории дел способы можно разделить на две условные группы: те, что предполагают активные действия (например, превышение установленной скорости движения транспортных средств, проезд на запрещающий сигнал светофора, выезд на полосу встречного движения, нарушение правил перевозки опасных грузов, нарушение правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства, управление неисправным транспортным средством или несоблюдение условий, при которых его использование запрещено и т.д.); те, что не предполагают активных действий, выраженные, как правило, в виде бездействия (отказ от прохождения технического осмотра, невыполнение требований уступить дорогу, неиспользование ремней безопасности и т.д.).

Следующим значимым структурным элементом, безусловно, является обстановка совершения преступления. В настоящее время ученые до сих пор не пришли к единому мнению, что следует включать в структуру данного элемента, ряд ученых подразумевает под обстановкой данные о месте, времени совершения преступления и иные конкретные условия его совершения [3, 4, 5]. При этом зачастую используются именно такие формулировки, в которых достаточно четко определена необходимость исследования информации о времени и месте, но при этом не конкретизируется, что входит в «иные условия совершения».

Стоит отметить, что есть и другая позиция ученых, которые достаточно подробно конкретизируют все составляющие, которые следует включать в обстановку совершения преступления. Так, Н. П. Яблоков определяет обстановку совершения преступления как систему различного рода взаимодействующих объектов, явлений и процессов, характеризующих условия места и времени, вещественные, природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся (независимо или по воле участников) в момент преступления, влияющие на способ его совершения и механизм, и проявляющиеся в следах различного рода, позволяющих судить об особенностях этой системы и содержании преступления [6, с. 38].

И. Р. Гарифуллин подразумевает под обстановкой систему взаимодействующих между собой факторов до, в момент и после совершения преступления, характеризующих место, время, состав соучастников и характер их взаимоотношений с потерпевшим, наличием (отсутствием) очевидцев противоправного события и другие факторы объективной реальности, определяющие возможность, условия и иные обстоятельства совершения преступления [7, с. 125].

Солидарны с авторами, которые достаточно подробно детализируют данные об обстановке совершения преступлений, ввиду того, что с нашей точки зрения этот элемент является одним из наиболее значимых, фактически наравне с данными о способе совершения и сокрытия преступления. В этой связи, считаем верным утверждение о том, что «данный элемент является обязательным структурным звеном каждого преступления, так как каждое общественно опасное посягательство проявляется в материальном мире» [8, с. 127].

Относительно рассматриваемой категории преступлений, стоит отметить, что целесообразно в обстановку совершения преступлений включать данные о месте совершения (перекрёстки, пешеходные переходы, участки с ограниченной видимостью, ремонтные зоны), времени совершения (включая «часы пик», тёмное время суток и т.д.), погодные условия (гололёд, дождь, туман, снегопад и т.д.), состояние дорожного покрытия (включая физические параметры поверхности дороги, наличие дефектов и эксплуатационные свойства, влияющие на безопасность движения), организация движения (дорожные знаки, разметка, светофоры, ограждения, направляющие устройства и т.д.).

Анализ судебно-следственной практики показал, что относительно данных о личности преступника можно выделить следующие характерные особенности, так, в подавляющем большинстве случаев это лица в возрасте 25-40 лет, имеющие стаж вождения более 5 лет, часто наличествует состояние различных видов опьянения, а также прослеживаются определённые психофизиологические особенности (агрессивный тип вождения, заболевания). Кроме того, не редки случаи наличия у подозреваемых административных правонарушений в части управления транспортными средствами.

Следующим структурным элементом криминалистической характеристики рассматриваемых преступлений можно определить данные о механизме следообразования [9, с. 22], куда входит исследование информации о совокупности следов, например, тормозного пути, деформации транспортных средств и иных объектов, данные об электронном блоке управления, показания очевидцев и т.д.

При формировании данных о следах совершения преступлений рассматриваемой категории их стоит разделять на две условные группы:

1. Традиционные следы, которые, в свою очередь можно разделить также на условные группы:

1.1 Следы на дороге:

- следы, оставленные ТС;
- следы, оставленные пострадавшими.

1.2. Следы на одежде и обуви пострадавших:

- следы при наезде и переезде тела ТС;
- следы контакта с частями салона (кабины) ТС.

1.3. Следы на объектах окружающей обстановки

1.4. Следы и повреждения на ТС:

- следы при столкновении ТС и наезде на неподвижные объекты;

- следы, возникающие при наезде на пешеходов;
- следы, возникающие при опрокидывании ТС.

1.5. Следы и повреждения на теле пострадавшего

2. Цифровые следы. В этом аспекте мы солидарны с мнением И. М. Комарова, который отмечает, что «криминалистическая характеристика содержательно отражается не только материальными следами, но и следами идеального порядка, а сейчас еще и «цифровыми» следами» [1, с. 56]. Так, в рамках рассматриваемой категории преступлений цифровые следы можно разделить на следующие категории:

2.1. Бортовые цифровые системы ТС (Event Data Recorder — EDR), позволяющие получить информацию о скорости движения транспортного средства, оборотах двигателя, положении педалей тормоза/газа; активации ABS/ESP; использовании ремней безопасности; фактах срабатывания подушек безопасности.

2.2. Телематические и навигационные системы, к которым относятся GPS/ГЛОНАСС-трекеры, всевозможные каршеринговые платформы и т.д.

2.3. Инфраструктурные цифровые источники, к которым могут относиться стационарные и передвижные камеры фотовидеофиксации (в том числе с функцией распознавания скорости и номера); детекторы транспорта на светофорных объектах (фиксируют момент проезда на запрещающий сигнал); автоматические пункты весогабаритного контроля и т.д.

2.4. Мобильные устройства участников и свидетелей, к которым можно отнести GSM-локацию в мобильных телефонах участников дорожного движения, видеозаписи с регистраторов третьих лиц и видеонаблюдение с прилегающих зданий, а также синхронизация с такими устройствами как Bluetooth, CarPlay, Android Auto и т.д.

Кроме того, ввиду включения в классификацию следов такой категории как «цифровые следы», считаем необходимым сформулировать определение рассматриваемому понятию.

Так, под цифровыми следами, оставляемыми при совершении преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств следует подразумевать структурированную или неструктурированную информацию, генерируемую, передаваемую или хранимую электронными системами транспортных средств, инфраструктурой и мобильными устройствами участников, объективно отражающую процесс движения, управления и взаимодействия с дорожной средой и окружающей обстановкой.

Резюмируя, можно утверждать, что предложенное в статье расширение структуры криминалистической характеристики за счет выделения цифровых следов в качестве дополнительной категории механизма следообразования, а также сформулированное авторское определение, создают теоретическую основу для разработки частной криминалистической методики расследования преступлений, связанных с нарушением ПДД и эксплуатации ТС, в условиях цифровой трансформации автомобильного транспорта. На основании изложенного необходимо в дальнейшем исследовать и иные направления, связанные с расширением структуры криминалистической характеристики, так, необходимо изучить вопросы связанные с разработкой алгоритма взаимодействия следователя со специалистами в области цифровой криминалистики, созданием типовых перечней вопросов для судебной экспертизы цифровых следов ТС, а также изучением возможностей использования искусственного интеллекта для автоматизированной реконструкции механизма ДТП по совокупности цифровых и материальных следов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комаров, И.М. Язык криминалистики: преступление, его механизм и криминалистическая характеристика / И. М. Комаров // Общество и право. – 2025. – № 1(91). – С. 55-58.
2. Советская криминалистика: теоретические проблемы / Н.А. Селиванов, В.Г. Танасевич, А.А. Эйсман, Н.А. Якубович. — М.: Юрид. лит., 1978. — 192 с.
3. Кудрявцев, В.Н. Объективная сторона преступления : учебное пособие / В.Н. Кудрявцев. – М., 1960. – 244 с.
4. Цуканова, О.А. Элементы криминалистической характеристики преступлений, связанных с деятельностью органов ЗАГС / О. А. Цуканова // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2012. – № 20(139). – С. 116-120.
5. Васильева, М.А. Обстановка как элемент криминалистической характеристики экологических преступлений / М. А. Васильева // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 84-91.
6. Яблоков, Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика: сборник научных трудов. М., 1984. С. 38-39.
7. Гарифуллин, И.Р. Познавательльно-поисковая деятельность на первоначальном этапе расследования убийств, совершенных с особой жестокостью / И.Р. Гарифуллин. – Уфа, 1999. – 310 с.
8. Евсеева, С.А. Обстановка как наиболее значимый элемент структуры криминалистической характеристики ювенальных преступлений / С. А. Евсеева // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2020. – № 2(88). – С. 127-133.
9. Усачев, С. И. Особенности использования специальных знаний при расследовании мошенничества в сфере автострахования : специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Усачев Сергей Игоревич. – Калининград, 2022. – 25 с.

УДК 343.144

А. А. Шиевич

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЗИНФОРМАЦИЯ КАК ТАКТИЧЕСКИЙ ПРИЕМ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОСТИ И РИСКИ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ

Статья посвящена проблеме допустимости использования следователем дезинформации в качестве тактического приема при производстве допроса. Автором анализируются исторические подходы в отечественной криминалистике, а также зарубежный опыт. На основе анализа норм российского уголовно-процессуального и уголовного законодательства отмечается размытость границ между правомерным тактическим воздействием при производстве допроса и уголовно наказуемым принуждением к даче показаний. Формулируются ключевые условия допустимости дезинформации. Делается вывод о необходимости баланса между познавательной эффективностью следственных действий и гарантиями прав участников процесса, а также обосновывается целесообразность дальнейшей теоретической проработки и нормативной конкретизации допустимых пределов тактических приемов, связанных с дезинформацией.

Ключевые слова: следственная хитрость, тактический прием, психологические ловушки, допрос, допустимость, принуждение к даче показаний.

INVESTIGATIVE DECEPTION AS A TACTICAL TECHNIQUE: BOUNDARIES OF ADMISSIBILITY AND RISKS OF ABUSE

The article examines the admissibility of using deception by investigators as a tactical technique during interrogations. It analyzes historical approaches in Russian criminalistics, as well as foreign experience. Based on an analysis of Russian criminal procedure and criminal legislation, the study highlights the blurred line between lawful tactical influence during interrogations and criminally punishable coercion to obtain testimony. Key conditions for the admissibility of investigative deception are formulated. The author concludes that a balance must be maintained between the investigative efficacy of procedural actions and the guarantees of participants' rights, while also substantiating the need for further theoretical development and normative clarification of the permissible limits of tactical techniques involving deception.

Keywords: investigative deception, tactical technique, psychological traps, interrogation, admissibility, coercion to give testimony.

Проблема допустимости использования следователем дезинформации в качестве тактического приема всегда привлекала к себе внимание и продолжает сохранять острую научную и правоприменительную значимость и сегодня. Несмотря на отсутствие прямого законодательного запрета, эмпирические данные свидетельствуют о широком распространении данного явления. Проведенный нами опрос, показал, что подавляющее большинство практических работников считают введение допрашиваемого в заблуждение допустимым средством преодоления противодействия расследованию. Подобная практика обусловлена объективным дефицитом исходной информации на первоначальных этапах уголовного судопроизводства, а также коммуникативной природой вербальных следственных действий, предполагающих двусторонний информационный обмен и необходимостью побуждения допрашиваемого к даче показаний. Желательно правдивых и признательных.

Вместе с тем теоретическое осмысление границ следственной лжи остается фрагментарным и не однозначным, что порождает риски как избыточной регламентации, сковывающей познавательную активность следователя, так и бесконтрольного применения манипулятивных методов, способных повлечь провокацию ложных признаний или необоснованное ограничение прав участников процесса.

Исторически в отечественной доктрине преобладала позиция абсолютной недопустимости любого искажения действительности со стороны должностного лица, основанная на этических императивах и принципе уважения человеческого достоинства. Еще в 1929 году, советский криминалист И.Н. Якимов указывал на то, что «...не следует при допросах прибегать ко лжи, к заведомо неправильным утверждениям, к лицемерию и хитрости, утверждать об неизвестном как об известном и доказанном» [1, с. 114]. И даже когда постепенное проникновение в научный оборот категории «следственных хитростей» или «психологических ловушек» начало смещать акцент в сторону прагматического признания дезинформации как адекватного ответа на изощренные формы противодействия со стороны заинтересованных лиц, не все были готовы его принять. Так, например, М.С. Строгович писал: «... вся концепция «следственных хитростей» и «психологических ловушек» самым решительным образом противоречит принципам и задачам советского уголовного судопроизводства» [2, с. 20]. Этого же мнения придерживались и некоторые другие авторы. Однако представление о

допустимости и правомерности психологических приемов допроса победило. Так, в ставшей уже классической работой по тактике допроса, Г.Г. Доспулов писал, что подобные ограничения сужают возможности раскрытия преступления и равносильны обезоруживанию следователя [3, с. 54].

Проблема применения недопустимых методов при допросе актуальна не только для отечественной теории и практики. Обман – один самых простых и очевидных приемов, не связанных с прямым физическим насилием или угрозами. В некоторых странах, его применение запрещено на законодательном уровне. Так, например, в соответствии с § 136а. УПК ФРГ, обман относится к запрещенным методам допроса. Обманом признается сознательное введение в заблуждение, в том числе: утверждение, что обвиняемый обязан давать показания; утверждение о наличии неоспоримых доказательств вины; утверждение, что соисполнитель признался в совершении преступного деяния; утверждение, что дача показаний не повлечет за собой негативных последствий для обвиняемого [4, с. 215–216].

Что же касается отечественного уголовно-процессуального законодательства, то оно с формально-юридической точки зрения не содержит прямого запрета на следственную ложь, однако ряд норм устанавливают пределы допустимого психологического воздействия. В частности, части 1 и 2 статьи 9, а также часть 4 статьи 164 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации запрещают действия, унижающие честь и достоинство участников судопроизводства, создающие угрозу их жизни и здоровью, равно как применение насилия, угроз и иных незаконных мер. Указанные императивы корреспондируют с составом преступления, предусмотренного статьей 302 Уголовного кодекса Российской Федерации, что позволяет квалифицировать грубые формы манипулирования как принуждение к даче показаний. Тем не менее, грань между правомерным тактическим приемом и уголовно наказуемым деянием остается размытой, поскольку закон не раскрывает содержания понятия «иные незаконные меры» применительно к информационной коммуникации. Однако мы разделяем точку зрения В.А. Гаврикова, который в своих рассуждениях приходит к выводу, что применение таких тактических приемов, как введение в заблуждение относительно имеющейся в распоряжении следователя информации, будет не правильным связывать с унижением чести и достоинства допрашиваемых лиц, поскольку это не соответствуют юридическому содержанию названных понятий [5, с. 70].

В этой связи целесообразно рассмотреть критерии допустимости следственной дезинформации. Первостепенным условием выступает подчинение приема цели установления истины по делу, что исключает использование лжи в корыстных, карьеристских или личных целях, а также для искусственного конструирования доказательственной базы.

Вторым обязательным признаком является избирательность воздействия, означающая, что прием должен оказывать влияние исключительно на лицо, уклоняющееся от сотрудничества, и не создавать рисков провокации ложного оговора или самоговора со стороны правдивого участника процесса. С негативными последствиями такого подхода столкнулись в других странах, где при производстве допроса «на вооружение» брали методику допроса, известную как Тактика Рида. Данная методика допускала в качестве приема сообщение допрашиваемому лицу о наличии неопровержимых доказательств его вины: экспертных заключений, свидетельских показаний и т.п., при этом подозреваемому даже могут демонстрироваться какие-то документы. Закономерным результатом такого подхода стали многочисленные случаи признания своей вины лицами, совершенно не причастными к преступлению и это

послужило причиной к запрету методики в ряде юрисдикций, а также к призывам о полном запрете методики [См., напр. 6]. Хотя, согласно данной методике, подобные приемы склонения к даче признательных показаний могут применяться, только если допрашивающий убежден в виновности допрашиваемого лица.

Таким образом, основным критерием допустимости должно быть применение таких приемов, основанных на введении в заблуждение, которые будут оказывать необходимое воздействие на лицо причастное к совершению преступления, но для не виновного человека они не будут иметь значения. Например, «случайная» демонстрация предмета похожего на объект связанный с преступлением, так чтобы преступник узнал его и решил, что этот предмет находится в распоряжении следователя, а значит есть улики против него. Это может склонить его к даче правдивых показаний. Однако для не виновного человека этот предмет не будет иметь никакого значения. Но категорически недопустимым представляется искажение фактов, основанное на правовой неосведомленности допрашиваемого, заведомо невыполнимых обещаниях процессуального характера, использовании фальсифицированных доказательств либо эксплуатации психических аномалий и мистических предрассудков лица.

Таким образом, следственная ложь не может рассматриваться как безусловно запрещенный или, напротив, свободный тактический прием. Ее допустимость должна определяться через призму баланса между познавательной эффективностью и гарантиями прав участников процесса и запрета на эксплуатацию уязвимого положения допрашиваемого. Отсутствие законодательной конкретизации данных параметров сохраняет почву для необоснованного расширения границ допустимого, что требует дальнейшего теоретического осмысления и возможной интеграции соответствующих нормативных установок в уголовно-процессуальное законодательство.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. 1929 / И. Н. Якимов. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : Изд. НКВД РСФСР, 1929. — 312 с.
2. Зайцев Е. А. Проблема судебной этики / Е. А. Зайцев, Я. С. Киселев, Ю. В. Кореневский, М. С. Строгович ; под ред. М. С. Строговича. — Москва : Наука, 1974. — 272 с.
3. Доспулов Г.Г. Психология допроса на предварительном следствии. Москва: Юрлит, 1976 г. — 112 с.
4. Ulf Steinert Ausbildungsgang mittlerer Polizeivollzugsdienst – Kriminalistik/Kriminaltechnik – Vernehmungslehre. Fachhochschule der Polizei des Landes Brandenburg. 2012. 38 s.
5. Гавриков В. А. Проблемы использования завуалированных видов психологического принуждения в тактических приемах при допросе // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сборник материалов Международной научно-практической конференции (памяти А. П. Гуляева). В 2 ч. – Орёл : ОрЮИ МВД РФ им. В. В. Лукьянова, 2024. – С. 65–70.
6. Jagroop M. E. A Call to Eradicate the Reid Technique: An Alternative to Deceptive Interrogations // Cornell Law Review. – 2026. – Vol. 110. P. 1539–1564.

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ЛЖИ:
ПЕРЕХОД ОТ ПОЛИГРАФНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К
КОНТЕКСТУАЛЬНОМУ АНАЛИЗУ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ
МАРКЕРОВ**

В настоящей статье рассмотрены криминалистическая диагностика лжи на основе психофизиологических маркеров, переход от поиска универсальных поведенческих **маркеров** к анализу когнитивной нагрузки и динамических изменений **психофизиологических показателей** относительно индивидуального базового уровня, а также оценка применения полиграфа в уголовном судопроизводстве. Авторами сделан вывод о том, что психофизиологическая диагностика лжи не может служить самостоятельным основанием для процессуальных решений, а её ценность реализуется только в комплексе с вербальным анализом, проверкой следственных версий и соблюдением процессуальных гарантий.

Ключевые слова: досудебное производство, диагностика лжи, психофизиологические маркеры, полиграф, **дистанционная психофизиологическая диагностика, инструментальная диагностика.**

А.А. Shaevich, S.V. Unzhakova

**FORECASTING DIAGNOSIS OF LIES: TRANSITION FROM POLYGRAPH
EXAMINATIONS TO CONTEXTUAL ANALYSIS OF PSYCHOPHYSIOLOGICAL
MARKERS**

This article examines forensic lie detection based on psychophysiological markers, the shift from the search for universal behavioral markers to the analysis of cognitive load and dynamic changes in psychophysiological indicators relative to an individual baseline, and an assessment of the use of the polygraph in criminal proceedings. The authors conclude that psychophysiological lie detection cannot serve as a standalone basis for procedural decisions, and its value is realized only when combined with verbal analysis, verification of investigative leads, and adherence to procedural safeguards.

Keywords: pre-trial proceedings, lie detection, psychophysiological markers, polygraph, remote psychophysiological diagnostics, instrumental diagnostics.

Проблема достоверности информации, получаемой в ходе досудебного производства, сохраняет высокую значимость для теории и практики уголовного судопроизводства. Современная криминалистическая наука постепенно отходит от поиска универсальных поведенческих маркеров лжи, смещая фокус на анализ когнитивной нагрузки, эмоционального напряжения и их объективно регистрируемых соматических проявлений. В условиях дефицита исходных данных и конфликтного взаимодействия следователя с участниками процесса ложь выступает одним из способов искажения информации, требующим от лжеца существенно большего напряжения и затрат внутренних ресурсов организма по сравнению с искренней коммуникацией. Это напряжение, закономерно, находит отражение в определенных физиологических изменениях, которые могут быть зарегистрированы инструментально, что лежит в основе психофизиологических исследований с применением полиграфа (далее — ПФИ).

Сфера применения полиграфа как средства выявления лжи последние годы интенсивно расширялась и сегодня применяется как для проведения проверок при приеме на работу, частных расследований, так и при проведении расследования преступлений [1]. Вместе с тем дискуссия по вопросу применения полиграфа сохраняет актуальность [2, 3]. Ее участники, как и прежде, занимают противоположные позиции относительно того, каким образом следует использовать результаты ПФИ.

Теоретическое осмысление механизма лжи опирается на представления о функциональной системе поведения, в рамках которой каждый акт введения в заблуждение представляет собой сложную многокомпонентную деятельность, включающую торможение правдивого ответа, конструирование альтернативной версии события, рефлексивное прогнозирование реакции собеседника и непрерывный контроль собственной речевой и поведенческой линии. Указанные процессы порождают повышенную активацию структур головного мозга, ответственных за исполнительный контроль, рабочую память и подавление автоматических реакций, что, в свою очередь, сопровождается каскадом вегетативных изменений.

Эмоциональный компонент лжи, проявляющийся в страхе разоблачения, чувстве вины или ситуативном стрессе, выступает катализатором активации симпатического отдела нервной системы, сопровождающегося изменением частоты сердечных сокращений, кожно-гальванической реакции, параметров дыхания и зрачкового рефлекса. Вместе с тем диагностическая ценность указанных показателей не абсолютна. Межиндивидуальная вариативность психофизиологических реакций, обусловленная особенностями темперамента, опытом неискренней коммуникации и личностными характеристиками, не позволяет построить единый диагностический алгоритм, применимый к любому допрашиваемому.

Кроме того, актуальна проблема, связанная с разнообразием методик исследований, валидность которых не всегда является безусловной. Широкое распространение в следственной практике психофизиологических исследований с применением полиграфа сопровождается устойчивой дискуссией относительно научной обоснованности используемых методик. Так, члены Американской ассоциации полиграфологов отмечают, что в сфере полиграфных исследований существует значительное разнообразие методик формирования тестовых вопросов и способов анализа полученных данных, что, наряду с большим объемом опубликованных работ, затрудняет оценку их практической ценности и применение в реальной экспертной деятельности [4, с. 194-195]. Для решения этой проблемы проводятся исследования по оценке валидности методик. Например, в приведенном выше исследовании проводится статистический анализ критериальной валидности 14 полиграфических методик.

Но бесспорным остается факт, что инструментальная регистрация физиологических реакций способна указать на наличие скрываемой информации или эмоциональной вовлеченности, однако при этом она не может заменить следственную проверку, верификацию сообщенных сведений посредством сбора иных доказательств и построения логически непротиворечивой системы фактов.

Ключевым методологическим принципом диагностики лжи выступает анализ динамических изменений в поведении обследуемого относительно его индивидуального базового уровня, а не оценка статических параметров. Данный принцип может использоваться не только при проведении инструментальных исследований, так, например, ранее мы описывали методику, позволяющую относительно быстро определить отношение лица к обстоятельствам и подлежащим установлению фактам, с помощью анализа экспериментальных образцов почерка, полученных при

воспроизводстве специально подготовленного структурированного текста [5].

Еще одним перспективным направлением развития диагностических технологий может быть внедрение бесконтактных систем мониторинга, интегрирующих видеозапись процессуальных действий с дистанционной регистрацией микроэкспрессий, двигательных реакций, изменений в работе речевого аппарата и других диагностических признаков. Подобные решения позволяют преодолеть ресурсоемкость традиционного полиграфного тестирования, сохранить фактор внезапности постановки вопросов и минимизировать психологическое давление на обследуемое лицо. Тем не менее, даже наиболее совершенные технические средства не могут устранить фундаментальную проблему многозначности поведенческих проявлений. Любое изменение в моторике, интонации или физиологических показателях требует обязательной интерпретации в контексте конкретной следственной ситуации, личности допрашиваемого и объема имеющейся доказательственной базы.

Таким образом, криминалистическая диагностика лжи по психофизиологическим маркерам не должна рассматриваться как самостоятельное основание для принятия процессуальных решений. Ее познавательная ценность реализуется главным образом с проверкой информации, выдвижением и верификацией следственных версий, а также комплексным анализом вербальных и невербальных признаков поведения. Дальнейшее совершенствование методов выявления лжи предполагает отказ от категоричных поведенческих стереотипов, развитие алгоритмов машинного обучения для анализа динамических паттернов коммуникации и строгое соблюдение процессуальных гарантий, исключающих использование диагностических данных в целях провокации ложных признаний или необоснованного ограничения прав участников уголовного судопроизводства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ничипоренко Т. Ю. Применение полиграфа в доказывании по уголовным делам: взгляд процессуалиста // Уголовный процесс. — 2008. — № 3. — С. 44–47.
2. Брянская Е. В. К вопросу о тактическом применении «детектора лжи» // Российский следователь. — 2023. — № 11. — С. 2–6.
3. Комиссарова Я. В. Проблемные аспекты использования полиграфа при расследовании преступлений (анализ судебной практики) // Российский следователь. — 2025. — № 11. — С. 5–10.
4. Gougler M., Nelson R., Handler M., Krapohl D., Shaw P., Bierman L. Meta-analytic survey of criterion accuracy of validated polygraph techniques // Polygraph. — 2011. — Vol. 40, № 4. — P. 194–305.
5. Шаевич А. А., Унжакова С. В., Спиридонов И. А. О перспективах использования почерковедческого анализа структурированного текста в правоохранительной деятельности // Сибирские). — С. 116–129.

ОТ ОТПЕЧАТКА ПАЛЬЦА ДО ЦИФРОВОГО СЛЕДА: ЭВОЛЮЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ О СЛЕДАХ

Аннотация: Статья посвящена анализу трансформации одной из ключевых отраслей криминалистики в условиях технологической революции и появления новых форм преступной деятельности. Автор прослеживает исторический путь развития учения о следах: от его истоков, основанных на эмпирическом изучении материальных отпечатков (дактилоскопия, следы обуви, орудий взлома), до формирования стройной научной теории. Центральное место в работе занимает исследование современных вызовов и направлений эволюции трасологии. Анализируется расширение её предмета за счёт включения **цифровых следов** (киберследов), которые становятся доминирующими при расследовании преступлений.

Ключевые слова: трасология, криминалистика, эволюция, цифровой след, киберслед, микротрасология, идентификация, расследование преступлений.

D.A. Shalyagin

FROM FINGERPRINTS TO DIGITAL FOOTPRINTS: THE EVOLUTION OF FORENSIC TRACES

Annotation: The article is devoted to the analysis of the transformation of one of the key branches of criminology in the context of the technological revolution and the emergence of new forms of criminal activity. The author traces the historical development of the science of traces: from its origins, based on the empirical study of material prints (dactyloscopy, shoe prints, and tools of breaking and entering), to the formation of a coherent scientific theory. The central focus of the article is on the study of modern challenges and trends in the evolution of traceology. The article analyzes the expansion of its subject matter to include digital traces (cyber traces), which are becoming increasingly important in the investigation of crimes.

Keywords: Tracing, forensics, evolution, digital trace, cyber trace, microtracing, identification, and crime investigation.

При совершении преступлений как правило, остаются различные следы, значение которых в теоретических и практических аспектах является фундаментальным и многогранным. Стоит отметить, что следы выступают не только в качестве главного источника информации о преступлении и его участниках, но и доказательной базой. В подтверждении этому тезису необходимо процитировать мнения ученых, которые внесли значительный вклад в развитие учения о следах.

Так, по мнению М.В. Савельевой «Не бывает преступлений без следов. Следы сопутствуют преступлению и закономерно отражают его характер» [4, с. 36].

В своих трудах Е.П. Ищенко отмечает, что «совершая преступное посягательство, виновное лицо вынуждено действовать активно, прикладывать определенные усилия, преодолевать препятствия, в результате чего на месте происшествия остаются следы его рук и ног, примененных орудий, транспортных средств и т.д.» [1, с. 73].

Учение о следах, являющееся методологической основой современной криминалистики, прошло сложный путь развития от интуитивного использования отдельных признаков до формирования стройной научной теории. Его эволюция отражает общее развитие научного знания и правовых систем.

Учение о следах — это не продукт какого-то одного века, а результат длительной эволюции, занявшей **фактически более двух тысячелетий**, если считать от первых попыток осмысления.

Проводимый анализ исторического и эволюционного аспекта в механизме образования следов преступлений позволяет проследить формирование фундаментальных принципов современной криминалистики. Он показывает, как от примитивной фиксации видимых отпечатков человечество пришло к глубокому пониманию сложных физико-химических процессов следообразования.

Условно можно выделить четыре временных этапа:

1. Первый этап: донаучный или эмпирический (античность – XVIII век).

На данном этапе эволюция криминалистических методов прослеживается через анализ исторических правовых памятников, где последовательно формировалась методология работы со следами. Древнейшие правовые источники содержат документальные подтверждения использования следовой информации в судопроизводстве. В частности, в индийских Законах Ману (II в. до н.э. – II в. н.э.) процесс расследования метафорически сравнивается с методами охотника, выслеживающего добычу по кровавым следам. Нормативный аспект отражен в Салической правде (V-VI вв.), где в статье 37 регламентирована процедура розыска украденного скота по материальным следам с установлением трехсуточного срока и особого порядка доказывания. Преемственность этих методов демонстрируют более поздние источники: Законник Лека Дукагъини XV века и международные договоры Руси с Византией 911 и 944 годов, где также регламентирована работа со следами.

Как искать преступника по следу отмечалось также в таком старинном источнике права как Сборник княжеских законов «Русская правда», датированный XI веком. Уже в те времена отмечались рекомендации по проведению таких «следственных» действий как допросы и обыски, упоминалось и о вещественных доказательствах. Так, например «наличие синяков или крови на пострадавшем было достаточным доказательством того, что его избил тот, кого он обвинял».

А.М. Кустовым в своем научном труде «История криминалистической практики и науки (X – середина XX вв.)» отмечается, что «в период X-XV веков в Древней Руси появились первые истоки криминалистической практики и правовые источники криминалистических знаний о способах преступлений, особенностях розыска преступника и судебного следствия, формировалась и реализовывалась практика производства процессуальных действий в рамках судебного разбирательства гражданских дел о различных «обидах», в нормах регламентировалась тактика этих действий и др.» [3, с. 19].

2. Второй этап: становление научной парадигмы (XIX век) – «След как носитель индивидуальных характеристик». Формирование системного подхода к изучению следов было обусловлено тремя ключевыми факторами: технологическим прогрессом в период промышленной революции, активным развитием естественнонаучных дисциплин и совершенствованием уголовно-процессуального законодательства.

Значительный вклад в развитие криминалистической методологии внесли:

– Антропометрическая система Альфонса Бертильона – впервые предложившая строгую математизированную процедуру идентификации личности на основе замеров антропометрических параметров.

– Фундаментальные исследования Фрэнсиса Гальтона – заложившие теоретические основы дактилоскопии и доказавшие уникальность папиллярных узоров.

Практическая имплементация этих научных достижений была осуществлена:

– Эдвардом Генри, разработавшим эффективную систему классификации отпечатков пальцев для нужд колониальной полиции Индии;

– Хуаном Вучетичем, создавшим в 1891 году первую работоспособную систему дактилоскопической регистрации с использованием специальных идентификационных карт.

Дактилоскопическая идентификация, основанная на неизменности папиллярных узоров, стала методологическим прорывом, преобразовавшим след в объект точного научного исследования и заложившим основы современной криминалистической идентификации.

Этап 3. Становление системной трасологической парадигмы (первая половина XX века)

В данный хронологический отрезок происходит методологический переворот – эмпирическое восприятие следов сменяется их системно-теоретическим осмыслением. Формируется концептуальный аппарат трасологии как автономной криминалистической дисциплины, что проявилось в:

- создании иерархической системы классификации следов, основанной на генетическом принципе их возникновения;
- дифференциации следовых отображений по кинематическим признакам (статические/динамические) и зоне взаимодействия (локальные/периферические);
- введении категории «вещественных доказательств» как материализованных источников криминалистически значимой информации;
- разработке полифакторной модели следообразования, интегрирующей биомеханические параметры (направление, интенсивность и траектория воздействия) с физико-химическими характеристиками контактирующих сред.

И.Н. Якимов еще в 1925 году отмечал, что «будущее принадлежит научному изучению вещественных доказательств» [6, с. 5]. Это не просто констатация факта, И.Н. Якимов фактически сформулировал центральный принцип, который определил развитие всей криминалистики на столетие вперед.

Этап 4. Нанотрасологическая и компьютерно-аналитическая революция (вторая половина XX века – по настоящее время)

Современный этап ознаменовался коренным преобразованием исследовательской парадигмы, связанным с переходом к изучению субмикронных и молекулярных уровней следообразования. Произошла фундаментальная трансформация подходов:

- анализ механизмов следообразования стал опираться на законы физической химии поверхностных явлений;
- сформировалось понятие «микроследовых комплексов» как результата межмолекулярных взаимодействий, включая трансфер биологических микрочастиц;
- установлена корреляционная зависимость между параметрами следообразования и комплексом внешних детерминант (микроклиматические условия, временная экспозиция, рельефология контактирующих поверхностей).

60-80 годы XX века знаменуются более детальным изучением различных видов следов. Р. С. Белкин, И. Ф. Крылов, Г. Л. Грановский, Ю. П. Голдаванский, Е. Н. Зуев, Ю. Г. Корухов, Н. П. Майлис, Е. П. Ищенко, А. Я. Палиашвили, Л. Г. Эджубов и другие ученые внесли свой вклад и в понятие «след», в классификацию следов, в микротрасологию и в исследования редких объектов [5, с. 42].

Качественным скачком стало внедрение цифровых технологий, обеспечивающих виртуальную реконструкцию процессов формирования сложных следовых структур.

Эволюционный анализ свидетельствует о последовательной трансформации подходов к изучению следообразования – от феноменологической констатации до разработки многомерных научных концепций. Данный аспект обеспечил переход от простой идентификации к комплексному восстановлению механизма противоправной деятельности через определение его энергетических, пространственно-временных и

динамических характеристик. Современная методология следового анализа представляет собой интегративную научную платформу, объединяющую потенциал физики поверхности, молекулярной диагностики, наноматериаловедения и компьютерного инжиниринга.

Таким образом, криминалистическое учение о следах, пройдя длинный путь зарождения и развития, продолжает развиваться и сегодня.

На современном этапе развития криминалистики, как и ранее, отсутствует консенсус относительно дефиниции понятия «след». Сложившийся в научной среде дискурс демонстрирует несколько конкурирующих методологических подходов.

Первый из них трактует след в **узком (трасологическом) смысле** – как материально фиксированное отображение внешнего строения одного объекта (следообразующего) на другом (следовоспринимающем).

Второй подход предполагает двойственное понимание: наряду с узкой трактовкой, он включает **широкую**, подразумевающую под следом любые материальные изменения обстановки, возникшие в связи с расследуемым событием.

Сторонники третьего направления подвергают критике дихотомию «широкого» и «узкого» понимания, указывая на её терминологическую расплывчатость и недостаточную научную определённую. В качестве альтернативы они предлагают более строгую понятийную пару: **«следы-отображения»** (для трасологических объектов) и **«следы преступления»** (как обобщающая категория для всех материальных последствий).

Наконец, четвёртая позиция акцентирует сугубо **криминалистический аспект**, определяя след как любое изменение на следовоспринимающем объекте, являющееся результатом механического, химического или иного воздействия со стороны следообразующего объекта в процессе совершения преступления [2, с. 122].

Таким образом, современное учение о следах преодолело границы классической «науки об отпечатках», превратившись в комплексную междисциплинарную систему знаний о материальных и цифровых отображениях события преступления. Его дальнейшее развитие, основанное на синтезе криминалистических методик и передовых технологий, является определяющим фактором для обеспечения эффективности расследования в цифровую эпоху.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ищенко Е.П. Криминалистика: Курс лекций. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; АСТ-МОСКВА, 2007. – 416 с.
2. Конон А.В. Криминалистическое учение о следах в Отечественной и зарубежной литературе / А. В. Конон // Евразийский союз ученых. – 2016. – № 5-1(26). – С. 120 – 122.
3. Кустов А.М. История криминалистической практики и науки (X – середина XX вв.). Монография. – М.: Юрлитформ, 2019. – 237 с.
4. Савельева М.В. Криминалистика : учебник / М. В. Савельева. – Москва : Дашков и К, 2008. – 607 с.
5. Тарасов Д.А. Развитие учения о следах / Д. А. Тарасов // Отечественная юриспруденция. – 2017. – № 7(21). – С. 39 – 42.
6. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике / И.Н. Якимов. – с 85 рис. в тексте. – М. : Изд. НКВД РСФСР, 1925. – 430 с.

**МЕТОДЫ И ПРИЕМЫ АЭРОФОТОСЪЕМКИ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ
ПРИ ФИКСАЦИИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ,
С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ БЕСПИЛОТНОГО ВОЗДУШНОГО СУДНА**

Аннотация: В статье рассматривается вопрос использования беспилотных авиационных систем в процессе фиксации мест происшествий. На основе практического применения беспилотных воздушных судов автором описаны и проанализированы наиболее эффективные методы и приемы аэрофотосъемки мест происшествий на открытых и обширных территориях.

Ключевые слова: осмотр места происшествия, беспилотное воздушное судно, БПЛА, научно-техническое средство, аэрофотосъемка

I. O. Shcherbakov

**AERIAL PHOTOGRAPHY METHODS AND TECHNIQUES USED TO
CAPTURE THE SCENE OF AN ACCIDENT USING AN UNMANNED AIRCRAFT**

Abstract: The article discusses the use of unmanned aircraft systems in the process of fixing accident sites. Based on the practical application of unmanned aircraft, the author describes and analyzes the most effective methods and techniques of aerial photography of accident sites in open and vast territories.

Keywords: inspection of the accident site, unmanned aircraft, UAV, scientific and technical means, aerial photography

Внедрение беспилотных авиационных систем и робототехнических комплексов в деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) является одной из приоритетных задач совершенствования научно-технического сопровождения процесса предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. В этих целях в системе ОВД созданы и функционируют подразделения применения и эксплуатации беспилотных аппаратов, входящие в структуру центров информационных технологий, связи и защиты информации. Стоящие на обеспечении данных подразделений беспилотные летательные аппараты используются в интересах подразделений центрального аппарата МВД России, территориальных органов и их структурных подразделений, а также иных организаций и подразделений, созданных для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации, в том числе при документировании обстоятельств совершения противоправных действий и при производстве следственных и иных процессуальных действий. Одним из вероятных сценариев применения беспилотных воздушных судов является криминалистическая аэросъемка – то есть «съемка местности, осуществляемая с летательных аппаратов с использованием фото- и видеоустройств, работающих в различных участках спектра электромагнитных волн, с целью фиксации криминалистически значимой информации, имеющей значение для дела» [1, с. 19].

В 2025 году кафедрой криминалистики Уральского юридического института МВД России была проведена научно-исследовательская работа на тему использования беспилотных воздушных судов при осмотре мест происшествий на открытых территориях, занимающих значительное пространство [2]. Для аэрофотосъемки имитированных и реальных мест происшествий использовались беспилотные летательные аппараты марки DJI Mavic 3E и DJI Matrice 300 RTK со штатной оптико-электронной системой. В ходе исследования были проведены опытные авиационные

работы, которые позволили выявить наиболее эффективные методы и приемы криминалистической аэрофотосъемки.

Так при фиксации места происшествия, расположенного в лесном массиве, для определения границ и объективных пространственных данных участка незаконной рубки лесных насаждений применялся метод построения ортофотоплана. Для создания ортофотоплана и цифровой модели местности применялась площадная съемка по маршруту «галсами» с заданным продольными боковым перекрытием снимков от 60 до 80%. Высота полета определялась требуемым разрешением на местности. В результате съемки ортофотоплана были точно определены границы рубки, с возможностью привязки к геопозиционным данным.

Для фиксации мест происшествий расположенных линейно (участков автодорог трубопроводов и т.п.) использовалась линейная ортофотосъемка. Беспилотному воздушному судну программно задавался линейный маршрут полета с установкой необходимого процента продольного перекрытия снимков.

Обзорная съемка места происшествия должна позволять анализировать взаимное расположение объектов, устанавливать границы осматриваемой территории и выявлять взаимосвязи между элементами следовой картины. В случае аэрофотосъемки обзорные снимки могут быть выполнены двумя приемами: надирной и перспективной съемкой. Надирная съемка подразумевает угол наклона камеры по отношению к беспилотному воздушному судну 90° . Перспективные снимки «получают при наклоне главного оптического луча вперед и назад относительно положения летательного аппарата» [2, с. 47].

Для лучшего визуализирования отдельных объектов возможно применение приема облета точки интереса (Point of Interest, POI). В процессе применения данного приема беспилотное воздушное судно производит круговой облет объекта на постоянном расстоянии и высоте.

В процессе проведения экспериментальной аэрофотосъемки мест происшествий применяемые методы и приемы показали высокую результативность при получении объективной, геометрически точной и документированной информации, которую невозможно или значительно сложнее получить наземными методами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов С.Е. Криминалистическая аэросъемка / С. Е. Кузнецов // Российский следователь. – 2019. – № 3. – С. 16-19.
2. Особенности использования беспилотных воздушных судов мультикоптерного типа при осмотре мест происшествий, расположенных на открытой местности, в лесном массиве и на иных значительных по площади территориях: наглядное пособие. – Екатеринбург: УрЮИ МВД России, 2025. – 74 с.
3. Лимонов А.Н., Гаврилова А.А. Прикладная фотограмметрия: Учебник для вузов. – М.: Академический проект, 2016. – 255 с.

**СЕКЦИЯ VII.
АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

УДК 343.98

М.В. Большаков, Ю.С. Решетов

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА
СУДЕБНО-ПОЧЕРКОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

В настоящей статье обозначаются проблемы почерковедческой экспертизы в условиях глобальной цифровизации. Авторами анализируется эволюция объектов исследования и связанные с этим риски при их изучении. Приводится обоснование адаптации тактических, методических и процессуальных основ экспертной деятельности, а также рекомендации для её эффективной реализации. В заключении статьи делается вывод о необходимости объединения традиционных методов и современных технологий.

Ключевые слова: почерковедческая экспертиза, новые объекты, цифровизация, качество исследуемых объектов, изображения почерковых реализаций.

M.V. Bolshakov, Yu.S. Reshetov

**ON THE ORGANIZATION OF FORENSIC HANDWRITING EXAMINATION IN
THE CONTEXT OF DIGITALIZATION**

This article highlights the problems of forensic handwriting examination in the context of global digitalization. The authors analyze the evolution of examined objects and the associated risks in their study. The rationale for adapting tactical, methodological, and procedural foundations of expert activity is provided, along with recommendations for its effective implementation. The article concludes that it is necessary to combine traditional methods with modern technologies.

Keywords: forensic handwriting examination, new objects, digitalization, quality of examined objects, images of handwriting realizations.

Современные мировые тенденции направлены на стремительное развитие компьютерных технологий, что в свою очередь ведёт к быстрой и всеобъемлющей цифровизации сфер общественной жизни, включая и правоотношения. Такой вектор развития ставит перед экспертным сообществом новые задачи, целью которых является повышение эффективности судебно-экспертной деятельности.

В данной статье затронуты актуальные проблемы почерковедческой экспертизы, в числе которых изменение формы предоставляемых объектов, их специфики и набора методов исследования. Организация производства данных экспертиз в новых условиях требует пересмотра, актуализации и адаптации тактических, методических и технических основ деятельности эксперта.

Практика свидетельствует, что к основным вызовам цифровой эпохи для традиционной почерковедческой экспертизы можно отнести изменение объектов исследования. Повсеместное введение цифрового документооборота неизбежно приводит к сокращению объёма рукописных объектов на бумажных носителях. Все чаще для исследования предоставляют электронные изображения документов вместо оригиналов. Относительно новыми объектами можно считать рукописные записи и

подписи, выполненные изначально на графических планшетах и сенсорных экранах, требующих особого подхода к процессу исследования и тактике назначения.

Так, исследование новых объектов характеризуется рядом специфических проблем и ограничений, в частности:

- качество почерковых реализаций – степень потери количества общих и частных признаков (степень и характер нажима, темп, вид соединения движений и др.) прямо пропорциональна снижению качества исследуемого изображения, что в свою очередь ведет к снижению возможностей проведения идентификационных исследований;

- достоверность и неизменность предоставленных объектов – современные программные продукты могут обеспечить легкую цифровую манипуляцию с изображениями;

- новые компетенции – эксперт и инициатор назначения судебной экспертизы должны владеть основами компьютерной графики, знать и понимать принципы работы устройств ввода, уметь работать с метаданными цифровых файлов;

- сбор образцов – для проведения полного и всестороннего исследования требуется достаточный объем сопоставимых по качественному составу образцов;

- постановка вопросов, учитывающих особенности объектов исследования, а также возможность использования знаний из смежных областей.

Отсюда же следует, что исследование цифровых объектов – это область повышенной сложности, требующая более осторожного подхода, нежели при работе с традиционными объектами. Выводы в таких экспертизах часто носят вероятный характер, а объективность исследования зависит от понимания специфики и ограничений.

Цифровизация не отменяет фундаментальные принципы почерковедения, однако указанная выше необходимость пересмотра, актуализации и адаптации, в том числе тактических и организационных положений, обязательна для повышения достоверности получаемых результатов.

Для эффективной адаптации указанных аспектов можно рекомендовать следующее:

- обеспечение приобретения специалистом новых компетенций (повышение компьютерной грамотности, приобретение навыков работы с современными программными продуктами), а также интеграции их в программы подготовки и повышения квалификации экспертов;

- стимулирование и поощрение научных разработок, связанных с исследованием «новых» объектов, итогом которых будет выработка методических рекомендаций по их анализу;

- актуализации процессуальных норм, регламентирующих обнаружение, фиксацию, изъятие цифровых объектов, а также последующее их хранение в качестве вещественных доказательств. Кроме того, необходима стандартизация требований к форматам, разрешению (качеству) и метаданным исследуемых объектов и образцов, предоставляемых для исследования;

- осуществление справочно-консультационной деятельности по постановке вопросов, их корректной формулировке и достаточному объему. При этом вопросы в обязательном порядке должны учитывать ограничения и специфику объектов, а также возможность комплексного подхода (с привлечением специалистов в области компьютерной или фототехнической экспертизы);

- обеспечение предоставления в качестве исследуемых объектов максимально качественных материалов и их предварительной проверке (для изображений следует выбирать форматы, качество изображений в которых не теряется, например «TIFF»), полученные непосредственно со сканера, а не переснятые фотоаппаратом. Для

исследования записей и подписей с планшета предоставлять не только итоговое статичное изображение, но и файлы с характеристиками динамических признаков;

- работа по обеспечению процесса предоставления достаточного объема сравнительных образцов, сопоставимых с исследуемыми объектами не только по времени выполнения и составу, но и полученных в наиболее схожих условиях (для сравнительного исследования объектов, изначально созданных на графических планшетах, требуются образцы, полученные с теми же настройками на аналогичном или том же самом устройстве, при этом объекты, выполненные на различных моделях, могут значительно отличаться друг от друга из-за разницы в технологии и программном обеспечении).

В заключении стоит отметить, что цифровизация не отменяет фундаментальные принципы почерковедения, но существенно меняет операционную среду, а будущее этого направления экспертизы лежит в объединении традиционных методов, современных технологий и профессионализма экспертов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Серегин В.В. и др. Почерковедение и почерковедческая экспертиза. Учебник / Волгоград: Волгоградская академия МВД России – 2015.

2. Бобовкин С.М. «Изображения рукописей – современные объекты почерковедческой экспертизы» / Правосудие. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izobrazheniya-rukopisey-sovremennyye-obekty-pocherkovedcheskoy-ekspertizy>.

УДК 343

А.А. Бровко

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИЗНАКИ И ЗАДАЧИ В СИСТЕМЕ ЗАДАЧ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В статье анализируется понятие «классификационный признак». Определяется соотношение классификационных и групповых признаков, а также раскрывается нормативная природа классификационных признаков, закрепленная в государственных стандартах, технических требованиях, регламентах и отраслевых перечнях. Обосновывается самостоятельный статус классификационной задачи в системе задач судебной экспертизы.

Ключевые слова: классификационная задача судебной экспертизы, классификационный признак, классификация

A.A. Brovko

CLASSIFICATION FEATURES AND TASKS IN THE SYSTEM OF TASKS OF FORENSIC EXAMINATION

The article analyzes the concept of "classification feature". The ratio of classification and group features is determined, and the normative nature of classification features is revealed, which is fixed in state standards, technical requirements, regulations and industry lists. The independent status of the classification task in the system of tasks of forensic examination is substantiated.

Keywords: classification task of forensic examination, classification feature, classification

В теории судебной экспертизы термины «классификационный признак» и «групповой признак» часто используются как взаимозаменяемые. Смешение данных понятий затрудняет определение статуса классификационной задачи — является ли она частью идентификации, диагностики или самостоятельным элементом в системе задач судебной экспертизы? Данная неопределенность порождает противоречие между стандартизирующей функцией экспертизы как института и субъективно-эмпирическим характером принятия решений о принадлежности объекта к тому или иному классу, виду или группе. Анализ терминов «классификация» и «классификационный признак», используемых в теории судебной экспертизы, а также в других областях знания, позволит уточнить место классификационной задачи в системе экспертных задач.

Классификация объектов и явлений - одна из самых ранних форм осмысления и упорядочения человеком сложного и многообразного мира. В. В. Омельченко определяет классификацию как всеобщую универсальную форму систематизации знаний о реальной действительности, как общенаучное направление исследований с особыми механизмами реализации, представляющее собой основу системного мышления в любой теоретической и практической деятельности человека [1]. Ключевым инструментом классификации является признак – существенное свойство, позволяющее распределить объекты по классам, родам или видам. Основными требованиями, предъявляемыми к признаку, являются существенность, объективность и устойчивость. В классификации признак объекта или явления позволяет ответить на вопрос «что это?». При переходе в область специальных знаний признак конкретизируется. В теории судебной экспертизы к классификационным признакам предъявляются дополнительные требования. Они должны быть измеримыми, инвариантными, то есть сохраняться при различных условиях, воспроизводимыми, то есть неоднократно отображаться при соответствующих условиях, процессуально допустимыми, фиксироваться в тексте экспертного исследования и иллюстрациях, а также описываться в нормативных документах (стандартах, технических условиях, регламентах и т.п.) или в методике. В учебной и методической литературе применительно к классификационным признакам употребляются определения «сходные», «отличительные», «характерные», «специфические» и т.п. Авторы не раскрывают содержания приведенных определений, усложняя их понимание, что приводит к смешению таких понятий как «групповой» и «классификационный признак». Данные понятия бесспорно близки и связаны с классификацией объектов, но имеют существенные различия. Во-первых, назначение и функция. Классификационный признак, реализуя дифференцирующую функцию, делит объекты на классы, а групповой, реализуя описательную и сближающую функции, обобщает несколько объектов. Во-вторых, классификационный признак должен быть существенным для отнесения объекта к классу, в то время как групповой признак может быть случайным. Например, длина клинка ножа при отнесении его к категории холодного оружия будет существенным признаком, а цвет материала, из которого изготовлена рукоять ножа – несущественным. В-третьих, класс объектов определяется не одним, а системой классификационных признаков, которая устанавливает пороговое значение, отделяющее один класс объектов от другого, в то время как группа объектов может быть определена по одному общему для этой группы признаку. Таким образом, всякий классификационный признак является групповым, но не каждый групповой признак позволит определить класс. Ключевой особенностью классификационного признака в судебной экспертизе является то, что почти всегда он имеет нормативное происхождение. Без опоры на стандарт признак превращается в субъективное мнение эксперта. Отраслевые перечни, государственные стандарты, технические требования и регламенты выполняют три функции: номенклатурную, метрологическую и пороговую.

Они закрепляют какие признаки нужно исследовать, какими методами проводить измерения и допустимые погрешности, а также устанавливают границы между классами (например, массовая доля вещества, длина, твердость).

Таким образом, классификационные признаки в судебной экспертизе можно определить как нормативно закрепленные свойства, используемые для построения классификации объектов, совокупность которых в распознаваемом объекте дает основание для вывода о принадлежности данного объекта к этому классу.

Уточненное понятие классификационного признака позволяет перейти к вопросу о природе и месте классификационной задачи в системе задач судебной экспертизы, который до сих пор остается одним из самых дискуссионных среди ученых. В научной литературе бытовало мнение, что «за пределами задачи идентификации понятие признака не существует» [2], поэтому в большинстве случаев изучение признака ограничивалось теорией идентификации. Классификационная задача рассматривалась как нижний уровень идентификации. В процессе идентификационного исследования при решении классификационной задачи объект относят к определенному, заранее установленному классу, а затем сужают до индивидуального тождества [3, с. 9]. Однако, по справедливому замечанию Ю. Г. Корухова, который одним из первых предложил выделить классификационные задачи в самостоятельную группу наряду с идентификационными и диагностическими, подобное сведение не отражает всей полноты экспертной практики. По его мнению, к классификационным исследованиям относятся такие, в которых исследуется объект (но не отображение), свойства которого познаваемы при непосредственном исследовании. Классификационной задачей является отнесение объекта на основании его свойств и характеристик к определенному стандартизированному классу [4, с. 68]. Другой точки зрения придерживается И. В. Латышов, который в предложенной им систематизации задач судебной баллистической экспертизы, классификационные задачи не выделяет, а экспертизы по определению вида, модели, образца оружия или патрона относит к группе собственно диагностических [5].

Противоположность мнений – от отнесения классификационной задачи к начальному этапу идентификации до ее полного поглощения диагностикой можно объяснить тем, что классификацию рассматривают не столько самостоятельной целью экспертного исследования, сколько универсальным инструментом познания, позволяющим упорядочить объекты по их общим свойствам. Н. П. Майлис отмечает, что классификационные задачи возникают в рамках как идентификационных, так и диагностических исследований, выступая в роли важного, но не единственного этапа.

С идентификацией классификационное исследование объединяет логическое следование от общего к частному. Не случайно установление групповой принадлежности считается первой ступенью идентификации, но главное различие заключается в цели исследования. Идентификационная задача, как подчеркивает Е. Р. Россинская, направлена на установление индивидуально-конкретного тождества. На первом этапе определяется групповая принадлежность, сужая, насколько это позволяют сделать выявленные признаки, группу объектов, содержащую искомый. Результатом же решения классификационной задачи является отнесение объекта к «общепринятому классу», что не предполагает его индивидуальности. Различие целей влечет использование различных признаков: идентификация оперирует случайными, индивидуализирующими признаками, тогда как классификация базируется исключительно на существенных, нормативно закрепленных свойствах, характерных для определенного класса объектов. Несмотря на общую методологическую основу, идентификационная и классификационная задачи преследуют принципиально разные цели и ведут к различным результатам.

С диагностикой классификационное исследование сближает процесс, направленный на установление свойств объекта. Ю. Г. Корухов, определяя криминалистическую диагностику как метод познания, позволяющий получить представление о механизме события на основе его отражения в объектах материального мира, включает в нее и исследование свойств объекта для установления его соответствия определенным характеристикам [4, с. 65]. Как отмечает Н. П. Майлис, в рамках диагностического исследования решение классификационной задачи может быть необходимым этапом, например, когда наукой заранее определены классы состояний и состояние исследуемого объекта должно быть отнесено к одному из них [3, с. 9]. Не смотря на общие черты, существенное различие заключается в том, что диагностика, нацеленная на познание процессов, механизмов и состояний, отвечает на вопрос «каково состояние объекта?», в то время как классификационная задача, ориентированная на «класс», то есть на отнесение объекта к заранее установленной категории, отвечает на вопросы «что это за объект?», «к какому классу он относится?».

Все многообразие экспертных задач, встречающихся в экспертной практике, не может быть исчерпано двумя группами – идентификационными и диагностическими. Классификационная задача имеет собственную, отличную от них природу. Как отмечает И. В. Устинова, следователь может быть заинтересован в решение только классификационной задачи, когда решение идентификационной или диагностической принципиально невозможно. Например, при отсутствии конкретного экземпляра оружия необходимо определиться с поиском модели оружия по стрелянным гильзам или снарядам [6]. При проведении товароведческих экспертиз установить сорт, артикул товара, отнести товар к единой товарной номенклатуре [7, с. 154-155]. В. А. Жаворонков, признавая самостоятельное положение классификационной задачи, отмечает, что она является неотъемлемой частью производства экспертиз маркировочных обозначений транспортных средств [8, с. 52].

Классификационная задача, безусловно, тесно связана с идентификацией и диагностикой, выступая в ряде случаев в роли их начального или промежуточного этапа. Но данная связь не означает поглощение или подчиненность. У классификационной задачи есть собственные характеристики: уникальная цель, заключающаяся в отнесении объекта к стандартизированному классу; логика вывода, основанная на оценке «перечень признаков есть — перечня признаков нет»; а также особый критерий истинности — соответствие не индивидуальной совокупности признаков и не состоянию, а перечню признаков, закрепленных в нормативных документах (государственный стандарт, технические требования, регламент, отраслевой перечень). Поэтому представляется наиболее обоснованным подход, в котором классификационная задача рассматривается как самостоятельный элемент в системе экспертных задач, наравне с идентификационными и диагностическими.

Дальнейшее изучение данного вопроса должно быть посвящено разработке научно-методических рекомендаций, направленных на стандартизацию и повышение объективности классификационных исследований, что приобретает особую актуальность в условиях цифровизации судебно-экспертной деятельности и появления новых, нетрадиционных объектов экспертного исследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Омельченко В. В. Основы систематизации: Методология и философские аспекты. Принципы и законы познания реальной действительности. – М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 46.
2. Зинин А. М., Майлис Н. П. Судебная экспертиза: учебник. М.: Право и закон; Юрайт-Издат, 2002. С. 112.

3. Майлис Н. П., Одиноккина Т. Ф., Соколова О. А. Трасология: учебник. М.: Щит-М, 2011. 328 с.
4. Корухов Ю. Г. Криминалистическая диагностика при расследовании преступлений. Научно-практическое пособие. – М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА М, 1998. 288 с.
5. Латышов И. В. Концептуальные основы судебно-баллистической диагностики: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2016. С. 93 – 94.
6. Т. В. Толстухина, А. А. Светличный, И. В. Устинова К вопросу о необходимости и целесообразности классификации судебно-экспертных задач // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2023. №48.
7. Устинова И. В. Судебно-экспертное прогнозирование: теоретические и прикладные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2021. 269 с.
8. Жаворонков В. А. Информационно-компьютерное обеспечение судебной экспертизы маркировочных обозначений транспортных средств : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. 268 с.

УДК: 340.63.7:343.95

А.В. Васильченко

**ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
ПСИХИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЛИЦ, ОБВИНЯЕМЫХ В
СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ**

В статье рассматриваются наиболее распространенные проблемы методологического характера, возникающие при назначении и производстве психолого-психиатрических экспертиз, назначаемых по статьям 205-205.5 Уголовного кодекса Российской Федерации. Проведен анализ методологических аспектов назначения и производства комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам террористической направленности, сформулированы выводы и практические рекомендации для повышения эффективности экспертной деятельности.

Ключевые слова: терроризм, судебная экспертиза, психиатр, психолог, специальные знания.

A.V. Vasilchenko

**THE PROBLEMS OF A COMPREHENSIVE EXPERT STUDY OF THE MENTAL
ACTIVITY OF PERSONS ACCUSED OF COMMITTING TERRORIST CRIMES**

This article examines the most common procedural and methodological issues that arise when ordering and conducting psychological and psychiatric examinations under Articles 205-205.5 of the Criminal Code of the Russian Federation. An analysis of the methodological aspects of the appointment and conduct of a comprehensive forensic psychological and psychiatric examination in terrorist cases was conducted, conclusions and practical recommendations for improving the effectiveness of expert activities were formulated.

Keywords: terrorism, forensic examination, psychiatrist, psychologist, specialized knowledge.

В 2025 году продолжилась тенденция к росту числа граждан осужденных судами первой инстанции Российской Федерации за преступления террористического характера (в сравнении с 2024 годом: за совершение террористического акта рост на 483% и за содействие террористической деятельности, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, захват заложника увеличение на 48%)¹ [1]. Общественная опасность деяний террористического характера обуславливает необходимость совершенствования процессуальных и криминалистических средств противодействия им.

Специфика террористического акта как преступления, детерминированного сложным сплетением социальных, идеологических, психологических и нередко патопсихологических факторов, требует интегративного подхода к оценке личности обвиняемого [1, с. 47].

Содержание приговоров судов по уголовным делам террористического характера указывает на то, что привлечение специалистов-психиатров в области психиатрии и психологии осуществлялось далеко не всегда, в результате чего, в ряде случаев комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении обвиняемых не назначалась [2, с. 78].

Согласно исследования, проведенным Т.Е. Евдокимовой [3, с. 107] «у 56 % подэкспертных по делам террористической направленности не выявлено признаков психического расстройства во время совершения инкриминируемого преступного деяния, у 36 % подэкспертных в выборке диагностировано психическое расстройство. Среди установленных диагнозов значились легкое когнитивное расстройство, различные варианты расстройств личности (эмоционально неустойчивое, шизоидное, смешанное), пагубное употребление алкоголя, а также параноидная и недифференцированная формы шизофрении». Вышеуказанные данные подтверждают необходимость привлечения психиатров в качестве специалистов по делам подобного рода.

Предметом комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по данной категории дел является установление психического состояния подозреваемого (обвиняемого), его вменяемости, а также выявление психологических особенностей, значимых для квалификации деяния и назначения наказания. Основанием для назначения экспертизы является возникновение сомнения в психическом здоровье или полноценности психического развития лица, совершившего деяние террористической направленности. Ввиду тяжести последствий и специфики мотивации, основаниями часто служат:

1. Данные о наличии у лица психических расстройств в анамнезе.
2. Наблюдаемые странности в поведении, высказываниях, эмоциональных реакциях.
3. Факты употребления психоактивных веществ.
4. Участие в деструктивных культах и экстремистских организациях, предполагающих изменение сознания.

Сложность комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по данной категории дел обусловлена необходимостью разграничения идеологической мотивации и психопатологии.

В задачи судебного психолога входят:

- 1) исследование мотивационной сферы. Выявление ведущих мотивов:

¹ Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: // <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9291>.

идеологические (религиозный фанатизм), личностно-смысловые (поиск идентичности, самоутверждение), корыстные, месть;

2) анализ психологических механизмов радикализации. Исследование таких феноменов, как «мораторий идентичности», когнитивные искажения (дегуманизация жертвы, разделение мира на «своих» и «чужих»), сужение временной перспективы;

3) оценка эмоционального состояния. Дифференциация физиологического аффекта от эмоциональных состояний, не достигших степени аффекта, но существенно влиявших на поведение;

4) выявление индивидуально-психологических особенностей. Акцентуации характера, уровень интеллекта, внушаемость, склонность к подчинению авторитету - факторы, способствовавшие вовлечению в террористическую деятельность.

Наиболее сложным является разграничение: совершено ли деяние под влиянием психопатологического бреда (бредовые идеи величия, реформаторства, преследования) или под влиянием глубоко усвоенной, но не связанной с психозом деструктивной идеологии (квазирелигиозный фанатизм). Ответ на этот вопрос напрямую влияет на решение о вменяемости.

Анализ экспертной практики позволяет выделить ряд проблем:

1. Противодействие работе экспертов. Высокая идеологизированность обвиняемых, их установка на сокрытие истинных мотивов и симуляцию (диссимуляцию) психических расстройств.

2. Дефицит валидизированных методик. Недостаток специализированных психодиагностических инструментов для оценки уровня религиозного фанатизма, степени вовлеченности в деструктивный культ, склонности к насилию на почве экстремизма.

3. Сложность интерпретации. Трудности в разграничении культурно обусловленных особенностей мировоззрения и патологии (например, при экспертизе лиц, воспитанных в радикальной религиозной среде с детства).

4. Высокая эмоциональная нагрузка на экспертов. Изучение материалов сцен насилия, жестокости, а также непосредственный контакт с данной категорией подследственных.

Таким образом, предмет комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по делам террористической направленности имеет сложную структуру, интегрирующую психиатрические (нозологическая оценка) и психологические (мотивация, личностные особенности, эмоциональное состояние) компоненты. Ключевой экспертной задачей является дифференциальная диагностика между патологическими формами мотивации (бред, галлюцинации) и психологическими механизмами радикализации и фанатизма, не исключающими вменяемости. Существующая практика сталкивается с серьезными вызовами, включая методологический дефицит и высокую сложность интерпретации полученных данных.

Это обуславливает необходимость:

1. Разработки и валидации специализированного психодиагностического инструментария для оценки рисков экстремистского поведения и глубины идеологической вовлеченности.

2. Создания методических рекомендаций для экспертов по дифференциации признаков патологической (бредовой) и непатологической (идеологической) мотивации террористических актов.

3. Обеспечения обмена опытом различных регионов для унификации подходов при расследовании уголовных дел террористической направленности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Идрисов К.А. Социально-психологические установки в мотивационно-потребностной сфере и их взаимосвязь со стилями совладания у лиц, совершивших преступления террористической направленности // Живая психология. – 2022. – Т. 9, № 3(35). – С. 47-55.

2. Китаев Н.Н. Возможности использования судебной психологической и судебной психолого-психиатрической экспертиз при изобличении террористов // Теория и практика установления лица, совершившего преступление: уголовно-процессуальный, криминалистический, оперативно-розыскной аспект: Сборник статей XXI Международной научно-практической конференции, Барнаул, 26 мая 2023 года. – Барнаул: Алтайский государственный университет, 2023. – С. 78-82.

3. Евдокимова Т.Е. Судебно-психиатрическая экспертиза по уголовным делам террористической направленности: клинко-социальные характеристики подэкспертных, анализ экспертного случая // Вестник неврологии, психиатрии и нейрохирургии. – 2024. – Т. 17, № 1(168). – С. 102-110.

УДК 343

В. Ю. Владимиров

КОМПЕТЕНЦИЯ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА В ТЕОРИИ И НА ПРАКТИКЕ?

Аннотация: В статье анализируется проблема определения экспертной компетенции в уголовном судопроизводстве. Рассматриваются нормы Федерального закона № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности» и УПК РФ, регламентирующие права эксперта и отсутствие дефиниции понятия «экспертная компетенция». Особое внимание уделяется роли ФГОС 40.05.03 «Судебная экспертиза» в формировании профессиональных компетенций экспертов. Выявляется межведомственная коллизия между подходами к подготовке экспертов, а также обосновывается необходимость дальнейшей унификации правового и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: экспертная компетенция, судебная экспертиза, ФГОС 40.05.03 «Судебная экспертиза», унификация методического обеспечения, межведомственная коллизия.

V. Yu. Vladimirov

WHAT IS THE COMPETENCE OF A FORENSIC EXPERT IN THEORY AND IN PRACTICE?

Abstract: The article analyzes the problem of determining expert competence in criminal proceedings. The norms of Federal Law No. 73-FZ "On State Forensic Expertise" and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation regulating the rights of an expert and the lack of definition of the concept of "expert competence" are considered. Special attention is paid to the role of FGOS 40.05.03 "Forensic examination" in the formation of professional competencies of experts. An interdepartmental conflict between approaches to expert training is revealed, and the need for further unification of legal and methodological support for forensic expertise is substantiated.

Keywords: expert competence, forensic examination, FGOS 40.05.03 "Forensic examination", unification of methodological support, interdepartmental conflict.

Сфера экспертной компетенции применительно к уголовному судопроизводству является одним из важнейших критериев нормативно-правового и организационно-тактического обеспечения основополагающего принципа судебно-экспертной деятельности, предусмотренного статьёй 8 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»¹ (далее – закон «О ГСЭД»). Формулировка этого положения «Объективность, всесторонность и полнота исследований», которая ранее была положена в основу всего уголовного судопроизводства РСФСР, сегодня применительно к судебно-экспертной деятельности означает требование того, что «Эксперт проводит исследования объектов, на строго научной и практической основе, в пределах соответствующей специальности, всесторонне и в полном объёме. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных».

В статье 57 «Эксперт» УПК РФ² говорится о том, что «Эксперт вправе: ... 6) отказаться от дачи заключения по вопросам, выходящим за пределы специальных знаний...» (п. 6), ч. 3, ст. 57). В свою очередь статья 199 УПК РФ предписывает, что «Эксперт вправе возратить без исполнения постановление, если ... он считает, что не обладает достаточными знаниями...» (ч. 5, ст. 199). Последняя норма, по своему выражению, носит выраженный индивидуальный характер и отражает степень готовности к выполнению конкретной экспертной задачи сведущего лица, которому поручена экспертиза на основе его самооценки и к проблеме определения экспертной компетенции отношения не имеет. Аналогичная терминология используется законодателем при формулировании соответствующих норм в Федеральном законе от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее – закон «О ГСЭД»). Поскольку в уголовно-процессуальном и судебно-экспертном законодательстве дефиниция понятия «экспертной компетенции» отсутствует, примем за основу его рабочее определение как сферы специальных знаний в какой-либо отрасли науки, техники, искусства или ремесла, определённой в установленном законом порядке профилем соответствующими уполномоченными государственными органами (статья 11, закона «О ГСЭД»), в составе которых функционируют СЭУ или приравненные к ним экспертные подразделения. Такое формализованное определение по смыслу закона применимо исключительно в отношении профессиональных судебных экспертов, состоящих в штатах государственных судебно-экспертных учреждениях (далее – ГСЭУ), а в соответствии со статьёй 41 закона «О ГСЭД» и сложившейся регламентацией профессионального образования в области судебно-экспертной деятельности и на другие категории сведущих лиц, осуществляющих полномочия в сфере судебно-экспертной деятельности на профессиональной основе по специальностям, определённым ФГОС 40.05.03, либо уполномоченными государственными органами. Иные виды судебно-экспертных исследований, выходящие за пределы нами рассмотренных и проводимые

¹Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ от 04.06.2001, № 23, ст. 2291.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // СЗ РФ от 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921.

специалистами из различных отраслей знаний и, не являющимися профессиональными судебными экспертами, в рамках индивидуального их привлечения следователем или судом для судебно-экспертного исследования обстоятельств расследуемого или рассматриваемого судом уголовного дела, требуют иного ситуационного подхода, что не входит в рамки нашего исследования.

Существенную роль в формировании профессиональных компетенций играет образовательная среда. После принятия в 1994 году решения о введении новой специальности высшего профессионального образования – судебный эксперт это направление образовательной деятельности прошло тернистый путь развития и совершенствования. С учётом правоприменительной практики, в которой принимали участие специалисты, подготовленные по соответствующим лекалам профессиональной компетенции, в 2016 году был утверждён ФГОС 40.05.03 Судебная экспертиза, что, по мнению большинства криминалистов и экспертологов, завершило процесс формирования системы подготовки экспертных кадров для решения задач, требующих наличия специальных знаний, в области уголовного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства.

Однако, до настоящего времени в практической деятельности следственно-судебных органов продолжают возникать вопросы, связанные с определением оптимальной достаточности профессиональной компетенции в области физико-химических наук в отношении экспертов, подготовленных по специализации «Экспертиза веществ, материалов и изделий», инженерно-технических технологий в отношении экспертов в области «Инженерно-технических экспертиз», экономических наук для экспертов по специальности «Экономические экспертизы» и, наконец, в сфере прикладной лингвистики для экспертов по «Речеведческим экспертизам».

В этой связи необходимо отметить, что судебный эксперт, производящий дактилоскопическую экспертизу, применяет физические и химические методы для выявления и фиксации следов рук, исследованию он подвергает анатомические особенности кожного покрова ладонных поверхностей рук человека, отражающиеся в соответствующих следах и отпечатках. При этом он ни физического или химического, ни медицинского образования не имеет. Поскольку речь идёт о, так называемых, традиционных видах криминалистических экспертиз, то уместно будет вспомнить о том, что криминалистика является наукой интегративной, призванной использовать данные естественных и иных наук в целях обеспечения уголовного судопроизводства. Именно поэтому, оценивая уровень профессиональной компетенции экспертов, получивших профессиональное образование в рамках ФГОС 40.05.03 Судебная экспертиза по специализациям 2 – 5, следует иметь в виду, что ими в процессе обучения освоены соответствующие методики исследования, включающие в себя физические, химические, физико-химические, инженерно-технические, экономические и лингвистические методы исследования, интегрированные в технико-криминалистическое обеспечение соответствующих видов судебных экспертиз, что вполне соответствует не только «духу и букве» закона, но и здравой логике. То есть мы с полной ответственностью можем и должны говорить о том, что в развитии криминалистических знаний и судебно-экспертологическом обеспечении произошла дальнейшая и вполне закономерная интеграция специальных знаний из сферы естественных и некоторых иных наук для целей уголовного и иных видов судопроизводства.

Нам могут возразить, что судебный эксперт, получивший образование в рамках ФГОС 40.05.03 Судебная экспертиза в сфере профкомпетенции № 3 «Экспертиза веществ, материалов и изделий» и судебный эксперт, получивший высшее

профессиональное образование в области химических технологий и прошедший дополнительную подготовку по экспертной специальности «Криминалистическая экспертиза материалов, веществ и изделий» в соответствии с приказом Минюста России от 20.04.2023 № 72¹, либо по специальности «Экспертиза материалов, веществ и изделий (физико-химическая)» в соответствии с приказом МВД России от 29.06.2005 № 511², имеют различную компетенцию и будут правы. Действительно наличие межведомственная коллизия, которая имеет место вопреки требованию закона «О ГСЭД» о необходимости обеспечения единого научно-методического подхода при организации производства однопрофильных экспертиз. Однако, вполне очевидно, что эксперт, имеющий высшее профессиональное образование в области химических технологий и прошедший дополнительную судебно-экспертную подготовку, при необходимости вправе выйти за пределы утверждённых методик при решении нетрадиционных вопросов, а эксперт освоивший специальность в рамках ФГОС 40.05.03 Судебная экспертиза, такого права не имеет.

Указанное обстоятельство убедительно свидетельствует о необходимости дальнейшей унификации правового и методического обеспечения профессиональной судебно-экспертной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Майлис, Н. П. О совершенствовании профессиональной подготовки судебных экспертов / Н. П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13, № 2. – С. 50-53.
2. Аверьянова Т.В. Судебная экспертиза: курс общей теории. М.: Норма, 2006. 477 с.
3. Шляхов А. Р. Предмет, метод и система советской науки криминалистической экспертизы // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы- 1959.- Вып. 1.- 19 с.
4. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е. Р. Россинская, Н. Ф. Бодров, Е. И. Галяшина [и др.]. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2026. – 736 с.

¹ Приказ Минюста России от 20.04.2023 № 72 (ред. от 31.01.2024) «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым предоставляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России». Зарегистрировано в Минюсте России 24.04.2023 № 73133.

² Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 06.03.2026) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации») // Российская газета № 191, 30.08.2005.

А.О. Горчаков, Б.И. Соломенцев,
А.О. Камелягин, Р.А. Кобченко

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИССЛЕДОВАНИЯ БЕСКОНТАКТНЫХ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ

В статье рассматриваются особенности экспертного исследования бесконтактных дорожно-транспортных происшествий¹. Обосновывается актуальность комплексного применения судебных автотехнических, видеотехнических и радиотехнических экспертиз при отсутствии физического контакта между транспортными средствами². Предложена классификация дорожно-транспортных ситуаций при бесконтактных ДТП, и сформулирован алгоритм решения ключевых экспертных задач. Особое внимание уделено методическим сложностям, связанным с отсутствием следов контактного взаимодействия, а также необходимости опираться на объективно проверяемые данные и математическое моделирование.

Ключевые слова: бесконтактное ДТП; дорожно-транспортная ситуация; судебно-автотехническая экспертиза; причинная связь; момент возникновения опасности; математическое моделирование; видеотехническая экспертиза.

A.O. Gorchakov, B.I. Solomentsev,
A.O. Kameliagin, R.A. Kobchenko

SELECTED ISSUES OF NON-CONTACT TRAFFIC ACCIDENT RESEARCH

The article examines the specifics of expertly analyzing non-contact traffic accidents (NTAs). The relevance of a comprehensive approach combining automotive forensic, video-technical, and radio-technical examinations is substantiated in the absence of physical contact between vehicles. A classification of traffic situations arising in non-contact accidents is proposed, along with an algorithm for solving key expert tasks: reconstructing the accident mechanism, assessing the moment of danger onset, determining the technical possibility of collision prevention, and establishing a causal link between the participants' actions. Particular attention is paid to methodological challenges related to the lack of contact traces, as well as the necessity of relying on objectively verifiable data and mathematical modeling.

Keywords: non-contact traffic accident; traffic situation; automotive forensic examination; causal link; moment of danger onset; mathematical modeling; video-technical examination.

Бесконтактные дорожно-транспортные происшествия занимают особое место в практике расследования и экспертного исследования. Данные происшествия возникают, когда один из участников дорожного движения своими действиями (резким маневром, необоснованным торможением, и т.п.) создает опасную дорожно-транспортную ситуацию, вынуждая другого участника (водителя) изменить траекторию и скорость движения управляемого им транспортного средства, что в итоге приводит к ДТП с

¹ Далее – «ДТП».

² Далее – «ТС».

иными участниками. Специфика происшествия заключается в отсутствии физического взаимодействия первого и второго участников. Для следствия и суда такие происшествия сложны тем, что причинная связь между исходным нарушением и последствиями не всегда очевидна, а нередко и оспаривается участниками.

Актуальность темы обусловлена тем, что в практике автотехнической экспертизы именно бесконтактные ДТП часто требуют комплексного подхода для получения данных, на основании которых воссоздается механизм ДТП и проводится его математическое моделирование. Экспертная оценка должна опираться не на предположения, основанные на показаниях участников, свидетелей, носящих субъективный характер, а на объективно проверяемые данные, позволяющие установить механизм происшествия и техническую возможность предотвращения последствий. Такие данные возможно получить при производстве следующих видов экспертиз:

- транспортно-трассологической (исследование следов на месте ДТП на ТС);
- фото-, видеотехнической (исследование видеозаписей с видеорегистраторов, стационарных камер, мобильных устройств);
- компьютерной (изъятие, восстановление видеозаписей содержащихся на электронных накопителях информации);
- радиотехнической (получение данных о параметрах движения ТС из электронных блоков управления бортовых систем ТС).

В следственной и экспертной практике отсутствует официальное и общепринятое определение бесконтактного ДТП, а также единая методика расследования таких происшествий. Существующие методические подходы к производству автотехнических судебных экспертиз не содержат алгоритма исследования бесконтактных ДТП, что создает значительные сложности как для экспертов, так и для следственных органов при установлении причинно-следственной связи между действиями водителей, фактом ДТП и их последствиями. Судебная практика последовательно исходит из того, что отсутствие контакта не исключает квалификации события как ДТП и не освобождает его участников от юридической ответственности.

Проблемные вопросы исследования бесконтактных ДТП

Одной из наиболее серьезных проблем, выявленных в ходе изучения судебной практики и нормативных правовых актов, является отсутствие законодательного закрепления понятия бесконтактного дорожно-транспортного происшествия, а также отсутствие единой методики расследования таких случаев. Официальное определение ДТП, содержащееся в Правилах дорожного движения, связывает возникновение происшествия с движением транспортного средства и причинением вреда, но не требует обязательного наличия физического контакта. Соответственно бесконтактное ДТП подпадает под определение «событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб» [1].

Тем не менее, отсутствие четкого нормативного регулирования порождает сложности в правовой квалификации таких событий. Лица, спровоцировавшие бесконтактные ДТП, нередко скрываются с места происшествия, полагая, что отсутствие контакта освобождает их от ответственности. При этом судебная практика, включая разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, последовательно исходит из того, что отсутствие механического контакта не исключает квалификации события как ДТП и не освобождает участников от ответственности за нарушение требований безопасности движения [2].

Расследование спровоцированных ДТП обладает выраженной спецификой, обусловленной многосубъектным характером противоправных действий и комплексностью причинно-следственных связей. В отличие от обычных ДТП, предмет доказывания по данной категории дел включает установление взаимосвязанных противоправных действий участников дорожного движения (инициатора провокации, провоцируемого лица), образующих единый причинно-следственный комплекс, детерминирующий наступление общественно опасных последствий в отношении провоцируемого лица или случайного потерпевшего [3].

С экспертной точки зрения основная сложность заключается в отсутствии алгоритма проведения исследования бесконтактных ДТП. Применяемая экспертная методика ориентирована на анализ механизма ДТП исходя из трех стадий: сближение ТС перед столкновением; взаимодействие при ударе; отбрасывание (движение после столкновения).

Одним из главных параметров, используемых в моделировании ДТП при проведении судебной автотехнической экспертизы является место столкновения ТС (наезда) относительно которого определяется удаление ТС в момент возникновения опасности и иные величины. При отсутствии прямого контакта ТС, данный параметр отсутствует. Кроме того, эксперт лишается важнейшего источника информации – следов контактного взаимодействия на ТС и месте ДТП, что составляет основу транспортно-трассологического анализа в рамках производства автотехнической экспертизы.

Классификация дорожно-транспортных ситуаций при бесконтактных ДТП

При рассмотрении ДТС возможно использовать терминологию, предлагаемую Сучковым А.И. [4]. Он разделяет участников ДТП на провокатора и провоцируемого. Провокатор, участник ДТП который в нарушении требований Правил дорожного движения первоначально создает помеху (опасность), провоцируемому участнику.

Систематизация бесконтактных ДТП может быть проведена по различным основаниям, но в контексте экспертного анализа представляется оптимальным проводить её исходя из характера взаимного сближения ТС (участников).

На основе анализа экспертной практики выделяются наиболее часто встречающиеся дорожно-транспортные ситуации¹:

Перекрестное движение ТС

Возникает при нарушении приоритета на регулируемых или нерегулируемых перекрестках, выездах с прилегающих территорий, когда одно ТС пересекает путь движения другого. Последствия подобных ДТС проявляются в экстренном уклонении водителя, обладающего преимуществом для движения, от участника, создающего помеху для движения с последующим контактированием (столкновением, наездом) с третьим объектом.

¹ Далее – «ДТС».

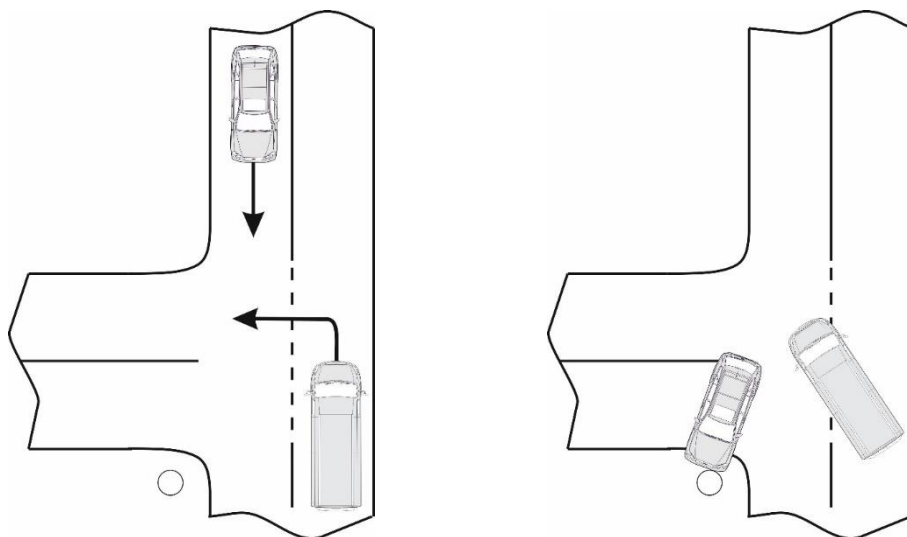

Рис. 1. Схематичное отображение перекрестного бесконтактного ДТП

Встречное движение ТС.

Типичная ДТС – выезд на полосу встречного движения при обгоне. Водитель, которому создана помеха для движения резко смещается в сторону (на обочину, тротуар, в кювет), что приводит к потере управления или наезду на препятствие без физического контакта со встречным ТС.

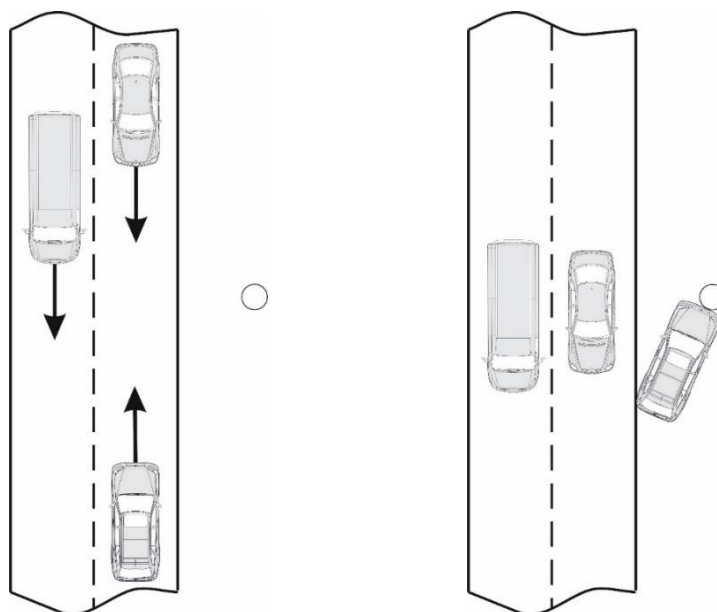

Рис. 2 Схематичное отображение встречного бесконтактного ДТП

Попутное движение ТС (перестроение)

Типичная ДТС. Проявляется в резком перестроении, при котором ТС выезжает в полосу движения попутного ТС, сокращая безопасную дистанцию или боковой интервал до критического значения. Водитель ТС которому создана помеха для движения резко изменяет направление движения.

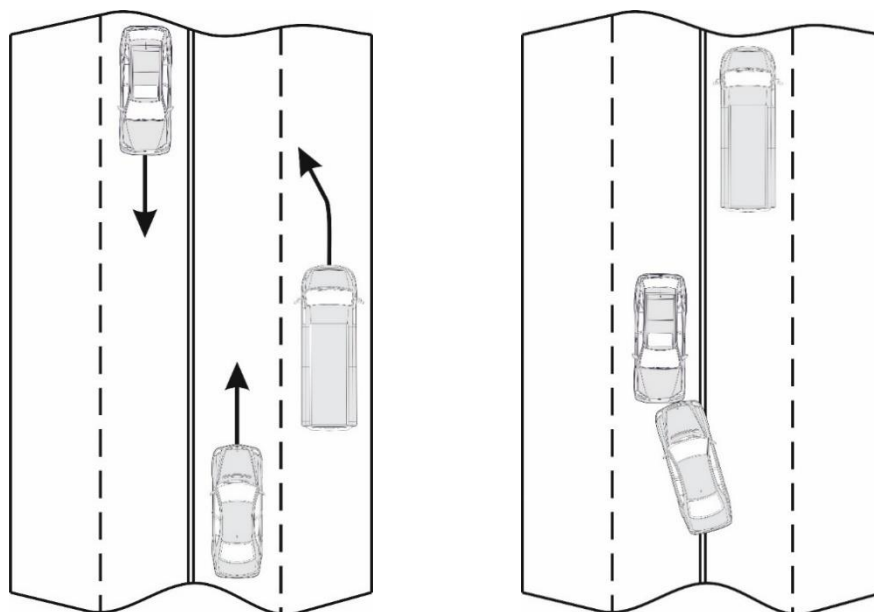

Рис. 3. Схематичное отображение попутного бесконтактного ДТП

Кроме рассмотренных, возможны иные ДТС. Например, создание помехи (опасности) для движения пешеходом, внезапно вышедшим на проезжую часть, падение пассажира или смещение груза при экстренном торможении ТС которому была создана помеха (опасность) для движения.

Каждый тип ДТС требует дифференцированного подхода к выбору расчетных моделей ДТП.

Применение специальных знаний при исследовании бесконтактных ДТП

Особенностью производства судебной автотехнической экспертизы по исследованию обстоятельств ДТП является то, что большинство объектов исследования, необходимых для решения ставящихся перед ней задач, нематериальны и относятся к так называемой категории сведений, получаемых следователем (судом) из документов, содержащихся в деле (протоколов допроса, осмотра места ДТП, проверки технического состояния ТС, схем и т. д.). В экспертной практике эта категория объектов называется исходными данными [5].

Исходные данные необходимые для производства судебной автотехнической экспертизы по исследованию обстоятельств ДТП могут быть получены при производстве иных видов экспертиз.

Особое значение имеют видеозаписи с наружных камер, видеорегистраторов и мобильных устройств, поскольку они позволяют восстановить динамику событий при отсутствии прямого контакта между ТС.

В рамках автотехнической экспертизы видеозапись обстоятельств ДТП может быть использована для ситуационного анализа ДТС. Определение параметров перемещения ТС, их расположение друг относительно друга и стационарных объектов в различные моменты времени относится к компетенции видеотехнической и фототехнической экспертизы.

В ряде случаев, параметры перемещения ТС могут быть установлены при анализе информации, содержащейся в электронных блоках управления бортовых систем ТС, полученной при производстве радиотехнической экспертизы.

При исследовании бесконтактных ДТП в рамках судебных экспертиз решается несколько ключевых задач.

Первая – восстановление механизма происшествия, то есть последовательности

действий участников и изменения их положения во времени и пространстве.

При этом необходимо установить не только общие обстоятельства ДТП, но и параметры движения его участников (скорость, траектория) в особенности ТС, которое первоначально создавало помеху для движения.

Объективно параметры движения участников ДТП могут быть установлены при наличии видеозаписи обстоятельств ДТП. Наиболее эффективным способом применения экспертных знаний в таком случае будет проведение комплексной фото-, видеотехнической автотехнической экспертизы. При производстве подобной экспертизы экспертом-автотехником помимо исследования следов столкновения определяется необходимый набор параметров, который должен быть установлен при производстве фото-, видеотехнической экспертизы для определения механизма ДТП.-

Результатом решения первой задачи должен стать воссозданный механизм ДТП в объеме, достаточном для решения последующих задач.

В случае недостаточности материалов для установления механизма ДТП экспертным путем, недостающие данные могут быть дополнены следственным путем на основании протоколов допросов, проверки показаний на месте, следственных экспериментов и т.п.

На следующем этапе, на основании установленного механизма ДТП последовательно решается три экспертные задачи.

Перед тем как приступить к решению последующих задач, эксперт должен убедиться в полноте исходных данных необходимых для исследования ДТС. При их недостаточности эксперт обязан указать на это. Дополнительные данные могут быть запрошены экспертом при направлении соответствующего ходатайства. Недопустимо делать категоричные выводы при отсутствии ключевых данных, поскольку в таких условиях повышается риск экспертной ошибки.

Вторая экспертная задача – оценка с технической точки зрения заданного момента возникновения опасности, а именно математическое моделирование ДТП, при условии сохранения первоначального направления движения водителем, который реагировал на действия участника – провокатора.

Третья экспертная задача — оценка технической возможности предотвращения ДТП каждым из водителей с учетом скорости, дорожных условий, видимости, времени реакции и заданного момента возникновения опасности и определение соответствия либо несоответствия действий участников требованиям Правил дорожного движения с экспертной точки зрения.

Четвертая экспертная задача – установление причинной связи между действиями водителей и наступившим ДТП.

При необходимости могут быть решены дополнительные вопросы, например, о величине, до которой мог снизить скорость движения водитель при своевременном применении торможения, о возможности выполнения экстренного маневра объезда препятствия, возможности предотвратить ДТП иными действиями и т.п. Постановка на разрешение экспертизы дополнительных вопросов позволяет сделать экспертный вывод более обоснованным и полезным для следствия и суда.

Оценка с технической точки зрения заданного момента возникновения опасности

В автотехнической экспертизе под моментом возникновения опасности понимается – момент, начиная с которого, продолжение движения объекта в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу дорожно-транспортного возникновения происшествия [6].

В случае, когда опасность создана движущимся объектом, необходимо

проведение правовой оценки ситуации (вправе ли водитель рассчитывать на то, что другой участник движения будет соблюдать ПДД), так как согласно п.1.5, участники дорожного движения должны действовать таким образом, чтобы не создавать опасности для движения. С другой стороны, у водителя в конкретной ДТС может быть достаточно оснований полагать, и он в состоянии осознать (он должен был и мог предвидеть), что другой участник движения не выполнит ПДД, станет препятствием (в том числе и с несоответствием п.1.5 ПДД). Это зависит от возраста, физического и психофизиологического состояния, стажа работы, опыта, интеллекта и других субъективных качеств конкретного водителя [7].

При решении вопросов о технической возможности предотвратить происшествие эксперту-автотехнику следует исходить из заданного в постановлении о назначении экспертизы момента, когда в конкретной ДТС (при конкретном ДТП) конкретный водитель был в состоянии обнаружить возникновение опасности для движения.

Если при исследовании типичных ДТП возникновение опасности для движения подтверждается самим фактом контакта (наездом, столкновением) двух участников движения, то в случае с бесконтактными ДТП сам факт возникновения опасности для движения подлежит как правовой, так и технической оценке.

В ряде случаев он очевиден, например, когда автомобиль, создающий помеху, выезжает на полосу другого ТС и остается на ней до момента их разъезда.

Сложности возникают, когда к моменту разъезда, ТС создававший помеху полностью покидает первоначальную полосу движения ТС которому он создавал помеху, например, при торможении последнего. В таком случае требуется техническая оценка заданного момента, которая исходит из фактической траектории ТС-провокатора.

При моделировании ДТС экспертным путем определяется, создавалась ли с технической точки зрения помеха для движения, при условии сохранения водителем первоначального направления и скорости. При этом учитывается как фактическая траектория движения ТС-провокатора, так и его скорость, и направление движения в заданный момент.

По результатам проведенного моделирования возможны следующие выводы:

- при фактической траектории движения ТС-провокатора, от водителя требовалось принятие мер к снижению скорости или изменения направления своего движения. В таком случае момент признается технически обоснованным.

- при фактической траектории движения ТС-провокатора, от водителя не требовалось принятие мер к снижению скорости или изменения направления своего движения. Однако, это связано с изменением параметров движения ТС-провокатора, после заданного момента возникновения опасности, например, резкий маневр по возврату на свою сторону проезжей части, остановка без выезда на полосу движения провоцируемого. В таком случае, подлежит оценке своевременность заданного момента и необходимость принятия экстренных мер.

Следует различать ситуации выезда ТС на полосу встречного направления движения на удалении 500 м, и, например, выезд на расстоянии менее суммы остановочного и тормозного пути встречных ТС.

- при фактической траектории движения ТС-провокатора, от водителя не требовалось принятие мер к снижению скорости или изменения направления своего движения и это не связано с изменением параметров движения ТС-провокатора после заданного момента опасности. В таком случае момент признается технически не

обоснованным, поскольку ситуации не требовала от водителя принятия каких-либо мер на всем этапе её развития.

Оценка технической возможности предотвращения ДТП

Решение вопроса о технической возможности предотвращения ДТП рассматривается в контексте требований абз. 2 п. 10.1 Правил: «При возникновении опасности для движения, которую водитель в состоянии обнаружить, он должен принять возможные меры к снижению скорости вплоть до остановки транспортного средства». При условии сохранения водителем, которому была создана опасность для движения, первоначального направления движения.

При моделировании ДТС экспертным путем определяется, пересекались ли траектория ТС с траекторией ТС-провокаatora, при условии своевременного применения торможения водителем и сохранении первоначального направления движения. Алгоритм решения вопроса не отличается от таковых при встречных, попутных и перекрестных столкновениях, за исключение того, что за место столкновения принимается гипотетическая точка пересечения траекторий ТС.

По результатам проведенного моделирования возможны следующие выводы:

- при своевременном применении торможения и сохранении первоначального направления движения контактирование с ТС-провокатором не исключалось. То есть ДТС носила аварийный характер.

- при своевременном применении торможения и сохранении первоначального направления движения контактирование с ТС-провокатором исключалось. То есть ДТС носила опасный, но не аварийный характер.

В автотехнической экспертизе под аварийной ситуацией понимается дорожная обстановка, в которой водитель не имеет технической возможности предотвратить происшествие [6]. Аварийная ситуация возникает, если водитель мог обнаружить препятствие в момент, когда расстояние до него превышало остановочный путь, но не принял своевременно мер для предотвращения наезда либо, когда это расстояние было меньше остановочного пути. Аварийная ситуация создается тем участником движения, который своими действиями (бездействием), не соответствующими требованиям нормативных актов, лишает себя или водителя другого транспортного средства технической возможности предотвратить происшествие. Аварийная ситуация может возникнуть и независимо от действий участников движения (например, при внезапном возникновении неисправности транспортного средства) [7].

На данном этапе возможно проведение оценки действий водителей на предмет соответствия требованиям Правил дорожного движения. В случае, когда при своевременном применении торможения и сохранении первоначального направления движения контактирование с ТС-провокатором исключалось, делается вывод о несоответствии действий провоцируемого водителя требованиям абз. 2 п. 10.1 ПДД РФ.

В ином случае эксперт указывает на то, что действия водителя отличались от предписываемых Правилами. Регламентировать действия водителя требованиями Правил по выбору параметров маневра возможно в случае, если ДТП совершено на исправном транспортном средстве в удовлетворительных дорожных условиях при отсутствии внешних факторов, вынуждающих водителя экстренно выполнять те или иные требования Правил дорожного движения, то есть, если исход ситуации полностью определялся выбранным водителем по своему усмотрению решением и его реализацией в рабочем режиме, либо неспособностью водителя по тем или иным причинам осуществить необходимые приемы управления транспортным средством. В аварийной ситуации от провоцируемого водителя требуется применение экстренных мер

направленных на предотвращение столкновения с ТС-провокатором и применение только лишь торможения является неэффективным с точки зрения предотвращения ДТП. Решение вопроса о соответствии его действий требованиям Правил в таком случае требует оценки всех материалов дела в том числе и заключения автотехнической экспертизы.

Установление причинной связи между действиями водителей и ДТП

Ключевой вопрос в таких делах – имеется ли техническая причинная связь между действиями водителей и наступившим ДТП. Эксперту нужно установить, создали ли действия одного водителя аварийную ситуацию, была ли у другого участника техническая возможность избежать ДТП и как именно развивалась цепочка событий. Причинная связь доказывается исследованием совокупности объективных данных: динамики движения, дорожных условий, временем реакции и объективной возможности предотвращения ДТП.

Предлагается следующий алгоритм решения вопроса.

Исследование бесконтактных ДТП требует от экспертов-автотехников и следователей (судей) применения комплексного подхода, выходящего за рамки традиционных алгоритмов, ориентированных на анализ следов контактного взаимодействия. Отсутствие следовой информации при бесконтактных ДТП может компенсироваться данными, полученными при производстве фото-, видеотехнической и радиотехнической экспертиз, а также математическим моделированием гипотетических траекторий. Ключевыми этапами экспертного исследования остаются:

- объективное восстановление механизма происшествия;
- техническая оценка момента возникновения опасности;
- определение возможности предотвращения ДТП;
- строгое доказывание причинной связи между несоответствиями действий требованиям ПДД одним из участников и наступившим ДТП.

Формирование единых методических рекомендаций и учет накопленной судебной практики позволят повысить качество и достоверность экспертных заключений, что в конечном итоге будет способствовать полному и всестороннему расследованию дорожно-транспортных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Постановление Совета Министров – Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» (ред. от 27.03.2025) // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 21.04.2025).

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.12.2008 № 25 (ред. от 25.06.2024) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их

неправомерным завладением без цели хищения» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 21.04.2026).

3. Сучков А. И. Типичные следственные ситуации и тактика первоначальных следственных действий при расследовании спровоцированных дорожно-транспортных происшествий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 4(101). С. 235–241.

4. Сучков А.И. Расследование спровоцированных дорожно-транспортных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Сучков. – Орел, 2025. – 214 с.

5. Чава И.И. Судебная автотехническая экспертиза. Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия. – М., ИПК РФЦСЭ, 2007.

6. Терминологический справочник судебной автотехнической экспертизы. М.: ЭКЦ МВД России, 2021.

7. Применение пунктов 2.3.1, 3.1, 9.10, 10.1, 14.1 и 19.2 Правил дорожного движения Российской Федерации в экспертной практике (методические рекомендации для экспертов, следователей и судей). – М.: РФЦСЭ, 1995.

УДК 343.983

О.А. Диденко, И.А. Моногарова

АНАЛИЗ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ЧАСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ СГЕНЕРИРОВАННОГО ТЕКСТА, ВИЗУАЛЬНО НАПОМИНАЮЩЕГО РУКОПИСНЫЙ

Статья посвящена актуальной проблеме судебно-почерковедческой экспертизы на современном этапе – разработке подхода к исследованию нестандартных объектов, а именно изображений документов, содержащих сгенерированный текст, визуально напоминающий рукописный. Появление таких объектов требует решения ряда методологических проблем, одной из которых является выработка четкого терминологического аппарата при работе с новыми источниками доказательственной информации. Авторами анализируются существующие дефиниции, употребляемые в специальной литературе по рассматриваемой теме, выявляются их положительные и отрицательные стороны, а также предлагаются новые варианты формулировок, которые могут использоваться при исследовании псевдорукописного текста.

Ключевые слова: судебно-почерковедческая экспертиза, исследование изображений документов, псевдорукописный шрифт, имитация рукописного текста, сгенерированный текст, визуально напоминающий рукописный.

O.A. Didenko, I.A. Monogarova

ANALYSIS OF THE TERMINOLOGICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF GENERATED TEXT VISUALLY RESEMBLING HANDWRITING

The article addresses a pressing issue in contemporary forensic handwriting examination – the development of an approach to the study of non-standard objects, namely images of documents containing generated text that visually resembles handwriting. The emergence of such objects necessitates solving a number of methodological problems, one of which is the construction of a clear terminological framework for working with new sources of evidentiary information. The authors analyse the existing definitions used in the specialised literature on this topic, identify their strengths and weaknesses, and propose new wording options that can be employed in the study of pseudo-handwritten text.

Keywords: forensic handwriting examination, examination of document images, pseudo-handwritten font, imitation of handwritten text, generated text visually resembling handwriting.

Развитие судебной экспертизы в условиях современности происходит под влиянием всеобъемлющей цифровизации, которая, как справедливо отметила Е.Р. Россинская [1, с. 89], за последние десятилетия затронула сферу судопроизводства и существенно повлияла на доказательственную сферу.

Стремительное развитие технических средств, применяемых для изготовления, копирования, хранения и передачи во времени информации, расширяет возможности использования различных документов в повседневной деятельности. Однако к современным технологиям повсеместно обращаются не только уполномоченные лица и граждане с благими намерениями, но и преступные элементы для реализации своих противоправных целей.

Так, экспертная практика насыщается всё новыми, нестандартными в привычном понимании объектами исследования. В числе которых всё чаще стали встречаться симитированные под рукописные записи. А потребность анализа изображений почерковых объектов и копий документов усугубила ситуацию и вывела её на принципиально новый уровень сложности. При этом способность видения возникших на фоне этого проблем пока не равна возможности их эффективного решения.

На современном этапе в специальной литературе лишь фрагментарно рассматриваются отдельные вопросы исследования реквизитов, выполненных по типу рукописных с помощью программно-технических средств: плоттеров, 3D-принтеров, роботизированной руки, нейросетей, программного обеспечения и т.п.

Сконцентрируем внимание на последнем из вышеперечисленных, ввиду их меньшей изученности, но при этом наибольшей доступности, предполагающей минимальные временные и материальные затраты. Кроме того, налицо достаточно широкое распространение, развитие и совершенствование таких программ в современном мире, а также создание всё новых версий и вариаций, наделённых своими особенностями и возможностями.

При этом наиболее общей чертой для них будет являться способность преобразования любого печатного текста или реквизита путём конвертации в симитированный «рукописный документ». В результате чего записи приобретают визуальное сходство с почерком человека (Иллюстрация № 1).

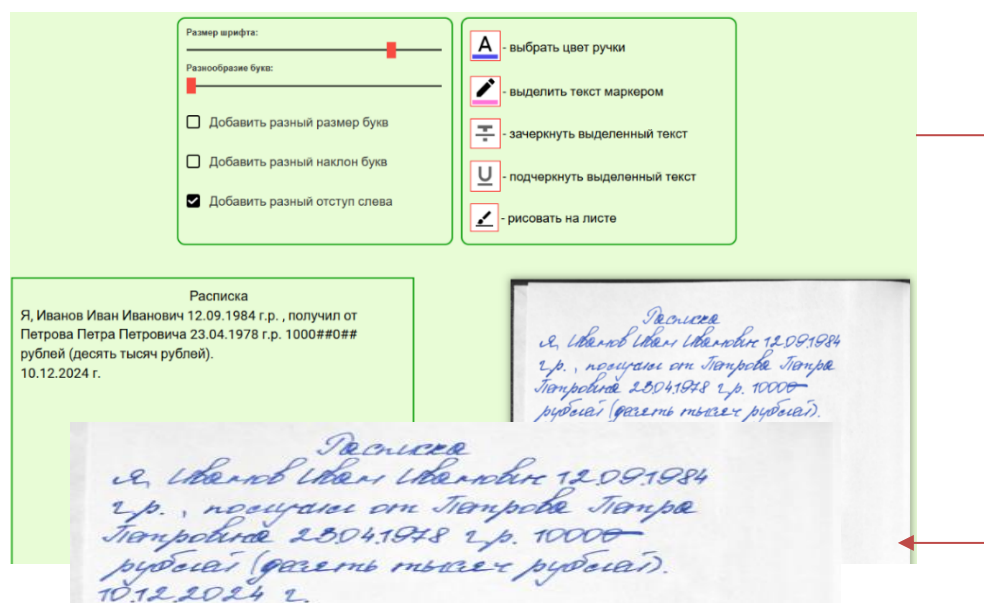

Иллюстрация № 1. Процесс и результат конвертации печатного текста в текст, визуально напоминающий рукописный, с помощью сайта <https://textconversiontool.ru>.

Как свидетельствует анализ практики, зачастую такие программы используются в финансово-экономической сфере для составления фиктивных доверенностей или расписок, в преступной деятельности экстремистской направленности для создания и распространения листовок, содержащих текст соответствующего характера и др. При этом в большинстве случаев подобные преступления раскрываются в ходе проведения различных ОРМ, но если такой необычный документ становится объектом СПЭ, то в результате её производства в 97% (по итогам проведённого эксперимента) эксперт допускает ошибку, анализируя копию текста, как заведомо рукописного.

Ввиду новизны вышеуказанного способа, в настоящее время не существует унифицированного метода изучения изображений рукописного текста, созданного посредством применения программ, воспроизводящих текст, визуально схожий с рукописным. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в рассуждениях на рассматриваемую тему пока не выработан единый подход к определению таких объектов исследования, поэтому в криминалистической литературе встречается многообразие мнений по вопросу специальной терминологии, применяемой относительно конкретной категории документов.

Вышеизложенное свидетельствует о необходимости изучения имеющихся в рассматриваемой области научных работ с целью анализа и уточнения значений отдельных понятий и дефиниций.

Большая их часть содержит определение «псевдоручкописный шрифт» [2, с. 362; 3, с. 60]. Предпримем попытку разобраться в этом вопросе более детально.

Согласно Большой российской энциклопедии, составная часть сложных слов «псевдо-» (от греч. *pseudos* – ложь) означает «ложный», «мнимый» [4]. Также «псевдо-» определяется как «Словообразовательная единица...со значением ложности или мнимости того, что названо мотивирующим именем существительным (псевдоучёный, псевдохудожник и т.п.)» [5]. Помимо этого, существует определение, которое говорит о соответствии его «русскому лже...» [6].

Большой толковый словарь русского языка определяет «шрифт» в нескольких значениях: «Комплект типографских литер (букв, знаков препинания, математических и других знаков), необходимых при наборе какого-л. текста» [7] и «Графическая форма букв при письме, характер рисунка написанных букв» [8].

Таким образом, рассматривая понятие «псевдоручкописный шрифт» в ключе собирательного представления об этих отдельно взятых дефинициях, можно определить значение этого словосочетания, как «ложно-рукописного характера букв». Но стоит отметить, что эмоционально-оценочная окраска «псевдо-», наводит на заведомо негативное отношение, что в свою очередь не всегда уместно, поскольку такие шрифты могут использоваться не только для имитации почерка конкретного лица с целью подражания его родному почерку и воспроизводстве от его имени каких-либо подложных документов, но и в безобидных житейских ситуациях, требующих заполнения различного рода документов (грамот, открыток, поздравительных адресов и проч.) красивым каллиграфическим шрифтом, напоминающим почерк человека.

Однако с криминалистической точки зрения, несмотря на указанный оттенок, это не мешает использовать вышеназванный термин в контексте рассматриваемого вопроса.

Еще одно определение, которое довольно часто применяется в научных статьях – «имитация рукописного текста». Или «программы, имитирующие рукописный текст».

Рассмотрим разные варианты толкования слова «имитация». Толковый словарь Ожегова так определяет «имитацию» как «подделку подо что-н» [9]. Согласно словарю Ефремовой, имитация – это «искусное подражание кому-либо или чему-либо,

воспроизведение чего-либо с возможной точностью» [10].

То есть «имитацию рукописного текста» можно трактовать как подражание рукописному тексту или как его подделку, что в соответствии с изложенным ранее подразумевает критическое отношение при употреблении такой терминологии.

Исследованием копий и изображений документов занимаются и негосударственные судебно-экспертные учреждения, на сайте одного из которых размещена информация об имитации почерка человека с применением следующей формулировки - «подделка рукописного почерка»¹. Её анализ позволил сделать следующее умозаключение: подобное употребление некорректно.

Так, по определению В.Ф. Орловой "Почерк – это индивидуальный, динамически устойчивый зрительно-двигательный образ графической техники письма, получающий реализацию с помощью системы движений в рукописи" [11].

Следовательно, конструкция «рукописный почерк» представляет собой повтор близких по смыслу слов, что является тавтологией. Соответственно, применение их в таком сочетании не вполне удачно.

Резюмируя изложенное, подведём итог проделанной нами работы по изучению и анализу основных понятий и их значений в отношении новых специфичных и нетрадиционных объектов исследования. Так, наиболее удачными формулировками с точки зрения передачи верного, неискажённого смысла нам видятся «псевдорукописный шрифт» и «имитация рукописного текста», которыми «оперируют» представители экспертного сообщества. Обобщающим признаком для этих определений является акцент на искусственную (нерукописную) природу происхождения такого типа объектов.

Кроме того, мы предлагаем дополнить вышеприведённые варианты определениями, которые, на наш взгляд, также передают основную суть и смысл обсуждаемых дефиниций – это «сгенерированный текст, визуально напоминающий рукописный» или «сгенерированный текст по типу рукописного», то есть текст, созданный программой, который имеет визуальное сходство с рукописным, но на основе искусственной природы происхождения.

Таким образом, в контексте рассматриваемой темы рекомендуется использовать следующие термины, которые, по нашему убеждению, являются наиболее корректными и непротиворечивыми: «псевдорукописный шрифт», «имитация рукописного текста», «сгенерированный текст, визуально напоминающий рукописный», «сгенерированный текст по типу рукописного». Определение «подделка рукописного почерка» является неточными как с точки зрения норм русского языка, так и относительно теории судебной экспертизы, поэтому вышеназванное сочетание мы находим неудачным.

Появление новых объектов и вместе с этим решение новых задач в экспертной деятельности, несомненно, должно начинаться с уяснения значения базовых понятий, применяемых при работе с такими объектами. Нами были изучены и проанализированы существующие дефиниции, применяемые к использованию программ, позволяющих генерировать текст, внешне схожий с рукописным, выявлены их положительные и отрицательные стороны, а также найдены и предложены новые терминологические решения.

Поиск новых источников доказательственной информации в рамках судебной экспертизы представляет собой не просто расширение круга исследуемых материальных

¹ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://grafo-logos.ru/blog/pocherkovedcheskay-ekspertiza/ispolzovanie-komputernih-tehnologij-dlya-poddelki-rukopisnih-pocherka-podpisej?ysclid=mjjxfny57k385235389>. Дата обращения: 16.04.2026.

объектов, но и комплексную методологическую проблему, которая потребует решения ряда взаимосвязанных задач, проявляющихся в выработке четкого терминологического аппарата, отнесении объекта к конкретному виду и роду экспертизы, формулировке нестандартных вопросов, которые ставятся перед экспертом, и других. Ответы на эти вопросы определяют траекторию развития судебной экспертизы, ее готовность к вызовам современности и способность адаптировать знания в части теории, методики и практики к новым нетипичным объектам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1 (62).
2. Купин, А. Ф. Признаки реквизитов документов, изготовленных с помощью "псевдо-рукописного шрифта" / А. Ф. Купин, В. А. Титаренко // Вопросы экспертной практики. – 2019. – № S1. – С. 361-366.
3. Купин А.Ф., Ботвина В.В. Возможности исследования рукописных реквизитов документов, выполненных при помощи специальных программ и технических средств. Теория и практика судебной экспертизы. 2022;17(4):59-69
4. Большая Российская энциклопедия. Большая Российская энциклопедия: В 30. томах. Т. "Россия" / Науч.-ред. совет: Пред. – Ю.С. Осипов и др. – Москва : Большая Российская энциклопедия, 2004. – 1005 с. ил., портр. – (Большая Российская энциклопедия).
5. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка: в 3 томах : около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006.
6. Словарь иностранных слов русского языка [Текст] : [100 000 слов и выражений : 12+] / [сост.] Егорова Т. В. - Москва : Аделант, 2014. - 799с
7. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999
8. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. Авторская редакция, 2000. 1536 с.
9. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка 80000 слов и фразеол. выражений / С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В.Б. Виноградова. — 4-е изд., доп.. – М. : Азбуковник, 1997. – 939с.
10. Ефремова Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка : в 3 томах : около 160 000 слов / Т. Ф. Ефремова. – Москва : АСТ, 2006.
11. Орлова В. Ф. Теория судебно-почерковедческой идентификации // Труды ВНИИ-СЭ. М., 1973. Вып. 6.

СОВМЕЩЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ 3D СКАНИРОВАНИЯ ОБЪЕМНЫХ СЛЕДОВ В ТРАСОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматриваются особенности фиксации объемных следов с применением технологий 3D-сканирования в условиях, при которых получение полной модели за один проход затруднено. Обоснована необходимость поэтапного сканирования с последующим объединением результатов в единую 3D-модель. Описаны основные условия корректного совмещения сканов, включая наличие зон перекрытия, использование маркерных меток и соблюдение требований к выбору опорных точек. Раскрыты особенности геометрической привязки моделей в программной среде «Calibry Nest», а также этапы их последующей обработки.

Ключевые слова: 3D-сканирование, криминалистика, трасология, объемные следы, совмещение моделей, геометрическая привязка, зона перекрытия, цифровая фиксация, судебная экспертиза, Calibry Nest.

D.A. Evstropov, A.V. Kondakov

FEATURES OF ALIGNMENT OF 3D SCANNING RESULTS OF THREE-DIMENSIONAL TRACES IN TRACELOGICAL STUDIES

The article examines the features of recording three-dimensional traces using 3D scanning technologies in conditions where obtaining a complete model in a single scan is difficult. The necessity of step-by-step scanning followed by merging the results into a unified 3D model is substantiated. The main conditions for correct alignment of scans are described, including the presence of overlapping areas, the use of marker points, and compliance with the requirements for selecting reference points. The specifics of geometric registration of models in the "Calibry Nest" software environment, as well as the stages of their subsequent processing, are discussed.

Keywords: 3D scanning, forensics, traceology, three-dimensional traces, model alignment, geometric registration, overlapping area, digital recording, forensic examination, Calibry Nest.

Одной из важнейших задач трехмерного моделирования является получение реалистичного точного конечного изображения [1, с. 240; 2, с. 120]. При фиксации объемных следов в практике трасологических исследований возникают ситуации, при которых получение полной и качественной 3D-модели объекта в рамках одного сканирования затруднено или невозможно. Это обусловлено значительными размерами следа, сложной конфигурацией поверхности, ограничениями углов обзора, а также влиянием условий освещения и отражающих свойств материала. В результате отдельные участки следа могут оставаться незафиксированными. Для создания полных 3D моделей необходимы некоторые дополнительные средства, позволяющие объединять в единую модель набор фрагментов модели объекта.

Существует два основных подхода к решению данной проблемы. Первый подход основывается на получении информации о внешнем ориентировании сканирующей системы для каждого фрагмента модели, то есть о ее положении в некоторой глобальной системе координат. Тогда матрицы перехода в глобальную систему координат могут быть рассчитаны для каждого отдельно взятого фрагмента. Информация о внешнем ориентировании съемочной системы может быть получена различным образом, например, при помощи использования механических координатных средств позиционирования объекта или съемочной системы или при помощи проведения

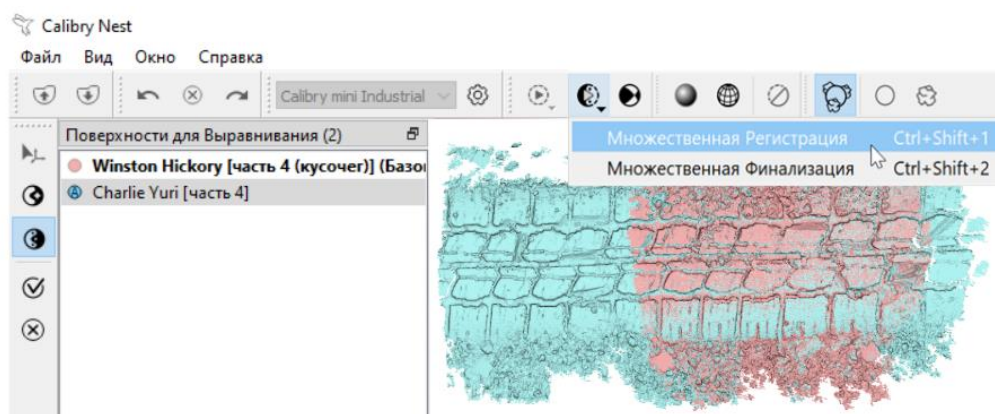
процедуры внешнего ориентирования съемочной системы при помощи специальных опорных меток, нанесенных на сканируемый объект [3].

Второй подход применяется в том случае, если нет никакой дополнительной информации о связи между локальными системами координат. Он основан на анализе данных и поиске общих частей у различных фрагментов [4, стр. 1].

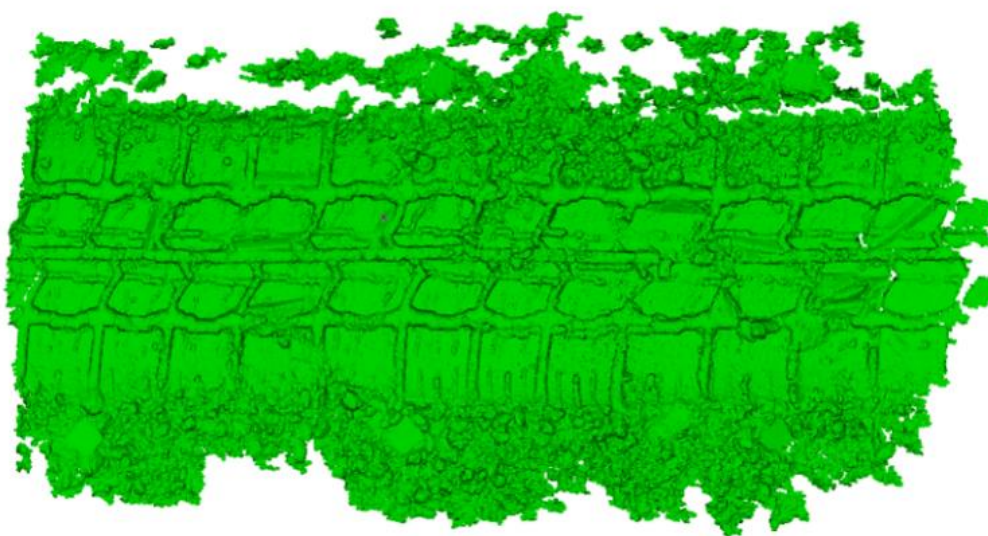
В подобных случаях применяется поэтапное сканирование, при котором объект фиксируется частями с последующим объединением полученных результатов в единую 3D-модель. Данный подход позволяет обеспечить полноту фиксации, повысить детализацию отдельных участков и компенсировать «слепые зоны» за счёт сканирования с различных ракурсов.

При работе со следами часто приходится делать несколько отдельных сканов, чтобы получить полную модель. Это помогает снизить ошибки, которые могут появляться при длительной непрерывной съёмке. В Волгоградской академии МВД для объединения разных сканов используют программу «Calibry Nest», которая позволяет совместить несколько моделей и создать одну полигональную модель.

Совмещение делается по перекрывающимся участкам — зонам, которые были отсканированы несколько раз и имеют одинаковые геометрические признаки, например рисунок протектора или дефекты поверхности (см. рис. 1 а). Чем больше и информативнее зона перекрытия, тем точнее совмещение (см. рис. 1 б).

а

б

Рисунок 1. Положение отсканированных участков следа транспортного средства до объединения (а) и результат объединения моделей трехмерных моделей (б).

Для удобства используют специальные маркерные точки. Они помогают находить одинаковые участки на разных сканах. Если маркеры сдвигаются между сканированиями, объединение моделей может не получиться. Иногда, если участки поверхности имеют ярко выраженные совпадения, совмещение возможно и без маркеров.

Чтобы правильно совмещать модели, их ориентируют в одной системе координат. В программе выбирают три характерные точки в зоне перекрытия. Точки на моделях ставят в одном и том же порядке. Их нельзя располагать на одной линии или слишком близко друг к другу, иначе точность совмещения снизится. Расстояние между точками должно быть достаточным, чтобы геометрическая привязка была точной.

После того как модели совмещены, проводят визуальную проверку. Убеждаются в том, что рельефы моделей совпадают, нет смещений и искажений. Если обнаруживаются какие-либо артефакты и ошибки, совмещение повторяют, подбирая точки заново или корректируя настройки.

Нельзя объединять модели, которые сняты с разных следов. Каждый след рассматривается как отдельный объект исследования, и, если объединять их между собой, это нарушит геометрию и поставит под сомнение юридическую ценность результатов.

Все этапы работы с 3D-данными тщательно фиксируются. Это включает запись параметров сканирования, настройку обработки и время выполнения работ. Такая документация позволяет в любой момент повторно проверить полученные результаты, убедиться в их точности и сохранить доказательственную ценность полученных данных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Несмиянова И. О. Современные методы фиксации и изъятия трасологических следов как эффективное средство идентификации личности // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 6. — С. 239–242.

2. Полякова А. В. 3D-технологии в судебно-экспертной деятельности // Юридические исследования. – 2023. – №. 7. – С. 117-125.

3. D.G. Stepanyants, V. A. Knyaz. PC-Based Digital CloseRange Photogrammetric System for Rapid 3D Data Input in CAD Systems. International Archives of Photogrammetry and Remote Sensing, Vol. XXXIII, part B5/2, Amsterdam, The Netherlands, 2000, pp. 756-763.

4. Амелин В. В., Князь В. А. Объединение фрагментов трехмерной модели объекта // Труды 12й международной конференции по компьютерной графике и машинному зрению ГрафиКон. – 2002. – С. 99-103.

УДК 343.13

С.Г. Загорьян

РОЛЬ ЭКСПЕРТА В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В исследуемой публикации автором рассмотрена значимость роли эксперта в российском уголовном судопроизводстве. Рассмотрено процессуальное положение эксперта в уголовном процессе, ряд его прав и обязанностей. Исследованы проблемные вопросы привлечения в уголовное судопроизводство негосударственных экспертов. Обращено внимание на необходимость судебной оценки судебной экспертизы при принятии итого решения по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, роль эксперта, проблемные вопросы, права и обязанности, судебная оценка.

THE ROLE OF THE EXPERT IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS.

In this publication, the author examines the importance of the expert's role in Russian criminal proceedings. The author examines the expert's procedural status in criminal proceedings, as well as their rights and responsibilities. The author also explores the problematic aspects of involving non-governmental experts in criminal proceedings. The author emphasizes the need for a judicial evaluation of forensic examinations when making a final decision in a criminal case.

Keywords: criminal proceedings, expert role, problematic issues, rights and responsibilities, judicial evaluation.

Расследование уголовных дел является многоаспектным действием, которое требует применения узконаправленных знаний, которыми следователь, дознаватель (иной участник уголовного судопроизводства) обладать не может и не обязан. Совершенно очевидно, что к лицам, ведущим расследование, не могут быть предъявлены требования по наличию таких знаний [1, с. 105]. В случае, необходимости применения специальных знаний следователь, дознаватель вправе вынести постановление о назначении судебной экспертизы, то есть вынести постановление о привлечении к уголовному судопроизводству специалиста (специалистов) в роли эксперта (группы экспертов).

Первое законодательное использование термина эксперт-специалист в России появилось в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. Устав содержал такое требование к заключению эксперта-специалиста, как основание выводов заключения на принципах объективности. Кроме того, эксперту предоставлялось право проявлять инициативу, если она направлена на установлении истины. Отметим, что Устав не делал различия между экспертом и специалистом, он определял данных лиц в одну категорию – «сведущие люди». Уставом уголовного судопроизводства регламентировалось участие на предварительном следствии и в суде сведущих людей [2, с. 134]. Первое же упоминание о «сведущих людях» в уголовном процессе появилось в 1832 г. в Своде уголовных законов Российской империи.

В ныне действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации достаточно много внимания уделено производству экспертиз (данному вопросу посвящена целая глава 27) и такому участнику уголовного процесса как эксперт, однако до настоящего времени не определено полно и конкретно понятие «специальные знания». Привлечение же лица в качестве эксперта в обязательном порядке определяется наличием у него определенных специальных знаний в некоторой сфере, применение которых поможет расследованию уголовного дела. В юридической литературе среди ученых-процессуалистов единого мнения по данному вопросу так же не сложилось. Одним из моментов, которые определяют дискуссионность данного вопроса, является размытость и условность границ между общедоступными и специальными знаниями.

Неоднозначно и разрешение вопроса о том, могут ли в качестве специальных знаний выступать те знания, которые носят правовой характер. Ряд авторов считают, что при расследовании уголовного дела должна быть возможность проведения «правовых экспертиз». Однако более распространено мнение, что проведение правовых экспертиз при расследовании уголовного дела недопустимо, так как нарушается принцип независимости судей, определенный ст.8.1 УПК РФ. Кроме того, исследования и разъяснения эксперта в области права не могут быть доказательствами. И мы также считаем, что данная точка зрения более правильная и верная. В противном случае получается, что каждый юрист-процессуалист, участвующий в уголовном судопроизводстве может проводить исследование в области уголовного процесса и выносить правовую экспертизу.

Процессуальное положение эксперта включает в себя его права и обязанности,

Утративший силу УПК РФ на первое место ставил обязанности эксперта, а не его права. Действующий уголовно-процессуальный кодекс на первое место ставит права эксперта, а не обязанности. Ч.3 ст.57 УПК РФ регламентирует права эксперта, обязанности устанавливает следующая ч. 4 указанной статьи. Существенным правом эксперта является право эксперта ходатайствовать о предоставлении ему дополнительных образцов или материалов уголовного дела в случае их недостаточности для проведения необходимого исследования. Порядок направления материалов уголовного дела для производства судебной экспертизы регламентирован ст. 199 УПК РФ [3, с.120]. Эксперт, как участник уголовного судопроизводства в случае необходимости имеет право пользоваться услугами переводчика.

Обязанности эксперта в уголовном судопроизводстве формулируются в виде определенных запретов. Наиболее серьезными запретами являются запрет на умышленное неверное заключение и запрет на разглашение конфиденциальных данных расследования. За нарушение указанных запретов эксперт может быть привлечен к уголовной ответственности.

Механизм назначения и проведения экспертизы в уголовном процессе остается в основном императивным. При назначении экспертного исследования у следователя, дознавателя, органа дознания или суда может возникнуть вопрос о подтверждении экспертом своей квалификации. В этом случае, эксперт должен предоставить документы, подтверждающие его квалификацию: сертификаты, квалификационное удостоверение о ведомственной аттестации на самостоятельное проведение экспертиз, диплом о соответствующем образовании и другие документы, которые могут подтвердить наличие у него достаточных познаний в необходимой сфере.

Следователь, согласно ст. 197 УПК РФ, наделен правом присутствия при экспертном исследовании и, получать разъяснения в отношении проводимых экспертом действий. В таком случае, в заключении эксперта должно быть отмечено, что при проведении экспертизы присутствовал следователь. Так как экспертиза представляет собой отдельное следственное действие, проводимое экспертом, то следователь не имеет права вмешиваться в ее проведение и давать какие-либо указания или советы эксперту. Следователь не вправе присутствовать при совещании экспертов, проводимом по результатам исследования и формулирования ими выводов по данным, полученным в ходе проведения экспертизы комиссией экспертов.

В случаях, когда для производства экспертизы необходимо получение образцов для сравнительного исследования, то данное действие осуществляет сам эксперт с занесением об этом отметки в заключение.

Результатом проведения экспертизы является заключение эксперта либо сообщение о невозможности дачи заключения по каким-либо причинам. Причины могут быть как объективные, так и субъективные. Заключение эксперта при соблюдении всех оговоренных законом правил его получения признается имеющим доказательственное значение. Как и любое другое доказательство, заключение эксперта должно быть подвергнуто судебной оценке. Правильная оценка экспертного заключения существенно влияет на принятие судом того или иного решения. Российское судопроизводство в некоторых случаях сталкивается с необъективными и научно необоснованными заключениями экспертов. Особенно если это касается негосударственных экспертов. Основными причинами выступает недостаточная квалификация самого эксперта.

Ошибочность заключения эксперта может определяться следующими факторами:

1. При проведении экспертизы допущена случайная ошибка.
2. Эксперт в силу некомпетентности сделал неверные или несоответствующие результатам исследования выводы.
3. Заключение заведомо ложное.

Для повышения качества экспертных исследований Комитет Госдумы по

госстроительству и законодательству рекомендовал к принятию законопроект «О судебно-экспертной деятельности». Данный документ предполагает создание реестра судебных экспертов с обязательным включением в него негосударственных экспертов, что будет являться обязательным условием их допуска к проведению судебных экспертиз. Негосударственным экспертам для их внесения в реестр необходимо будет пройти обязательную аттестацию. Данный документ также предусматривает для них периодичность аттестации не реже одного раза в 5 лет. То есть, часть обязательных требований, предъявляемых к государственным экспертам, будет распространяться и на негосударственных экспертов.

Задача судебной экспертизы – выявить именно те доказательства, которые могут подтвердить либо опровергнуть факты, имеющие значение для принятия верного правового решения [4, с. 77]. Заключение эксперта зачастую ложится в основу судебного решения, от которого напрямую зависят человеческие судьбы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Канокова, Л. Ю. Правовое положение эксперта и специалиста в уголовном судопроизводстве / Л. Ю. Канокова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 10. – С. 105-107. – EDN UBEZOF.
2. Вареникова, С. П. Институт сведущих лиц в уголовном судопроизводстве: генезис и современное состояние / С. П. Вареникова // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 1(50). – С. 133-140. – EDN TOTYIP.
3. Сидоренко, О. В. Назначение и производство судебных экспертиз на стадии возбуждения уголовного дела / О. В. Сидоренко // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 2(24). – С. 118-122. – EDN VYUBGR.
4. Загорьян, С. Г. Уголовно-процессуальные проблемы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела / С. Г. Загорьян // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2018. – № 4. – С. 74-78. – EDN YRJKPB.

УДК 343.9

В. В. Казьмин

ДОЭКСПЕРТНАЯ ОЦЕНКА КАК СРЕДСТВО ОПТИМИЗАЦИИ СОВМЕСТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНЫХ И СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОТЕЛЬНЫХ ВИДОВ

Аннотация. В статье подчеркнута важность рационального подхода к назначению судебных экспертиз и задействованию потенциала экспертных подразделений. Отмечено значение доэкспертной оценки материалов как средства оптимизации сроков проведения экспертиз отдельных видов. Детально рассмотрены особенности доэкспертной оценки при назначении автотехнических экспертиз, акцентировано внимание на важности системной работы в данном направлении.

Ключевые слова: экспертно-криминалистическая служба, доэкспертная оценка, автотехническая экспертиза.

Abstract. The article emphasizes the importance of rational approach to the appointment of forensic examinations and to the involvement of forensic units' potential. The value of pre-expert material estimation is highlighted as a way of optimizing the duration of certain kinds of examinations. The peculiarities of pre-expert estimation with regards to automotive technical expertise are viewed in detail, special attention being paid to the importance of systematic work in that direction.

Keywords: expert forensic service, pre-expert evaluation, automotive technical expertise.

PRE-EXPERT ASSESSMENT AS A MEANS OF OPTIMIZING THE JOINT ACTIVITIES OF EXPERT AND INVESTIGATIVE UNITS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES HOTEL VIEWS

Деятельность экспертных подразделений МВД России¹, исходя из их целей и задач, ориентирована на формирование надежной доказательственной базы при раскрытии и расследовании преступлений, максимальное обеспечение потребностей органов предварительного расследования в применении технико-криминалистических средств и методов.

В соответствии с новыми запросами органов предварительного расследования за последние пять лет значительно пополнился перечень судебных экспертиз, производимых в органах внутренних дел². Последовательно ведутся научные изыскания в целях формирования инновационных подходов к экспертным исследованиям современных объектов.

Особое внимание руководства МВД России направлено на взаимодействие экспертно-криминалистической службы с органами следствия и дознания, поскольку его уровень непосредственно влияет на качество и сроки расследования уголовных дел.

Срок выполнения большинства судебных экспертиз в системе МВД России составляет до 15 суток, однако по ряду направлений (экономические, строительно-технические, лингвистические, фоноскопические, автотехнические и некоторые другие) он значительно превышен. Это обусловлено трудоемкостью процесса исследования, подтвержденной установленными нормами введения должностей сотрудников экспертно-криминалистических подразделений³.

Один из инструментов оптимизации срока производства – процедура доэкспертной оценки материалов (которые потенциально могут стать объектами экспертиз), выступающая важным элементом взаимодействия инициаторов экспертного задания и их непосредственных исполнителей. Ее проведение значимо для организации экспертно-криминалистической деятельности в целом.

Результаты ведомственного контроля за работой ЭКП свидетельствуют о наличии случаев избыточного назначения экспертиз и постановления на разрешение эксперта чрезмерного числа вопросов, что увеличивает сроки их производства. Поскольку в соответствии с требованиями Приказа МВД России № 511⁴ экспертизы производятся в порядке очередности поступления материалов, каждое немотивированное назначение экспертизы «отодвигает» на более поздний срок проведение других исследований, что негативно влияет на организацию расследования уголовных дел в целом.

В этой связи в последние годы руководством МВД России пристальное внимание уделяется особенностям подготовки материалов для назначения отдельных видов

¹ Далее также – «ЭКП».

² Утвержден приказом МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России», далее – «Приказ МВД России № 511».

³ Определены приказом МВД России 30 мая 2003 г. № 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел».

⁴ Пункт 12 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России № 511.

сложных и трудозатратных экспертиз¹. Задачи по формированию рекомендаций по порядку представления объектов, отбору сопоставимых образцов неоднократно находили отражение в документах стратегического планирования, решениях коллегий МВД России, протоколах совместных совещаний следственных, оперативных и экспертных подразделений². В указании МВД России «Об оптимизации расходов на проведение экспертиз и исследований во вневедомственных организациях»³ обозначена задача «...принять меры к сокращению сроков проведения экспертных исследований в ЭКП территориальных органов МВД России за счет доэкспертной оценки материалов и участия специалистов в отборе необходимого и достаточного для получения доказательственной базы минимума объектов, направляемого на исследование в рамках судебных экспертиз». Для ее выполнения ЭКЦ МВД России совместно со Следственным департаментом МВД России в 2021 году разработан порядок назначения фоноскопических экспертиз, в 2022 году – компьютерных экспертиз, которые внедрены в деятельность следственных подразделений системы МВД России⁴. Это позволило при росте киберпреступности стабилизировать динамику назначения экспертных исследований наиболее востребованных видов и сократить сроки их производства.

Для обеспечения следователей и дознавателей надежной методической базой при принятии решений о назначении судебных экспертиз в 2025 году ЭКЦ МВД России подготовлено комплексное интерактивное справочное пособие о возможностях экспертных подразделений при производстве автороведческой, компьютерной, лесотехнической, лингвистической, радиотехнической, строительно-технической, товароведческой, физико-химической и фоноскопической экспертиз, которые в отдельных ситуациях позволяют субъектам расследования проводить доэкспертную оценку без привлечения специалиста⁵.

Актуальной проблемой, влияющей на общественную безопасность, демографические и экономические показатели, остается значительное число дорожно-транспортных происшествий⁶ в нашей стране. В 2024 году в ДТП погибли порядка 14,4 тыс. и около 165 тыс. человек получили ранения. В 2025 году – 13,9 тыс. и 159 тыс. соответственно.

В этих условиях сохраняется востребованность автотехнических экспертиз и исследований. Согласно ведомственной отчетности, в 2024 году в экспертно-криминалистические подразделения МВД России их назначено 70,2 тыс., в 2025 – 66,2

¹ Подпункт 10.6 приказа МВД России от 15 июня 2021 г. № 447 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 мая 2021 г. № 2 км «О состоянии и мерах по повышению эффективности и качества предварительного следствия в органах внутренних дел»» // СПС КонсультантПлюс.

² Подпункт 6.5 Плана основных организационных мероприятий МВД России на 2023 год, утвержденного Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации Колокольцевым В.А.

³ От 25 мая 2021 г. № 1/5414.

⁴ Подпункт 2.2 протокола оперативного совещания у заместителя Министра внутренних дел Российской Федерации – начальника Следственного департамента МВД России генерал-полковника юстиции Лебедева С.Н. от 22 сентября 2022 г. № 3 «Об актуальных вопросах взаимодействия органов предварительного следствия и экспертно-криминалистических подразделений территориальных органов МВД России».

⁵ Казьмин В.В. и др. Особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз: Справочное пособие (интерактивное). – Москва: ЭКЦ МВД России, 2025.

⁶ Далее – «ДТП».

тыс.¹ При этом по состоянию на 1 января 2026 года в производстве оставалось 1 170 экспертиз и исследований, сроки выполнения которых превысили установленные нормативными правовыми актами МВД России².

Проблематика назначения судебных экспертиз по делам о ДТП зачастую рассматривается в рамках простого алгоритма: вынесение органом предварительного расследования постановления и последующее проведение экспертизы. Между тем практика показывает, что на этапе принятия решения о необходимости назначения экспертизы, определения ее вида возникает значительное число ошибок.

Статьей 58 УПК РФ законодатель предусматривает возможность привлечения специалиста для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств, постановки вопросов эксперту и разъяснении вопросов в пределах профессиональной компетенции.

Следовательно, на предварительном этапе именно участие специалиста позволяет органу расследования надлежащим образом подготовить материалы экспертизы, не смешивая различные процессуальные роли.

Например, при назначении автотехнических экспертиз объектом доэкспертной оценки являются не только транспортные средства, их повреждения либо следы на месте происшествия, но и в целом все материалы уголовного дела, включающие протоколы допросов, осмотров, иных процессуальных действий, информацию, характеризующую погодные условия и другие обстоятельства ДТП.

Поскольку в значительной степени выводы автотехнической экспертизы зависят от полноты и достоверности исходных данных, суть доэкспертной оценки состоит в их структурировании и комплексном анализе в целях определения направления дальнейшего расследования: принятия решения о назначении экспертизы или производстве дополнительных следственных и иных процессуальных действий.

Неполные сведения существенно ограничивают или делают невозможным принятие экспертного решения. Очевидно, что консультация эксперта-автотехника до назначения экспертизы должна рассматриваться как рациональный и необходимый инструмент подготовки исходных данных.

При расследовании ДТП решение о возбуждении уголовного дела, а также результаты его расследования зачастую зависят от выводов экспертизы, поэтому проведение доэкспертной оценки становится обязательным тактическим приемом, предшествующим ее назначению. При этом он может проводиться как непосредственно следователем, так и с привлечением специалиста.

По наиболее распространенным видам ДТП при подготовке материалов для направления на исследование целесообразно применять типовые алгоритмы сбора данных и их структурирования. В сложных случаях консультации специалиста требуются не только при назначении экспертизы, но и при подготовке к проведению отдельных следственных действий, результаты которых будут использованы в качестве исходных данных для ее назначения.

¹ Здесь и далее статистическая информация о результатах работы экспертно-криминалистических подразделений приведена по данным ведомственных отчетов (1-НТП) за 2016–2025 годы.

² 15 суток – для экспертиз, установлен Приказом МВД России № 511; 5 суток – для исследований, установлен Приказом МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России».

Доэкспертная оценка материалов позволяет решить ряд тактических задач¹:

- формулирование вопросов, выносимых на разрешение эксперта, устранение их избыточности и дублирования;
- отбор оптимального количества объектов или конкретизации объема исследования;
- получение сопоставимых образцов для проведения идентификационных исследований (с соблюдением рекомендаций экспертов);
- сбор дополнительных материалов для решения поставленных вопросов, позволяющий минимизировать количество заявленных ходатайств.

В совокупности они обеспечивают сокращение сроков производства экспертиз и ускорение хода расследования уголовных дел.

В информационном письме «О вопросах применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок назначения судебных экспертиз»² подчеркнута важность рационального подхода к назначению судебных экспертиз, в том числе отмечена недопустимость назначения экспертных исследований при отсутствии потребности в использовании специальных знаний в науке, технике, искусстве или ремесле, когда их производство не является обязательным, а выводы эксперта заведомо не повлияют на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию. Все это коррелирует с задачами доэкспертной оценки материалов.

Рекомендации, изложенные в Совместном письме, нацелены на корректирование правоприменительной практики со стороны как следственных подразделений, так и надзорных органов.

Таким образом, высокая значимость доэкспертной оценки подтверждена руководством федеральных государственных органов. Этот тактический прием, заключающийся в особой форме применения специальных знаний, подтвердил свою эффективность, и подлежит интеграции в процесс расследования. Он крайне важен для совершенствования системы организации расследования уголовных дел, поскольку способствует улучшению его качества и соблюдению разумного срока судопроизводства. Позволяет оптимизировать нагрузку по отдельным направлениям, а также повысить эффективность деятельности следственных и экспертно-криминалистических подразделений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.

2. Приказ МВД России 30 мая 2003 г. № 366 «О вопросах организации деятельности экспертно-криминалистических центров органов внутренних дел» // СПС КонсультантПлюс.

3. Приказ МВД России от 15 июня 2021 г. № 447 «Об объявлении решения коллегии Министерства внутренних дел Российской Федерации от 28 мая 2021 г. № 2 км

¹ См.: Казьмин В.В., Дронова О.Б. Современный подход экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России к доэкспертной оценке объектов // Научный портал МВД России. 2026. № 1 (73). С. 77.

² Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФССП России и ФТС России от 14 декабря 2023 г. № 1/14926/36-22-23/43-7436-19/00043/23/229611-ВВ/01-40/73895 «О вопросах применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок назначения судебных экспертиз». Далее – «Совместное письмо».

«О состоянии и мерах по повышению эффективности и качества предварительного следствия в органах внутренних дел» // СПС КонсультантПлюс.

4. Приказ МВД России 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» (с изменениями) // СПС КонсультантПлюс.

5. МВД России от 11 января 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (с изменениями) // СПС КонсультантПлюс.

6. Указание МВД России от 25 мая 2021 г. № 1/5414 «Об оптимизации расходов на проведение экспертиз и исследований во вневедомственных организациях».

7. Информационное письмо Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФССП России и ФТС России от 14 декабря 2023 г. № 1/14926/36-22-23/43-7436-19/00043/23/229611-BB/01-40/73895 «О вопросах применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующих порядок назначения судебных экспертиз».

8. Казьмин В.В. и др. Особенности назначения отдельных видов судебных экспертиз: Справочное пособие (интерактивное). – Москва: ЭКЦ МВД России, 2025.

9. Казьмин В.В., Дронова О.Б. Современный подход экспертно-криминалистических подразделений системы МВД России к доэкспертной оценке объектов // Научный портал МВД России. 2026. № 1 (73). С. 72-79.

УДК 343.98

Е.В. Китаев

ОТОБРАЖЕНИЕ КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ КОЛЮЩЕ-РЕЖУЩЕГО ОРУЖИЯ В ПОВРЕЖДЕНИЯХ НА ОДЕЖДЕ

Аннотация. В результате проведенного исследования повреждений, образованных клинковыми объектами колюще-режущего действия на предметах одежды из различных материалов, установлены закономерности образования повреждений на различных видах тканей и трикотажа, коже и кожзаменителе, нетканых и пленочных материалах. Установлены возможности выявления в повреждениях таких особенностей клинкового оружия как форма клинка, форма поперечного сечения обуха, форма скоса обуха, наличие и свойства заточки скоса обуха, количество лезвий на клинке и степень их заточки, величина угла схождения острия.

Ключевые слова: трасологическая экспертиза, трасология, повреждения одежды, колото-резаные повреждения, колюще-режущие орудия.

E.V. Kitaev

DISPLAY OF THE STRUCTURAL FEATURES OF STICKS AND CUTS IN CLOTHING DAMAGE

Abstract. As a result of the study of damage caused by blade objects of piercing and cutting action on garments made of various materials, patterns of damage formation on various types of fabrics and knitwear, leather and imitation leather, non-woven and film materials have been established. The possibilities of detecting such features of bladed weapons in damage as the shape of the blade, the shape of the cross-section of the butt, the shape of the bevel of the butt, the presence and properties of sharpening the bevel of the butt, the number of blades on the blade and the degree of their sharpening, the angle of convergence of the tip.

Keywords: tracological examination, tracology, damage to clothing, stabbing injuries, stabbing and cutting tools.

Исследование механических повреждений одежды представляет собой одну из наиболее значимых разновидностей судебной трасологической экспертизы. Наибольшее число повреждений одежды, наряду с повреждениями частей тела человека, осуществляется предметами колюще-режущего действия (в основном, ножами, резе – кинжалами), что обусловлено их доступностью и распространенностью. При этом они могут быть как предметами хозяйственно-бытового назначения, так и относиться к холодному оружию, конструктивное разнообразие которого достаточно велико [1, с. 65-72; 2, с. 18-35].

Основной проблемой, с которой сталкивается эксперт по результатам исследования колото-резаных повреждений одежды, является неинформативность признаков клинка, отображающихся в повреждениях. Материалы одежды отличаются значительным разнообразием, однако практически каждый из них, вследствие собственной неоднородной структуры, а зачастую и растяжимости, для механических повреждений является плохой следовоспринимающей поверхностью. Также повреждения могут наноситься под различными углами как к поверхности материала, так и к нитям основы и утка (петельным рядам и петельным столбикам). Следовательно, в зависимости от вида материала одежды и положения орудия морфология повреждений может различаться, что значительно затрудняет дифференциацию конструкции колюще-режущего предмета.

С целью изучения морфологии повреждений, образованных на различных материалах одежды колюще-режущими орудиями, был проведен ряд экспериментов. Для получения экспериментальных повреждений были отобраны орудия по следующим конструктивным характеристикам (особенностям).

В качестве следовоспринимающей поверхности отобраны образцы одежды из материалов, наиболее часто используемых для ее изготовления. Более подробно критерии и результаты подбора поверхности описаны в обзоре, посвященном исследованию колотых повреждений одежды [4]. Также аналогичным образом соблюдались условия эксперимента.

При нанесении повреждений клинок располагался под разными углами к поверхности материала: под углом близким к 90° ; под углом близким к 60° при наклоне орудия в сторону обуха; под углом близким к 60° при наклоне орудия в сторону лезвия. Также разное положение выбиралось относительно нитей основы и утка в тканях, относительно петельных рядов и столбиков в трикотаже.

На всех разновидностях материалов одежды было образовано достаточное количество повреждений, каждое из которых затем исследовалось с целью установления особенностей отображения конструктивных признаков орудий.

По результатам экспериментов установлены следующие закономерности.

1. При исследовании повреждений, образованных орудиями с прямыми и изогнутыми клинками, выяснилось, что установить форму клинка невозможно, так как следовая картина для них одинакова. Исключение составляют повреждения на трикотаже, образованные параллельно петельным столбикам, и под углом 45° относительно петельных столбиков и рядов. Вероятнее всего, это обусловлено неустойчивостью изогнутого клинка при наклоне в сторону лезвия или обуха в момент внедрения в растяжимую структуру трикотажных петель.

2. Изучение морфологии повреждений, образованных орудиями, имеющими различную форму поперечного сечения обуха, показало, что П-образная, Т-образная и дугообразная (скругленная) формы обуха отображаются в повреждениях схожим образом. Обушковые концы повреждений имеют выраженные затупления, форма которых достаточно вариативна. В отдельных случаях возможно установление орудия с Т-образной формой обуха по характерному его отображению (в виде букв Т или V) в

повреждениях на трикотаже, тканях и кожзаменителе.

3. Проведенное исследование повреждений, образованных ножами, клинки которых имеют скос обуха и не имеют такового (острие образовано схождением обуха и лезвия), показало, что установить отображение наличия или отсутствия данной конструктивной особенности в повреждениях в подавляющем большинстве случаев практически невозможно.

4. Повреждения одежды, образованные ножами, различающимися по форме скоса обуха (прямой, выпуклый, вогнутый) в своем большинстве не отличаются друг от друга практически на всех материалах. Однако выпуклый скос обуха при внедрении клинка в преграду создает давление на большую площадь, требует большего усилия для образования повреждений, что наиболее проявляется в материалах, склонных к растяжению (например, трикотаже). При этом распускающиеся петли трикотажа придают повреждениям нестандартные конфигурации, вплоть до ромбовидной и треугольной.

5. Повреждения одежды, образованные ножами без заточки скоса обуха, традиционно имеют линейную (веретенообразную) форму, один заостренный и один затупленный конец. Если же скос обуха имеет заточку, то оба конца повреждений принимают в своем большинстве заостренную форму. При этом образование повреждений при наклоне клинка в сторону обуха приводит к тому, что их веретенообразная форма принимает вид двух смещенных друг относительно друга отрезков, образованных двумя режущими кромками лезвия и скоса обуха.

6. Проведенное исследование повреждений, образованных ножами, клинки которых имеют одностороннюю и двустороннюю заточки скоса обуха, показало, что отображение наличия или отсутствия данной конструктивной особенности в повреждениях не имеет какой-либо закономерности.

7. При изучении повреждений, образованных двулезвийными орудиями и орудиями, имеющими обух и лезвие, установлено: определить, каким из перечисленных орудий были нанесены повреждения, в большинстве случаев не составляет труда по количеству заостренных концов повреждений. Также возможно определить, под углом было ли образовано повреждение двулезвийным клинком, по расположению места входа острия в материал одежды: при вхождении перпендикулярно поверхности – посередине повреждения; с наклоном в сторону одного из лезвий – смещается от центра.

8. Исследование повреждений, образованных ножами, лезвия клинков которых имеют одностороннюю и двустороннюю заточку, показало, что отображения данных конструктивных особенностей в повреждениях не происходит.

9. Выявление признаков, характеризующих орудия, клинки которых имеют разную степень заточки лезвия (острая / затупленная / заготовка клинка (без заточки)), показало эту возможность по степени разволокнения нитей и форме краев повреждений. У орудия с заточенным лезвием в повреждении разволокнение практически отсутствует, края его в основном ровные. Различить по повреждениям затупленное лезвие или его отсутствие практически невозможно, их форма и особенности схожи. В виде исключения можно выделить повреждения на текстильном материале – трикотаже или ткани, на которых растягивающее и рвущее действие заготовки выражается сильнее, и форма повреждений становится более отличной от линейной: углообразной, треугольной или овальной.

10. Установить, орудием с острием на осевой линии клинка, ниже или выше нее нанесены повреждения, в большинстве случаев невозможно, так как образовавшаяся следовая картина в повреждениях на разных материалах одежды практически одинакова.

11. Форма повреждений, образованных клинками ножей с малым, средним или

большим углами схождения острия, практически всегда остается прямолинейной или дугообразной. Отличить примененный клинок возможно лишь по степени разволокнения нитей в повреждениях. На нетканых и пленочных материалах, коже и кожзаменителе данный принцип не действует. На трикотаже или ткани вследствие значительной растяжимости их структуры форма повреждений, образованных орудиями с большим углом схождения острия, может становиться неправильно-овальной, углообразной, извилистой.

В результате проведенного исследования повреждений, образованных клинковыми объектами колюще-режущего действия на предметах одежды из различных материалов, были достигнуты результаты, способствующие углублению знаний в данной области. Экспериментальное исследование позволило выявить закономерности образования повреждений на различных видах тканей и трикотажа, коже и кожзаменителе, нетканых и пленочных материалах. Установлены возможности выявления в повреждениях таких особенностей клинкового оружия как форма клинка, форма поперечного сечения обуха, форма скоса обуха, наличие и свойства заточки скоса обуха, количество лезвий на клинке и степень их заточки, величина угла схождения острия.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы практическими работниками экспертных подразделений органов внутренних дел при проведении исследования колото-резаных повреждений одежды, образованных как клинковым холодным оружием, так и конструктивно схожими с ним предметами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шведко, В. Н. Криминалистическое исследование холодного и метательного оружия : метод. рек. / В. Н. Шведко, Е. Ю. Сеницын, О. Б. Антропова, П. А. Родионов. – Москва : ЭКЦ МВД России, 2020. – 88 с.

2. Латышов, И. В. Криминалистическая экспертиза холодного и метательного оружия : учебник / И. В. Латышов, И. И. Никитин, И. А. Чулков. – Волгоград : ВА МВД России, 2013. – 116 с. – ISBN 978-5-7899-0858-7.

3. Китаев Е. В. Возможности установления особенностей колющего оружия по повреждениям на одежде из различных материалов // Судебная экспертиза. 2025. № 4 (84). С. 57–70.

УДК 343

К. С. Копылова, А. Г. Задоров

ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УДОСТОВЕРИТЕЛЬНЫХ ПЕЧАТНЫХ ФОРМ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ ПО АДДИТИВНОЙ ТЕХНОЛОГИИ

Аннотация. В работе рассматриваются проблемные вопросы технико-криминалистического исследования удостоверительных печатных форм, изготовленных по аддитивной технологии

Ключевые слова. Аддитивные технологии, технико-криминалистическое исследование, 3D-печать.

FORENSIC TECHNICAL EXAMINATION OF AUTHENTICATION PRINTING FORMS PRODUCED USING ADDITIVE TECHNOLOGY

Abstract. This paper examines issues related to the technical-forensic examination of authentication stamps and seals produced using additive manufacturing technologies.

Keywords: Additive technologies, technical-forensic examination, 3D printing.

Аддитивное производство или 3D-печать на сегодняшний день без преувеличения совершила технологическую революцию во многих отраслях жизни. Так, с ее помощью можно изготовить любую продукцию, начиная от мелких деталей и заканчивая «печатью» домов. Однако данная технология представляет интерес и для злоумышленников, которые уже взяли ее на вооружение. Так, например, они с помощью 3D-печати получают удостоверительные печатные формы, используя для их изготовления оттиски оригинальных печатей. Процесс очень прост: на компьютере в программе «собирается» образ будущей удостоверительной печатной формы и производится ее распечатка на 3D-принтере с помощью филамента – специального полимера.

При общей простоте изготовления такой печати в ней, однако, можно обнаружить ряд особенностей, которые, полагая, следует учитывать в процессе экспертного исследования, в рамках производства ТКЭД. Они обусловлены спецификой изготовления, а механизм их образования позволит установить, собственно, способ изготовления такой удостоверительной печатной формы. Данные признаки, к сожалению, практически не изучены, и при поступлении такого рода объектов эксперт, вероятнее всего, окажется в затруднительной ситуации. Поэтому их изучение, анализ просто необходимы с точки зрения экспертной практики.

Итак, в таких печатях (их оттисках) можно наблюдать неровности, слоистость, характерные для FDM («технология послойного наплавления») / FFF (плавленное накаливание изготовления) печати; «лестничный» эффект в наклонных элементах, наблюдаемый при печати SLA (стереолитографический аппарат) /DLP (цифровая обработка света); следы удаленных поддерживающих структур; иные дефекты и артефакты: следы пост-обработки (от инструментов, использованных для удаления поддержек, шлифовки).

Далее, считаем, необходимо обозначить собственно диагностические признаки, характеризующие, собственно, способ изготовления таких удостоверительных печатных форм. Итак, путем экспериментального изучения объектов нами установлены следующие: 1) слоистость в виде горизонтальных слоев, являющихся результатом послойного наплавления материала; 2) так называемая зернистость, возникающая вследствие особенностей процесса полимеризации (мелкие пузырьки, непропечатанные участки); 3) дефекты, связанные с процессом печати: следы поддержек в виде вмятин, неровностей; деформация, появляющаяся: из-за неравномерного охлаждения или усадки материала. Таковы признаки, которые будут характеризовать способ изготовления такого рода удостоверительных печатных форм.

Однако, несмотря на выделенные особенности, стоит отметить, что установление изготовления 3D-печати по оттиску все же имеет определенные трудности. Так, среди них можно отметить следующие: 1) улучшение технологий печати (например, высокое разрешение нивелирует слоистость); 2) новые материалы с улучшенными свойствами (также могут сделать неявными вышеперечисленные диагностические признаки; 3)

постобработка в виде тщательной шлифовки и полировки.

Следовательно, даже эксперт-практик с большим стажем в области ТКЭД может испытывать трудности с такого рода диагностической задачей. Таким образом, проблема определения способа изготовления 3D-печати по ее оттиску, по сути, является не в полной мере изученной и требует, по нашему мнению, комплексного решения. Для ее успешного решения, считаем, требуются: высокоточное оптическое и электронное оборудование; специальные знания; разработка и ведение глобальных баз данных с соответствующими объектами.

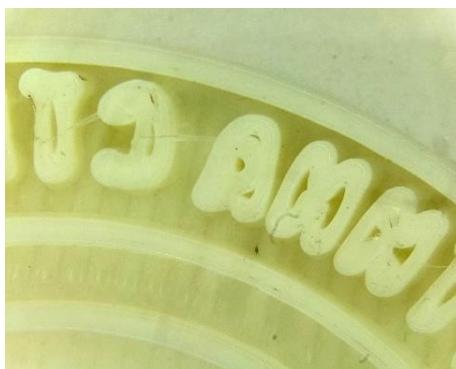
Ниже нами проиллюстрирована рабочая как рабочая поверхность удостоверительной печатной формы, изготовленной по аддитивной технологии, так и изображения оттисков, оставленных с ее помощью (илл. 1-6).

Илл. 1. Рабочая поверхность удостоверительной печатной формы, полученной с помощью 3D-печати

Илл. 2. Слоистость в виде горизонтальных слоев (микроскоп МСП-1 ув. До 50х)

Илл. 3. Зернистость на поверхности элементов букв (микроскоп МСП-1 ув. До 50х)

Илл. 4. Дефекты, связанные с процессом печати (искривление элементов)
(микроскоп МСП-1 ув. До 50х)

Илл. 5. Оттиск удостоверительной печатной формы, полученной с помощью 3D-печати

Илл. 6. Признаки, характеризующие способ ее изготовления (микроскоп МСП-1 ув. До 50х)

**ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО
ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Аннотация. Статья посвящена анализу возможностей применения технологий искусственного интеллекта при расследовании преступлений. Рассматриваются основные направления использования интеллектуальных систем: анализ цифровых следов, биометрическая идентификация, автоматизация судебно-экспертной деятельности, предиктивная аналитика. Особое внимание уделяется правовым и этическим проблемам внедрения искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство. Автор приходит к выводу о необходимости разработки специального правового регулирования и методических стандартов применения интеллектуальных систем в следственной практике.

Ключевые слова: искусственный интеллект, расследование преступлений, цифровые следы, биометрическая идентификация, судебная экспертиза, предиктивная аналитика, уголовное судопроизводство.

Kotiev A.-M. M., Reshnyak O. A.

**POSSIBILITIES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CRIME
INVESTIGATION**

Abstract. The article analyzes the possibilities of using artificial intelligence technologies in crime investigation. The main directions of using intelligent systems are examined: digital trace analysis, biometric identification, automation of forensic examination activities, and predictive analytics. Particular attention is paid to the legal and ethical problems of introducing AI into criminal proceedings. The author concludes that it is necessary to develop special legal regulation and methodological standards for the use of intelligent systems in investigative practice.

Keywords: artificial intelligence, crime investigation, digital traces, biometric identification, forensic examination, predictive analytics, criminal proceedings.

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) трансформирует не только экономику и социальную сферу, но и деятельность правоохранительных органов. Применение интеллектуальных систем при расследовании преступлений открывает принципиально новые возможности для выявления, раскрытия и документирования преступной деятельности, однако одновременно порождает ряд правовых, технических и этических проблем, требующих системного осмысления.

Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена увеличением объёма цифровых следов, оставляемых участниками преступной деятельности, ростом числа преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, а также объективной необходимостью оптимизации следственной деятельности в условиях высокой нагрузки на сотрудников органов предварительного расследования [1, с. 8].

Значительная часть современных преступлений оставляет разнообразные цифровые следы: данные геолокации, записи телефонных переговоров, транзакции в банковских системах, переписку в мессенджерах, активность в социальных сетях. Ручная обработка подобных массивов данных в установленные процессуальные сроки практически невозможна. Технологии машинного обучения позволяют автоматизировать этот процесс: выявлять поведенческие паттерны, устанавливать связи между участниками событий, выделять значимые фрагменты из больших массивов информации [2, с. 10].

В правоприменительной практике автоматизированный анализ цифровых следов уже нашёл применение при расследовании мошенничеств с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, незаконного оборота наркотических

средств и организованной преступной деятельности. Интеллектуальные системы позволяют визуализировать сети криминальных контактов, выявлять ключевые узлы преступных объединений и отслеживать маршруты движения средств, добытых преступным путём.

Одним из наиболее активно развивающихся направлений применения ИИ в правоохранительной деятельности является идентификация личности по биометрическим данным. Системы автоматического распознавания лиц на основе нейросетевых алгоритмов глубокого обучения демонстрируют высокую точность даже при работе с изображениями низкого разрешения или при частично перекрытом лице [3, с. 16]. Применение таких систем позволяет устанавливать личности неопознанных участников событий по записям камер видеонаблюдения, выявлять лиц, фигурирующих в нескольких криминальных эпизодах, и осуществлять розыск скрывающихся правонарушителей.

А.М. Зинин и Н.П. Майлис указывают, что интеграция нейросетевых алгоритмов в криминалистическую идентификацию личности существенно повышает скорость и достоверность исследований, однако требует разработки методических рекомендаций и стандартов оценки допустимости результатов [4, с. 26]. Риск ошибочной идентификации обуславливает необходимость критического подхода к результатам автоматизированной биометрической проверки и их обязательной верификации уполномоченным специалистом.

Существенный потенциал применения ИИ сосредоточен в области судебной экспертизы. Алгоритмы машинного обучения применяются при проведении почерковедческих, фоноскопических, дактилоскопических исследований, а также технических экспертиз документов [5, с. 39]. Автоматизированные дактилоскопические идентификационные системы (АДИС) — в частности отечественная система «Папилон» — фактически являются ранними примерами практического применения интеллектуальных алгоритмов в экспертной деятельности.

Я.В. Комиссарова обращает внимание, что внедрение ИИ-ассистированных экспертных систем способно значительно сократить сроки проведения отдельных видов экспертиз без снижения качества результатов [3, с. 18]. Технологии компьютерного зрения позволяют в режиме реального времени анализировать следы на месте происшествия — следы орудий взлома, следы обуви, следы протектора шин — и автоматически сопоставлять их с криминалистическими базами данных.

Вместе с тем необходимо учитывать, что процессуальный статус результатов, полученных с использованием ИИ-систем, в российском законодательстве прямо не урегулирован. В научном сообществе продолжается дискуссия о том, следует ли рассматривать ИИ-выводы как самостоятельный вид доказательств, как заключение специалиста или как иной документ.

Предиктивные системы позволяют на основе анализа исторических данных о преступности прогнозировать места и время наиболее вероятного совершения правонарушений, обеспечивая возможность оптимального распределения ресурсов полиции и принятия своевременных превентивных мер. В рамках расследования уголовных дел методы поведенческого профилирования с применением ИИ используются для анализа способа совершения серийных преступлений (*modus operandi*) и установления возможных связей между отдельными уголовными эпизодами.

В.В. Агафонов обоснованно указывает, что алгоритмические системы профилирования должны применяться исключительно в качестве вспомогательного инструмента следователя, поскольку их результаты носят вероятностный характер и не могут служить самостоятельным основанием для процессуальных решений [5, с. 41]. Данное ограничение принципиально важно для соблюдения принципов законности и презумпции невиновности.

Активное внедрение ИИ в следственную практику актуализирует ряд правовых и этических проблем. Прежде всего, действующий Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации не содержит специальных норм, регламентирующих порядок

применения ИИ-технологий при сборе, проверке и оценке доказательств¹. Это создаёт правовую неопределённость относительно допустимости результатов, полученных с использованием интеллектуальных систем, в качестве доказательств по уголовным делам. На необходимость законодательного урегулирования данного вопроса указывает и Д.А. Харченко [6, с. 42].

Серьёзной проблемой является так называемый «эффект чёрного ящика» (black box effect): большинство современных нейросетевых моделей функционируют непрозрачно, и объяснить логику конкретного алгоритмического решения зачастую затруднительно или невозможно. Это существенно осложняет проверку и оспаривание результатов в рамках состязательного уголовного судопроизводства.

Помимо этого, системы, обученные на исторических данных, могут воспроизводить существующие социальные предрассудки. И.Р. Бегишев и З.И. Хисамова обращают внимание на то, что в контексте уголовного преследования это может повлечь необоснованное сужение круга проверяемых версий или несправедливую концентрацию следственного внимания на определённых социальных группах, что противоречит принципу равенства граждан перед законом [7, с. 113].

Перечисленные проблемы обуславливают необходимость выработки специального правового регулирования применения ИИ в уголовном судопроизводстве, формирования стандартов оценки достоверности алгоритмических результатов, а также обеспечения прозрачности и объяснимости применяемых систем.

Таким образом, технологии искусственного интеллекта открывают широкие возможности для совершенствования расследования преступлений: автоматизации обработки цифровых следов, повышения точности идентификационных исследований, ускорения судебно-экспертной деятельности и применения предиктивной аналитики. Вместе с тем полноценная реализация этого потенциала требует: разработки специального правового регулирования применения ИИ в уголовном судопроизводстве; формирования методических стандартов оценки результатов, полученных с использованием интеллектуальных систем; обеспечения прозрачности алгоритмических решений; целенаправленной подготовки сотрудников органов предварительного расследования. Системное решение указанных задач позволит в полной мере использовать преимущества ИИ в целях повышения эффективности уголовного судопроизводства при безусловном соблюдении конституционных гарантий прав личности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смушкин А.Б. Применение нейросетевых технологий при раскрытии и расследовании преступлений // Российский следователь. – 2024. – № 3. – С. 8–13.
2. Россинская Е.Р. Методологические основы цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 4. – С. 9–18.
3. Комиссарова Я.В. Применение технологий искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности // Эксперт-криминалист. – 2024. – № 1. – С. 15–21.
4. Зинин А.М., Майлис Н.П. Машинное обучение в криминалистической идентификации личности: возможности и ограничения // Судебная экспертиза. – 2023. – № 3 (75). – С. 23–31.
5. Агафонов В.В. Цифровые технологии в следственной деятельности: современное состояние и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. – 2024. – № 4. – С. 38–44.
6. Харченко Д.А. Правовое регулирование применения систем искусственного интеллекта в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2025. – № 1. – С. 40–46.
7. Бегишев И.Р., Хисамова З.И. Искусственный интеллект как инструмент следственной деятельности: правовые аспекты // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 108–121.

¹Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЕРТНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЖАРОВ НА ПАССАЖИРСКОМ И ГРУЗОВОМ АВИАТРАНСПОРТЕ

В статье рассмотрены вопросы пожарной безопасности на воздушном транспорте, причины возникновения пожаров на пассажирском и грузовом авиатранспорте. Приводится описание экспертного исследования пожаров, произошедших на воздушных судах.

Ключевые слова: пожарная безопасность на авиатранспорте, воздушное судно, судебная пожарно-техническая экспертиза, осмотр места пожара.

FEATURES OF EXPERT INVESTIGATION OF FIRES ON PASSENGER AND CARGO AIR TRANSPORT

The article discusses fire safety issues in air transport and the causes of fires in passenger and cargo air transport. A description of the expert investigation of fires that occurred on aircraft is provided.

Key words: fire safety on air transport, aircraft, forensic fire-technical expertise, fire scene examination.

Авиатранспорт как объект судебной пожарно-технической экспертизы представляет собой сложный объект исследования. Объясняется это в первую очередь многокомпонентным техническим оснащением воздушного судна¹, наличием большого количества систем: двигательная (силовая), гидравлическая, электрическая, электронная, авионика, а также спецификой терминологии: для описания следов термических повреждений конструкций и отсеков употребляются специальные термины и определения, принятые на авиатранспорте.

Авиатранспорт (воздушный транспорт) – понятие, включающее как ВС, так и необходимую для их эксплуатации инфраструктуру: аэродромы, аэровокзалы (терминалы), объекты единой системы организации воздушного движения и др. [2].

Основная сфера применения авиатранспорта – пассажирские и грузовые перевозки на расстояниях свыше тысячи километров.

Дифференциация авиатранспорта происходит по нескольким ключевым параметрам:

- по назначению: пассажирский, грузовой;
- по дальности полета: ближнемагистральные (до 1500 км), среднемагистральные (1500-4000 км), дальнемагистральные (свыше 4000 км);
- по конструкции: самолеты, вертолеты.

Пожары на пассажирском и грузовом авиатранспорте представляют существенную угрозу жизни и здоровью граждан, а также приводят к значительному материальному ущербу.

В качестве примера можно привести отдельные случаи пожаров на

¹ Далее ВС.

авиатранспорте на территории Российской Федерации за несколько лет.

1 января 2011 года. Пассажирский самолет Ту-154Б-2 загорелся во время руления. 134 человека эвакуированы, 40 – получили ранения, один человек погиб. ВС полностью сгорело. Причиной пожара послужило проявление аварийного режима работы в системе электроснабжения ВС¹.

28 апреля 2014 года. Во время полета у пассажирского самолета Airbus-321 произошло возгорание в правом двигателе. Пострадавших нет².

22 августа 2018 года. Во время полета у пассажирского самолета Ту-204 произошло возгорание левого двигателя. Авиакатастрофы удалось избежать благодаря грамотным действиям командира ВС: была прекращена подача топлива к двигателю, после чего самолет благополучно приземлился. Пострадавших нет³.

5 мая 2019 года. Во время вынужденной посадки в аэропорту Шереметьево загорелся пассажирский самолет «Суперджет-100». Погиб 41 человек. ВС частично разрушено. Причины авиакатастрофы ВС до сих пор устанавливаются⁴.

Тяжесть последствий пожаров на авиатранспорте объясняется рядом специфических факторов, которые усложняют тушение и повышают риски для жизни членов экипажа и пассажиров:

- скоротечность пожара;
- токсичность продуктов горения;
- высокая температура и открытый огонь;
- наличие пожароопасных отсеков (топливные баки, отсеки силовых установок, багажные и технические отсеки);
- вероятность взрыва;
- ограниченные условия эвакуации;
- работающие двигатели;
- ограниченное время реагирования у летного экипажа.

На воздушных судах гражданской авиации⁵ можно выделить четыре основных вида пожаров.

1. Пожар органов приземления, к которым относятся:

- стойки шасси;
- системы торможения.

Пожары органов приземления ВС происходят на этапе посадки. Наиболее частыми являются возгорания гидрожидкости, попадающей в разогретый до 300-600 °С тормозной барабан, при разрушении гидравлических систем. Данное явление провоцирует, в свою очередь, горение резины покрышек колес.

2. Пожары внутри фюзеляжа

Такой тип пожара является одним из самых серьезных и опасных происшествий, которое может произойти с ВС. К нему можно отнести как возгорание вследствие

¹ URL:<http://mak-iac.org/rassledovaniya> (дата обращения: 02.04.2026).

² URL:<http://mak-iac.org/rassledovaniya> (дата обращения: 02.04.2026).

³ URL:<http://mak-iac.org/rassledovaniya> (дата обращения: 02.04.2026).

⁴ URL:<http://mak-iac.org/rassledovaniya> (дата обращения: 02.04.2026).

⁵ Летательные аппараты, которые используются в целях обеспечения потребностей граждан и экономики [2].

термического проявления аварийного режима работы электрооборудования, так и пожар, вызванный человеческими факторами (терроризм, курение, возгорание пауэрбанка и т.п.).

3. Пожар силовых установок, к которым относят:

- двигатели;
- вспомогательные силовые установки;
- системы запуска;
- масляные системы;
- агрегаты управления двигателем;
- элементы топливной системы.

Наиболее опасными пожарами вышеперечисленных систем является пожар двигателей. После возгорания температура в зоне горения резко увеличивается до 1000°C. Для таких пожаров характерно быстрое протекание и угроза взрыва и разлива горящего топлива.

4. Пожар разлитого топлива

Пожар разлитого топлива характеризуется большими масштабами, высокой скоротечностью, температурой и скоростью охвата пламенем всей поверхности ВС. Данный тип пожаров может вызвать взрывы топливных баков ВС.

К основным причинам возникновения пожара на ВС относятся:

- аварийные режимы работы в силовых установках;
- разгерметизация топливной системы;
- аварийный режим работы в системе электроснабжения и электрооборудования ВС;
- нарушение правил заправки ВС;
- нарушение регламента технического обслуживания ВС;
- не связанные с элементами и оборудованием ВС (возгорание опасных грузов, аккумуляторных батарей и т.п.).

Приведенные ниже примеры пожаров на авиатранспорте иллюстрируют характерные особенности их экспертного исследования.

Пожар ВС ТУ-204С, произошедший в 2022 году в аэропорту Ханчжоу-Сяошань Китайской Народной Республики. Загорание произошло в кабине пилотов при буксировке ВС, подготавливаемого для запуска двигателя и последующего авиaperелета с грузом.

В результате авиационного происшествия ВС получило значительные повреждения, исключающие его восстановление.

Проведение экспертизы осложнялось невозможностью проведения дополнительного осмотра места происшествия в связи с нахождением ВС в КНР. Поэтому экспертное исследование проводилось по представленным материалам, среди которых – записи с камер видеонаблюдения (ил. 1, 2).

а)

б)

Иллюстрация 1 (а, б). Момент загорания ВС ТУ-204С (а), и увеличенное изображение (б), стрелкой показана вспышка, наблюдаемая в правой части кабины

В результате было установлено, что загорание возникло в кабине ВС ТУ-204С, под панелью правого бокового пульта в районе расположения кислородного прибора, зона очага пожара находилась в правой части кабины (ил. 3).

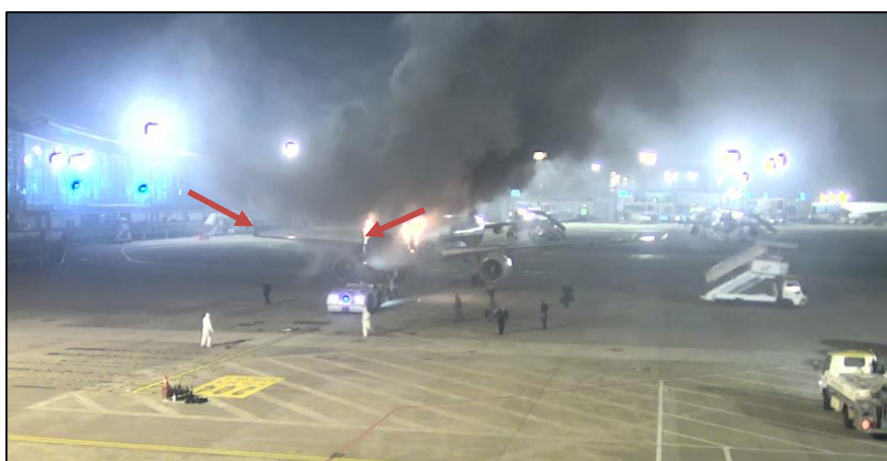

Иллюстрация 2. Видимое открытое пламенное горение в кабине пилотов и вестибюле (показано стрелками)

Иллюстрация 3. Вид на левый борт самолета ТУ-204С после пожара (овалом красного цвета указана зона наибольших термических разрушений)

Причиной возникновения пожара послужило воспламенение горючих материалов кабины ВС от теплового проявления электрического тока вследствие аварийного режима работы электросети.

Развитию и распространению пожара способствовало истечение кислорода, выходящего из кислородного прибора при разгерметизации системы в процессе горения. Открытые входные двери, форточка кабины, которые обеспечили подачу кислорода воздуха.

Другим примером экспертного исследования является пожар, произошедший при техническом обслуживании ВС Sukhoi Superjet RRJ-95LR-100 (ил. 4) в процессе его заправки кислородом.

На основании проведенного сравнительного анализа степени и характера термических повреждений кислородного отсека BCRRJ-95LR-100, был сделан вывод, что зона очага пожара находилась во внутреннем объеме кислородного отсека ВС в районе проема люка отсека (ил. 5).

Иллюстрация 4. Внешний вид ВС Superjet RRJ-95LR-100

Иллюстрация 5. Вид на кислородный отсек ВС (вид с закрытым и открытым люком)

Проведенным экспертным исследованием с применением физико-химического и трасологического исследований установлено, что возникновение пожара ВС произошло вследствие воспламенения горючих материалов в объеме кислородного отсека, как в результате наличия источника зажигания малой мощности (искры, образованные от соударения предметов, разряды статического электричества и т.п.) в среде кислорода высокого давления, так и в результате соединения кислорода высокого давления со следами горюче-смазочных материалов, которые могли находиться на поверхностях заправочного шланга и кислородного баллона.

Полное и качественное проведение исследования пожаров на пассажирском и грузовом авиатранспорте требует от эксперта комплексного подхода, изучения технических особенностей исследуемого объекта, подробного и правильного описания характерных следов термических повреждений и анализа возможных источников возникновения пожара.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Воздушный кодекс Российской Федерации // СПС КонсультантПлюс.
2. Терехнев Н.С., Артемьев В.А. и др. Транспорт: наземный, морской, речной, воздушный, метро. – Справочник. – 2007. – 383 с.
3. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. Ч. II / Под ред. А.Ю. Семенова. Общая редакция канд. техн. Наук В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2012. – 800 с.

ВЕРСИОННЫЕ ДОПУЩЕНИЯ В МЕТОДИКЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В настоящей статье в формате версионных допущений рассматриваются типичные следственные ситуации и версии первоначального этапа расследования преступлений террористической и экстремистской направленности, включенные в структуру частной криминалистической методики.

Ключевые слова: терроризм, экстремизм, расследование преступлений, типичные следственные ситуации, версионные допущения.

V.S. Kryazhev

VERSIONING ASSUMPTIONS IN THE METHODOLOGY OF INVESTIGATING TERRORIST AND EXTREMIST CRIMES

In this article, typical investigative situations and versions of the initial stage of the investigation of terrorist and extremist crimes included in the structure of a private forensic methodology are considered in the format of versioned assumptions.

Keywords: terrorism, extremism, crime investigation, typical investigative situations, versioning assumptions.

В последнее время очевидность распространения деструктивного влияния экстремистской идеологии в нашем обществе не вызывает сомнений. Как следствие – это сказывается на динамике экстремистской и террористической преступности, что формирует актуальность в вопросах расследования преступлений экстремистской направленности и террористического характера.

В криминалистике методика расследования терроризма и экстремизма формируется в качестве видовой разновидности и охватывает широкий диапазон преступлений из разных видов преступлений согласно уголовно-правовой классификации по главам особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Методика расследования этих преступлений, как и многих других является динамичной категорией, которая находится в конъюнктуре отечественного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, правоприменительной практики и технической вооруженности правоохранительных органов. Тем не менее, научный вклад в разработку криминалистических рекомендаций по расследованию преступлений террористической и экстремистской направленности формирует определенную концепцию частной криминалистической методики для ее потребителя, которым является прежде всего следователь.

Именно на следователя ориентированы типичные следственные ситуации и работа с криминалистическими версиями, которые в своем генезисе соотносятся с началом расследования и исследуются в рамках первоначального этапа расследования. Именно эта стадия уголовного судопроизводства с момента доследственной проверки и далее – вызывает наибольший интерес у правоприменителей в силу наличия минимальных сведений о преступлении и лице, его совершившем. Отражением потребности раскрытия преступлений является научная концепция получения информации, ее проверка и оценка в рамках логико-версионной работы.

Преступления террористической и экстремистской направленности имеют определенные особенности обстановки, способа, механики слеодообразования и других элементов их криминалистической характеристики. Именно это определяет особенности их раскрытия и расследования, в том числе диалектическое понимание процесса преступной деятельности, формируемой стадиями подготовки, совершения и сокрытия деликта. Криминалистические версии, основанные на законах логического познания преступного события в прошлом, позволяют субъекту поисково-познавательной деятельности не идти по «ложному пути догадок и раздумий», а методично устанавливать достоверность сведений, используемых в доказывании по уголовным делам. Версионная работа следователя в рамках криминалистической методики соотносится с типичными следственными ситуациями.

Для первоначального этапа расследования преступлений террористической и экстремистской направленности выделяются следующие типичные следственные ситуации:

Совершен террористический акт. Лица и организации, причастные к его совершению не установлены;

Совершен террористический акт. Ответственность за его совершение взяла на себя террористическая организация, либо конкретные лица;

Освобождены заложники, лица их захватившие установлены и обезврежены;

Обнаружены материалы, содержащие призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, лица причастные к их созданию и распространению не установлены;

Задержаны лица, в действиях которых содержатся признаки экстремистской деятельности;

Выявлена и пресечена деятельность террористической или экстремистской организации, заподозренные установлены [1, с. 111–113].

Шести вышеуказанным следственным ситуациям первоначального этапа расследования преступлений террористической или экстремистской направленности будут соответствовать умозаключения версионного свойства. Причем версии относительно типичных следственных ситуаций отражают типичные обстоятельства и признаки совершенного преступления и являются результатом обобщения опыта предварительного расследования [2, с. 115]. Данной закономерностью обуславливается необходимость определения следственных версий с учетом особенностей преступлений террористической и экстремистской направленности, а также особенностей их раскрытия и расследования.

Допущение 1. Для типичной следственной ситуации когда совершен террористический акт и лица, организации, причастные к его совершению не установлены, криминалистические версии должны формироваться от установления умысла на совершение преступления. Террористический акт имеет цель, которую преследуют определенные субъекты. Формирование версий в общем плане должно быть ориентировано на установление организатора теракта. Из числа лиц террористических, экстремистских организаций путем анализа, необходимо выделить заинтересованных лиц в производстве теракта. Террористический акт в большей части носит демонстративный характер и оставляет характерные материальные следы. Например, исламские террористы чаще всего используют при совершении террористического акта взрывные устройства дистанционного действия, запрограммированные на определенные действия, определенное время срабатывания, либо используют террористов-смертников; украинские террористы для совершения

преступления используют беспилотные летательные аппараты, либо завербованных соучастников, не обладающих сведениями о характере террористического акта; террористы-одиночки приводят в действие самодельно изготовленные взрывные устройства примитивной конструкции. Выдвижению версий будет способствовать осмотр места совершения террористического акта и предварительные сведения специалистов об особенностях орудия преступления.

Допущение 2. Для типичной следственной ситуации когда совершен террористический акт и ответственность за его совершение взяла на себя террористическая организация, либо конкретные лица, криминалистические версии будет направлены на установление причастности конкретных лиц, либо террористических, экстремистских организаций к совершению теракта. Основанием для выдвижения версий должна быть проверка достоверности сведений от источника информации, а также анализ целей совершения преступления. Нельзя исключать из содержания следственной ситуации обстоятельств умышленного искажения сведений о террористическом акте со стороны заявителей о нем, когда эти лица берут на себя ответственность за деяния, которые не совершали. Причины тому могут быть разные, например: создание мнимого устрашения; ложное воздействие на общественное мнение; конкурирование радикально настроенного криминала и др.

Допущение 3. Освобождены заложники, лица их захватившие установлены и обезврежены. Как и во всех остальных ситуациях, логическим основанием выдвижения версий выступают те обстоятельства, по поводу которых строятся предположения [3, с. 148]. В рассматриваемой типичной следственной ситуации версии должны формироваться в закономерности «от личности – к преступлению». В зависимости от вида соучастия в совершении преступления возникает посыл к формированию версии. Мотивы и цели совершения преступления у исполнителя зачастую иные, чем у организатора, посредника или подстрекателя. Вместе с тем нельзя исключать единства мотивации в деянии соучастников при совершении преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ.

Допущение 4. Обнаружены материалы, содержащие призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности, лица причастные к их созданию и распространению не установлены. Гипотетическое познание в раскрытии преступления должно быть направлено на установление причастных к совершению преступления лиц, через содержание обнаруженных экстремистских материалов. На первоначальном этапе расследования, даже с учетом минимального объема сведений о преступлении, содержание призывов к осуществлению террористической или экстремистской деятельности очевидно. Конечно, такая субъективная очевидность не исключает в дальнейшем назначения судебной лингвистической и иных видов экспертиз обнаруженных материалов [4, с. 82]. Тем не менее, экстремистский след выявляется в ходе расследования и требует проверки оперативно-розыскным, следственным и экспертным путем, через разные виды криминалистических версий [5, с. 57].

Допущение 5. Типичная следственная ситуация, когда задержаны лица, в действиях которых содержатся признаки экстремистской деятельности, возникает при очевидности совершенного преступления. Подозреваемые задерживаются в момент совершения преступления, либо сразу после его совершения. Зачастую происходит задержание с поличным, когда следовая картина полная и свидетельская база обширная. Преступная деятельность в некоторых случаях носит демонстративный характер и сокрытие преступления в его способе отсутствует. Такое допущение из следственной ситуации позволяет формировать следственные версии о принадлежности задержанных к какой-либо террористической или экстремистской организации.

Допущение 6. Выявлена и пресечена деятельность террористической или экстремистской организации, заподозренные установлены. В такой следственной ситуации выбор той или иной версии будет обусловлен особенностями гипотетического познания преступления в корреляции с личностью установленного преступника. В процессе выдвижения версии важно ориентироваться на установление террористических или экстремистских мотивов совершения преступления, определение количества участников преступления и вид соучастия, а также предположений о последствиях преступлений.

Можно заключить, что версионная деятельность следователя должна быть включена в единую концепцию криминалистического познания преступления. Для целей криминалистической методики версии выдвигаются с учетом сформировавшейся к определенному моменту времени типичной следственной ситуации. Умозаключения связанные с процессом выдвижения следственных версий очень тесно должны коррелировать с исходной информацией по делу, имеющейся в распоряжении следователя.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Особенности расследования отдельных категорий уголовных дел и уголовных дел в отношении отдельных категорий лиц : монография / науч. Ред. д-ра юрид. наук И.Г. Смирнова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 336 с.
2. Подольная Н.Н. Типовые следственные версии и особенности планирования расследования должностных преступлений коррупционной направленности / Н.Н. Подольная // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2020. – Т. 8, № 2(30). – С. 113–121.
3. Эксархопуло А.А. Криминалистическая систематика версий как основа поисково-познавательной деятельности / А.А. Эксархопуло // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 1(43). – С. 145–149.
4. Карагодин В.Н. Криминалистическая характеристика киберэкстремистских преступлений / В.Н. Карагодин // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 1. – С. 76–83.
5. Дубровин С.В. Структура, содержание и принципы криминалистического прогнозирования и построения криминалистических версий / С.В. Дубровин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – № 4(22). – С. 56–61.

УДК 343.9

Г. И. Курин

ОСОБЕННОСТИ СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ, ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИДЕНТИФИКАЦИОННОЙ ДАКТИЛОСКОПИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

В настоящей статье рассмотрены особенности проведения идентификационной дактилоскопической экспертизы на ее первоначальном этапе. В частности автор определил цели и особенности исследования постановления следователя о назначении экспертизы, следов изъятых при осмотре места происшествия, образцов для сравнительного исследования. На основании проведенного исследования предложены рекомендации по дальнейшему повышению качества производства дактилоскопических экспертиз.

Ключевые слова: дактилоскопическая экспертиза, следы пальцев рук, дактилоскопическая карта, идентификационный период.

FEATURES OF THE PRELIMINARY EXAMINATION STAGE DURING IDENTIFICATION FINGERPRINTING

This article discusses the specifics of conducting an identification fingerprint examination at its initial stage. In particular, the author determined the goals and features of the study of the investigator's decision on the appointment of an examination, traces taken during the inspection of the scene, samples for a comparative study. Based on the study, recommendations were proposed to further improve the quality of fingerprinting.

Key words: fingerprint examination, fingerprints, fingerprint card, identification period.

В экспертной практике сложилась и успешно реализуется логичная, научно обоснованная методика проведения идентификационных дактилоскопических исследований [1]. Она определила последовательность, содержание, цели и задачи каждой стадии и этапа этого исследования. В самом общем виде, дактилоскопическая экспертное исследование состоит из следующих стадий и этапов [1,2]:

1. Предварительное исследование.
2. Детальное исследование, которое включает в себя:
 - раздельное исследование;
 - экспертный эксперимент (при необходимости);
 - сравнительное исследование.
3. Оценка результатов исследования и формулирование выводов.
4. Оформление результатов исследования и фототаблицы.

Каждая стадия и этап имеет свои особенности проведения и может существенно влиять на дальнейший ход исследования. В данной статье рассмотрим особенности проведения стадии предварительного исследования.

При назначении следователем (органом дознания) дактилоскопической экспертизы, к эксперту поступают три группы объектов для изучения, оценки и исследования:

- постановление следователя о назначении экспертизы;
- следы, изъятые при осмотре места происшествия с соблюдением требований уголовно-процессуального законодательства (объекты-следоносители, дактилоскопическая пленка с откопированными следами наложения, объемные копии следов и т.д.);
- образцы для сравнительного исследования (дактилоскопические карты проверяемых лиц, следы полученные оперативным путем и т.д.).

При изучении постановления следователя о назначении экспертизы устанавливаются следующие очень важные для последующего исследования обстоятельства:

- входят ли в рамки компетенции эксперта вопросы поставленные в постановлении о назначении экспертизы (если нет, то производство экспертизы приостанавливается и об этом уведомляется следователь, назначивший экспертизу);
- определяется, существует ли методика экспертного исследования позволяющая ответить на вопросы возникшие в ходе расследования преступления (например, часто возникает вопрос связанный с давностью образования обнаруженного в ходе осмотра места происшествия следа, однако разработанной и утвержденной ЭКЦ МВД РФ методики данного вида исследования не существует). Если методика экспертного

исследования отсутствует, делается вывод о невозможности его проведения.

- устанавливается, какой вид дактилоскопической экспертизы назначен (первичная, дополнительная, повторная, комплексная, комиссионная). Каждый вид экспертизы имеет свои тактические, методические и уголовно-процессуальные особенности проведения (например, при проведении комплексного исследования объекта-следоносителя важно определиться с последовательностью обнаружения, фиксации и изъятия следов, чтобы исключить уничтожение следов важных для эксперта другой специализации);

- устанавливается интервал времени прошедший с момента совершения преступления до момента установления этого факта и изъятия следов (здесь уместно вспомнить о понятии идентификационного периода и обстоятельствах влияющих на его продолжительность);

- устанавливаются обстоятельства связанные с обнаружением, фиксацией и изъятием следов (на улице или в помещении, погодные условия, методы изъятия (химические, физические) и т.д.);

Исследование следов (объектов-следоносителей, дактилоскопической пленки с откопированными следами наслоения, объемных копий следов), изъятых при осмотре места происшествия начинается с установления целостности упаковки в которой они находятся и проверки соответствия ее существующим требованиям (наличие печатей, подписей следователя, понятых и т.д.). Если целостность и оформление упаковки не нарушена проводится ее вскрытие и проверка соответствия обнаруженных объектов, их описанию в постановлении следователя о назначении экспертизы. Как правило осуществляется фотографирование упаковки до ее вскрытия, а также следов (объектов-следоносителей) представленных на исследование.

Если установлен факт нарушения целостности упаковки и (или) несоответствие описанию (количеству) объектов – следоносителей изъятых при осмотре места происшествия производство экспертизы прекращается. Об этом немедленно информируется инициатор экспертного исследования и непосредственный начальник эксперта-криминалиста проводившего экспертизу.

Исследование образцов для сравнительного исследования начинается с проверки целостности упаковки и соответствия их количества описанию в постановлении следователя о назначении экспертизы. При этом проводится ф фотографирование упаковки и представленных образцов для сравнительного исследования. Если выявлены нарушения и несоответствие, то осуществляется немедленное информирование следователя назначившего экспертизу и руководителя экспертного подразделения.

Если нарушений действующих правил не выявлено, то образцы для сравнительного исследования (в нашем случае дактилоскопические карты проверяемых лиц) проверяются на правильность их заполнения, полное и четкое отображение в оттисках пальцев и ладоней рук деталей строения папиллярного узора. Особое внимание обращается на соответствие оттисков пальцев контрольным оттискам. В обязательном порядке анализируется интервал времени между датой заполнения дактилоскопической карты проверяемого лица и датой обнаружения и изъятия следа преступника в ходе осмотра места происшествия. Этот интервал может быть достаточно продолжительным. Важно выяснить какие изменения кожного покрова пальцев и ладоней рук произошли в течении этого времени. Другими словами, необходимо установить факт событий (термический, химический ожог, травмы, ампутации и т.п.) которые могли привести к образованию приобретенных общих и частных признаков. Количество и качество приобретенных признаков, возникших в этот отрезок времени, их идентификационная

значимость изучается и анализируется на этапе отдельного исследования стадии детального исследования.

Фото № 3. Оттиск следа указательного пальца правой подозреваемого до травматического воздействия на него.

Фото № 4. Оттиск следа указательного пальца правой подозреваемого после заживления места травматического воздействия на него.

Здесь уместно вспомнить, что понятие идентификационного периода распространяется как на объект идентифицируемый, так и идентифицирующий [3]. Следственная и экспертная практика показывает, что такой подход к проведению стадии предварительного исследования является наиболее рациональным. Для иллюстрации этого утверждения можно привести фотографии (см. фото №1,2) оттиска одного и того же пальца руки человека, сделанные до и после образования приобретенных признаков (заживления и восстановления механической травмы). Как видно на фотографиях, если игнорировать предложенные рекомендации, то можно совершить экспертную ошибку (в нашем примере, на первый, ошибочный, взгляд, имеется два разных следа пальцев руки с петлевым узором).

После исследования постановления следователя о назначении экспертизы, следов (объектов-следоносителей) изъятых при осмотре мест происшествия, образцов для сравнительного исследования эксперт-дактилоскопист составляет план своего экспертного исследования. При этом определяются методы исследования, необходимое оборудование и расходные материалы.

Стадия предварительного исследования идентификационной дактилоскопической экспертизы заканчивается фотографированием поступивших объектов в удобном ракурсе и масштабе для их детального исследования [4].

Подводя итоги проделанной работы можно утверждать, что стадия предварительного исследования при производстве дактилоскопических экспертиз имеет целый ряд особенностей которые определяют качество и объективность экспертного исследования. Проведенное изучение этих особенностей будет способствовать дальнейшему повышению качества производства дактилоскопических экспертиз.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств [Электронный ресурс]. Ч.1. / под ред. канд. техн. Наук Ю. М. Дильдина; общая редакция канд. техн. Наук. В. В. Мартынов – М. : ЭКЦ МВД России, 2010. – 568 с. – Доступ из ЭК библиотеки ВА МВД России.

2. Майлис Н.П. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза : учебник / Н. П. Майлис, К. В. Ярмач, В. В. Бушуев. – М. : Московский университет МВД России

имени В.Я. Кикотя, 2017. – 258 с.

3. Сборник примерных образцов заключений эксперта по дактилоскопической экспертизе: учеб. Пособие / Г. И. Курин [и др.]. – Волгоград: ВА МВД России, 2014. – 60 с.

4. Курин Г. И. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: практикум / Г.И. Курин и др. – Волгоград : ВА МВД России, 2018. – 108 с.

УДК: 343.148.5

В.В. Маркова, О. В. Трубкина

АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ ВЫБОРЕ МЕТОДИКИ СУДЕБНО-БУХГАЛТЕРСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Аннотация. В статье автором рассматриваются типичные ошибки, допускаемые при выборе методов проведения судебно-бухгалтерской экспертизы по уголовным делам, связанным с железнодорожным транспортом. Подчеркивается, что специальные знания являются неотъемлемой частью судопроизводства, помогая установить факты преступлений, выявить виновных и возместить ущерб. Судебно-бухгалтерская экспертиза, как ключевой элемент борьбы с преступностью, требует от следователя глубокого понимания ее назначения и особенностей. Особое внимание уделяется сложности расследования экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта, где правильный выбор методики экспертизы играет решающую роль в получении достоверных результатов.

Ключевые слова: экономические преступления, специальные знания, сведущие лица, железнодорожный транспорт, судебно-бухгалтерская экспертиза.

V.V. Markova, O.V. Trubkina

ANALYSIS OF ERRORS IN CHOOSING THE METHODOLOGY OF FORENSIC ACCOUNTING EXAMINATION IN CRIMINAL CASES IN THE FIELD OF RAILWAY TRANSPORT

Annotation. In the article, the author examines typical mistakes made when choosing methods for conducting forensic accounting examinations in criminal cases related to railway transport. It is emphasized that specialized knowledge is an integral part of legal proceedings, helping to establish the facts of crimes, identify the perpetrators, and compensate for the damage. Forensic accounting examination, as a key element in the fight against crime, requires the investigator to have a deep understanding of its purpose and specific features. Special attention is paid to the complexity of investigating economic crimes in the field of railway transport, where the correct choice of examination methodology plays a decisive role in obtaining reliable results.

Keywords: economic crimes, specialized knowledge, knowledgeable persons, railway transport, forensic accounting expertise.

Использование специальных знаний в рамках судопроизводства играет одну из ключевых задач, позволяя определить, кто из экспертов и специалистов может быть привлечен к делу, и оценить их профессиональную пригодность. На протяжении всей истории криминалистики специальные знания были и остаются мощным инструментом в руках следователей. Они помогают раскрывать преступления, находить виновных, устранять причины и условия, способствующие преступности, возмещать ущерб и предотвращать новые правонарушения, о чем в своих работах неоднократно писали Т.В. Аверьянова, Н.Т. Белуха^o, О.П. Грибунов, А.В. Гусев, С.Г. Еремин, Н.П. Майлис, Ю.В. Предеус, Е.Р. Россинская, Е.В. Чиненов, В.И. Щукин, А.Л. Пермяков, С.Л. Никонович, А.А. Шаевич, О.В. Трубкина, Е.И. Третьякова, И.Н. Сорокотягин, А.А. Эйсман, О.В. Чельшева и другие ученые.

Экспертно-криминалистическая деятельность, в частности судебная экспертиза, является комплексным правовым механизмом, охватывающим весь цикл от назначения до оценки результатов, и является важным инструментом в системе борьбы с преступностью [1, с. 108].

Железнодорожный транспорт является значимой составляющей в системе общественных отношений и расследование экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта сложный процесс, требующий знаний порядка, назначения и использования результата судебной экспертизы. Успех во многом зависит от того, насколько хорошо следователь разбирается в особенностях железнодорожного транспорта, как грамотно назначает и использует результаты судебной экспертизы. Важную роль здесь играет и уровень подготовки самого следователя, взаимодействия со специалистами на ранних этапах расследования, а также знание тактических приемов при назначении экспертизы [2, с. 83].

В процессе расследования уголовных дел на объектах железнодорожного транспорта нередко возникают трудности с выбором подходящей методики судебно-бухгалтерской экспертизы, что приводит к ошибкам [3, с. 42], рассмотрим некоторые из них:

1. Распространенные ошибки при проведении бухгалтерских экспертиз по делам о невыплате заработной платы, связанные с некорректным определением размера выплаченного дохода из-за использования документов, не подтверждающих факт осуществления выплат. Например, рассмотрим ситуацию, когда перед экспертом поставлен вопрос: «В какой сумме с расчетных счетов ООО «Байкалжелдор» перечислены денежные средства в адрес ООО «ИркСвет» в рамках договора № 505 от 30.12.2024 за период с 01.01.2025 по 30.04.2025?» [4, С.29-30].

На исследование представлены договор № 505 от 30.12.2024, заключенный между ООО «Байкалжелдор» и ООО «ИркСвет», выписка по расчетному счету №403*****701 ООО «Байкалжелдор», открытому в Байкальский Банк ПАО Сбербанк за период с 01.01.2024 по 30.11.2025, выписка по расчетному счету №403*****701 ООО «ИркСвет», открытому в Байкальский Банк ПАО Сбербанк за период с 01.01.2022 (дата открытия счета) по 30.11.2025, справка из ИФНС об открытых счетах ООО «Байкалжелдор» в банках.

При производстве экспертизы эксперт указал, что методика проведения исследования заключается в извлечении из представленных банковских выписок по расчетным счетам ООО «Байкалжелдор» сведений о перечислении денежных средств в счет оплаты за отопление и горячее водоснабжение, в адрес ООО «ИркСвет» по интересующему договору в исследуемом периоде.

Экспертом, на основе выбранной методики, установлено, что ООО «Байкалжелдор» перечислило ООО «ИркСвет» денежные средства из ранее поступивших платежей за отопление и горячее водоснабжение, с применением формулировки «не менее».

Исходя из указанного, исследование по вопросу проведено неверно, так как эксперт фактически изменил экспертную задачу, сузив круг источников поступления денежных средств, перечисленных по исследуемому договору.

В данном случае эксперту следовало на основании анализа банковских выписок по счетам ООО «Байкалжелдор» определить сумму денежных средств, перечисленных (операции по списанию денежных средств отражаются по дебету расчетных счетов исследуемого лица) в адрес ООО «ИркСвет» по указанному в вопросе договору.

2. Ошибки, возникающие в ходе бухгалтерских экспертиз, назначаемых для расследования присвоения или растраты, как правило, обусловлены двумя факторами: либо несоблюдением установленной методики проведения исследования, либо выходом эксперта за пределы своей профессиональной компетенции.

Например, в ходе проведения экспертизы часто упускаются из виду документы, которые регулируют трудовые отношения и устанавливают материальную ответственность сотрудника (приказы о приеме на работу, трудовые договоры, а также

соглашения об индивидуальной или коллективной материальной ответственности). Эти документы либо не предоставляются экспертам для изучения, либо в их заключениях отсутствует информация о предмете договора, сторонах, его заключивших, и наличии подписей. Если же такие документы отсутствуют, сведения о материальной ответственности лица должны быть указаны в постановлении о назначении экспертизы при описании обстоятельств совершения преступления.

При проведении исследования, направленного на установление расхождений между документальным и фактическим остатками ТМЦ, образовавшихся у материально ответственного лица (далее МОЛ), а также при формулировании выводов по обозначенным вопросам, эксперты зачастую выходят за рамки своих полномочий. Такая ситуация возникает, например, в случаях, когда формулировка вывода звучит так: «Сумма расхождения между документальным и фактическим остатками ТМЦ, образовавшегося у МОЛ Козлова И.И. в ООО «Байкалжелдор» за период с 01.06.2024 по 21.06.2024, составила 5 666,00 руб.».

Подобные выводы, по сути, представляют собой оценку действий должностных лиц и попытку определить субъект совершения потенциального преступления. Это выходит за рамки компетенции эксперта, чья задача заключается в констатации фактов и выявлении несоответствий, а не в юридической квалификации действий или установлении виновных лиц. Эксперт должен оперировать данными, предоставляемыми ему для исследования, и на их основе делать выводы, касающиеся исключительно вопросов, входящих в сферу его специальных знаний. Определение же виновности, оценка мотивов и намерений, а также квалификация правонарушений относятся к прерогативе органов дознания, следствия и суда. [5, С.19-20].

Следует также принять во внимание, что в течение исследуемого периода материально ответственное лицо могло не исполнять свои обязанности в связи с временной нетрудоспособностью, нахождением в отпуске либо в командировке, а также по иным уважительным причинам. Соответственно, зафиксированное расхождение могло сформироваться в период отсутствия указанного лица.

Эксперту следовало определить сумму расхождения между документальным и фактическим остатками ТМЦ за исследуемый период по хозяйствующему субъекту в целом или по его структурному подразделению, и отдельно указать данные о материально ответственном лице. Вывод может быть сформулирован следующим образом: «Сумма документального остатка ТМЦ в ООО «Байкалжелдор» за период с 01.06.2024 по 21.06.2024 (на 21.06.2024) превышает фактический остаток на 2 000,00 руб. Материально ответственным лицом за указанный период Козлов являлся И.И.».

Таким образом, можно сделать вывод, что при производстве бухгалтерских экспертиз экспертом не соблюдается методика проведения исследования, а конкретно, четкий алгоритм определения искомого показателя отсутствует, либо при его выполнении не проводится полное и всестороннее исследование.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Грибунов О.П. Экспертиза объектов железнодорожного транспорта как самостоятельное направление использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте / О.П. Грибунов, Е.А. Малыхина // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 3(47). С. 107–112

2. Чиненов Е. В. Формы использования специальных знаний в расследовании преступлений в сфере экономики, совершаемых на железнодорожном транспорте и объектах транспортной инфраструктуры / Е. В. Чиненов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 2. – С. 82-90.

3. Сербина Ю. В. Возможные ошибки эксперта при проведении судебно-бухгалтерской экспертизы / Ю. В. Сербина // Вестник магистратуры. – 2019. – № 8-1(95). – С. 41-43.

4. Шельтик К. Р. Методика судебно-бухгалтерской экспертизы невыплаты заработной платы / К. Р. Шельтик, Н. К. Беккалиева // Современные научные исследования : сборник научных трудов по материалам VII Международной научно-практической конференции, Анапа, 17 апреля 2019 года. – Анапа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-исследовательский центр экономических и социальных процессов» в Южном Федеральном округе, 2019. – С. 26-32.

5. Арутюнов А. С. Судебная экономическая экспертиза: учебно-методическое пособие / А. С. Арутюнов, О. Д. Нусхинова. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – 40 с.

УДК 343.983.25.

М.Е. Молодых, Г.Е. Хорхордин

**ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКИРОВОЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ
АВТОМОБИЛЕЙ «УРАЛ»**

В настоящей статье рассмотрены современные возможности идентификации автомобилей марки «УРАЛ». Приведены сведения о специфике маркирования, местах и способах нанесения маркировочных обозначений на кузов и элементы комплектации выпускаемых автомобилей.

Ключевые слова: автомобили УРАЛ, VIN, маркировочная табличка, производственная база данных, элементы комплектации.

M.E. Molodykh, G.E. Horhordin,

IDENTIFICATION MARKINGS OF URAL VEHICLES

The article discusses the modern possibilities of identifying of cars brand URAL. Information is provided on the specifics of marking, places and methods of applying markings to the body and equipment element.

Keywords: cars URAL, VIN, marking plate, production database, configuration elements.

Акционерное общество «Автомобильный завод «УРАЛ» специализируется на выпуске автомобилей гражданского назначения для коммерческого рынка, для силовых структур (включая автомобили, поставляемые Министерству Обороны Российской Федерации), и предназначенные для поставки на экспорт. Попадание последних на коммерческий рынок практически исключено; поставляемые Министерству Обороны Российской Федерации после списания из воинских частей в небольших количествах иногда попадают на внутренний коммерческий рынок. В настоящее время автозавод серийно выпускает автомобили с бортовой платформой, самосвалы, седельные тягачи, шасси и вахтовые автобусы повышенной проходимости модельных рядов NEXT, УРАЛ-М, Урал 80, УРАЛ 6370, УРАЛ 9593 и УРАЛ С3 6x4 (рис. 1-6)¹:

¹ При подготовке материала использованы изображения автомобилей и справочная информация с официального сайта АО «АЗ «УРАЛ» – www.uralaz.ru.

а

б

Рис. 1. Автомобили семейства УРАЛ NEXT:
а – с бортовой платформой; б – седельный тягач

а

б

Рис. 2. Автомобили семейства УРАЛ-М с бескапотной кабиной:
а – самосвал; б – шасси

а

б

Рис. 3. Автомобили семейства УРАЛ 80:
а – с бортовой платформой; б – шасси

а

б

Рис. 4. Автомобили УРАЛ 6370:
а – самосвал; б – седельный тягач

Рис. 5. Автомобиль УРАЛ 9593 шасси 8x8

а

б

Рис. 6. Автомобили УРАЛ С3 6x4

а – самосвал; б – шасси

Автомобили УРАЛ могут быть идентифицированы с использованием идентификационного номера транспортного средства¹, индивидуальных номеров двигателя, кабины, коробки перемены передач², раздаточной коробки³, рулевого механизма, ведущих мостов, устройства вызова экстренных оперативных служб российской государственной автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС»⁴ и лебедки (при наличии).

Указанные номера элементов комплектации фиксируются в производственной базе данных с «привязкой» к VIN.

Идентификационный номер транспортного средства

В настоящее время маркировка ТС осуществляется в соответствии с техническим регламентом таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (ТР ТС 018/2011) и ГОСТ 33990-2016.

Маркировка содержит 17 знаков VIN, состоящего из международного идентификационного кода изготовителя WMI – 3 знака, описательной части VDS – 6 знаков и указательной части VIS – 8 знаков (таблица 1).

Таблица 1.

Структура и содержание VIN автомобилей УРАЛ

1	2	3	4	5		6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17
X	1	P	4	3		2	0	0	0	S	1	2	3	4	5	6	7

Символы с 1 по 3 включительно представляют собой международный код завода-изготовителя (WMI). До 1991 г. В качестве WMI кода использовались латинские буквы ХТР, позднее – сочетание латинских букв и цифр Х1Р.

¹ Далее – «VIN».

² Далее – «КПП».

³ Далее – «РК».

⁴ Далее – «УВЭОС».

Символы с 4 по 9 включительно (VDS, только цифры) представляют собой условное обозначение (индекс) модели (в данном примере УРАЛ 4320), дополненный нулями до 6 знаков.

Символ 10 (цифра или буква латинского алфавита) – обозначение года выпуска шасси (S – 2025 год).

Символы с 11 по 17 включительно (VIS, только цифры) представляют собой производственный номер автомобиля (шасси).

VIN наносится на вертикальную поверхность правого лонжерона рамы и на металлическую маркировочную табличку¹.

На все автомобили УРАЛ знаки VIN и ограничивающие символы в виде квадратных скобок с 01.04.2010 г. По настоящее время наносятся на лонжерон рамы в районе правого заднего колеса игольчатым кернением в виде микролунок ударно-точечным маркиратором в одну строку без пробелов и разделительных символов (рис. 7-8).

Рис. 7. Место нанесения идентификационных обозначений на раме:
1 – номер шасси ТС, присвоенный УРАЛ; 2 – VIN изготовителя
конечного ТС с установленным специальным оборудованием
на базе шасси УРАЛ

В соответствии с п. 1.3.1. Приложения № 7 к техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» изготовитель, являющийся юридическим лицом, образованным в соответствии с законодательством государства – члена Таможенного союза, использующий для производства ТС покупные шасси или базовые ТС иного изготовителя, формирует и наносит на такие ТС новый VIN, отличный от VIN покупных шасси. Ранее присвоенный VIN шасси (базового ТС) должен быть сохранен на транспортном средстве.

¹ Далее – «МТ».

а

б

в

Рис. 8 а, б, в. VIN автомобилей УРАЛ

Маркировочная табличка изготовителя ТС

Местоположение на МТ основных сведений о ТС показано на рис. 9.

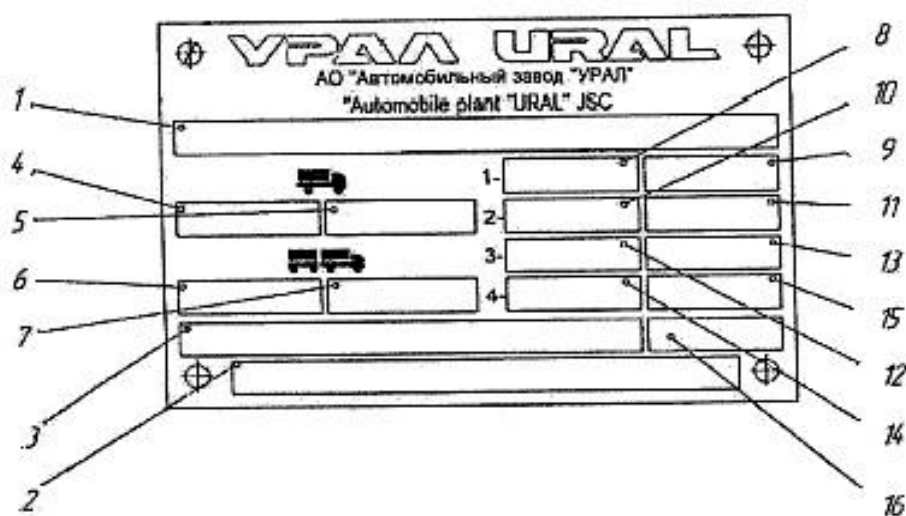
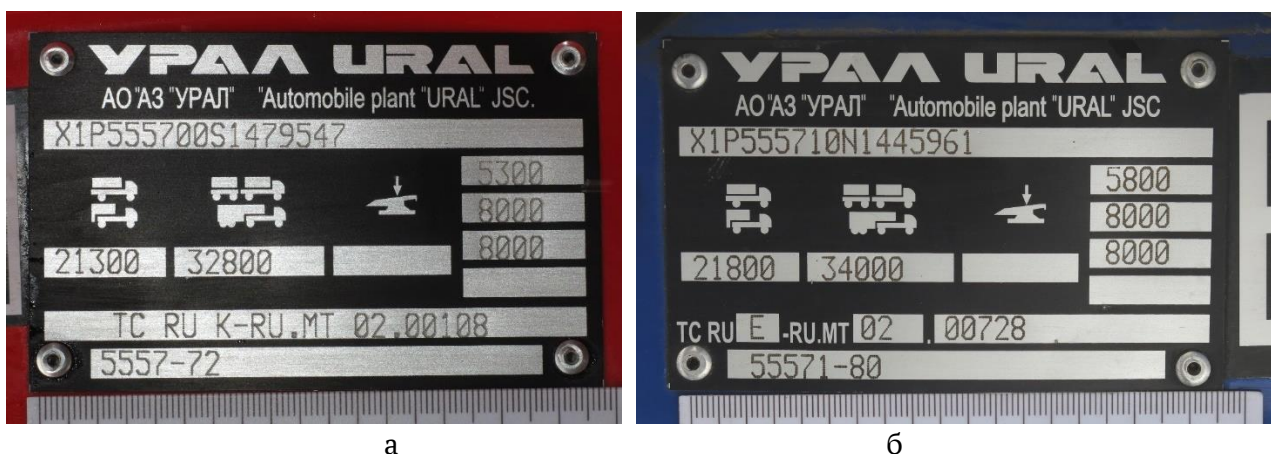

Рис. 9. Поля маркировки на МТ основных сведений о ТС народнохозяйственного назначения:

- 1 – VIN или номер шасси, не подлежащего сертификации;
- 2 – номер Одобрения типа ТС / шасси или Заключения об оценке типа ТС / шасси (для автомобилей и шасси, подлежащих сертификации);
- 3 – модификация ТС или шасси (в соответствии с ОТТС, ОТШ, ЗОТТС, ЗОТШ или ТУ);
- 4 – технически допустимая максимальная масса ТС;
- 5 – разрешенная максимальная масса ТС (для ТС, подлежащих сертификации);
- 6* – технически допустимая максимальная масса автопоезда;
- 7* – разрешенная максимальная масса автопоезда (для ТС, подлежащих сертификации);
- 8, 10, 12, 14 – технически допустимые максимальные массы на оси, начиная с первой;
- 9, 11, 13, 15 – разрешенные максимальные нагрузки на оси, начиная с первой (для ТС, подлежащих сертификации)

МТ предприятия-изготовителя размером 63×100 крепится 4 заклепками односторонней клепки на несъемных элементах кузова автомобиля (рис. 10).

а б
Рис. 10 а, б. Виды МТ автомобилей УРАЛ

Для капотной кабины типа 4320 и для бескапотной кабины МТ размещаются на правой панели боковины кабины в зоне порога правого дверного проема (рис. 11 а), а для капотной кабины NEXT – на панели боковины передней правой над ответной частью замка двери (рис. 11 б).

а б
Рис. 11. Место установки МТ:
а – на капотной кабине типа 4320 и на бескапотной кабине; б – на кабине NEXT

До 13.10.2021 г. Вся маркировка на заводской МТ выполнялась ударным способом клеймами шрифтом 4-Пр3, ГОСТ 26.008-85. С 13.10.2021 г. Товарный знак и наименование завода-изготовителя наносятся фотоспособом, а маркировка выполняется с использованием ударно-точечного маркиратора.

Маркировка двигателя

С 1994 г. По настоящее время на автомобили УРАЛ устанавливаются двигатели ЯМЗ производства ПАО «Автодизель», г. Ярославль.

Маркировка двигателей ЯМЗ размещается на МТ, закрепленной с левой стороны спереди под генератором на блоке цилиндров (рис. 12). Кроме того, год выпуска и

порядковый номер двигателя продублированы на специальной площадке блока цилиндров, расположенной на переднем торце блока с левой стороны у генератора.

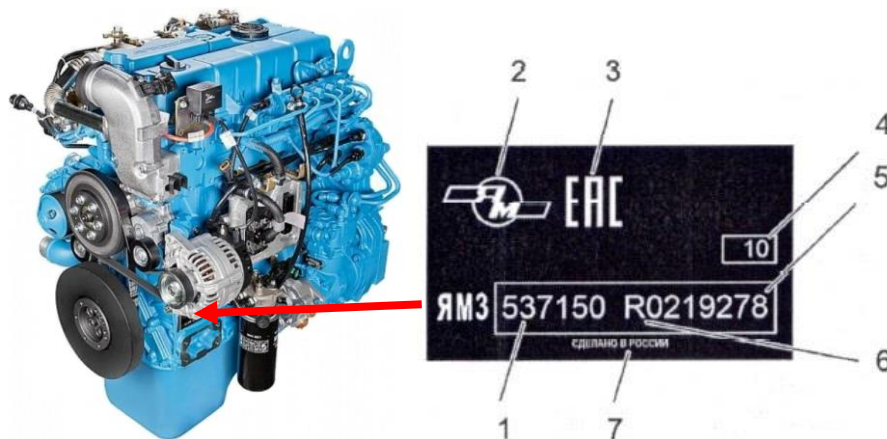

Рис. 12. Место установки МТ двигателя ЯМЗ с обозначениями:

- 1 – обозначение базовой модели или модификации двигателя;
- 2 – знак товарный предприятия-изготовителя; 3 – знак обращения на рынке таможенного союза; 4 – индекс комплектации двигателя; 5 – порядковый производственный номер двигателя; 6 – год выпуска двигателя, который обозначается буквой;
- 7 – надпись «Сделано в России»

МТ изготавливается из листа алюминиевого сплава толщиной 1 мм с последующим нанесением анодно-оксидного покрытия для защиты от коррозии и старения (рис. 13).

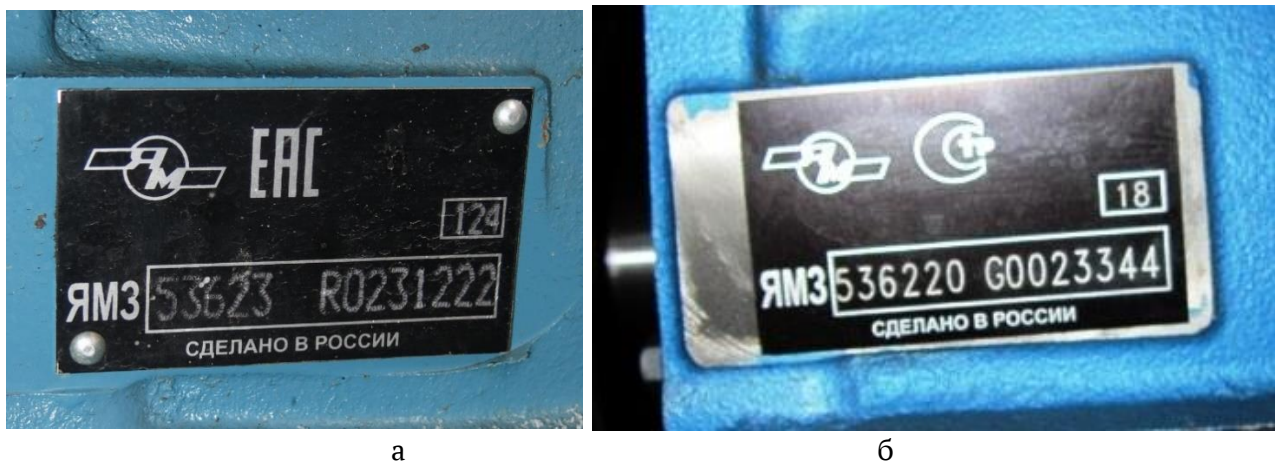

Рис. 13. МТ двигателя производства ЯМЗ:
а – с креплением на 2 специальных гвоздях;
б – с креплением на специальный клеящий слой

Маркировка кабины

Маркировка кабин NEXT производится клеймением на подоконной полке слева¹ (рис. 14), а других кабин – игольчатым кернением ударно-точечным маркиратором левее МТ изготовителя на панели боковины кабины правой в зоне порога правого дверного проема (рис. 15), и содержит 14 знаков, ограниченных символами в виде звездочек.

¹ Желоб для слива воды с левой стороны.

Рис. 14. Маркировка кабины NEXT

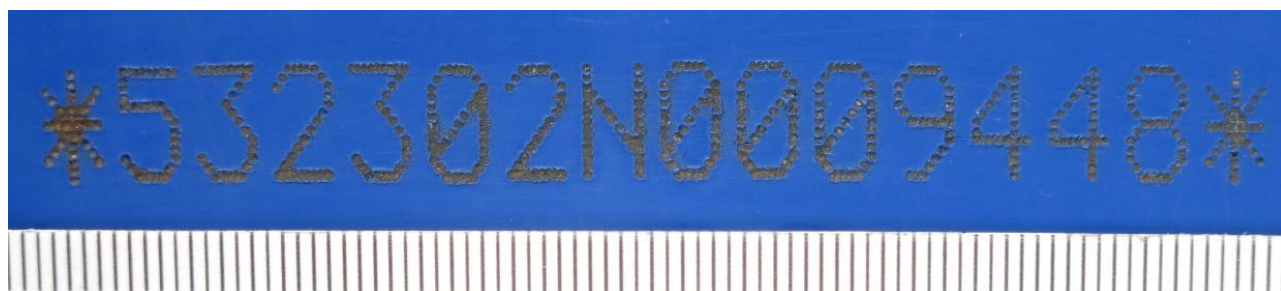

Рис. 15. Маркировка кабин типа 4320 и бескапотных кабин
УРАЛ-М, 5323, 6370, 9593 и СЗ

Структура маркировки кабины представлена в таблице 2:

Таблица 2

Структура маркировки кабины автомобилей УРАЛ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
4	3	2	0	0	0	S	0	0	0	5	4	3	1

Символы с 1 по 6 включительно аналогичны VDS составляющей VIN. Данная совокупность знаков зависит только от типа устанавливаемой кабины. Например, на автомобиле УРАЛ-3255-0013-41 эти цифры будут 432000.

Символ 7 (цифра или буква латинского алфавита) – условное обозначение года выпуска кабины (S – 2025 год). Год выпуска кабины может отличаться от года выпуска автомобиля (шасси) в том случае, когда в начале очередного года используется запас кабин, выпущенных в конце предыдущего.

Символы с 8 по 14 включительно (только цифры) представляют собой производственный номер кабины, отличающийся от производственного номера шасси.

Маркировка механизмов рулевого управления

Рулевые механизмы применяются в системах рулевого управления автомобилей УРАЛ в качестве устройства, передающего и усиливающего управляющее воздействие водителя, необходимое для поворота управляемых колес (рис. 16 а, б).

а б
Рис. 16 а, б. Место установки механизма рулевого управления на автомобилях УРАЛ

На автомобилях УРАЛ устанавливались и устанавливаются рулевые механизмы интегрального типа следующих производителей:

3. RBL C 700V, Германия, устанавливался с 2014 г. По 2018 г. С 2016 г. Производство локализовано в России на предприятии ООО «УТД-Р» в г. Набережные Челны.

Маркировочная табличка рулевого механизма содержит:

- товарный знак производителя («RBL» или ООО «УТД-Р»), нанесен фотографическим способом;
- тип (модель) механизма – C 700V;
- конструкторский номер изделия (111675), код исполнения вала или обозначение рабочей смены (буква «Е»), календарная неделя изготовления (две цифры), последняя цифра года изготовления (один символ, например, для 2004 г. – «4», для 2011 – цифра «1»), две цифры (номер в партии), буква «R» (только для механизмов, прошедших ремонт у производителя);
- страна изготовления – MADE IN GERMANY или СДЕЛАНО В РОССИИ (рис. 17).

Рис. 17. МТ на картере рулевого механизма RBL C 700V

4. NEMA ENDUSTRI A.S. HD098C, Турция, устанавливается с 2016 г.

На задней крышке механизма рулевого управления (сторона, противоположная входному валу) установлена МТ (рис. 18 а), содержащая:

- товарный знак производителя («HEMA ENDUSTRI A.S. CERKEZKOY-TURKIYE»), нанесен фотографическим способом;
- модификация механизма (например, HD098C55472);
- серийный номер;
- месяц и год изготовления (через дробь). Фактически маркируется – неделя (две цифры), год (две последние цифры года);
- значение рабочего давления в барах.

С 2018-2020 г. Применяется МТ, на которой, кроме товарного знака, модификации и рабочего давления, нанесен QR-код и порядковый номер, из которых невозможно узнать дату изготовления (рис. 18 б).

а

б

Рис. 18. МТ на картере рулевого механизма HEMA ENDUSTRI A.S. HD098C:

а – до 2018 г.; б – после 2018 г.

5. AVKR.7000 производства Китайской Народной Республики устанавливается на автомобиле с 2023 г.

На боковой поверхности картера рулевого механизма на специальной площадке наклеена МТ из металла (рис. 19 а, б, в), которая содержит:

- товарный знак представителя («AVKR АВТОКОМ-РАДИЙ»), нанесен фотографическим способом;
- модификация механизма по системе нумерации изготовителя рулевого механизма (например, RCB.7000);
- обозначение рулевого механизма, под которым поставляется конкретному заказчику (например, AVKR.453461.7.009);
- серийный номер;
- страна-изготовитель – Made in China.

а

б

Рис. 19 а, б. МТ рулевого механизма AVKR.7000

6. ШНКФ 453461.700 производства ОАО «Борисовский завод «Автогидроусилитель»

(Республика Беларусь) устанавливается с 2016 г. На заднем торце картера рулевого механизма с помощью заклепок установлена МТ из металла (рис. 20), которая содержит:

- товарный знак изготовителя;
- заводской номер механизма;
- дату изготовления – год, месяц (кернением в соответствующей ячейке);
- единого знака обращения на рынке согласно ТР ТС 018/2011.

Рис. 20. МТ на заднем торце картера рулевого механизма
ШНКФ 453461.700

Маркировка коробки перемены передач

КПП без демультипликатора моделей ЯМЗ-236, ЯМЗ-2361, ЯМЗ-0905, ЯМЗ-1105 и ЯМЗ-1205 производства ПАО «Автодизель» маркируются клеймением в две строки на заднем торце картера в нижней части (рис. 21). Маркировка содержит:

- в первой строке – обозначение изготовителя – ЯМЗ, модель (например, 1105), вариант комплектации КПП (например, 100);
- во второй строке – сведения, непосредственно относящаяся к данной КПП – код года выпуска (например, буква R – 2024 г.) и порядковый производственный номер.

Рис. 21. Маркировка КПП без демультипликатором

КПП с демультипликатором моделей ЯМЗ-239, ЯМЗ-1909, ЯМЗ-1309 и ЯМЗ-1809

производства ПАО «Автодизель» маркируются клеймением на специальной площадке в передней верхней зоне на левой стенке картера (рис. 22). Маркировка содержит:

- товарный знак или аббревиатуру предприятия-изготовителя;
- модель КПП и ее комплектацию;
- код года выпуска в соответствии с ГОСТ Р 53602-09;
- порядковый производственный номер (7 знаков).

Рис. 22. Маркировка КПП с демультипликатором модели ЯМЗ 1309

Маркировка КПП производства фирмы ZF или ЦФ КАМА (г. Набережные Челны) выполняется на МТ, которая закреплена в верхней части (семейство ECOMID) или на левой боковой стенке (семейство ECOSPLIT) картера.

На МТ нанесены: торговый знак и наименование изготовителя, информация о стране производства, наименование семейства, типа коробки передач, номер спецификации (код комплектации) коробки передач, серийный номер, обозначение по документации заказчика (если есть), диапазон передаточных чисел, количество импульсов датчика спидометра на один оборот выходного вала, объем масла при заправке, номер стандарта по применяемым маслам (рис. 23-24).

Рис. 23. МТ КПП ZF или ЦФ КАМА семейства ECOSPLIT

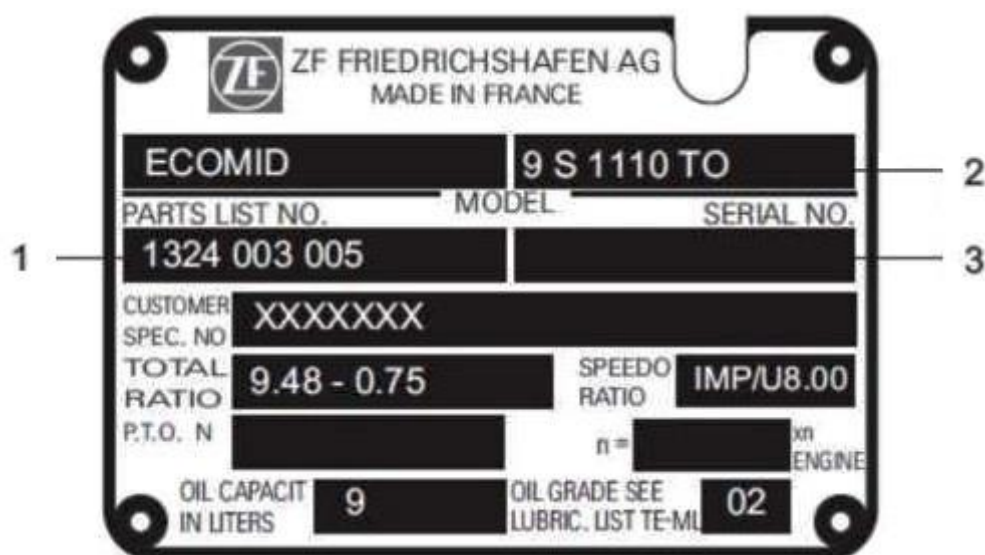

Рис. 24. МТ КПП ZF (ЦФ КАМА) семейства ECOMID:
1 – номер спецификации КПП; 2 – тип КПП;
3 – серийный номер КПП

КПП производства фирмы FAST GEAR 9JS135TA, 9JS150TA производства Китайской Народной Республики маркируются на табличке, которая закреплена в верхней части картера сцепления (рис. 25).

На МТ указывается следующая информация:

- товарный знак изготовителя КПП;
- QR код;
- модель КПП по документации производителя;
- входная мощность;
- входной крутящий момент;
- обозначение по документации заказчика;
- порядковый производственный номер изделия (показан стрелкой).

Рис. 25. Внешний вид МТ КПП FAST GEAR 9JS150TA

Маркировка раздаточной коробки

РК типа 4320ЯМ маркируется ручным способом на заднем торце верхней части картера (рис. 26) и содержит:

- месяц изготовления (две цифры);
- две последние цифры года изготовления;
- порядковый номер (счет ведется с начала месяца);
- буква «Д» – при наличии коробки дополнительного отбора мощности.
- личное клеймо исполнителя, отвечающего за регулировку РК в виде цифры (рис. 27).

На РК до 2020 года выпуска маркировка в виде буквы «Д» и личного клейма исполнителя-регулировщика РК может отсутствовать.

Рис. 26. Место нанесения маркировки на РК типа 4320ЯМ

а

б

В

Рис. 27 а, б, в. Маркировка РК типа 4320ЯМ

Маркировка ведущих мостов

Маркировка ведущих мостов производства АО «Автомобильный завод «УРАЛ» наносится клеймением в верхней части кожуха в зоне между опорным кронштейном рессоры и суппортом тормоза (рис. 28) и содержит:

- производственный порядковый номер моста (счет ведется с начала текущего месяца);
- 2 цифры порядкового месяца изготовления;
- 2 последние цифры года изготовления (рис. 29).

Рис. 28. Место маркировки ведущего моста

а

б

Рис. 29 а, б. Маркировка ведущего моста с указанием производственного порядкового номера, месяца и года изготовления

Автомобили УРАЛ 6370, УРАЛ 73945, УРАЛ 7470 и УРАЛ СЗ комплектовались мостами производства Shaanxi HanDe Axle. Маркировка этих мостов заключается в установке на верхнюю часть кожуха МТ (рис. 30) с информацией о производственном и серийном номерах, передаточном числе, номинальной нагрузке на ось и номере чертежа (рис. 30).

Рис. 30. Место установки МТ на корпусе ведущего моста производства Shaanxi HanDe Axle

а

б

Рис. 31 а, б. МТ ведущих мостов производства Shaanxi HanDe Axle

Маркировка устройства вызова экстренных оперативных служб

В соответствии с техническим регламентом Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств» с 1 января 2017 г. Все пассажирские и грузовые транспортные средства, впервые выпускаемые в обращение на территории Евразийского экономического союза, должны оснащаться УВЭОС.

Таким устройствам присваивается идентификационный номер – ICCID, «связывается» с VIN на сборочном производстве, вносится в электронную базу данных выпущенных автомобилей и указывается в электронном паспорте транспортного средства (рис. 32).

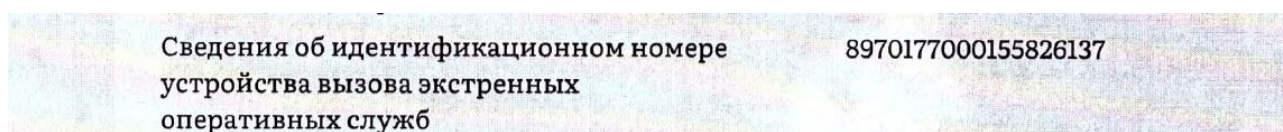

Рис. 32. Фрагмент электронного паспорта транспортного средства со сведениями об ICCID

Кроме того, с помощью специального оборудования в память самого блока УВЭОС «ЭРА-ГЛОНАСС» записывается VIN или идентификационный номер шасси (если шасси – конечная продукция автозавода), который можно прочесть с помощью диагностического сканера.

На автомобилях УРАЛ в разные годы устанавливались УВЭОС различных производителей и моделей (Гранит Навигатор-6.18 и 7.18 МРСВ.466229.007-18 производства ООО «Сантэл-Навигация»; 1824.3879600-82 производства ПП «Итэлма»), на МТ которых ICCID может не указываться.

На автомобилях УРАЛ бескапотной компоновки с декабря 2021 года устанавливается блок УВЭОС 7.18 МРСВ.466229.007-18 производства ООО «Сантэл-Навигация», на МТ которого указывается ICCID (рис. 33).

Рис. 33. МТ с ICCID на блоке УВЭОС 7.18 МРСВ.466229.007-18

Используя номера приведенных элементов комплектации автомобилей при обращении к информационным системам АО «АЗ «УРАЛ» в процессе исследования маркировочных обозначений возможно установить идентификационный номер транспортного средства – VIN.

УДК 347.94, 351.811

А. А. Несмеянов, Д. В. Седов

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ПРОИСШЕСТВИЯ ПРИ ПОПУТНОМ СТОЛКНОВЕНИИ АВТОТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Аннотация. В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с проведением экспертных исследований обстоятельств и механизма дорожно-транспортного происшествия при попутном столкновении автотранспортных средств. Приводятся цели, задачи и общая методология такого рода исследований в целом, и наиболее важные моменты исследования проведенного авторами работы в частности с кратким анализом его результатов.

Ключевые слова: дорожно-транспортное происшествие (ДТП), попутное столкновение автотранспортных средств, экспертное исследование обстоятельств ДТП.

PRACTICAL ISSUES OF RESEARCHING THE CIRCUMSTANCES OF A ROAD ACCIDENT CAUSED BY A COLLISION OF VEHICLES

Annotation. The article addresses a range of issues related to conducting expert investigations into the circumstances and mechanisms of traffic accidents involving rear-end collisions of motor vehicles. It outlines the goals, objectives, and general methodology of such studies as a whole, while also highlighting the most crucial aspects of the specific research conducted by the authors, accompanied by a brief analysis of its results.

Keywords: traffic accident, rear-end collision of motor vehicles, expert investigation of traffic accident circumstances.

В наше время, в среднем, каждый день на дорогах России происходит около 300 ДТП, каждые час в них гибнет минимум один человек. В течении года в России таким образом погибает 15000 человек, что сопоставимо с населением небольшого города. При этом больше всего аварий приводящим к тяжелым последствиям происходит на дорогах населенных пунктов.

Проблема качества расследования ДТП во многом кроется в разном уровне профессиональной подготовки участников процесса. Как показывает практика, недостаточная методическая база дознавателей и следователей в вопросах процессуального оформления места аварии и работы с очевидцами ведет к снижению эффективности правоприменения [1, с. 377]. В подобных условиях первостепенное значение приобретает способность эксперта к тщательному предварительному изучению материалов дела. Только глубокий анализ исходных данных позволяет ему устранять ситуационные противоречия, восполнять пробелы следствия и указывать суду на критически важные обстоятельства происшествия, комплексно оценивая влияние дорожной обстановки на механизм ДТП.

Одним из наиболее распространенных видов происходящих сейчас ДТП является столкновение автотранспортных средств, которое очень часто приводит к тяжким последствиям. Особенно это актуально в случае когда участниками дорожно-транспортного происшествия является пассажирский автотранспорт категорий М1, М2 о котором и пойдет речь в нашем исследовании.

Практика показывает что даже незначительное механическое взаимодействие движущихся автомобилей (будь то попутное, встречное или боковое столкновение) зачастую приводит к потере управляемости. Как следствие, возникает риск выезда на полосу встречного движения или за пределы проезжей части, что чревато последующими наездами на неподвижные объекты, пешеходов и другие транспортные средства. Даже небольшой контакт меняет траекторию транспортных средств, а утрата курсовой устойчивости может завершиться заносом или опрокидыванием автомобилей.

Здесь при проведении экспертных исследований от специалиста требуется детальное восстановление механизма дорожно-транспортного происшествия. Используя предоставленные материалы и исходные данные, эксперт должен установить причинно-следственные связи, выявить возможные нестыковки и реконструировать недостающие элементы картины происшествия для всех трех стадий механизма столкновения – процесса сближения автотранспортных средств, их взаимодействия при ударе и отбрасывания после столкновения [2, с. 97].

Перед экспертом при проведении практических исследований в случае столкновения автомобилей ставится достаточно много вопросов, в том числе и частных. Но в качестве наиболее важных и часто встречающихся можно назвать следующие [3, с. 5]:

1. С какой скоростью двигались автотранспортные средства – участники происшествия перед торможением?

2. Какое значение безопасной скорости движения должны были избрать водители автотранспортных средств – участников происшествия в данных условиях видимости?

3. Каковы остановочные пути автотранспортных средств в данной дорожно-транспортной ситуации при экстренном торможении в данных дорожных условиях при скорости, установленной экспертом или следствием?

4. Имел ли водитель конкретного автотранспортного средства техническую возможность избежать столкновения, если бы применил экстренное торможение в момент или в момент обнаружения опасности в зоне видимости.

5. Каков механизм столкновения автотранспортных средств?

6. Где относительно границ проезжей части находится место столкновения автотранспортных средств?

7. Какова с технической точки зрения причина данного происшествия и не находятся ли в причинной связи действия водителей автотранспортных средств с данным происшествием.

В рамках тематики статьи была проведена исследовательская работа на базе практического экспертного исследования попутных столкновений автотранспортных средств категорий М1, М2.

*Краткие обстоятельства дела и исходные данные**

25.05.2023 г. Около 10 часов 15 минут водитель Петров Н.В., управляя автомобилем Ford Transit 2.2 МТ следовал по проезжей части по ул. Ленина, в направлении ул. Бутина, в районе офисного здания расположенного по адресу Бутина, 1 допустил столкновение с автомобилем Тойота Краун S220 под управлением водителя Молодила К.В.

В результате ДТП пассажирам автомобиля Ford Transit 2.2 МТ Городницкому А.П., Вершинину Р.М, Агееву М.К. причинен тяжкий вред здоровью.

Покрытие дороги – мокрое, асфальтобетон. Движение – двустороннее, регулируемое. Профиль пути горизонтальный, следы торможения автомобиля Ford Transit 2.2 МТ составили 27,2 метра до задних колес.

Автомобиль Ford Transit 2.2 МТ технически исправен, загруженность 6 человек (водитель, 5 пассажиров).

Автомобиль Тойота Краун S220 технически исправен, загруженность 2 человека (водитель и пассажир). Скорость автомобиля со слов водителя порядка 10 км/ч.

На рисунках 1, 2 приведены автомобили моделей аналогичных рассматриваемых в экспертном исследовании.

Рис. 1. А/м Тойота Краун S220

* Все даты и персональные данные изменены

Рис. 2. А/м Ford Transit 2.2 МТ

Основным вопросом, стоящим здесь перед экспертом, было определение технической возможности у водителя автомобиля Ford Transit 2.2 МТ предотвратить столкновение с автомобилем Тойота Краун S220.

В рамках исследования оценивалось влияние климатических факторов и состояния дорожного покрытия на возможность возникновения и предотвращения ДТП. Были проведены расчеты для различных скоростных режимов при шести типах дорожного покрытия (мокрое и сухое асфальтобетонное, щебеночное, гравийное покрытие) с учетом рекомендованных для применения в экспертной практике исходных данных и параметров торможения автотранспортных средств [4, с. 23, 34].

На рисунке 3 приведено сравнение остановочного пути и расстояния до места наезда в момент возникновения опасности для различных дорожных покрытий

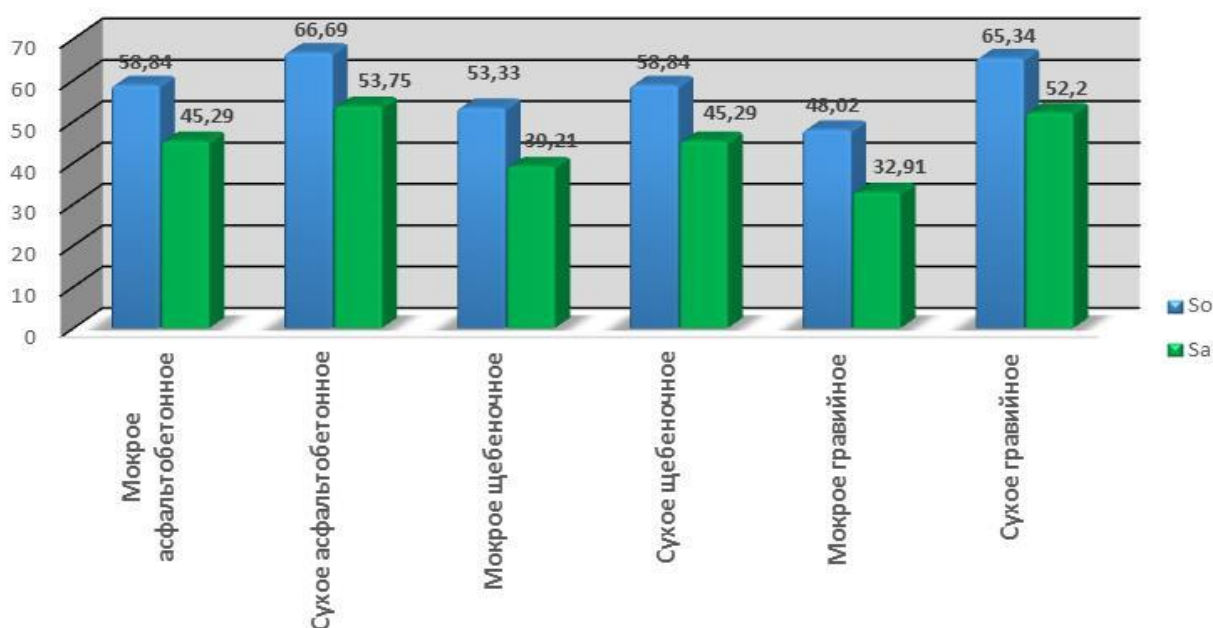

Рис 3. Сравнение остановочного пути и расстояния до места наезда в момент возникновения опасности

Анализ полученных результатов дает возможность сделать вывод о том, что на техническую возможность предотвратить попутное столкновение пассажирского автотранспорта категорий М₁, М₂ наибольшее влияние оказывают правильность действий водителя в сложившейся дорожной обстановке, а особенно выбор водителем скорости для безопасного движения автотранспортного средства в том числе скорости, при которой не будет создано помех другим участникам движения. В меньшей же степени здесь влияет вид и состояние дорожного покрытия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зубенко Е.В., Гунькин И.В. Сложности, возникающие в процессе расследования дорожно-транспортных преступлений // Право и государство: теория и практика, 2022. – №1 (205). – С. 376–379.

2. Судебная автотехническая экспертиза: учебник для образовательных организаций высшего образования системы МВД России, сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации / В. Ф. Гольчевский, А. А. Несмеянов, Д. В. Седов [и др.] ; Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации». – И. : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2021. – 593 с.

3. Несмеянов, А.А. Проведение экспертных исследований обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: учебное пособие / А.А. Несмеянов, С.Н. Думнов, И.С. Щербаков. – Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2020. – 99 с.

4. Григорян, В.Г. Применение в экспертной практике параметров торможения автотранспортных средств: методические рекомендации для экспертов / В.Г. Григорян, А.В. Григорян. – М. : ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, 2021. – 40 с.

УДК 343.98

В. С. Позняк, П. Е. Гормаш

ЗНАЧЕНИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается значение Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь в системе научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности. Раскрываются правовые основы организации научно-методической работы, закрепленные в законодательстве Республики Беларусь, а также роль Центра в разработке, апробации и внедрении современных экспертных методик. Анализируются основные направления деятельности учреждения, включая проведение научных исследований, формирование и ведение Реестра методических материалов, развитие новых видов и подвидов судебных экспертиз, а также подготовку научных кадров. Особое внимание уделяется внедрению инновационных технологий и расширению международного сотрудничества. Делается вывод о ключевой роли Центра в обеспечении научной обоснованности и единообразия судебно-экспертной практики.

Ключевые слова. Судебно-экспертная деятельность; научно-методическое обеспечение; Государственный комитет судебных экспертиз; Научно-практический центр; методические материалы; судебная экспертиза; инновационные технологии; экспертные методики; международное сотрудничество.

THE ROLE OF THE RESEARCH AND PRACTICAL CENTER OF THE STATE COMMITTEE FOR FORENSIC EXAMINATIONS OF THE REPUBLIC OF BELARUS IN THE SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL SUPPORT OF FORENSIC EXAMINATION ACTIVITY

The article examines the role of the Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus in the system of scientific and methodological support of forensic expert activity. The legal framework governing scientific and methodological support, as established by the legislation of the Republic of Belarus, is analyzed. The paper highlights the Center's role in the development, validation, and implementation of modern forensic methodologies. The main areas of activity are considered, including research work, maintenance of the Register of methodological materials, development of new types and subtypes of forensic examinations, and training of highly qualified scientific personnel. Special attention is given to the introduction of innovative technologies and the expansion of international cooperation. The study concludes that the Center plays a key role in ensuring scientific validity and methodological consistency in forensic practice.

Keywords. Forensic expert activity; scientific and methodological support; State Forensic Examination Committee; Scientific and Practical Center; methodological materials; forensic examination; innovative technologies; expert methodologies; international cooperation.

Важной составляющей при реализации государственной политики в области судебно-экспертной деятельности является научно-методическое обеспечение.

Основные положения научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности закреплены в части первой статьи 48 Закона Республики Беларусь от 18 декабря 2019 года № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» (далее – Закон) [1]. В соответствии с указанной нормой научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности реализуется посредством внедрения результатов научной и научно-технической деятельности в экспертную практику, разработки и применения современных экспертных методик, а также ведения Реестра методических материалов и функционирования Межведомственного научно-методического совета. При этом в соответствии с пунктом 2 статьи 9 Закона при производстве судебных экспертиз используются методические материалы, включенные в указанный Реестр и рекомендованные Советом, либо иные научно обоснованные методы, отраженные в заключении эксперта.

Значительную роль в осуществлении научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности играет Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь – единственное в республике аккредитованное научное учреждение, уставной задачей которого является научно-методическое обеспечение судебно-экспертной деятельности.

В 2024 году Центр отметил 95 лет со дня основания. История Центра началась 16 августа 1929 г., когда постановлением Совета Народных Комиссаров БССР при Народном комиссариате юстиции был образован Институт научно-судебной экспертизы.

За многолетнюю историю существования Центр не раз был переименован, менялась структура, появлялись новые направления работы.

В 2013 году в Республике Беларусь создана уникальная и эффективная система правового регулирования в сфере судебно-экспертной деятельности, основной особенностью которой стала централизованная государственная политика в указанной области.

Существенным для определения направлений деятельности Центра стало переименование 22 апреля 2013 г. Указом Президента Республики Беларусь № 202 государственного учреждения «Центр судебных экспертиз и криминалистики Министерства юстиции Республики Беларусь» в государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» и переподчинение его Государственному комитету судебных экспертиз [2].

К предмету деятельности Центра относится осуществление научной, практической и образовательной деятельности, а также деятельности в области криминалистики и судебно-экспертной деятельности.

Основными направлениями деятельности Центра являются:

- организация и осуществление научного, аналитического, методологического и информационного обеспечения деятельности Государственного комитета судебных экспертиз;

- осуществление научно-методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности в Республике Беларусь;

- проведение научно-исследовательских и других видов работ;

- разработка современных методов, методик и создание технических средств для проведения экспертных исследований;

- апробация методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности;

- информационно-справочное обеспечение по различным видам судебных экспертиз;

- внедрение передовых информационных технологий и автоматизированных систем управления в проведение экспертных и научных исследований;

- распространение научной информации по актуальным вопросам судебной экспертизы;

- организация и проведение судебных экспертиз, экспертиз (исследований);

- формирование и ведение Банка данных и Реестра методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности, а также иных баз данных;

- осуществление международного сотрудничества в сфере судебно-экспертной деятельности;

- подготовка (стажировка) судебных экспертов по видам исследований в пределах компетенции;

- подготовка научных кадров высшей квалификации по образовательной программе аспирантуры.

В 10 профильных лабораториях Центра выполняется широкий спектр исследований в области судебной экспертизы в рамках планов научных исследований и разработок общегосударственного, отраслевого назначения, направленных на научно-техническое обеспечение деятельности Государственного комитета судебных экспертиз, а также в рамках государственных программ Республики Беларусь.

Центр обладает высоким научно-техническим потенциалом, имеет современную научно-исследовательскую базу, новейшее экспериментальное оборудование, позволяющее осуществлять комплексные научные исследования по направлениям деятельности

В рамках генетического анализа животных и растений в Центре сформирована и продолжает расширяться обширная коллекция образцов различных видов животных и растений Беларуси.

Разработки Центра в области генетики успешно внедряются в практическую деятельность: в центральном аппарате Государственного комитета создано специализированное подразделение по исследованию ДНК животных.

Одной из основных задач Центра является разработка методологических основ проведения судебных экспертиз. Апробируются и внедряются в практику новые,

востребованные правоохранительными органами и судами виды (подвиды) экспертиз.

В 2019 году Центром начата разработка методологических основ проведения двух подвидов *судебной искусствоведческой экспертизы: произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства и предметов антиквариата; культурных ценностей, изделий религиозного назначения и предметов коллекционирования*. В 2022 году данные подвиды экспертизы внедрены в практическую деятельность.

В 2020 году в Перечень видов (подвидов) судебных экспертиз, проведение которых осуществляется государственными судебно-экспертными организациями, включены новые подвиды *судебной ботанической экспертизы – дендрохронологическая и палинологическая*, методологические основы которых были заложены еще в 2016 году.

Судебная экологическая экспертиза: оценка антропогенного воздействия расчетно-аналитическими методами; оценка экологического состояния объектов почвенно-геологического происхождения внедрена в практическую деятельность в 2022 году.

С 2021 года Центром начинают проводиться *судебные культурологические экспертизы статических и динамических изображений, содержащих знаки, символы*, с 2022 года данный вид включен в Перечень.

В 2024 году внедрен новый вид экспертиз – *судебная видеотехническая экспертиза (цифровых видеogramм)*.

Сейчас данные экспертизы (*судебная культурологическая экспертиза статических и динамических изображений, содержащих знаки, символы, судебная видеотехническая экспертиза (цифровых видеogramм)*) активно внедряются в деятельность органов Государственного комитета судебных экспертиз.

В 2026 году внедряется новый подвид *судебной ботанической экспертизы – судебная дендрологическая экспертиза*.

В целях апробации полученных научных данных в Центре осуществляется проведение 28 видов экспертиз.

Специалистами Центра проводятся криминалистические, технические, специальные и иные экспертизы и исследования.

Центр осуществляет формирование и ведение Реестра и Банка методических материалов в сфере судебно-экспертной деятельности. Данный информационный ресурс ведется в целях реализации Государственным комитетом судебных экспертиз единой политики в сфере научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, решения вопросов общей методологии проведения судебных экспертиз и экспертных исследований, обеспечения научно-методического единообразия применяемых в экспертной практике методических материалов.

С целью научного, методического и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности и внедрения современных научно-технических достижений и эффективных методов организации экспертиз Центр реализует библиотечную, редакционно-издательскую и справочно-информационную деятельность, а также осуществляет планирование и проведение научных мероприятий по актуальным вопросам судебной экспертизы.

Сборник научных трудов «Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы», учредителем которого является Центр, издается с 1970 года. Научное издание рассчитано на широкую аудиторию: научных сотрудников, судебных экспертов, работников правоохранительных органов, судей, адвокатов, преподавателей, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и др.

Сборник включен в утвержденный Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим (с 2008 г.), медицинским наукам (с 2017 г.), техническим и биологическим (с 2024 г.) а также в

Российский индекс научного цитирования.

В Центре для реализации образовательной программы аспирантуры (в форме соискательства) осуществляется подготовка по специальностям:

12.00.12 – криминалистика; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки);

12.00.16 – судебно-экспертная деятельность (биологические, технические, химические, юридические науки). Данная специальность не имеет аналогов на постсоветском пространстве!

Центром проводится активная работа по организации профильной магистратуры в ведущих белорусских вузах.

В 2023 году открыта подготовка магистров по специальности «Инновационные технологии в металлургии» с профилизацией «Экспертиза конструкционных материалов и изделий машиностроения» в Белорусском национальном техническом университете.

В 2024 году открыта подготовка магистров по специальности «Юриспруденция» с профилизацией «Судебно-экспертная деятельность» в Белорусском государственном университете и с профилизацией «Судебная экспертиза» в Международном университете «МИТСО».

Центром заключены договоры, соглашения и ведется активное международное сотрудничество в области научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности с организациями стран ближнего и дальнего зарубежья, в числе которых Индия, Казахстан, Китай, Россия, Узбекистан, Азербайджан, Армения, Кыргызстан, Молдова.

В настоящее время Центр является *научным и судебно-экспертным* учреждением, которое, опираясь на накопленный опыт и традиции, активно развивается с учетом современных научных подходов в области судебной экспертологии и судебно-экспертной деятельности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Закон Республики Беларусь от 18 декабря 2019 г. № 281-З «О судебно-экспертной деятельности» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 31.12.2019. – № 2/2719.
2. Указ Президента Республики Беларусь от 22 апреля 2013 г. № 202
3. «Об образовании Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 24.04.2013. – № 1/14271.

УДК 343.983.7

А.Ю. Прудникова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ДНК ЖИВОТНЫХ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ

Несмотря на невысокую долю преступлений, связанных с незаконной охотой в общем массиве экологических преступлений, сокращение популяций диких животных является прямой угрозой снижения биоразнообразия страны. Расследование фактов браконьерства осложнено особенностями совершаемых деяний. Основную часть вещественных доказательств по делам, связанным с уничтожением диких животных, составляют следы биологического происхождения. Надежным источником доказательственной информации в расследовании таких преступлений служат результаты молекулярно-генетических

исследований, основанных на мультиплексном ПЦР-анализе локусов ядерной ДНК животных, позволяющие в категорической форме устанавливать таксономическую и половую принадлежность незаконно добытого животного, идентифицировать особей семейства Оленевые (*Cervidae*), определять биологическое родство биологических образцов диких животных. Для рационализации расследования преступлений о незаконной охоте необходимо наращивать потенциал развития исследований ДНК животных экспертными подразделениями системы МВД России.

Ключевые слова: незаконная охота, молекулярно-генетические методы исследования ДНК животных, таксономическая принадлежность, установление обстоятельств дела.

A.Y. Prudnikova

USING ANIMAL DNA RESULTS IN DETECTING AND INVESTIGATING ILLEGAL HUNTING CRIMES

Despite the small share of crimes related to illegal hunting in the overall volume of environmental crimes, the decline of wildlife populations poses a direct threat to the country's biodiversity. Investigations into poaching cases are complicated by the specific nature of the crimes committed. The bulk of physical evidence in cases involving the killing of wild animals consists of traces of biological origin. A reliable source of evidentiary information in the investigation of such crimes is the results of molecular genetic studies based on multiplex PCR analysis of animal nuclear DNA loci. These studies allow for the definitive determination of the taxonomic and sex affinity of illegally hunted animals, the identification of members of the *Cervidae* family, and the determination of the biological relationship of biological samples from wild animals. To streamline the investigation of illegal hunting crimes, it is necessary to increase the capacity of expert units within the Russian Ministry of Internal Affairs to develop animal DNA research.

Keywords: illegal hunting, molecular genetic methods of animal DNA research, taxonomic affiliation, establishing the circumstances of the case.

Доля преступлений, связанных с посягательствами на диких животных, в структуре региональной экологической преступности составляет не более 3 % и соответствует общероссийской тенденции [1]. На территории Иркутской области согласно данным официальной статистики преступления о незаконной охоте не входят в число многочисленных, в 2025 году зарегистрировано 15 уголовных дел, предусмотренных ст. 258 УК РФ и 258.1 УК РФ.

Учитывая невысокую раскрываемость преступлений о незаконной охоте (66,6 %) при высоком уровне их латентности, включение экологической безопасности и рационального природопользования в число стратегических национальных приоритетов Российской Федерации, а также сохранения природных ресурсов в круг национальных интересов страны¹, преступления, связанные с хищнической добычей диких животных, приводящие к сокращению численности их популяций, а в итоге к утрате биоразнообразия, требуют укрепления доказательственной базы, гарантирующей соблюдение принципа неотвратимости наказания за нарушение норм природоохранительного характера.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Надежным средством получения доказательственной информации в расследовании такого вида преступлений являются результаты экспертных исследований ДНК животных. Решение вопросов, связанных с установлением принадлежности изъятых биологических следов и объектов конкретному виду (таксону) дикого животного, его половой принадлежности (самка/самец), определением количества особей и происхождением биологических следов от одной особи, является предметом экспертизы тканей и выделений человека, животных [2], в рамках которой благодаря использованию метода молекулярно-генетического анализа ДНК при исследовании биологических следов (объектов) возможно установить фактические данные, свидетельствующие о наличии обстоятельств, относящихся к предмету доказывания по уголовному делу [4].

Однако в системе МВД России исследование ДНК животных в криминалистических целях до настоящего времени остается достаточно редкой экспертизой, идентификационные задачи в рамках ее производства решаются единичными экспертными подразделениями органов внутренних дел. Сдерживающим фактором развития таких исследований является большая сложность ДНК-анализа биологических следов диких животных, чем следов человека, что обусловлено необходимостью решения дополнительных классификационных задач [4]. Дикие виды парнокопытных животных, являющиеся объектом незаконной охоты, не только генетические родственники между собой, но и состоят в филогенетическом родстве с домашними животными (бык, коза, овца). Классификационно все они относятся к одному отряду Парнокопытные (*Artiodactyla*), включающему семейства Оленевые (лось (род *Alces*), олень (род *Cervus*), косуля (род *Capreolus*)), Полорогие (бык (род *Bos*), овца (род *Ovis*), коза (род *Capra*)) и Свиные (дикий кабан (рода *Sus*) и домашняя свинья).

В Иркутской области производство исследований биологического материала диких животных с 2022 года организовано на базе экспертно-криминалистического центра ГУ МВД России по Иркутской области, ежегодно в подразделение назначается более 20 таких экспертиз.

Методика исследования образцов тканей животных основана на мультиплексном ПЦР-анализе локусов ядерной ДНК (полимеразной цепной реакции), содержащих короткие tandemные повторы (STR). Криминалистический анализ STR-локусов базируется на комплексе методов исследования ДНК и состоит из нескольких основных этапов: выделение ДНК из исследуемого объекта; синтез (амплификация) полиморфных участков выделенной ДНК; анализ амплифицированных фрагментов методом капиллярного электрофореза с помощью автоматических секвенаторов; анализ полученных результатов с помощью программного обеспечения.

Применяемые наборы реактивов для проведения видовой дифференциации диких животных (установления таксономической принадлежности) производства Института биоорганической химии НАН Беларуси «*Artiodactyla Diff-PLEX*», «*Cervus ID-PLEX*» для идентификации особей животного рода Олени (Олень благородный, *Cervus elaphus*) по 19 маркерам, «*AMGene CPG ID-plex*» для идентификации особей вида Косуля сибирская (*Capreolus pygargus*) по 14 STR-локусам, а также отечественного производителя «*COrDISAlces*» для мультиплексного анализа 10 микросателлитных маркеров и пол-специфичного маркера SRY лосей позволяют проводить дифференциацию и идентификацию биологических следов животных.

Полученные экспертные данные при исследовании биологических образцов животных рода Лось, рода Олень и вида Косули сибирской позволяют помимо установления видовой принадлежности образцов и дифференциации их от других

представителей отряда Парнокопытные (домашнего скота – козы, овцы, свиньи, крупного рогатого скота, диких – кабана) установить индивидуальные генетические признаки (генотипы), определить половую принадлежность для определения суммы ущерба, выявить принадлежность биологических следов одной или разным особям, установить биологическое родство (достоверность происхождения потомства). Одновременное направление биологических объектов (следов) для идентификации участников незаконной охоты и идентификации добытых животных существенно ускоряет установление фактических обстоятельств дела [5].

Использование результатов экспертиз ДНК животных по таким объектам исследования как останки животных (части туши, шкуры, пучки волос, кости, уши), биологические следы убитых животных на одежде, обуви, в (на) транспортном средстве участников охоты, приспособлениях и орудиях для разделки, орудиях охоты, упаковке добычи по делам о незаконной охоте позволяет получить такую информацию об обстоятельствах противоправного деяния как личность преступника, вина, объект посягательства (таксон животного), место разделки туши, орудия совершения преступления, способ перемещения убитого животного, место хранения незаконно добытого, принадлежность различных объектов (частей туши) одной особи.

Примерами эффективного использования результатов исследования ДНК животных в раскрытии и расследовании преступлений, предусмотренных статьей 258 УК РФ, являются следующие.

Неустановленное лицо, находясь на землях, включённых в территорию Прибайкальского национального парка ФГБУ «Заповедное Прибайкалье», на особо охраняемой природной территории, незаконно произвело охоту, добыв 1 особь благородного оленя, причинив согласно таксам для исчисления размера вреда, причиненного охотничьим ресурсам, крупный ущерб государству. В ходе осмотра места происшествия из шкуры благородного оленя была изъята деревянная жердь со следами крови. В результате проведенной ДНК экспертизы животного установлено, что кровь на жерди произошла от животного рода *Cervus* – настоящие олени вида *Cervus elaphus* – благородный олень. Кроме того, на жерди обнаружен смешанный генетический материал, содержащий ДНК двух или более лиц. Позднее на исследование поступили биологические образцы 4 лиц, в ходе производства дополнительной экспертизы генотип одного из которых совпал с одним из установленных генотипов на жерди.

В ходе осмотра места происшествия на территории охотничьего хозяйства «Паренденское» вблизи д. Мухино Чунского района Иркутской области, где была произведена незаконная добыча 1 дикого животного вида Изюбрь, самки в возрасте до 3 лет, изъяты: шкура с неотделенной головой одного животного, плод не рождённого детеныша. В ходе осмотра в д. Мухино по ул. Школьная трактора «МТ-50», принадлежащего гр. Б., с фронтального ковша изъят соскоб вещества бурого цвета. Из домовладения по ул. Ленина д. Мухино изъят костюм рабочий с пятнами бурого цвета, принадлежащий гр. Е. В результате исследования ДНК животных была установлена видовая принадлежность останков дикого животного (Олень благородный), половая принадлежность (самка), биологическое родство не рожденного детеныша и убитого взрослого животного, генетическая принадлежность бурого вещества (крови) на фронтальном ковше трактора и костюме взрослому животному и детёнышу. Результаты проведенной экспертизы ДНК животных способствовали привлечению гр. Е. к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 258 УК РФ.

Использование результатов ДНК экспертиз животных, выполненных молекулярно-генетическими методами исследования, обладающими высокой верификационной

значимостью и возможностью идентификации биологических следов диких животных, позволяет рационализировать процесс расследования преступлений о незаконной охоте за счет сужения пределов доказывания как в отношении события преступления, так и причастных к нему лиц. Успешность расследования фактов незаконной охоты находится в прямой зависимости от наращивания потенциала развития исследований ДНК животных экспертными подразделениями системы МВД России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Е.А., Афанасьева О.Р. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года. – 32 с.
2. Типовые экспертные методики исследования вещественных доказательств. – Ч. II / Под ред. А.Ю. Семенова; общ. Ред. к.т.н. В.В. Мартынова. – М.: ЭКЦ МВД России, 2012. С. 3-155.
3. Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. – М. : Проспект, 2017. – 464 с.
4. Цыбовский И.С., Котова С.А., Бородич А.В. Новые экспертные технологии для экспертного сопровождения уголовных и административных дел о незаконной охоте в республике Беларусь // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2013. – № 2 (34). – С. 112-117.
5. Цыбовский И.С., Котова С.А., Сидоренко П.П., Заболоцкая Е.А., Велиев А.В., Лукашкова О.Н. Экспертное исследование вещественных доказательств по делам, связанным с безлицензионным отстрелом диких животных (браконьерством) // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2011. – № 2 (30). – С. 148-154.

УДК 343.98

Савин Г. Ю., Решняк О. А.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО СБЫТА НАРКОТИКОВ

Аннотация. Актуальность данного исследования обусловлена важностью использования следователями специальных лингвистических знаний при расследовании преступлений, связанных с незаконным сбытом наркотиков. Рассматриваются характерные следственные обстоятельства, при которых требуется применение специализированных лингвистических подходов, а также особенности постановки задач перед экспертами. Отдельное внимание уделено анализу переписки лиц, причастных к незаконному обороту психоактивных веществ.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, незаконный сбыт наркотиков, судебная экспертиза, криминалистика, следственные действия.

Savin G. Yu., Reshnyak O. A.

FEATURES OF APPOINTING FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING

Abstract. The relevance of this study is determined by the importance of the study and application of special knowledge by investigators in the investigation of crimes related to the illicit sale of narcotic drugs. The article analyzes typical investigative situations in which there is a need to apply special linguistic knowledge, as well as issues of formulating tasks for an expert. Special attention is paid to the study of correspondence between participants in drug trafficking.

Keywords: forensic linguistic examination, drug trafficking, forensic expertise, criminalistics, correspondence investigative actions.

Незаконное распространение наркотических средств представляет серьёзную угрозу безопасности общества. В современных условиях большинство преступных действий в этой сфере реализуются с применением информационных и телекоммуникационных платформ. Общение между участниками преступления часто происходит через мессенджеры и социальные сети, что порождает объёмные массивы текстовой информации. Изучение таких данных невозможно без привлечения специалистов в области лингвистики. Поэтому все большее значение приобретает судебно-лингвистическая экспертиза, способная раскрыть смысловые оттенки сообщений и выявить цели, преследуемые авторами общения [1, с. 1273].

За незаконный сбыт наркотических средств предусмотрена уголовная ответственность согласно статье 228.1 УК РФ¹.

Судебная экспертиза назначается тогда, когда для установления обстоятельств дела необходимо использование специальных знаний. Порядок ее проведения и назначения регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации².

Следователь выносит постановление о назначении экспертизы, в котором указываются основания её проведения, сведения о расследуемом событии, объекты исследования и конкретные вопросы, подлежащие разрешению экспертом. Соблюдение формы и содержания постановления о назначении экспертизы уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации, дает гарантию следователю о признании ее результатов допустимыми доказательствами³. После утверждения постановления и ознакомления с ним всех необходимых участников предварительного расследования, следователь направляет его в экспертное учреждение. Критически важным моментом является грамотный выбор экспертного учреждения с квалифицированным специалистом, именно от этого зависит эффективность полученных результатов и раскрытия преступления.

Судебная лингвистическая экспертиза относится к категории судебных экспертиз и направлена на анализ речевой деятельности. Она позволяет установить смысловое содержание сообщений, определить коммуникативную направленность сказанного участниками переписки, распознать применение сленговых и условных обозначений, связанных с наркотическими веществами, а также выявить факт договоренности о совершении преступного деяния [2, с. 97].

При проведении расследований случаев незаконного оборота наркотиков активно применяются условные обозначения и эвфемизмы. Основные задачи судебной лингвистической экспертизы состоят в выявлении присутствия либо отсутствия в анализируемом тексте слов, относящихся к семантическому полю, связанному с понятием «наркотики». Такие выражения, как «клад», «приход», «поднять», «меф», «трип» в зависимости от контекста, могут нести скрытый смысл, касающийся передачи или использования запрещенных веществ [3, с. 63].

Эффективность проведения лингвистической экспертизы в большей степени зависит

¹ «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 08.03.2026), ст. 228.1 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954 // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 24.03.2026.

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. От 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.

³ Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026), ст. 195 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 24.03.2026.

от грамотности формулировок вопросов, задаваемых эксперту. Правила и образцы таких вопросов были ранее разработаны специалистами в данной области. Важно учитывать круг вопросов, которые должен решить лингвист, ведь зачастую, следователи от незнания ставят перед экспертом вопросы не имеющие отношения к делу, которые в обязательном порядке должны быть им рассмотрены и даны ответы, что затягивает сроки исследования и соответственно, предварительного следствия. Чтобы такого не допускать инициаторы назначения экспертизы могут обратиться к эксперту за консультацией и помощью в формулировке вопросов, относящихся к определенным категориям уголовных дел, и объектам по которым необходимо провести исследование [4, с. 95].

С учетом лингвистической компетенции эксперта возможны такие варианты постановки вопросов: *имеются ли в представленном на исследование тексте высказывания, содержащие побуждение к совершению каких-либо действий с наркотическими средствами (в том числе к употреблению)? Если да, то представлено ли побуждение в форме предложения? Имеется ли обоснование предложения? Кто является субъектом и объектом побуждения?* Результаты экспертизы могут обладать значительной доказательной силой [5, с. 49].

Для правильного понимания содержания экспертного заключения и выработки обоснованного суждения крайне важно обеспечить его ясность и доступность. Обязательным условием является наличие ссылок на используемые научные источники либо полного списка литературы по вопросам, затронутым в исследовании. Среди них обязательно должны быть указаны стандартная методика или методические рекомендации, определяющие порядок проведения судебно-лингвистической экспертизы [6, с. 110].

Таким образом, специализированные знания выступают мощным средством при раскрытии преступлений, особенно тех, что связаны с употреблением речевой формы. Учитывая, что речевая информация является сложным и узкоспециальным объектом изучения, необходимы профессионалы с высокой квалификацией в сфере криминалистической экспертизы письменных высказываний. Грамотное формулирование вопросов эксперту и правильная интерпретация полученных данных способны заметно улучшить результативность следственной работы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимерханова Н. Н. Нарушения в лингвистических и психолого-лингвистических экспертизах. – 2022.
2. Возняк Г. Н., Гарбовская Н. Б., Землякова Н. В. Лингвистическая экспертиза в гражданском и уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №. 3. – С. 96-101.
3. Голятина С. М. Судебная лингвистическая экспертиза по уголовным делам о незаконном сбыте наркотических средств // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – №. 4. – С. 82.
4. Умерова А. Н., Кудинова Н. С. Значение и эффективность лингвистической судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве в России и за рубежом // Вестник науки. – 2025. – Т. 3. – №. 8 (89). – С. 61-66.
5. Баскакова Н. Н., Ярошенко Г. И. Производство судебной лингвистической экспертизы при расследовании преступлений, связанных со склонением к потреблению наркотических средств // Правда и закон. – 2024. – С. 45.
6. Найманова Л. Р., Золотых Ю. Н. Актуальные проблемы судебной лингвистической экспертизы в России // Материалы 3-й научно-практической конференции школьников, посвященной 300-летию со дня образования Российской академии наук (в рамках XI (68-й) ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука–региону», 26 апреля 2024 года)/под редакцией. – С. 107.

**ВОЗМОЖНОСТИ БОТАНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ
НАРКОТИКОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ И
НАРКОСОДЕРЖАЩИХ РАСТЕНИЙ**

В статье рассмотрены возможности системы МВД РФ при исследовании наркотиков растительного происхождения и наркосодержащих растений. Выделяются ключевые проблемы производства экспертиз указанного вида. Автором подчеркивается необходимость развития высокоточных методов идентификации и модернизации методологической базы для повышения эффективности судебной ботанической экспертизы в делах, связанных с растительными наркотиками.

Ключевые слова: незаконный оборот наркотиков, растительные наркотики, судебная ботаническая экспертиза, методологические проблемы.

Т.V. Sezonova

**POSSIBILITIES OF BOTANICAL EXPERTISE IN THE INVESTIGATION OF
CRIMINAL CASES RELATED TO ILLICIT TRAFFICKING OF PLANT-ORIGIN
DRUGS AND NARCOTIC PLANTS**

The article discusses the capabilities of the Russian Ministry of Internal Affairs system for the investigation of plant-based drugs and narcotic plants. Key challenges in conducting these types of examinations are highlighted. The author emphasizes the need to develop highly accurate identification methods and modernize the methodological framework to improve the effectiveness of forensic botanical examination in cases involving plant-based drugs.

Keywords: drug trafficking, herbal drugs, forensic botanical examination, methodological problems.

Незаконный оборот наркотиков в Российской Федерации, как и во всем мире, является одним из наиболее опасных видов преступлений, непосредственно угрожающих обществу в целом и здоровью нации. На территории нашей страны распространен достаточно большой спектр психоактивных природных материалов, как отнесенных в настоящее время законодателем к наркотическим средствам, так и имеющих потенциальное наркогенное значение. Перечень подвергающихся уголовно-правовому контролю в России материалов перечислен в Постановлениях

Правительства № 681¹ и № 1002². Наряду с синтетическими наркотиками, в незаконном обороте достаточно велика доля, так называемых, растительных наркотиков, то есть наркотических средств, полученных из растительного сырья, а также

¹ Постановление Правительства РФ от 30 июня 1998 г. № 681. Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. Электронный ресурс. Дата обращения: 22.02.26. URL: <https://consultant.ru>

² Постановление Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002. Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Электронный ресурс. Дата обращения: 22.02.26. URL: <https://consultant.ru>

самих наркосодержащих растений. Под наркотиками растительного происхождения понимаются наркотические средства и растения (части растений), содержащие наркотические средства.

При выявлении, раскрытии и расследовании фактов незаконного оборота наркотиков перед правоохранительными органами встают задачи по установлению вида контролируемого вещества, его количества, способов его синтеза и необходимых для этого исходных и сопутствующих веществ, оборудования и приспособлений, выявлению лиц, причастных к организации, совершению и сокрытию незаконного оборота, существующих связей между ними. В связи со спецификой перечисленных задач эффективное их решение в той или иной степени требует применения специальных знаний. Так, установление вида предмета преступления – наркосодержащего растения возможно лишь с использованием специальных знаний сотрудника государственного судебно-экспертного учреждения, компетентного в области ботанических экспертиз [1 С.153].

Судебная ботаническая экспертиза — комплексное исследование, предметом которого являются растительные объекты (целые растения и их части).

Основные вопросы, решаемые экспертом-ботаником, в контексте уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотиков растительного происхождения и наркосодержащих растений:

1. Какому виду (роду) растений принадлежат представленные на экспертизу объекты?

2. В какой стадии вегетации находится представленное на исследование растение?

3. Имеются ли на объектах-носителях растительные частицы? Какова природа объектов, представленных на исследование?

4. Имеют ли растительные частицы, изъятые с объекта-носителя, и растительные частицы (или целые растения), изъятые с места происшествия, общую родовую (групповую) принадлежность?

5. Являются ли растительные частицы, изъятые с объекта-носителя, частью конкретного растения или смеси растительного происхождения?

Для ответа на поставленные вопросы эксперты используют широкий спектр методов:

морфологический анализ – это традиционный и фундаментальный метод, включающий макро- и микроскопическое изучение различных частей растений (корневой системы, стебля, листьев, соцветий, семян). Данный метод позволяет идентифицировать род или вид наркосодержащего растения и стадию его развития.

Анатомический анализ предполагает изучение внутреннего строения тканей растения под микроскопом. Помогает идентифицировать растение по фрагментам, когда морфологических признаков недостаточно.

Успех работы специалиста, обладающего специальными знаниями в области судебной ботаники, напрямую зависит от правильного изъятия вещественных доказательств растительного происхождения другими сотрудниками правоохранительных органов.

В настоящее время перед экспертами-ботаниками системы МВД стоит ряд методологических, технических и правовых проблем, требующих решения. Среди них можно выделить:

дефицит специалистов с глубокими знаниями в области биологии и криминалистики. Подготовка экспертов по специальности «Судебная ботаническая

экспертиза» в образовательных учреждениях МВД России не осуществляется, а выпускники гражданских вузов, получив востребованную на рынке труда и высокооплачиваемую профессию, не спешат связывать свой трудовой путь со службой в полиции;

невозможность использования единых стандартизированных методик. Это объясняется широтой и многообразием растительного мира нашей страны;

отсутствие в распоряжении экспертов –ботаников системы МВД современного аналитического оборудования (например, электронных микроскопов);

Как следствие вышеуказанного, невозможность использования для правильной идентификации растений, имеющих сходную морфологию, более высокоточных методов (например, паленологический, хемотаксономический, ДНК-баркодинг). Это актуально применительно к исследованию таких видов наркосодержащих растений, включенных в Перечень растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, которые не произрастают на территории нашей страны. Например, диагностика видов растений рода Шалфей (лат. *Salvia*) или рода Банистериопсис (лат. *Banisteriopsis*) вызывает у отечественных экспертов-ботаников затруднения, обусловленные недостаточной осведомленностью о характерных особенностях строения тропических наркосодержащих растений. Как указывает А.Р. Мифтахов «среди растений рода *Banisteriopsis*, одного из самых крупных и разнообразных из семейства *Malpighiaceae*, выделяют 27 отличительных диагностических признаков» [2, с.73]. Отличить контролируемый на территории Российской Федерации *Banisteriopsis saari* от других очень схожих видов только по признакам анатомо-морфологического строения листьев крайне сложно.

В результате эксперты при работе с наркотиками растительного происхождения и наркосодержащими растениями часто ограничиваются определением рода или семейства, что в некоторых случаях снижает доказательную силу заключения.

Таким образом, по нашему мнению, совершенствование возможностей современной судебной ботанической экспертизы в расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков растительного происхождения и наркосодержащих растений, связано с решением вышеуказанных проблем. [3 С.120].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сафонов А.А., Утюгов С.Н., Куркин П.Г. К вопросу об использовании отдельных видов экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2020. — № 9. — С. 153-156.

2. Мифтахов А. Р. Проблемные вопросы судебных экспертиз при выявлении и расследовании преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств растительного происхождения. Теория и практика судебной экспертизы. — 2021. — Т. 16. — № 3. — С. 73.

3. Трухин С.А. Разграничение понятий наркосодержащего растения и наркотического средства и уголовно-процессуальные последствия возникающих коллизий. Уголовное право. — 2012. — № 4. — С. 120-125.

РОЛЬ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В ДЕЛАХ О ВЫЯВЛЕНИИ ФАЛЬСИФИКАЦИИ МЕДИЦИНСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

В статье будут рассмотрены нарушения прав пациентов путем фальсификации медицинских документов. Выявляется, что суды при рассмотрении дел, учитывая такие факторы: как наличие умысла, последствия действия виновного, а также соблюдения процедуры при проведении экспертизы гражданских делах связанных с некачественным оказанием медицинской помощи.

Ключевые слова: фальсификация, медицинская документация, медицинская организация, судебно-медицинская экспертиза, медицинские услуги, помощь.

S.V. Sokolova, E.P. Shevchuk

THE ROLE OF FORENSIC EXPERTISE IN CASES OF MEDICAL RECORD FALSIFICATION

This article examines violations of patients' rights through the falsification of medical records. It is revealed that courts, when considering cases, consider factors such as intent, the consequences of the perpetrator's actions, and compliance with procedures when conducting forensic examinations in civil cases involving poor-quality medical care.

Keywords: falsification, medical records, medical organization, forensic examination, medical services, assistance.

Фальсификации документов может стать основанием для привлечения медицинской организации к ответственности и при рассмотрении таких категорий дел, ключевую роль играет судебная медицинская экспертиза, которая помогает установить факт подделки, выявить несоответствие в документах, и оценить их влияние на ситуацию, также важно соблюдение процессуальных норм при сборе доказательств, так как ошибки в этом могут привести к отмене судебных решений.

Медицинские документы, истории болезни, справки, листы нетрудоспособности, результаты анализов и другие – это официальные документы, которые удостоверяет юридические значимые факты и события, они являются основным источником информации при экспертной оценке медицинской помощи, и проведение судебной медицинской экспертизы в разрешении категорий дел, и согласно ФЗ № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹ пациент имеет право на получение достоверной информации о состоянии своего здоровья, включая доступ к собственной медицинской документации, искажение данных в таких документах нарушает это правило, а также может повлечь нарушение права на частную жизнь, так как медицинская карта содержит конфиденциальную информацию.

Фальсификация медицинских документов проявляется в интеллектуальном аспекте – внесение в подлинный по форме документ заведомо ложных сведений, например выдача листа нетрудоспособности здоровому человеку, ложная справка заболевания включая необходимость постороннего ухода, наличия беременности и так далее, и материальном – изменение содержания подлинного документа путем подчисток

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" // Российская газета. – 2011. - 23 ноября

вытравливания текста, замены частей документа, внесения новых записей, подделка подписи, оттиск печати, изменение даты и времени обращения пациента, замену диагноза, поправки в дневниках истории болезни, фиктивные данные проведения лабораторных и инструментальных исследований.

Подделка документов [1, с. 87] может привести к следующим нарушениям пациента – это неправильное лечение или отказ в необходимой медицинской помощи, то есть искаженные данные о диагнозе или результатах анализов могут стать причиной неадекватного лечения, отказа в госпитализации, также следует сказать о проблемах с трудоустройством, получением льгот, где ложные сведения в справках могут стать препятствием для трудоустройства, оформление инвалидности и так далее. Следует отметить угрозу здоровью и жизни пациента, например использование поддельного рецепта на сильнодействующие наркотическое средство может привести к передозировки или другим опасным последствиям, так же включаем сюда и сложности в защите прав в суде¹, при спорах о качестве медицинской помощи фальсифицированные документы [2. С. 12] затрудняют проведение экспертизы и доказывания факта суде врачебной ошибки, и конечно же психологический ущерб, так как при обнаружении подлога у пациента может вызвать стресс депрессию и другие эмоциональные состояния [3, с. 24].

Судебно-медицинская экспертиза – это процессуальные действия, в ходе которого эксперт проводит исследования и дает мотивированное заключение по вопросам требующим специальных познаний в области медицины и смежных наук, её результаты помогают установить обстоятельства важные для расследования и рассмотрения дел в уголовном, гражданском и административном порядке, основная цель экспертизы – это установление фактических данных с применением специальных познаний при соблюдении требований закона.

Ключевыми задачами судебной экспертизы является: идентификация объекта, определение причин смерти и механизмов возникновения повреждений, оценка состояния здоровья участников процесса, исследование вещественных доказательств биологического происхождения, установление родства, анализ профессиональных правонарушений медицинских работников.

Такая экспертиза назначается судом или судьей, органами предварительного расследования и другими уполномоченными органами, путем вынесения постановления или определения о назначении экспертизы, материалы дела направляются в экспертное учреждение, где руководитель учреждения поручает производство экспертизы конкретному эксперту или группе экспертов, проводится исследование и составляется заключение, которое в дальнейшем предоставляется участникам процесса. Государственная судебная медицинская экспертиза осуществляется медицинскими учреждениями государственной системы здравоохранения, Российским центром судебно-медицинской экспертизы Минздрава РФ, бюро судебной медицинской экспертизы субъектов РФ, подразделениями в медико-санитарных частях, кафедрами судебной медицины медицинских вузов, учреждениями Минобороны РФ, включая экспертизы.

Результатом судебно-медицинской экспертизы по фальсификации медицинских документов является письменное заключение эксперта, в котором изложены выводы о подлинности или подделке документов, достоверность внесенных данных, наличии исправлений или изменений, а также соответствие медицинских записей установленным

¹ Кассационное определение СК УД Верховного Суда РФ от 5 марта 2026 г. № 12-УД25-2-К6 // Консультант плюс [электронный ресурс]: справочно-правовая система

стандартам и нормативам [4, с. 120]. Такой вывод является важным доказательством в судебных разбирательствах связанных с медицинскими спорами, уголовными делами о подделке документов или профессиональных правонарушениях медицинских работников.

Заключение экспертизы обычно включает в себя такие элементы, как водная, опытная часть и выводы, которые заключаются в подтверждении или опровержении факта фальсификации, перечня конкретных нарушений, например внесения заведомо ложных сведений, исправлений, дописки, подложных подписей, оценки влияния выявленных документов, приказов и стандартов введения медицинской документации. Если экспертиза выявляет фальсификацию, в выводах может быть указано, какие именно данные были искажены, и как это могло повлиять на диагностику, лечение или другие медицинские решения, а также не соблюдение кинических рекомендаций, которые могут служить основанием для привлечения медицинской организации к ответственности за ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Такое заключение экспертизы может стать основанием для привлечения медицинских работников к уголовной ответственности, к дисциплинарному взысканию в отношении работников, допустивших нарушение, в удовлетворении исковых требований пациента относительно компенсации морального вреда или возмещения имущественного вреда, если фальсификация привела к негативным последствиям и отмене ранее принятых решений или выводов.

Таким образом, судебная экспертиза является сложным многоэтапным процессом, требующим высокой квалификации эксперта, который играет ключевую роль в обеспечении законности в сфере здравоохранения, защищает права пациентов и наказывает виновных. Усовершенствование методик экспертизы и законодательства помогает снизить уровень подобных правонарушений и повысить доверие к медицинской документации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

8. Воеводкин Д.В. К проблеме установления способов и механизмов подделки документов в сфере медицинского обслуживания населения (по материалам Республики Казахстан) // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 3. – С. 86-92.

9. Сидоров К.В., Евдокимов А.О., Осмоловский И.С., Швырёв С.Л., Кобякова О.С. Электронный медицинский документооборот в условиях цифровой трансформации здравоохранения // Врач и информационные технологии. – 2024. – №4. – С. 6-19.

10. Зигангареева Г.Г., Королева О.И., Хусайнова Д.К. Медицинская документация как элемент системы управления качеством медицинской помощи // Общественное здоровье и здравоохранение. – 2021. – С. 24-28.

11. Сергеева О.В., Зиненко Ю.В. Некоторые аспекты проведения судебно-медицинской экспертизы в случаях ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей медицинскими работниками // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – № . 6 (4) – С. 120-125.

А. А. Шеков, А. М. Вавилов

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОТЕХНИЧЕСКИХ
РАСЧЕТОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЖАРОВ**

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы, возникающие при расследовании пожаров, связанных с аварийными режимами работы электрооборудования. Подчеркивается важность проведения электротехнических расчётов при производстве судебной пожарно-технической экспертизы для установления причин возгорания. Авторы анализируют ключевые трудности, с которыми сталкиваются судебные эксперты. Отмечается, что существенным препятствием является состояние объектов после пожара и недостаточный сбор информации на этапе осмотра места происшествия. Для повышения качества экспертиз и обоснованности выводов предлагается совершенствовать методику сбора исходных данных, применять современные методы анализа и привлекать специалистов смежных профилей.

Ключевые слова: пожарная безопасность, судебная пожарно-техническая экспертиза, электротехнические расчёты, аварийный режим работы электрооборудования, короткое замыкание, причины пожара.

12. A. Shekov, A. M. Vavilov

**PROBLEM ISSUES IN THE USE OF ELECTRICAL CALCULATIONS IN FIRE
EXAMINATIONS**

Abstract. This article examines the challenges that arise during the investigation of fires associated with emergency operation of electrical equipment. The importance of conducting electrical calculations during forensic fire examinations to determine the cause of the fire is emphasized. The authors analyze the key challenges faced by forensic experts. They note that the condition of objects after a fire and the insufficient collection of information during the scene inspection are significant obstacles. To improve the quality of examinations and the validity of conclusions, they propose improving the methodology for collecting initial data, applying modern analytical methods, and engaging specialists from related fields.

Keywords: fire safety, forensic fire-technical examination, electrical calculations, emergency operation of electrical equipment, short circuits, causes of fire.

Ежегодно в России регистрируется около 320 тысяч пожаров, которые несут угрозу жизни и здоровью населения, сопровождаются материальными потерями [1, с. 118]. В связи с изменением вещной обстановки и уничтожением следов преступления в процессе развития горения, расследование таких происшествий традиционно вызывает определенные трудности у органов следствия и дознания. Тем не менее в ходе осмотра места происшествия, связанного с пожаром, значительное внимание уделяется исследованию состояния электрооборудования объекта, особенно элементов электрической сети, на наличие следов его аварийной работы. Это обусловлено потенциальной пожарной опасностью электрооборудования, характеризующейся наличием горючей среды (полимерная изоляция электрических проводников и др.) и источников зажигания (электрическая дуга, искры, нагретые металлические жилы и т.п.). Кроме того, согласно официальным статистическим данным причины пожаров, связанные с тепловым проявлением аварийных режимов работы электрооборудования,

достигают 19 % от общего количества пожаров и занимают второе место после неосторожного обращения с огнем.

Причастность теплового проявления аварийного режима работы электрооборудования к возникновению пожара, как правило, устанавливается в ходе производства судебной пожарно-технической экспертизы. Основными объектами исследования являются электрические проводники, при этом экспертом решаются 2 основные задачи, одна из которых связана с определением причины разрушения металлической жилы, вторая – с установлением условий окружающей среды (температура и состав газовой среды), при которых произошло ее разрушение [2, с. 247].

Мнение эксперта для суда будет более убедительным, когда оно подтверждено экспериментально и (или) обосновано с применением математических методов – расчетами.

В частности, полученные в ходе электротехнических расчетов значения токов короткого замыкания могут быть использованы для определения времени существования электрической дуги, являющейся достаточно мощным источником зажигания, температуры нагрева проводников при аварийном режиме и возможности возгорания полимерной изоляции. Кроме того, исходя из величины токов короткого замыкания можно определить время срабатывания аппаратов защиты и возможность загорания за это время изоляции электрических проводников.

Тем не менее, при проведении электротехнических расчетов в рамках пожарно-технической экспертизы возникает ряд проблем, которые могут существенно повлиять на точность и объективность выводов эксперта.

Одной из таких проблем является недостаток или отсутствие проектной и эксплуатационной документации на объект пожара в представляемых для исследования материалах. Зачастую на экспертизу не представляется полная схема электрической сети, данные о сечении и марке электрических проводов, сведения о способе прокладки кабельных изделий и состоянии электроустановок. Кроме того, проведение экспертного исследования невозможно без предварительного изучения технологического процесса, свойств веществ, обращающихся в производстве, возможности их возгорания от источников зажигания, связанных с аварийным режимом работы электрооборудования, влияния на динамику развития горения. Это затрудняет реконструкцию событий и анализ причин возгорания.

В случае предоставления необходимой документации остается проблема достоверности исходных данных, обусловленная несвоевременным обслуживанием электрооборудования, заменой его элементов в процессе эксплуатации, использованием самодельных устройств, увеличением количества электропотребителей высокой мощности. Эта проблема нивелируется при проведении качественного осмотра места происшествия. Отсутствие системного подхода при осмотре места пожара и неполнота выявления источников информации приводят к тому, что важные данные не фиксируются должным образом и не могут быть в дальнейшем использованы в качестве доказательств.

Также остаются сложности с определением причинно-следственных связей между аварийным режимом работы электрооборудования и возникновением пожара. Не всегда удаётся однозначно установить, что именно стало причиной пожара: перегрузка, короткое замыкание, большие переходные сопротивления, неисправность оборудования или внешние факторы. Это требует комплексного анализа и моделирования различных сценариев возникновения и развития горения. При этом на сегодняшний день специалистами экспертно-криминалистических подразделений МВД России вид аварийного режима работы электрооборудования, тепловое проявление которого явилось источником зажигания, как правило, в ходе экспертного исследования не

устанавливают.

Таким образом, проведение электротехнических расчётов при производстве пожарно-технической экспертизы позволяет подтвердить обоснованность выводов эксперта, но в значительной мере осложняется отсутствием документации, необходимой для качественного проведения исследования, состоянием объектов после пожара, необходимостью учёта множества факторов эксплуатации электроустановок. Для повышения качества экспертизы требуется тщательный сбор исходных данных, использование современных методов анализа и привлечение специалистов смежных экспертных специальностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Полехин П.В., Чечетина Т.А., Гончаренко В.С., Мартынов В.А. Обстановка с пожарами в Российской Федерации в 2025 году // Пожарная безопасность. 2026. № 1. С. 118-135.

2. Шеков А.А., Дашко Л.В., Дятлов А.А. Применение тестера отжига проводов при исследовании пластической деформации медных проводников, подвергшихся токовой перегрузке // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 1 (29). С. 246-255.

УДК 343.98

А.А. Шогенов

СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Судебная экспертиза является одним из важнейших научно-обоснованных средств установления истины путем исследования тех или иных объектов с помощью современных средств и с учетом развития научно-технического прогресса актуальных методик экспертных исследований. Сегодня в эпоху цифровизации общества, совершенствования объектов материального мира способы совершения преступлений активно развиваются, что и сказывается на возможностях производства судебных экспертиз, а кроме того, достаточности и актуальности рекомендаций по возможностям исследования конкретных объектов судебных экспертиз для установления истины. В статье изложены современные способы и методы совершения преступлений, новые объекты судебно-экспертных исследований, кроме того и сложности, которые могут возникать в ходе производства экспертиз, а также возможности исследования объектов с помощью современных технологий и средств.

Ключевые слова: криминалистика, судебная экспертиза, судебная трасология, современные технологии, искусственный интеллект, аддитивные технологии.

А.А. Shogenov

FORENSIC EXAMINATION AT THE PRESENT STAGE: NEW HORIZONS AND PROSPECTS

Forensic examination is one of the most important scientifically grounded means of establishing the truth through the analysis of various objects using modern tools and taking into account the latest forensic investigation methods developed in line with scientific and technological progress. Today, in the era of society's digitalization and the refinement of physical objects, methods of committing crimes are actively evolving, which affects the feasibility of conducting forensic examinations, as well as the adequacy and relevance of recommendations regarding the feasibility of examining specific forensic objects to establish the truth. This article

outlines modern methods and techniques of committing crimes, new objects of forensic examination, as well as the difficulties that may arise during the conduct of examinations, and the possibilities for examining objects using modern technologies and tools.

Keywords: criminalistics, forensic examination, forensic traceology, modern technologies, artificial intelligence, additive technologies.

Судебная экспертиза служит одним из видов доказательств, используемых в рамках уголовного, гражданского, арбитражного, а также и иных судопроизводств, сутью которой является установление истины путем исследования объектов или предметов с помощью соответствующих методик исследований, разработанных и апробированных государственными судебно-экспертными учреждениями: ЭКЦ МВД России, судебно-экспертными учреждениями Минюста России или иными. Результатом судебной экспертизы является документ – заключение эксперта, которое составляется судебным экспертом – сведущим лицом, имеющим познания в науке, технике, искусстве, ремесле [1, с. 8], имеющим право на самостоятельное производство судебной экспертизы (в зависимости от экспертного учреждения, в котором эксперт производит судебно-экспертные исследования) и непосредственно изучается и рассматривается в суде другими участниками процесса. Необходимо отметить, что заключение эксперта, показания эксперта или специалиста не имеют заранее установленной силы и оцениваются в суде в комплексе с рядом других доказательств.

В связи с ростом информационных технологий, развитием информационной среды сегодня экспертные познания динамически развиваются и совершенствуются. Это обусловлено активным внедрением нейросетевых технологий, которые применяются во многих отраслях жизни людей, а также и развитием современных технологий изготовления предметов и объектов (аддитивные технологии), которые реализуются крупными производителями, как на территории РФ, так и за ее границами. Этика использования нейросетевых технологий до сих пор вызывает вопрос у многих исследователей, в том числе и вопрос о том, сможет ли заменить искусственный интеллект (далее – ИИ) практические знания, опыт и навыки специалиста в той или иной области (например: судебного эксперта, специалиста-криминалиста при производстве судебных экспертиз и исследований). Несмотря на это сегодня нейросетевые технологии могут применяться в самых различных областях судебно-экспертной деятельности. Например, мы полагаем, что в качестве анализа бутоскопических учетов, предоставленных для производства трасологических экспертиз или же в случаях проверки по бутоскопическим учетам нейросетевые технологии смогут заменить привычный поиск следов подошвы обуви в учетах с обнаруженным в ходе осмотра места происшествия для систематизации следов их анализа для раскрытия преступлений, а кроме того и внесением их в электронную базу для быстрого поиска данных. Такой поиск информации среди следов, которые хранятся в криминалистических учетах экспертно-криминалистических подразделений, позволит сократить время поиска следов (обнаружить сходство или различие) и сэкономить время эксперта для производства судебных экспертиз и исследований.

В рамках предполагаемого подхода применения нейросетевых технологий в судебно-экспертной деятельности не исключается возможность использования ИИ для описания объектов, которые могут вызывать сложности в процессе исследования. Например, при описании сложного, нестандартного геометрического рисунка подошвы обуви. Необходимо отметить, что в данном случае эксперт/специалист прежде всего должен руководствоваться методическими рекомендациями для описания объектов: в части исследования рисунка подошвы обуви и следов соответственно, которые нередко вызывают затруднения в процессе описания [2, с. 3]. Однако нейросетевые технологии могут также позволить сократить время

на индивидуализацию объекта, основываясь на действующих методических рекомендациях. То есть при описании объекта ИИ может основываться на методических рекомендациях для подготовки верного ответа на заданный пользователем вопрос с учетом необходимых параметров – промтов (описательные команды для формирования ответов по четко заданным инструкциям). Конечно, для более верного ответа необходимы первичные данные, которыми и будут являться фрагменты описаний, сформированных заведомо ранее и методических рекомендаций. Ниже представлены ответы ИИ для описания подошвы обуви и следа подошвы обуви (для формирования команд для нейросетей применялся единый промт (см. рис. 1-4).

Представленная обувь относится к группе спортивной обуви — кроссовки трекингового типа. Конструкция подошвы — сплошная монолитная, без отдельного каблучка, с выступающим каблучным элементом. Подошва выполнена из материала белого цвета.

К конструктивным периферическим признакам подошвы относится следующее: форма переднего среза носочной части — округлённая, основание носка имеет вогнуто-округлую форму; внутренний и внешний срезы подметки — дуговые; задний срез каблучной части — дуговой, основание задка — вогнуто-округлой формы. По всему периметру подошвы расположены выступающие элементы рельефного рисунка трапецевидной и четырёхугольной формы, ориентированные преимущественно перпендикулярно продольной оси следа.

Рельефный рисунок подошвы — выпуклый, сформированный элементами геометрической формы. В носочной части рисунок расположен по дуге носка и представлен выпуклыми элементами преимущественно четырёхугольной (прямоугольной и трапецевидной) формы, расположенными в несколько рядов с чередованием в шахматном порядке; внутренние поверхности ряда элементов содержат точечный рисунок типа «накрап». В

Рисунок 1-2 – Подошва обуви и фрагмент ее описания, сформированного с помощью нейросети «Claude»

Конструктивно след соответствует подошве с выраженной подметочной частью и отдельной каблучной зоной, что указывает на обувь с раздельной конструкцией элементов низа. Поверхность следа содержит рельефный рисунок выпуклого типа, элементы которого отчетливо отпечатались в грунте. В подметочной части наблюдаются повторяющиеся геометрические элементы четырёхугольной формы, преимущественно прямоугольники и квадраты, расположенные упорядоченно в продольном и поперечном направлениях, образующие линейно-рядовую композицию. Указанные элементы имеют четкие границы, внутренний рисунок отсутствует, расстояние между элементами неравномерное, что может быть обусловлено особенностями износа либо конструктивными характеристиками подошвы.

По внешнему и внутреннему срезам подметочной части прослеживаются элементы удлиненной прямоугольной формы, ориентированные вдоль продольной оси следа, формирующие краевую зону рисунка. В центральной части подметки фиксируются отдельные геометрические фигуры неправильной формы, частично деформированные, что затрудняет их точную классификацию, однако их взаимное расположение свидетельствует о комбинированном рисунке, включающем как регулярные, так и абстрактные элементы.

Рисунок 3-4 – След подошвы обуви и фрагмент описания, сформированного с помощью нейросети «ChatGPT»

Исходя из изложенного выше, следует заключить, что ИИ может служить вспомогательным инструментом при описании сложных объектов, однако не способен выполнять экспертные задачи ни как компетентного в профессиональном отношении субъекта, ни как субъекта, наделённого соответствующими правами и обязанностями.

В текущее время в судебно-экспертной деятельности рассматривается множество вопросов, связанных не только с ИИ, но и возможностями применения современных аддитивных технологий изготовления объектов – 3Д-моделирования и его использованию для возможностей удобства исследования и изъятия объектов. Одним из таковых исследований посвященных активному применению 3Д-технологий в судебно-экспертной деятельности является работа Поляковой А.В. «Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты», в которой продемонстрированы конкретные аддитивные технологии, возможности их исследования и применения для нужд экспертно-

криминалистических подразделений [3, с. 9-14].

Несмотря на положительные стороны использования нейросетевых технологий, применения 3Д-технологий – 3Д-моделирования и 3Д-печати для судебно-экспертной деятельности, они также имеют и отрицательные моменты в части использования таких технологий, как средств достижения преступных целей, к которым относятся: создание дипфейков, заведомо недостоверных изображений, изготовление предметов для совершения преступлений. Преступники с помощью 3Д-моделирования и 3Д-печати изготавливают части и детали к огнестрельному оружию, реализуют их и используют для собственных нужд. В рамках судебной экспертизы такие объекты представляют собой интерес сразу у целого ряда судебно-экспертных специальностей и могут исследоваться в комплексе:

1) судебная баллистика – изготовление патронов к огнестрельному оружию, изготовление огнестрельного оружия или его отдельных частей с помощью аддитивных технологий;

2) судебная экспертиза веществ, материалов и изделий из них (исследование пластмасс, резин и изделий из них) – при исследовании аддитивных технологий изготовления могут представлять следственный и криминалистический интерес определение их принадлежности к полимерам, определения родовой, групповой принадлежности [4, с. 674], а также и непосредственной идентификации объекта с печатающим устройством (3Д-принтером), идентификацией конкретного завода изготовителя полимерных материалов для 3Д-печати, установление химического состава полимера и ряд других задач;

3) судебная трасология (механоскопия) – изготовление предметов тайного проникновения в жилище под видом предметов бытового назначения, которые могут изготавливаться самодельно с помощью 3Д-технологий: злоумышленники с помощью познаний в области отмыкания механизмов секретностей способны находить уязвимости блоков секрета и изготавливать предметы, предназначенные для непосредственного отмыкания конкретных механизмов секрета. Например, для отмыкания сувальдных блоков секрета самоимпрессионным способом злоумышленник может использовать 3Д-технологии для 3Д-визуализации объекта и печати частей бородок самоимпрессионной заготовки, с помощью которой производится взаимодействие с сувальдами механизма секрета. Такие предметы представляют интерес для судебной трасологии в связи с тем, что охватывают сразу несколько областей исследований: изделий массовых производств, исследований механизмов секрета. При производстве экспертиз таких предметов первоначально необходимо установить их способ изготовления, установить их принцип действия и признать их специальным техническим приспособлением или нет. Необходимо отметить, что исследования следов, оставленных специальными техническими приспособлениями, является одним из самых сложных исследований в судебной трасологии, так как их формирование напрямую зависит как от познаний и навыков злоумышленника (периодом отмыкания блока секрета: чем больше воздействие, тем больше следов), так и специфики материала блоков секрета (алюминий, латунь). Методика и порядок образования следов в ходе самоимпрессионного отыскания все еще нуждаются в большей методической разработке для нужд судебно-экспертных учреждений в целях установления истины.

Изображение человека и генерация изображений человека, как предмет и средство преступления также является одним из новых современных возможностей достижения преступных целей. Такими целями могут служить как действия, связанные с обманом, злоупотреблением доверия для получения денежных средств, так и использования таких изображений для создания заведомо недостоверных сведений о

личности (шуточного характера, порочащего его честь и достоинство). Исследования, связанные с уголовно-правовыми характеристиками изображений человека как предмета преступления, а также типологизацией групп изображений человека приведены Алексеевой Т.С. [5, с. 12-16], которая разделяет изображения на 4 типологии: 1) порочащие и позорящие изображения [5, с. 118-140]; 2) изображения человека содержащие сведения не соответствующие действительности или вовсе не содержащие таких сведений [5, с. 118-140]; 3) изображения интимные, эротические и порнографические [5, с. 95-118]; 4) изображения, содержащие сцены применения насилия [5, с. 140-150].

Несмотря на большой уголовно-правовой анализ, произведенный автором и выделенную типологию, с точки зрения криминалистики вызывают вопросы исследования затрагивающие создание с помощью ИИ изображений вымышленных лиц, которые могут быть частично схожи с реальными людьми (то есть, когда при генерации заведомо недостоверных изображений применяется ИИ, который основывался на предоставленных изображений реальных лиц) или же выявления преступников с помощью системы распознавания лиц, которые могли основываться на алгоритмах самой системы. Такие некорректные случаи выявления преступников с помощью системы распознавания уже известны – инцидент с Харви Мерфи, который был обвинен в ограблении магазина из-за ошибки системы распознавания лиц (Macy's). В скором времени обвинения против Харви были сняты [6].

Современные возможности развития нейросетей в области создания изображений лиц, полностью сгенерированных и разработанных с помощью искусственного интеллекта, в том числе образов «ИИ-персонажей», разработанных исключительно для коммерческих целей и получения прибыли от этой деятельности на сегодняшнем этапе развития движется вперед. Благодаря таким возможностям лица имеющие познания в области создания «ИИ-персонажей», с помощью применения определенных инструментов нейросетей могут создавать вымышленных персонажей для привлечения интереса пользователей и заработка, который осуществляется с помощью продвижения их ресурсов: закрытые приват-сообщества/каналы, доступ в который можно получить, выполнив оплату. С точки зрения криминалистики и судебной экспертизы в качестве объектов исследования могут служить такие аккаунты «персонажей», созданных полностью с помощью ИИ, на которых отсутствует метка о их создании с помощью технологий ИИ («Ai generated or enhanced»), а также и содержание контента, который реализуется в социальных сетях, в том числе и их реклама. Различие контента, созданного с помощью ИИ и анализа самого профиля может быть потенциальным объектом судебной экспертизы. В таком случае сложность исследования может возникнуть с идентификацией реальных, существующих людей от вымышленных персонажей, созданных с помощью нейросетевых технологий. То есть в рамках комплексных судебных экспертиз сведущим лицам необходимо будет установить по комплексу признаков внешности, а также и другим элементам создано ли изображение с помощью нейросетей, в том числе создано ли оно на основе заведомо достоверных изображений личности человека: создание одного изображения на основе нескольких изображений человека или на основе лишь одного изображения, когда пользователь с помощью промта – подробного описания порядка действий для работы нейросети может создать изображение полностью основанное на предоставленных пользователем в запросе изображениях реального лица.

В настоящий момент такие возможности создания дипфейков используются для совершения террористических актов и преступлений против конституционного строя и безопасности РФ, а также ряда иных преступлений, совершаемых украинскими спецслужбами в период специальной военной операции. В частности, в ноябре 2025 г.

УФСБ России по ДНР был задержан курьер, который доставлял высокотоксичное вещество под видом импортного пива офицеру Минобороны РФ. Как сообщает ФСБ России, украинские спецслужбы под видом вымышленных персонажей, сгенерированных с помощью ИИ взаимодействуют с лицами правоохранительных органов или военнослужащих Минобороны РФ для выведывания у них секретной информации или организации мероприятий по их ликвидации [7].

Эффективность совершения преступлений с применением генерации изображений как правило зависит от реалистичности персонажей и возможностей внедряться в доверие с помощью разного рода средств и методов. После чего, как сообщают правоохранительные органы злоумышленники передают токсичные и взрывчатые вещества для уничтожения конкретных лиц под видом подарков.

Исходя из всего изложенного необходимо заключить, что активная интеграция искусственного интеллекта и современных аддитивных технологий значительно расширяет возможности судебной экспертизы, существенно ускоряя анализ данных и визуализацию объектов. Однако современный уровень развития высоких технологий способствует и появлению новых способов совершения преступлений, включая использование дипфейков, создание частей и деталей огнестрельного оружия, создание предметов несанкционированного проникновения под видом бытовых предметов с помощью аддитивных технологий изготовления объектов. Несмотря на то, что нейросети служат эффективным вспомогательным инструментом, они не способны заменить профессиональные знания, практический опыт и уникальный правовой статус судебного эксперта в процессе установления истины.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. : <https://www.gazeta.ru/social/2025/11/20/22055162.shtml> (дата обращения: Теория и практика судебной экспертизы: проблемы и тенденции развития : монография / Н.П. Майлис, В.Ю. Федорович, О.А. Харламова [и др.]. – Москва : ИНФРА-М, 2026. – 197 с.
2. Описание элементов в рисунках подошв обуви при производстве трасологических экспертиз / Д. А. Корытов, Л. А. Яковлева, В. В. Рыбников. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. – 64 с.
3. Полякова А.В. Формирование и развитие 3D-технологий в судебно-экспертной деятельности: методологические и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Полякова Анастасия Васильевна. – Уфа, 2023. – 244 с.
4. Хрусталева В.Н. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий : учебное пособие / В. Н. Хрусталева, Н. А. Соклакова. – Москва : Юстиция, 2022. – 732 с.
5. Алексеева Т.С. Изображение человека как предмет преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 / Алексеева Татьяна Сергеевна. – Москва, 2026. – 241 с.
6. Chasan A. Facial recognition mistaken identity: Man sues after being sexually assaulted in jail following wrongful arrest / A. Chasan. – Текст : электронный // CBS News : [сайт]. – 2024. – 22 January. – URL: <https://www.cbsnews.com/news/facial-recognition-mistaken-identity-sunglass-hut-robber-harvey-eugene-murphy-suing-after-sexually-assaulted-jail/> (дата обращения: 02.05.2026).
7. Синев М. Подарок с британским ядом. Как в ДНР спасли офицера Минобороны от отравления пивом // Газета.Ру. 2025. 20 ноября. URL: [02.05.2026](https://www.gazeta.ru/social/2025/11/20/22055162.shtml)).
Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДА МЫСЛЕННОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭКСПЕРТИЗ И ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация: В статье рассмотрен метод мысленного моделирования как один из методов, используемых в экспертной деятельности. Приведена классификация методов моделирования; рассмотрен вопрос использования мысленного моделирования как теоретического метода при производстве судебных экспертиз и экспертных исследований.

Ключевые слова: судебная экспертиза, экспертные исследования, методы исследования, моделирование, виды моделирования, мысленное моделирование.

L. A. Yakovleva

USE OF THE METHOD OF THOUGHT MODELLING IN EXPERT ACTIVITIES DURING EXPERTISE AND RESEARCH

Annotation: The article discusses the method of mental modeling as one of the methods used in expert activities. The classification of modeling methods is given; the article discusses the use of mental modeling as a theoretical method in forensic examinations and expert studies.

Key words: forensic examination, expert research, research methods, modeling, types of modeling, and mental modeling.

Возрастающие возможности современных технико-криминалистических методов и средств при решении экспертных задач, развитие современной приборной базы экспертно-криминалистических подразделений органов внутренних дел и возникновение новых родов и видов экспертиз существенным образом повышают качество раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Полнота и своевременность полученной криминалистически значимой информации непосредственно влияют на эффективность ее использования в уголовном процессе.

Каждое экспертное исследование осуществляется с применением и использованием каких-либо определенных методов. Следует отметить, что успех проводимых экспертных исследований во многом предопределяется избранными путями достижения определенной цели, т.е. используемыми методами [1, С. 261].

В теории судебной экспертизы все методы познания подразделяются на теоретические и эмпирические.

Под методом в широком смысле понимается «способ достижения определенных результатов в познании и практике» [2, С. 8].

В рамках сегодняшней темы мы более подробно остановимся на таком методе как мысленное моделирование.

Моделирование как метод познания широко используется в различных науках. Он нашел свое применение в таких технических науках как робототехника, математика, физика, информатика и др., а также в гуманитарных, например, в политологии, философии, культурологии, социологии, психологии и пр.

С помощью метода моделирования становится возможным создание сложных теоретических концепций, а также обоснование и выдвижение различных гипотез. Данный метод успешно применяется не только в науке, он также весьма эффективен в процессе познания в ходе практической деятельности в различных сферах, в том числе при проведении экспертиз и исследований. По этой причине моделирование относится к общенаучным методам познания.

Данный метод заключается в том, что объект, непосредственное исследование которого по различным причинам является невозможным либо нецелесообразным, изучается посредством созданной модели. Под моделью понимается специально

созданная материальная или идеальная система отображения моделируемого объекта, воспроизводящая необходимые для исследования свойства и признаки объекта-оригинала [3, С. 111].

Вопросы сегодняшней темы были рассмотрены в трудах таких отечественных ученых как Р.С. Белкин, А.И. Винберг, В.Я. Колдин, Е.Р. Россинская, М.Б. Вандер, Н.А. Корниенко, Г.А. Густов, Г.Г. Зуйков, И.М. Лузгин, Т.Ф. Моисеева и других.

Так, например, Е.Р. Россинской рассмотрены виды моделирования и предложено различать их по способу реализации метода:

- физическое моделирование – когда создаются материальные модели, представляющие собой макеты, муляжи, слепки, оттиски или иные предметы-аналоги, при котором объекты исследования воспроизводятся с сохранением их физической природы, либо используются аналогичные физические явления;

- математическое моделирование – создание условий протекания определенных процессов или явлений при помощи построения математических моделей и дальнейшего исследования путем проведения расчетов;

- мысленное моделирование – идеальный образ какого-либо объекта, явления или процесса, который воспроизводит существенные свойства и признаки объекта-оригинала;

- смешанное моделирование – сочетание элементов двух и более видов моделирования [4, С.14].

Наиболее подробное, на наш взгляд, определение моделирования дано И.Д. Кучеровым, в котором он указывает, что «Моделирование — это система сенсорных, психологических и производственных операций с целью воспроизведения свойств объекта-оригинала в знаковой или вещественной системе, тождественной в определенном информативном содержании оригиналу» [5, С. 120].

Представляется, что такая дефиниция наиболее полно отражает сущность данного метода как процесса, предполагая его в виде определенной системы операций, реализуемой субъектом применения моделирования. Однако в данном определении, по нашему мнению, присутствуют некоторые неточности: в определении раскрыт только этап построения модели. Также следует отметить, что модель не может быть тождественна объекту-оригиналу. Такое утверждение не соответствует концептуальным основам экспертной идентификации, согласно которым, каждый объект тождественен только самому себе. Модель может иметь только сходство с объектом, потому что она является отображением его свойств.

Подвергнув анализу предлагаемые авторами определения, можно выделить основные признаки данного метода:

- моделирование представляет собой способ получения нового знания об объекте исследования;

- моделирование заключается в производстве субъектом определенных операций (сенсорных, производственных);

- операции субъекта моделирования направлены на создание, изучение и проверку модели, которая выполняет функцию отражения свойств и признаков, а также замещения объекта-оригинала.

На основе установленных признаков можно сформулировать определение данного метода следующим образом: моделирование — это способ получения нового знания об объекте исследования, заключается в выполнении субъектом определенных операций, направленных на создание, изучение и проверку модели, заменяющей объект-оригинал в процессе познания.

По нашему мнению, под мысленной моделью, относительно экспертной деятельности, необходимо понимать идеальное образное представление, имеющее сходство с действительностью.

Мысленное моделирование можно назвать теоретическим методом, способствующим установлению фактических данных. При помощи данного вида моделирования эксперт может решить стратегические задачи предстоящего исследования, выполнить необходимые

операции, совокупность которых позволит составить правильный план действий и установить криминалистически значимые обстоятельства.

Таким образом, моделирование является общенаучным методом познания. Мысленное моделирование, как и иные методы экспертного исследования, направлено на решение широкого спектра экспертных задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Яковлева Л.А. Миликова А.В. К вопросу о соотношении методологии судебной экспертологии, методологии экспертного исследования и экспертной методики // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сб. науч. Тр. 2024. № 2 (30). С. 255-263.
2. Моисеева Т.Ф. Естественно-научные методы судебно-экспертных исследований : курс лекций. М.: РГУП, 2015. 196 с.
3. Теория судебной экспертизы : учебник / Е. Р. Россинская, Е. И. Галяшина, А. М. Зинин; под ред. Е. Р. Россинской. М. : Норма, 2009. 384 с.
4. Естественно-научные методы судебно-экспертных судебно-экспертных исследований : учебник / под ред. Е.Р. Россинской. М. : Норма : ИНФРА-М, 2015. 304 с.
5. Кучеров И.Д. Системный метод и моделирование в криминалистике // Актуальные теоретические и общеметодические проблемы судебной экспертизы. Сб. науч. Тр. М. : ВНИИСЭ, 1975. № 16. С. 119-122.

УДК 343.983.25

М.Е. Молодых, Г.Е. Хорхордин, Ю.Ю. Иванова

ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ МАРКИРОВОЧНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ АВТОМОБИЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ООО «УАЗ»

В настоящей статье рассмотрены современные возможности идентификации автомобилей марки «УАЗ». Приведены сведения о специфике маркирования, местах и способах нанесения маркировочных обозначений на кузов и элементы комплектации выпускаемых автомобилей.

Ключевые слова: автомобили УАЗ, VIN, маркировочная табличка, производственная база данных, электронный блок управления, элементы комплектации.

M.E. Molodykh, G.E. Horhordin, Y.Y. Ivanova,

IDENTIFICATION MARKINGS OF UAZ VEHICLES

The article discusses the modern possibilities of identifying of cars brand UAZ. Information is provided on the specifics of marking, places and methods of applying markings to the body and equipment element.

Keywords: cars UAZ, VIN, marking plate, production database, electronic control unit, configuration elements.

ООО «Ульяновский автомобильный завод» (ООО «УАЗ») специализируется на производстве полноприводных легковых и малотоннажных грузопассажирских автомобилей повышенной проходимости под торговой маркой «УАЗ».

На предприятии по полному циклу сборки организован выпуск внедорожников Патриот, Пикап, Хантер и коммерческого транспорта семейств СГР¹ и Профи в различных комплектациях и версиях (рис. 1)².

¹ СГР – «старый грузовой ряд» – официальное название семейства УАЗ, которым обозначают автомобили, выпускаемых в модификациях микроавтобус, фургон, грузовик и др.

² При подготовке материала использованы изображения автомобилей и справочная информация с официального сайта ООО «УАЗ» – www.uaz.ru.

Рис. 1. Автомобили УАЗ:

а – Патриот; б – Пикап; в – Хантер; г – семейство СГР; д – семейство Профи

Автомобили УАЗ могут быть идентифицированы с использованием идентификационного номера транспортного средства¹, индивидуальных номеров двигателя, коробки перемены передач², раздаточной коробки³, рулевого механизма, ведущих мостов, блока переключателей, электронном блоке управления двигателем⁴, комбинации приборов и устройства вызова экстренных оперативных служб российской государственной автоматизированной информационной системы «ЭРА-ГЛОНАСС»⁵.

Указанные номера элементов комплектации фиксируются в производственной базе данных с «привязкой» к VIN (рис. 2).

Контрольная карта сборки						
VIN:ХТТ396223Т1203872						
Номера агрегатов	VIN	ICCID Glonass	Блок управления Глонасс	Двигатель	Мост задний	Мост передний
ХТТ396223Т1203872	8970177000170656196	1332509ХАВ0000000000	ХТТ04090553016082	220600240001050-102-09849-225-5	220600230001120-76-09868-227-5	

а

Контрольная карта сборки								
VIN:ХТТ31630051017979								
Номера агрегатов	VIN	ICCID Glonass	РПН штрихкод	Блок переключателей	Блок управления Глонасс	Блок управления двигателем	Двигатель	Комбинация приборов
ХТТ31630051017979	897017700017008754	М1С100VСВJ44.ИД	236324378950000	0712505СWВ000000000	FC502451002865	ХТТ0408051S3009372	2	316300380104045.57633 Верное решение. 27.02.2025 27.02.2029
Мост задний	Мост передний							
316380240001010-95177-076-5	236300230001101-93615-56-5							

б

Рис. 2. Примеры связи VIN с элементами комплектации автомобиля:

а – семейства СГР; б – Патриот

- ¹ Далее – «VIN».
- ² Далее – «КПП».
- ³ Далее – «РК».
- ⁴ Далее – «ЭБУ».
- ⁵ Далее – «УВЭОС».

Особенности структуры и содержания VIN автомобилей УАЗ приведены в таблице 1:

Таблица 1. Структура и содержание VIN автомобилей УАЗ

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15		16	17
X	T	T	3	1	6	3	0	0	S	1	1	2	3	4		5	6

Поз. 1-3 – международный идентификационный код изготовителя (WMI):

ХТТ – Общество с ограниченной ответственностью «Ульяновский автомобильный завод», Российская Федерация;

ХУ6 – Общество с ограниченной ответственностью «АВТОДОМ», Российская Федерация.

Поз. 4-9 – описательная часть (VDS) – указывается модель и модификация ТС:

3163 – Патриот; 236320 – Пикап; 2924 – Хантер; 374195, 390995, 396295, 220695, 330365, 390945 – семейство СГР; 236031 – семейство Профи.

Поз. 10 – модельный год в виде буквы латинского алфавита согласно таблице 1 приложения № 7 к техническому регламенту Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств»¹ (S – 2025 год).

Поз. 11 – Код сборочного завода:

1 – Общество с ограниченной ответственностью «Ульяновский автомобильный завод», Российская Федерация;

4 – Общество с ограниченной ответственностью «АВТОДОМ», Российская Федерация.

Поз. 12-17 – производственный номер транспортного средства.

В настоящее время VIN располагается:

– у моделей Патриот, Пикап и Профи (3163, 236320, 236031, 236021, 236022, 236323, 236324 и их модификаций) – на нижней панели рамы ветрового окна в желобе водостока с правой стороны под капотом, на маркировочной табличке² на центральной стойке боковины кабины в проеме передней правой двери (236323, 236324), на задней стойке боковины кабины в проеме правой двери (236031, 236021, 236022), и в ЭБУ;

– у моделей СГР (374195, 390995, 396295, 220695, 330365, 390945 и их модификаций) – на нижней плоскости желоба крыши с правой стороны, на МТ в кабине над ветровым стеклом справа под противосолнечным козырьком;

– у модели Хантер (2924 и ее модификациях) – на горизонтальном фланце верхней панели передка с правой стороны под капотом, на МТ на центральной стойке боковины кабины автомобиля в проеме задней правой двери.

Также VIN указывается в электронном паспорте транспортного средства (рис. 3).

Идентификационный номер	XTT316300S1009212
Марка	УАЗ
Коммерческое наименование	UAZ Patriot

Рис. 3. Фрагмент электронного паспорта транспортного средства с VIN автомобиля УАЗ Патриот

Идентификационный номер наносится клеймением с использованием маркиратора до грунтования и окрашивания кузова автомобиля по ГОСТ 51980-2002, ИТ 228-2006 шрифтом 10 по И 189-2000. Примеры маркировочных обозначений на маркируемых панелях кузова приведены на рис. 4.

¹ Решение Комиссии Таможенного союза от 09 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии в сети Интернет, 2013. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 22.03.2025).

² Далее – «МТ».

а

б

в

г

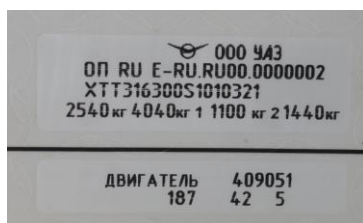

д

Рис. 4. VIN автомобилей:

а – Патриот; б – Пикап; в – Профи; г – Хантер; д – СГР

Идентификационный номер и основные сведения об автомобиле наносятся на МТ размером 100×63 мм (рис. 5). МТ изготавливается из полимерного материала на термопринтере и устанавливается ручным способом на элемент кузова. На МТ имеются защитные элементы в виде орнамента – повторяющихся фрагментов окружности, видимые в косопадающем свете. При попытке демонтажа МТ ломается.

а

б

в

Рис. 5. МТ автомобилей УАЗ:
а – Патриот; б – Хантер; в – СГР

Идентификационный номер в ЭБУ содержится только у автомобилей УАЗ Патриот, Пикап, Профи и их модификаций. В ЭБУ других автомобилей VIN не записывается¹ (рис. 6).

Паспорт ЭБУ	
Номер детали по каталогу автопроизводителя	316300376301570
Версия программы ЭБУ автопроизводителя	ND5P18B
Поставщик	
Дата производства ЭБУ	0134.D9.4E
Серийный номер ЭБУ	
Идентификационный номер автомобиля	XTT316300S1010148
Код ЭБУ поставщика	MA
Номер версии ЭБУ поставщика	MA
Код программы ЭБУ поставщика	20240167
Версия программы ЭБУ поставщика	50A8N5P18B
Система или тип двигателя	ZMZ-409051
Код мастерской или номер тестера	
Дата программирования или производства ЭБУ	0000.00.00
Дата программирования или производства ЭБУ	0000.00.00
Оператор программирования	

а

Паспорт ЭБУ	
Идентификационный номер автомобиля	
Серийный номер кузова автомобиля	---
Серийный номер двигателя автомобиля	---
Дата изготовления автомобиля	---
Номер по каталогу автопроизводителя	
Код ЭБУ поставщика	
Код программы ЭБУ поставщика	SW 004 r.099
Система или тип двигателя	

б

Рис. 6. Отображение информации из ЭБУ:
а – Патриот; б – Хантер и СГР

Автомобили УАЗ комплектуются двигателями моделей ЗМЗ-409, ЗМЗ-5143 и их модификаций производства ПАО «ЗМЗ». У этих двигателей индивидуальный номер нанесен на площадку, расположенную с левой стороны блока цилиндров над бобышками крепления передней опоры (рис. 7).

¹ Информация актуальна по состоянию на 01.12.2025.

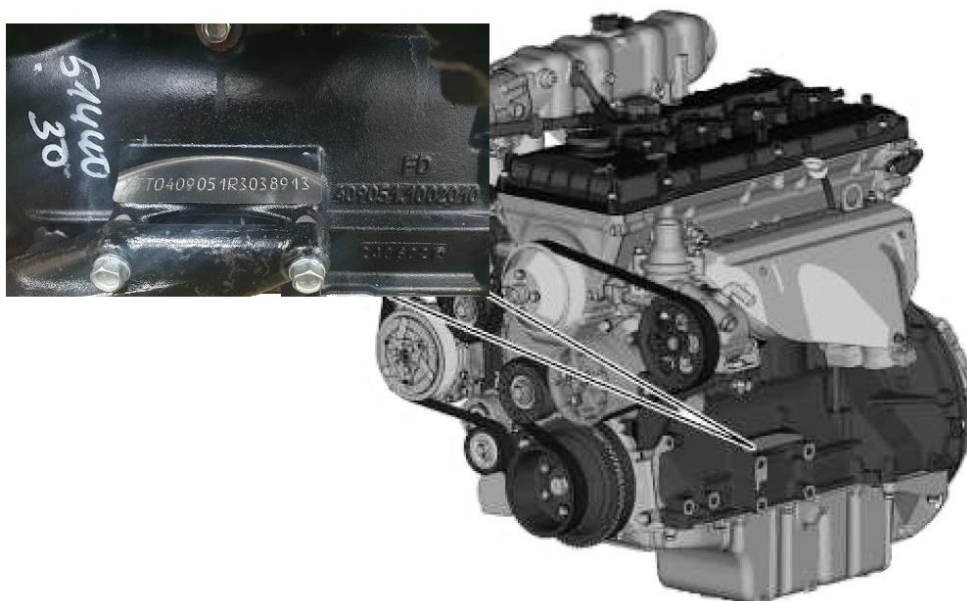

Рис. 7. Местоположение номера двигателя автомобилей УАЗ

Примеры маркировки двигателей, устанавливаемых на автомобили УАЗ, приведены на рис. 8.

а

б

Рис. 8 а, б. Индивидуальная маркировка двигателя

Маркировка двигателя дублируется на табличке заводских данных размером 101×25 мм, установленной с помощью клеевой основы на клапанной крышке (рис. 9). Табличка содержит штрих-код номера двигателя, номенклатурный номер типа двигателя и его штрих код (рис. 10).

Рис. 9. Местоположение таблички заводских данных двигателя

а

б

Рис. 10 а, б. МТ с номером двигателя

КПП производства Baic International Corporation (КНР) устанавливается на все автомобили производства ООО «УАЗ»¹ (рис. 11). Год и месяц выпуска и 5 знаков индивидуального номера выгравированы в 1 ряд на левой боковой вертикальной поверхности корпуса КПП (рис. 12). В контрольную карту сборки автомобиля² вносятся только 5 знаков индивидуального номера. Принципы и способы маркирования КПП для всех автомобилей УАЗ одинаковы. На полнокомплектном автомобиле доступ к маркировочной площадке КПП затруднен кузовом и карданным валом переднего моста.

¹ Информация актуальна по состоянию на 01.12.2025. Согласно ОТТС, на автомобили УАЗ возможна установка КПП производства Jinan Shanchuan Machinery Manufacturing Co., Ltd (КНР).

² Далее – «ККС».

Рис. 11. КПП на шасси автомобиля УАЗ

а

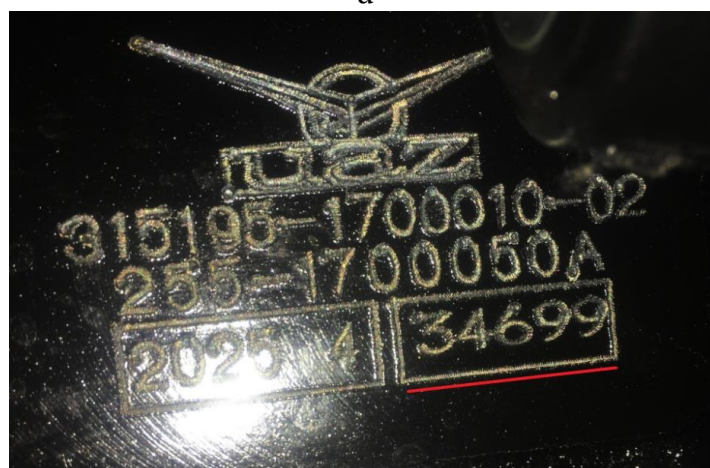

Рис. 12 а, б. Индивидуальный номер КПП автомобилей УАЗ

РК собственного производства устанавливается на все автомобили УАЗ¹ (рис. 13). Маркировка состоит из 10 знаков индивидуального номера, нанесенного на заднюю вертикальную поверхность корпуса РК в 3 ряда (рис. 14 а, б), которые заносятся в ККС. Принципы и способы маркирования РК производства ООО «УАЗ» для всех автомобилей одинаковы.

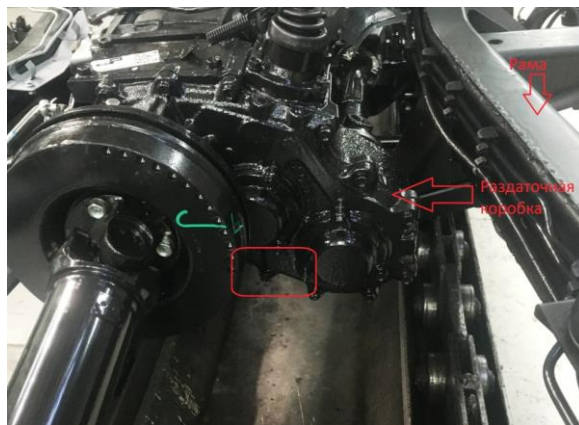
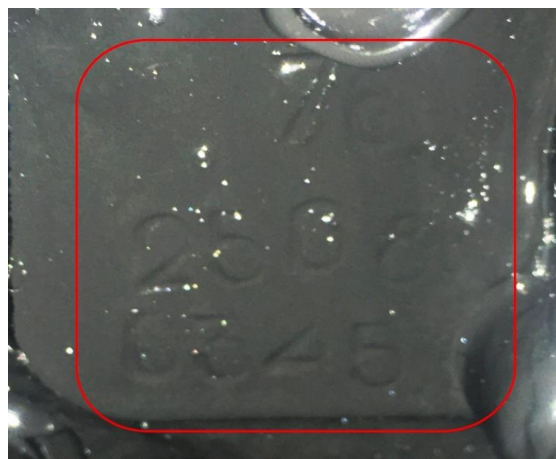
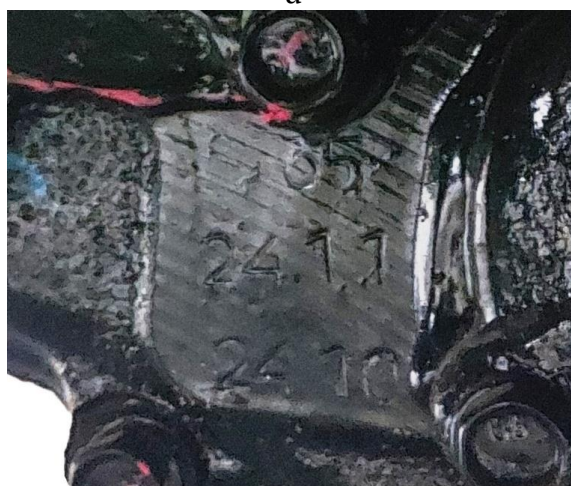

Рис. 13. РК на шасси автомобиля УАЗ

а

б

Рис. 14 а, б. Индивидуальный номер РК автомобилей УАЗ

¹ Информация актуальна по состоянию на 01.12.2025.

Рулевой механизм производства Astra Nova China Limited (КНР) устанавливается на все автомобили производства ООО «УАЗ»¹. Маркировка заключается в установке на корпус рулевого редуктора МТ с индивидуальным номером, 5 последних знаков которого заносятся в ККС автомобиля (рис. 15).

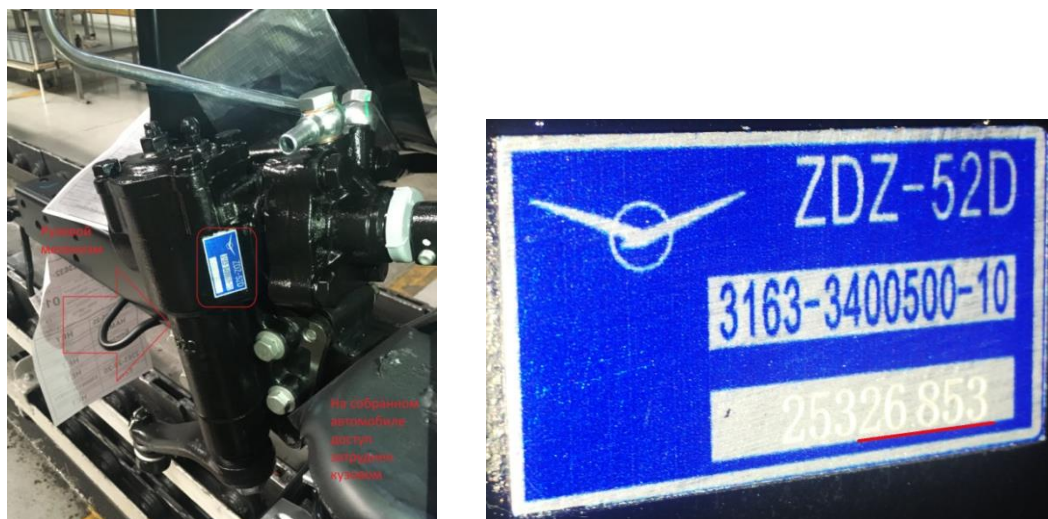

Рис. 15. Рулевой механизм с маркировочной табличкой

Идентификация автомобиля с использованием индивидуальных номеров КПП, РК и рулевого механизма возможна только в течение 3 лет – срока хранения ККС в архиве ООО «УАЗ».

Маркировка мостов заключается в установке (приклеивании) бумажной МТ на округлую поверхность корпуса дифференциала редуктора. С МТ в ККС вносятся 5 знаков индивидуального номера, показанных на рис. 16 и 17.

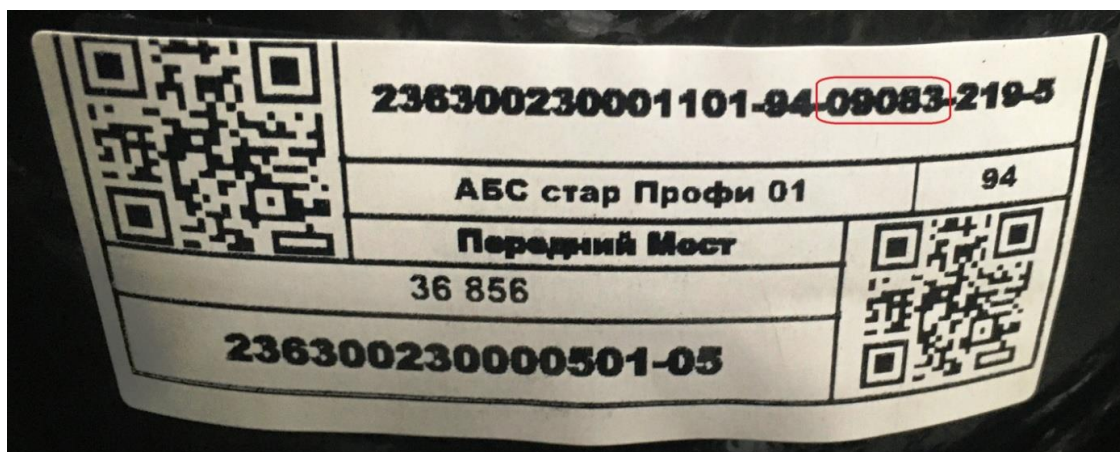

Рис. 16. МТ на корпусе редуктора переднего моста автомобиля УАЗ

¹ Информация актуальна по состоянию на 01.12.2025. Согласно ОТТС, на автомобили УАЗ возможна установка КПП производства Jinan Shanchuan Machinery Manufacturing Co., Ltd (КНР).

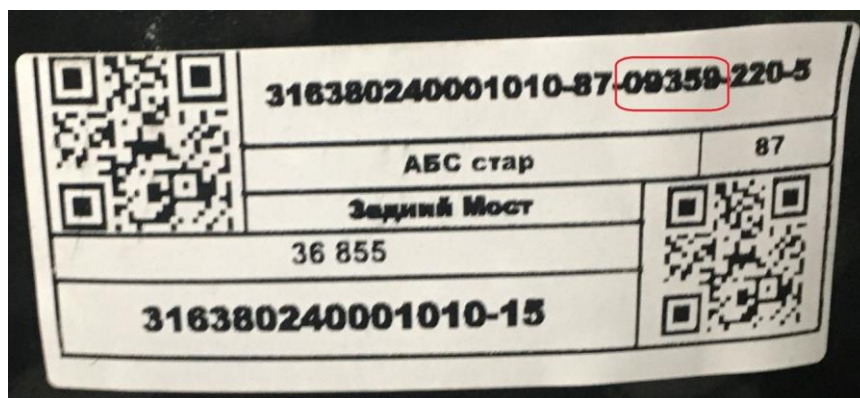

Рис. 17. МТ на корпусе редуктора заднего моста автомобиля УАЗ

В соответствии с техническим регламентом Таможенного союза 018/2011 «О безопасности колесных транспортных средств» с 1 января 2017 г. все пассажирские и грузовые транспортные средства, впервые выпускаемые в обращение на территории Евразийского экономического союза, должны оснащаться УВЭОС.

Таким устройствам присваивается идентификационный номер – ICCID, который на сборочном производстве вносится в электронную базу данных выпущенных автомобилей, «связывается» с VIN и указывается в электронном паспорте транспортного средства (рис. 18).

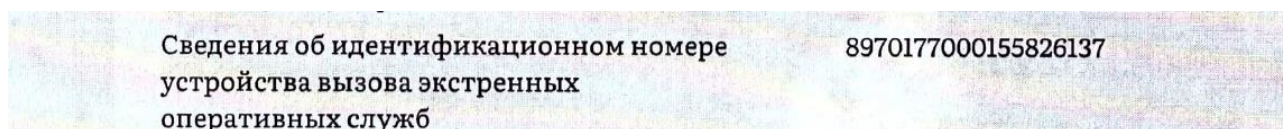

Рис. 18. Фрагмент электронного паспорта транспортного средства со сведениями об ICCID

ICCID одновременно записывается в память блока УВЭОС и содержится на МТ (рис. 19).

Рис. 19. Информационная табличка с ICCID на блоке УВЭОС

Помимо ICCID, в производственную базу данных вносится индивидуальный номер электронного блока системы «ЭРА-ГЛОНАСС». Непосредственно на корпусе блока номер отсутствует, но он зашифрован в QR-коде на МТ и вносится в производственную базу данных при активации навигационной системы.

В производственном цикле автомобиль и двигатель содержат сопроводительные

карты, в которых указана информация по VIN, номерам двигателя и их «привязки». Срок хранения сопроводительных карт в архиве автозавода – 3 года.

Информационная система 1С УАЗ содержит информацию на серверах автозавода с 2018 года по VIN, номерам двигателя, ICCID и их «привязки». Система накопительная с неограниченным сроком хранения информации.

Используя номера приведенных элементов комплектации автомобилей при обращении к информационным системам ООО «УАЗ» в процессе исследования маркировочных обозначений возможно установить идентификационный номер транспортного средства – VIN.

СПИСОК АВТОРОВ

1. **АРАСЛАНОВА Маргарита Анатольевна**, преподаватель кафедры криминалистики Сибирского юридического института МВД России
2. **БОЙКО Иван Николаевич**, заместитель председателя Краснодарского краевого суда
3. **БОЛЬШАКОВ Максим Владимирович**, преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
4. **БРОВКО Анна Алексеевна**, преподаватель кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России
5. **ВАВИЛОВ Александр Михайлович**, старший преподаватель кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России
6. **ВАЛЬКИРИЯ Наталья Ивановна**, главный научный сотрудник Института правовых исследований Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, доцент
7. **ВАСИЛЬЧЕНКО Андрей Владимирович**, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат медицинских наук, доцент
8. **ВАСИЛЬЕВ Василий Алексеевич**, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат химических наук, доцент
9. **ВЛАДИМИРОВ Владимир Юрьевич**, главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
12. **ВЕТРОВА Полина Александровна**, полицейский комендантской группы Батальона полиции (отдельный) (по обслуживанию Железнодорожного и Северного районов) УВО по г. Орлу – ФФГКУ «УВО ВНГ России по Орловской области», слушатель ФПППиПК Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
13. **ГЕРИХ Анна Васильевна**, заместитель начальника отдела организации применения административного законодательства управления организации охраны общественного порядка и взаимодействия с органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления ГУ МВД России по Иркутской области
14. **ГОРМАШ Павел Евгеньевич**, стажер по должности младшего научного сотрудника лаборатории исследований компьютерной техники, радиоэлектронных устройств, фото- и видеоматериалов научного отдела технических, криминалистических и специальных исследований научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь
15. **ГОРЧАКОВ А.О.**, главный эксперт отдела фото- видеотехнических и портретных экспертиз и исследований управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России
16. **ГРИБУНОВ Олег Павлович**, ректор Байкальского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
17. **ДИДЕНКО Ольга Александровна**, заместитель начальника кафедры исследования документов учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент

18. **ДОВБНЯ Андрей Владимирович**, главный эксперт отдела взрыво- и пожарно-технических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России

19. **ДРОНОВА Ольга Борисовна**, профессор кафедры криминалистической техники Волгоградской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

20. **ЕВСТРОПОВ Дмитрий Анатольевич**, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат технических наук, доцент

21. **ЗАГОРЬЯН Сергей Георгиевич**, доцент кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент, Заслуженный юрист Республики Бурятия

22. **ЗАДОРОВ Александр Геннадьевич**, доцент кафедры исследования документов учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

23. **ЗАЛЕСКИНА Анна Николаевна**, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

24. **ЗЕМЛЯКОВ Александр Владимирович**, старший преподаватель кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

25. **ИВАНОВА Ю.Ю.** научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности ЭКЦ МВД России

26. **КАЗЬМИН Вадим Викторович**, начальник Экспертно-криминалистического центра МВД России, член Правительственной комиссии по координации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации

27. **КАМЕЛЯГИН Артем Олегович**, эксперт отдела автотехнических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России

28. **КАРПУШИНА Наталья Сергеевна**, преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

29. **КИТАЕВ Евгений Владимирович**, доцент кафедры трасологии и баллистики учебно-научного комплекса экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

30. **КОБЧЕНКО Роман Александрович**, заместитель начальника отдела автотехнических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России

31. **КОНДАКОВ Александр Владимирович**, заведующий кафедрой судебно-экспертной и оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки криминалистов Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

32. **КОПЫЛОВА Кристина Степановна**, курсант Волгоградской академии МВД России

33. **КОТИЕВ Абдул-Малик Мустофаевич**, курсант Волгоградской академии МВД России

34. **КРИСАНОВА Вероника Юрьевна**, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России

35. **КРЯЖЕВ Владимир Сергеевич**, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент

36. **КУРИН Григорий Иванович**, доцент кафедры основ экспертно-криминалистической деятельности Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент

37. **ЛАВЕЛИНА Валерия Владимировна**, преподаватель кафедры экспертно-криминалистической деятельности учебно-научного комплекса судебной экспертизы Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

38. **ЛАТЫШОВ Игорь Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистических экспертиз и исследований Санкт-Петербургского университета МВД России

39. **ЛУЗГИН Антон Николаевич**, старший преподаватель кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

40. **МАРКОВА Вера Витальевна**, старший инспектор отделения анализа, планирования и контроля штаба Восточно-Сибирского ЛУ МВД России на транспорте, адъюнкт адъюнктуры Восточно-Сибирского института МВД России

41. **МАНЖАРОВ Владимир Викторович**, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России

42. **МИЛЮС Александр Иозосович**, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук

43. **МОЛОДЫХ Максим Евгеньевич**, ведущий научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности ЭКЦ МВД России, кандидат юридических наук

44. **МОНОГАРОВА Ирина Андреевна**, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических и научных кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

45. **НАЗЫРОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА**, заведующий кафедрой организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

46. **НЕСМЕЯНОВ Алексей Александрович**, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат физико-математических наук, доцент

47. **МЕЗЯК Вадим Юрьевич**, старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии МВД Республики Беларусь

48. **ПАЛЬЧИКОВА Ирина Георгиевна**, заведующая лабораторией лазерных прецизионных систем Конструкторско-технологического института научного приборостроения СО РАН, доктор технических наук, доцент

49. **ПИКТА Владислав Игоревич**, старший преподаватель кафедры информационного права факультета криминальной милиции Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

50. **ПОЗНЯК Вадим Сергеевич**, начальник научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

51. **ПРУДНИКОВА Антонина Юрьевна**, начальник кафедры криминалистики Восточно-Сибирский институт МВД России, кандидат биологических наук

52. **РАСТОРОПОВА Анастасия Сергеевна**, начальник научно-исследовательского отдела Восточно-Сибирского института МВД России
53. **РЕШЕТОВ Юрий Сергеевич**, руководитель «Бюро экспертиз Решение» (г. Бийск, Российская Федерация)
54. **РЕШНЯК Ольга Александровна**, доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
55. **САВИН Георгий Юрьевич**, курсант Волгоградской академии МВД России
56. **СЕДОВ Дмитрий Владимирович**, доцент кафедры контрольно-надзорной деятельности Сибирской пожарно-спасательной академии МЧС России, кандидат технических наук, доцент
57. **СЕЗОНОВА Татьяна Владимировна**, старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат педагогических наук
58. **СОКОЛОВА Светлана Вячеславовна**, старший преподаватель Восточно-Сибирского филиала «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
59. **СТАРИЧКОВ Максим Владимирович**, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
60. **САМОЙЛОВ Александр Юрьевич**, доцент кафедры криминалистики Уфимского юридического института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
61. **СИТНИКОВ Максим Игоревич**, полицейский-водитель Батальона полиции (отдельный) (по обслуживанию Заводского и Советского районов) УВО по г. Орлу – ФФГКУ «УВО ВНГ России по Орловской области», слушатель ФПППиПК Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
62. **СМИРНОВ Евгений Сергеевич**, научный сотрудник Конструкторско-технологического института научного приборостроения СО РАН
63. **СОЛОМЕНЦЕВ Борис Иванович**, главный эксперт отдела автотехнических экспертиз управления инженерно-технических экспертиз ЭКЦ МВД России
64. **СПИЦИНА Лидия Андреевна**, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России
65. **СЫЧЕВА Анна Викторовна**, доцент кафедры криминалистики учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент
66. **ТИШКОВ Сергей Александрович**, заместитель начальника кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, кандидат политических наук, доцент
67. **ТРУБКИНА Ольга Викторовна**, профессор кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
68. **УСАЧЕВА Екатерина Анатольевна**, доцент кафедры организации и методики уголовного преследования Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации Иркутского юридического института (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент
69. **УСАЧЕВ Сергей Игоревич**, Доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент
70. **УНЖАКОВА Светлана Владимировна**, доцент кафедры криминалистики Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

71. **ХОРХОДИН Георгий Елгуджаевич**, главный эксперт отдела автотехнических экспертиз ЭКЦ МВД России

72. **ШАЕВИЧ Антон Александрович**, старший преподаватель кафедры информационных технологий Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

73. **ШАЛЯГИН Даниил Александрович**, заместитель начальника полиции УТ МВД России по ЦФО ЛУ МВД России на ст. Москва-Рязанская, Академия управления МВД России (факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров)

74. **ШЕВЧУК Елена Павловна**, старший преподаватель кафедры гражданского права Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

75. **ШЕКОВ Анатолий Александрович**, доцент кафедры химии и процессов горения Сибирской пожарно-спасательной академии ГПС МЧС России; начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат химических наук, доцент

76. **ЩЕРБАКОВ Иван Сергеевич**, заместитель начальник кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат технических наук, доцент

77. **ШОГЕНОВ Алан Асланович**, аналитик отделения изучения положительного опыта служебной деятельности органов внутренних дел отдела выявления, применения и распространения положительного опыта в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел управления организации научной и редакционно-издательской деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

78. **ЯКОВЛЕВА Любовь Александровна**, доцент кафедры судебно-экспертной деятельности Восточно-Сибирского института МВД России, кандидат юридических наук, доцент

Научное электронное издание

МАТЕРИАЛЫ
II ВОСТОЧНО-СИБИРСКОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ФОРУМА
(Часть 2. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КРИМИНАЛИСТИКИ И СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
(4-5 июня 2026 г.)

Минимальные системные требования: процессор с частотой 1,3 ГГц (Intel, AMD);
оперативная память 256 МБ, свободное место на жестком диске 335 Мб;
Windows (XP; Vista; 7 и т. п.)

Программное обеспечение: Acrobat Reader, Foxit Reader
либо любой другой их аналог

В авторской редакции

Компьютерная вёрстка Кивокурцева М.В.

Подписано к использованию 08.07.2026.

Формат PDF; 3 Мб

Восточно-Сибирский институт МВД России,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

© ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2026